

В.И. Аннушкин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РИТОРИКИ

Хрестоматия

Учебное пособие

*4-е издание,
стереотипное*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 800/801
ББК 812
А 68

Аннушкин В.И.

История русской риторики. Хрестоматия : [электронный ресурс] учеб. пособие / В.И. Аннушкин. — 4-е изд., стереотип. — М. : ФЛИНТА, 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-89349-244-6

Хрестоматия по истории русской риторики включает многие впервые публикуемые материалы рукописных риторик XVII—XVIII вв., а также ставшие библиографической редкостью учебники XVIII — первой половины XIX в. Историко-филологический комментарий позволяет познакомиться с биографиями и творчеством основных ученых-риторов, профессоров академий и университетов.

Хрестоматия может быть полезна учителям-словесникам, преподавателям риторики в средней школе, а также специалистам-филологам.

УДК 800/801
ББК 812

ISBN 978-5-89349-244-6

© Издательство «Флинта», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	6
История русской риторики: источники, идеи, авторы.	8

РАЗДЕЛ I

РИТОРИКА ВДРЕВНЕЙ РУСИ

Слова риторики, витийство и их синонимы в памятниках письменности XI—XVII вв.	23
Сказание о семи свободных мудростех. Мудрость...Риторика (до 1620)	39
Первая русская Риторика (1620)	42
<i>Николай Спафарий</i> . Книга избранная вкратце о девяти мусах и о семи свободных художествах (1672)	63

РАЗДЕЛ II

РИТОРИКИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

<i>Софроний Лихуд</i> . О силе риторических (1698)	65
<i>Михаил Усачев</i> . Риторика (1699)	79
<i>Андрей Белобоцкий</i> . Риторические труды	87
Наука проповедей (1690-е годы)	88
Краткая риторика (1700-е годы)	95
<i>Стефан Яворский</i> . Риторическая рука (1705)	99
<i>Козма Афоноверский</i> . Книга всекрасного златословия (1710)	111

Старообрядческая риторика в 5 беседах (1706—1712)	128
Старообрядческие статьи	138
О памяти	139
О произношении гласа и движении тела	140
Старообрядческие речи	144
Сотове медовни словеса добра, сласть же их — исцеление души	145
Слово о Человеце	148
<i>Георгий Данииловский</i> . Краткое изьявление великаго слова тако церковнаго, яко гражданскаго (до 1720)	150

РАЗДЕЛ III

РИТОРИКИ XVIII в.

<i>М.В. Ломоносов</i> . Руководства по риторике (1744—1747)	153
Краткое руководство к риторике (1744)	156
Краткое руководство к красноречию (1747)	157
<i>В.К. Тредиаковский</i> . Слово о витийстве (1745)	166
<i>А.П. Сумароков</i> . О русском духовном красноречии (1770-е годы)	173
<i>Амвросий Серебренников</i> . Краткое руководство к оратории российской (1778)	178
<i>Касторий</i> . Надежный способ достичь совершенства в красноречии (1780)	197
Детская риторика, или благоразумный вития (1787)	200
Речи и сочинения студентов класса риторики (1789—1792)	208
<i>Михаил Нехотенов</i> . Учение философическое должно соединять с учением красноречия	209
<i>Степан Козловский</i> . О необходимости чтения книг	211
<i>Н.Я. Озерецковский</i> . Речь при вступлении в Шляхетный корпус обучать красноречию (1791)	214
<i>М.М. Сперанский</i> . Правила высшего красноречия (1792)	217
<i>А.С. Никольский</i> . Основания российской словесности (1792)	231
<i>И.С. Рижский</i> . Опыт риторики (1796)	240

РАЗДЕЛ IV

РИТОРИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

<i>А.Ф. Мерзляков.</i> Краткая риторика (1809)	246
<i>Л.Г. Яков.</i> Умозрение словесных наук (1813)	262
<i>Н.И. Греч.</i> Учебная книга российской словесности (1819—1822)	270
<i>Я.В. Толмачев.</i> Риторические труды (1815—1825)	286
Правила словесности (1815)	288
Военное красноречие (1825)	289
<i>Н.Ф. Кошанский.</i> Риторические труды	298
Общая риторика (1829)	300
Частная риторика (1832)	307
<i>А.И. Галич.</i> Теория красноречия (1830)	320
<i>А.Г. Глаголев.</i> Умозрительные и опытные основания словесности (1834)	331
<i>И.И. Давыдов.</i> Чтения о словесности (1837)	338
<i>В.Т. Плаксин.</i> Учебный курс словесности (1843—1844)	355
<i>К.П. Зеленецкий.</i> Риторические труды	373
Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике (1846)	375
Общая риторика (1849)	378
Частная риторика (1849)	388

ПРИЛОЖЕНИЕ

Историческая библиография печатных руководств по риторике и словесности (1743—1860)	399
Словарь устаревших слов	409
Список сокращений	415

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Риторика — классическая наука и учебная дисциплина, предполагающая точное знание своей истории. Предмет риторики принципиально не изменился за две тысячи лет. Каждая эпоха требует своего риторического стиля, но, как это ни парадоксально, предмет риторики оставался фундаментально единым, как едины нравственно-культурные основы бытия. Чтобы творчески развить речь современного информационного общества, требуется хорошее знание классических основ риторики — теории и практики совершенной речи. Это знание позволяет напитывать ум значительными мыслями, формировать стиль и воспитывать вкус как способность понимать прекрасное в языке.

2-е издание Хрестоматии предпринято с целью усилить ее учебно-методическое наполнение. Студенты и слушатели курсов риторики, школьники гуманитарных классов должны оценить глубокомыслие и выразительность, остроумие и изящество отечественных классиков риторики и словесности. Автор Хрестоматии пошел по пути некоторого сокращения текстов, но не с целью их упрощения, а с целью облегчения знакомства с риторикой тем, кому новы многие понятия возрождаемой науки. Поэтому в конце каждого раздела введены вопросы и задания, имеющие творческий характер.

Работа с Хрестоматией требует от читателей (преподавателей и учащихся) вдохновенного вдумывания, вчитывания в предлагаемые тексты. При этом каждому читателю откроется и красота древнерусского языка с такими словами, как *добрословие*, *благоречие*, *истинноязычие*, *сладкобеседование*, и творческая изобрета-

тельность авторов петровских риторик, создававших новые тексты в период активных общественных преобразований. Совершенно новый взгляд должен обрести читатель на литературу XVIII века, которая предстанет ему и понятной, и остроумной, и — не побоимся сказать — практически полезной для понимания сегодняшней речевой реальности. Это не значит, что с «Детской риторикой» 1786 года мы войдем к сегодняшним ученикам, но находчивость и остроумие классических советов и примеров запоминается подчас лучше многих «новаторских» разработок. Исторический аспект в преподавании курса риторики может быть серьезным обогащающим компонентом занятий.

Наконец, невозможно не сказать о необходимости освоить идеи, на которых воспитаны многие великие русские писатели и ученые XIX века — они получали словесное образование из университетских курсов А.Ф. Мерзлякова, Я.В. Толмачева, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, К.П. Зеленецкого. К сожалению, наше филологическое образование (в том числе, университетское) слабо знакомит с биографиями и трудами великих филологов и учителей-словесников прошлого. Возможно, через частичные публикации их учебников пробудится и интерес к их творчеству.

При том, что Хрестоматия приобретает более учебный характер, нельзя не сказать о необходимости продолжать научные исследования и публикации памятников истории русской риторики. Публикация текста первой русской «Риторики» 1620 г. (*В.И. Аннушкин*. Первая русская «Риторика» XVII века. — М.: Добросвет, 1999) должна быть продолжена публикациями риторик петровского времени, как и научными изданиями классиков риторики первой половины XIX века.

Очевидно, что сказанным и сделанным не ограничивается работа по изучению русской риторики, но если мы хотим создать эффективную современную отечественную риторику, необходимо узнать и полюбить своих предшественников.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РИТОРИКИ: ИСТОЧНИКИ, ИДЕИ, АВТОРЫ

В истории русской филологии риторика — наименее изученная область. Современному читателю, учащемуся, исследователю предстоит объективно выяснить, какой была риторика в ее определениях и разделах, а вместе с ней — красноречие, ораторика, словесность и множество других понятий, содержание которых менялось, но осталось зафиксированным в классических национальных руководствах. Это знание будет особенно ценно, если почерпнуть его непосредственно из текстов учебников, большинство которых либо никогда не публиковалось (таковы рукописные риторики XVII—XVIII вв.), либо стало библиографической редкостью (таковы, за исключением руководств М.В. Ломоносова, все учебники XVIII—XX вв.).

В последнее десятилетие на волне поднимающегося интереса к риторике вышел ряд исследований, описывающих старинные риторики (см. работы: *Вомперский В.П.* Риторика в России XVIII—XIX вв. — М., 1988; *Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. — М., 1990; *Граудина Л.К., Мискевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. — М., 1989 и др.). Однако читатель по-прежнему мало обращен к самим текстам, довольствуясь цитатами, которые неминуемо лишь отрывочно отражают содержание памятника.

Предлагаемая хрестоматия — первая попытка собрать полный состав наиболее влиятельных сочинений в истории русской риторики XVII—первой половины XIX в. Эта попытка также далека от совершенства, поскольку даже в книгу значительного объема невозможно вместить полностью ни один из существовавших ру-

кописных памятников или авторитетных учебников XIX в. Однако возможно отобрать фрагменты из пользовавшихся популярностью учебников, статьи, образцы учебных речей, чтобы непосредственно познакомить читателя с предметом риторики, претерпевшим значительные изменения в разные периоды развития риторической мысли.

Работа исследователя начинается с поиска источника. Здесь филологу нет нужды что-либо «выдумывать» — материал говорит сам за себя и необходимо лишь корректно им распорядиться. Так, состав источников уже при его библиографическом описании позволяет сделать ряд любопытных выводов.

Прежде всего выясняется, что история риторики тесно связана с историей русской идеологии и общества в целом. Анализ времени создания основных риторических трудов показывает, что они не случайно создаются во времена общественных ломок и преобразований, предворяя, сопутствуя и следуя им.

До XVII в. учебники риторики отсутствуют на Руси, что, однако, не означает неизвестности риторических понятий. Использование слов *ветийство* (через «ять»), *риторика* (*риторика* — только в XVII в.) и множества «благословных» синонимов (в разнообразных вариантах типа *благоязычие*, *доброречие*, *красноглаголанье*, *хитрословие*, *златоустие* др.) более всего говорило о существовании практических правил речи и речевой этики, ясно показывающих образ человека Древней Руси. Это — донаучный и доучебниковый период развития риторики, когда в отсутствие какой-либо терминологии имеется изобилие «ветийства» и «сладкоречия», существует практическая риторика («благоречие»), основанная более всего на образцовых культурных текстах (Священное Писание, богослужебные тексты, сочинения проповедников — отцов церкви, сочинения с указанием правил речевого поведения — см. «Пчелу», «Домострой» и др.).

Первый русский учебник риторики датирован 1620 г. (данные об истории текста — во вступительной статье перед публикацией). В русской истории — это окончание Смутного времени, начало царствования династии Романовых, установление новой государственности и стиля правления. Такое время не может не требовать реорганизации в области образования, и они, видимо, произошли не только в Московии, но и на Украине, откуда шла ученость в московские земли. Однако, если на Украине с бурным развитием школ и созданием Киевской духовной академии (1631 г.) во-

царяется латинское образование, в среднерусских и московских землях существует четкая ориентация на тривиум гуманитарных дисциплин (грамматика, риторика, диалектика), описанных по-русски в ряде памятников. До 1620 г. было создано «Сказание о семи свободных мудростях», чьи главы о грамматике, диалектике и риторике становились соответствующими предисловиями к трем сочинениям, которые регулярно переписывались и соседствовали в рукописных сборниках: «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, «Диалектике Иоанна Дамаскина» и «Риторике» 1620 г.

Как ни стремилось в течение XVII в. общество к созданию академии и заведению «школ», настоящий перелом в содержании риторики смог произойти только с началом петровских преобразований. Создание основных рукописных риторик, читавшихся и переписывавшихся на протяжении всего XVIII в., удивительным образом сконцентрировано в период с конца XVII в. по 1710 г. В это время написаны «О риторической силе» Софрония Лихуда (пер. Козмы Афоноверского — 1698), «Риторика» Михаила Усачева (1699), «Риторическая рука» Стефана Яворского (1698, пер. Федора Поликарпова — 1705), несколько риторик Андрея Белобочко (до середины первого десятилетия XVII в.), «Книга всекрасного златословия» Козмы Афоноверского (1710), «Старообрядческая Риторика» в 5 беседах (1706—1712). Каждое из этих сочинений имеет свои задачи и содержательно-стилистические особенности. Так, сочинение Софрония Лихуда «О риторической силе» вместе с богословскими толкованиями происхождения «слова» при необыкновенной стилевой выразительности охватывает все ситуации политической и семейной речи, ясно указывая, как надо развивать те или иные темы. «Риторика» Михаила Усачева тяжеловесна в толковании отдельных разделов (ср. 29 общих мест в 1-й книге), но оригинальна в объяснении вопросов обучения ратора: в «науке» человек сначала «удивляется», а затем «в разум» принимает учение. Исключительно популярны были риторики Андрея Белобочко — прежде всего потому, что стремились к универсальной полноте в охвате описываемых предметов: люллианские сочинения претендовали на универсальное знание о любой вещи. В «Науке проповедей» Белобочко были изложены все компоненты содержания различных тем церковной речи, а в «Краткой риторике» объяснены основные богословские понятия (Бог, Богородица, пророки, ангелы, святые и т.д.). «Риторическая рука» Стефана Яворского оригинальна краткостью и вы-

разительностью примеров, а в посвящении, адресованном И.А. Мусину-Пушкину, прославляются «учение», Москва — «жилище муз» и, конечно, «московский орел» Петр Великий, насаждающий науки в своем Отечестве. Вершиной риторической украшенности стала «Книга всекрасного златословия» Козмы Афоноиверского, грека, изучившего славено-русский язык настолько, что во множестве его «прикладов»-примеров воплотились современные и исторические реалии русской жизни, были предложены ясные определения риторической терминологии. Наконец, обучение проповеднической речи ставила целью «Риторика» в 5 беседах, созданная в Выголексинском общежитии, — старообрядцы не только переработали терминологию современных им риторик, но и снабдили описание собственными идеологическими примерами.

Стилистический резонанс этого «петровского» периода долгое время был значим для российского общества и его образованности. Несомненно и то, что следующий период начинается в 1743—1747 гг. с созданием М.В. Ломоносовым своих руководств — в истории это начало царствования Елизаветы Петровны с переходом после серии дворцовых переворотов в «век» Екатерины. Ломоносов возвышается над всеми другими авторами XVIII в. как создатель первой научной риторики. Однако реальная картина борьбы идей за создание новой риторики еще должна быть восстановлена. Как известно, первое «Краткое руководство к риторике» М.В. Ломоносова датируют 1743 г., поскольку представлено оно в Императорскую академию наук в январе 1744 г. После отрицательного отзыва академиков и совета Миллера «написать автору свою книгу на латинском языке ...присоединив русский перевод», Ломоносов готовит «Краткое руководство к красноречию», изданное в 1748 г. Однако надо учитывать, что у Ломоносова был серьезный конкурент, всю жизнь сознательно ему противостоявший. Это — В.К. Тредиаковский, выступивший в Академии наук 2 февраля 1745 г. с речью «Слово о витийстве». Очевидно, что Тредиаковский пытался выполнить «заказ» Миллера, написав свое сочинение одновременно на латинском и русском языках; ученый, льстиво-возвышенный слог обращения к «славнейшим и достопочтеннейшим профессорам», возможно, обеспечил ему кратковременный успех, однако тяжеловесная славянщина, неудобопонятный синтаксис не могли снискать благосклонности у читателя. Но забывать столь значительное сочинение несправед-

ливо, тем более что ряд мыслей Третьяковского несомненно воздействовал на построение второй ломоносовской книги по риторике — «Краткого руководства к красноречию».

Обратим внимание на основной термин *красноречие*, вынесенный Ломоносовым в заглавие книги. Именно *красноречие* привлекает Ломоносова из старинного синонимического ряда: *благоречие*, *добрословие*, *красноглаголанье*, *хитроречие* и др. для обозначения искусства хорошо говорить и писать. Здесь же Ломоносов впервые в русской филологической науке объясняет структуру словесных дисциплин. Это объяснение точно проработано в названиях курсов и определениях терминов. Если в 1744 г. он называет свой курс «Краткое руководство к *риторике* на пользу любителей *сладокоречия* (курсив везде мой. — А.В.), начиная его определением риторики, то через три года (рукопись 1747 г., первое издание 1748 г.) Ломоносов уже в названии предлагает четкое распределение терминологии, которое навсегда закрепится в русской науке: «Краткое руководство к *красноречию*. Книга первая, в которой содержится *риторика*, показывающая общие правила *обоего* красноречия, то есть *оратории* и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки» (ПСС. — М.; Л.: АН СССР, 1952. — Т. 7. — С. 19, 89). Еще в рукописи 1747 г. дважды встречается слово *сладокоречие* (п. 7, 9 вступления), замененное на *красноречие*, — напротив, в первом «Кратком руководстве к риторике» 1743 г. господствует слово *сладокоречие* (название, п. 2 вступления), а слово *красноречие* употреблено лишь однажды в начале сокращенной 4-й главы «О произношении» (т. 7, с. 77). Не исключено, что Ломоносов мог испытать известное влияние речи Третьяковского, у которого слова *витийство*, *элоквенция*, *красноречие* употребляются рядоположенно на равных основаниях.

Ломоносов в окончательном варианте совершенно определенно отказался от латинского слова *элоквенция* и книжнославянского *витийство*, предлагая ясное разделение семантики терминов: «*Красноречие* есть искусство о всякой данной материи красно говорить и писать и тем других преклонять к своему об оной мнению...» (с. 91); (в именовании 1-й книги) «Краткого руководства к *красноречию*, книга 1, содержащая риторику. П. 1. Имя сея науки происходит...» (с. 99).

Таким образом, *риторика* — это «наука», «учение», «правила»; *красноречие* — «искусство», способность, умение «красно говорить», но также и состав текстов словесности. Когда Ломоно-

сов пишет о «правилах обоего красноречия: оратории и поэзии», под красноречием понимается совокупность текстов или словесных произведений — аналог будущей *словесности*. В текстах авторитетных руководств XIX в. это значение термина *красноречие* будет сохранено у отдельных авторов (И.И. Давыдов). Одновременно и термин *словесность*, рожденный на пороге XVIII—XIX вв. (здесь же граница нового общественного стиля), восходит к однажды употребленному Ломоносовым словосочетанию *словесные науки* (второй раз это сочетание встречается в черновой заметке «О нынешнем состоянии словесных наук в России», датируемой 1756 г. и опубликованной лишь в 1865 г. П. Пекарским). Причем так же, как у Ломоносова, словесность начала XIX в. будет включать все «науки»: всеобщую грамматику (учение о языке, его происхождении и строении), общую и частную риторику, поэтику.

Риторическое источниковедение должно ввести в поле нашего внимания множество либо незаслуженно забытых, либо не прочитанных еще текстов. Разделим их, по крайней мере, на следующие области: 1) тексты известных классиков литературы и науки, которые оставили серьезные труды в области риторики («Слово о витийстве» В.К. Третьяковского, «О русском духовном красноречии» А.П. Сумарокова и др.); 2) значительные учебники российских авторов — образцы школьных руководств («Краткое руководство к оратории российской» Амвросия Серебрянникова 1778 г. — сделанная с пиететом перед Ломоносовым, но вполне самостоятельная разработка теории прозы XVIII в., или «Детская риторика» 1787 г. с краткими определениями и выразительными примерами); 3) переводы иностранных руководств, традиционно авторитетные для русской науки, но приспособленные к задачам отечественной риторики и начинающие жить в России особой жизнью (К. Галлиен-де Салморан, 1785, Г. Блер, 1791, Н. Трюбле, Ш. Жозеф, 1793, Г.Г. Гальяр, 1797); 4) неизученный (! — возможно об этом надо бы говорить в первую очередь) пласт латиноязычных руководств, которые писались в местных школах — в собранном составителем хрестоматии каталоге рукописных риторик можем указать на сочинения вологодского епископа Амвросия Юшкевича 1739 г., вологодского и белозерского епископа Иосифа 1746 г., курс риторики в Холмогорской архиепископской школе 1751 г., рязанского и муромского епископа Палладия 1759 г., курс лекций в Нижегородской семинарии 1766 г. и др. Нередко эти сочинения переводились — в хрестоматии публикуется фраг-

мент перевода с латинского языка казанского игумена Кастория «Надежный способ достичь совершенства в красноречии» 1780 г.; 5) учебные материалы — тексты студенческих сочинений и «ораций», писавшихся по-латыни и по-русски и произносившихся в риторических классах — вкупе с многочисленными сборниками проповедей, приветственных речей они составляют бесценный материал по практической риторике и методике обучения красноречию (см. две публикуемые «орации» студентов Московской Духовной академии и речь акад. Н.Я. Озерецковского 1791 г. при вступлении в должность профессора красноречия).

Примерно с середины 90-х годов XVIII в. и особенно с начала XIX столетия происходит смена общественного стиля — заканчивается «век Екатерины», начинается царствование Александра Благословенного. Изменения назревают, а затем и происходят, когда появляется новая трактовка филологических наук, с организацией Министерства народного просвещения проводится общая реформа национального образования. Можно назвать, по крайней мере, трех авторов, которые в 90-е годы готовили своими трудами эти преобразования: А.С. Никольский, чьи работы по логике, риторике, а затем и словесности были наиболее влиятельны благодаря их систематической простоте и понятности; наиболее разработанный курс проф. И.С. Рижского (с 1796 г.), кстати, во многом способствовавший представлению о риторике как учении об украшенном слоге и стиле речи; рукописный курс М.М. Сперанского «Правила высшего красноречия», расхвалившийся во множестве списков и опубликованный только в 1844 г., обладал несомненным влиянием благодаря прежде всего достоинствам вдохновенного и оригинального стиля, акцентам на таких сторонах риторического учения, как возбуждение страстей, вкус и гений, произношение и телодвижение.

В начале XIX в. складывается представление о словесности как искусстве речи, совокупности словесных (филологических) дисциплин, составе текстов данной культуры (например, «словесность русского народа»). Постепенно устанавливается единая терминология словесности и риторики при разнообразии толкований от автора к автору. Так, А.С. Никольский объяснил словесность («дар слова») достаточно просто — как «способность выражать мысли словами» (Основания российской словесности. СПб., 1807), включая в нее лишь две науки: грамматику, научающую «правильному употреблению слов», и риторику, показывающую «спо-

соб, как располагать и изъяснять мысли» (с. 10). А.Ф. Мерзляков в 1809 г. выделяет «три особенные науки», представляющие правила речи: «логику, или диалектику, которая учит думать, рассуждать и выводить заключения правильно, связно и основательно; грамматику, которая показывает значение, употребление и связь слов и речей; и риторику, которая подает правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, сообразно с видами каждого особенного рода прозаических сочинений» (Краткая риторика... М., 1809. — С. 5). Риторика — «полная теория красноречия», а красноречие — «способность выражать свои мысли на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущего» (с. 6). С характерным для всех теоретиков риторики первой половины XIX в. преклонением перед «древними» и вполне в традициях М.В. Ломоносова и М.М. Сперанского А.Ф. Мерзляков понимает под красноречием «искусство оратора», а под именем риторики — «правила, служащие к образованию оратора» (с. 6).

Стремление разобраться в смысле терминов и дать им истинное толкование приводило к объяснению, исходящему от происхождения или внутренней структуры слов. В.Я. Толмачев определял словесность как «природную» или «обыкновенную способность человека изъяснять свои мысли и чувствование голосом», причем словесность не имеет «никаких отличительных качеств», но «способность, показывающая отличное искусство выражать оные ясно и красиво, именуется *красноречием*; выражать сильно и убедительно — *витийством* (Военное красноречие. СПб., 1825. — С. 1—2). Последнее «искусство» «приобретается наукою», которую называют *риторикою*. Итак, «риторика есть та наука, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству... кратче определить риторику наукою красноречия» (с. 2).

Вместе с тем для всех, «занимающихся словесностью», необходима «наука слова», главными предметами которой являются «мысли, слова и соглашение одних с другими: правильному действию мыслей учит *логика*; правильному употреблению слов — *грамматика*; правильному соглашению мыслей со словами, показывающему известную степень искусства в употреблении речи, научает *риторика*» (с. 4). Логика и грамматика называются «предварительными науками» в отношении к риторике.

Своеобразной предстает концепция «словесных наук» у замечательного педагога и теоретика риторики Н.Ф. Кошанского.

Его схема расширяется до разбора всех наук, имеющих отношение к человеку, обладающему «по воле Творца силой ума и даром слова» (Общая риторика. — СПб., 1829. — С. 1). «Сила ума» связывается с *логикой* (многие риторика начинаются разбором основных логических терминов: *понятие, суждение, умозаключение*), а «дар слова» — со «словесными науками»: *грамматикой*, которая занимается «словами»; *риторикой*, которая занимается «мыслями»; *поэзией*, которая занимается «чувствованиями».

Акценты, как видим, расставляются по-разному: у Мерзлякова риторика «не простирает своих исследований до мыслей и слов, представляя это логике и грамматике», у Кошанского предмет риторика — «изобретать, располагать и выражать мысли». Не случайно Мерзляков, сам блестящий стилист, построил свою риторика как теорию изящного слога и стиля, отказавшись от изобретения; Кошанский, напротив, возвращает в риторика учение об источниках изобретения, лишь предупреждая об опасности их механического употребления.

Таков лишь краткий фрагмент сопоставительного исследования мнений нескольких авторов о природе филологических наук, среди которых риторика, безусловно, претендовала на первенствующую роль как «теория речи» (ср. начало учебника К.П. Зеленецкого «Общая риторика» в редакции И.И. Давыдова: «Предмет риторика есть речь»). Такое историко-сопоставительное изучение — задача будущего. Пока суммируем проблематику общей и частной риторик по разделам не только исследования, но и сопоставления с современными теориями речи. В общей риторике это:

- 1) классификация словесных наук (словесность, логика, грамматика, риторика, красноречие, поэтика, эстетика); традиционное рассуждение об истинном и ложном красноречии;
- 2) теория изобретения, учение об источниках идей или общих местах как способах нахождения материала речи; в этом разделе — логические основания мышления (понятие, суждение, умозаключение), расположение в речи доводов и доказательств;
- 3) распространение (амплификация) речи как прием развития повествования;
- 4) теория расположения (композиции) частей речи: предисловие, предложение (называние), повествование, описание, доказательство (укрепление), опровержение, заключение;
- 5) учение о хрии (хрия — образец построения речи по ее композиционным частям);

- 6) учение об украшенном слоге и стиле (стиль рассматривается двояко: как теория трех стилей и как учение о качествах речи);
- 7) учение о тропах и фигурах (тропы как приемы употребления в переносном значении бывают словесные и речевые; фигуры как выразительные обороты речи описываются как фигуры слова, мысли, страстей, предложений);
- 8) учение о периоде речи, включая его различные части;
- 9) учение о возбуждении страстей (у Ломоносова с характеристикой важнейших страстей, у Сперанского — описание способов рождения страстей как «основания красноречия»; постепенно этот раздел сокращается и переходит в психологию);
- 10) учение о вкусе как категории прекрасного и способности выражать изящное и благородное в слове;
- 11) учение о памяти с разбором самой способности запоминать и способами тренировки;
- 12) учение о произношении и телодвижении, обычно исчисляющее ряд требований к голосоведению, пластике и мимике, предлагающее также способы голосового и пластического выражения чувств;
- 13) принципы обучения риторике (по-разному интерпретируются природные способности, научная теория, подражание образцам, практические упражнения);
- 14) особо должны быть проанализированы примеры или образцовые тексты, поскольку разные авторы имеют свои идеологические и стилистические предпочтения.

Частная риторика, начавшаяся делением всех текстов на прозу и поэзию (М.В. Ломоносов), продолжается рассмотрением «больших» и «малых слов» (Амвросий Серебрянников, А.С. Никольский), а заканчивается к середине XIX в. разработанной классификацией видов и жанров словесности, куда входят в различных авторских интерпретациях письма; разговоры, или диалоги; учебные и ученые (догматические) сочинения; история (от исторической до художественной прозы); речи (политические, судебные, торжественные, академические, проповеднические). Наибольшего внимания заслуживают попытки создать всеобъемлющие классификации существующих видов словесности с максимально описанными жанрами внутри каждого вида словесности.

В 50-е годы XIX в. назрел кризис риторики как речевой идеологии общества. Несмотря на очевидные научные достижения, не понимаемые некоторыми журналистами (В.Г. Белинский), пред-

мет «риторика» подвергается критике за отсутствие связей с бытовой прозой или «народной» речью (к описанию реальных бытовых коллизий обращается художественная литература в лице писателей натуральной школы); риторика осуждается за схоластичность в обучении по общим местам, хриям, фигурам и т.д. Характерно, что теперь, когда общие места как способы изобретения мысли и речи изгнаны из обучения, учащиеся плохо могут представлять способы распространения речи, ибо совет черпать вдохновение из самого «предмета» рассуждения (К.П. Зеленецкий) не давал техники изобретения и повисал в воздухе. Отголоски «старой» риторики продолжали существовать в виде членов предложения, отвечающих на вопросы общих мест (кто, что, где, когда, почему, зачем) и побуждающих лишь к пассивному анализу уже существующего текста.

Новая реформа образования, развернувшаяся особенно интенсивно в 60-е годы XIX в., окончательно изменила предмет словесности. Начатая усилиями влиятельных филологов (А.Н. Веселовский, А.А. Потебня) и революционеров-демократов (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов), теория словесности лишь формально сохранила значение «совокупности словесных произведений данного народа», но реально ограничила предмет словесности рассмотрением трех композиционных форм речи (описание, повествование, рассуждение), сосредоточившись на вопросах стилистики, а из всей совокупности текстов избрала художественную литературу как наиболее ценный вид словесного творчества, предваряя его малым разделом устной народной поэзии. Надо ли говорить, что такое сосредоточение на художественной и «народной» речи было существенным ограничением и обеднением содержания филологического знания?

Наша хрестоматия содержит тексты по середине XIX в. не только вследствие невозможности включить всех авторов, писавших о проблемах речи, но и потому, что с середины XIX в. риторика, по существу, перестала быть в поле зрения педагогической общест-венности. Начинается период научного языкознания и литературоведения, и, как часто бывает при создании новых теорий, старое оказывается забытым, хотя несомненно, что общество продолжало жить положительными идеями этого «старого». Даже такие блестящие педагоги-филологи, как П.М. Леонтьев и М.Н. Катков (основатели в 1868 г. Императорского лицея в память цесаревича Николая), при напряженном изучении лицеистами

родного, классических и иностранных языков, требования к каждому учителю следить, чтобы воспитанники прежде всего хорошо говорили по-русски, отказались от риторики и словесности, включая лишь сами тексты художественной классики в языковые программы. Неудивительно, что отсутствие обучения деловой речи, фундаментальных исследований в области политической риторики, изъятия научной прозы из образования при всех достижениях научного языкознания и художественно-литературного творчества сделало общество не готовым к риторической критике разнообразных политических течений XX в. Так что причина (не будем говорить «вина») событий октябрьского переворота во многом связана с той картиной филологической образованности, которая существовала в России со второй половины XIX в. по 1917 г.

Разумеется, создание нового советского строя должно было изменить филологическое знание. Термин *словесность* ждала та же судьба, что 60 лет назад *риторику*. Последний курс «Теории словесности» Д.Н. Овсяннико-Куликовского помечен 1923 г. — советская филологическая наука будет рассматривать его как «устаревший» (см. нашу статью: Что такое словесность? (к истории термина и содержания научного предмета) // Русская словесность. 1994. № 5). Однако провозглашенная после Октябрьской революции новая идеология должна была искать подкрепления в новой риторической теории и практике. Во-первых, очевидно, что победа большевиков в 1917 г. — победа прежде всего «риторическая», ибо они оказались убедительнее своих оппонентов в пропаганде, находчивее в аргументации, выразительнее в стиле. Во-вторых, очевиден огромный интерес к практическим вопросам ораторского искусства, теории и практике построения дискуссий и споров — иначе и быть не могло в стране, где речь на собрании, митинговая агитация, политическая пропаганда заняли такое важное место. В-третьих, очевиден и интерес ученых к теории речи, политической речи (*Гофман В.* Слово оратора. — Л., 1932), истории русской риторики (причина ее упадка и призыв в новой лингвистике рассмотреть социально-бытовой язык «в соответствии с общей риторикой начала XIX в.» — см. у *В.В. Виноградова:* О художественной прозе // Избранные труды: О языке художественной прозы. — М., 1980. — С. 116).

Слово *риторика* в новых работах не упоминается (за исключением трудов исторического характера). Впрочем, с 30-х годов, когда кончается десятилетие историко-стилистических реформ и

начинается стилевая стагнация (сопровожаемая к тому же идеологическими репрессиями), принципиальная возможность писать и обсуждать вопросы ораторского искусства и словесности была сведена к минимуму. Советское языкознание продолжало развиваться без обращения к риторике: вопросы риторической науки и искусства речи оказались размытыми между множеством лингвистических, психологических и социальных дисциплин, которые пытались заполнить образовавшуюся в потребностях общества лауну.

Таким образом, история русской риторики и словесности непосредственно связана с русской общественно-политической историей. Она может быть поделена на следующие периоды, фиксирующие единый общественно-идеологический стиль жизни:

1615/20—1690/95 гг. — допетровская Русь в начале царствования Романовых, когда наиболее популярной является первая русская «Риторика» 1620 г., изучаемая в тривиуме свободных «мудростей»;

1690/95—1745/50 гг. — петровский период и стиль, предложенный руководствами конца XVII — первого десятилетия XVIII в. (С. Лихуд, М. Усачев, А. Белобоцкий, С. Яворский, Козма Афоноверский, старообрядческая Выговская школа);

1745/50—1790/1800 гг. — ломоносовский период с безусловным господством руководств великого ученого, стиля русского классицизма (многое не изучено, например латинские руководства);

1790/1800—1850/60 гг. — расцвет русской ученой риторики с постепенным становлением науки словесности, охватывающей в отдельных толкованиях все филологические дисциплины (ср. теории Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, К.П. Зеленецкого);

1850/60—1920 гг. — период новой теории и истории словесности, становящегося научного языкознания и литературоведения; язык изучается как лингвистическая система, а словесность рассматривается как художественная литература и фольклор; риторика выведена из состава преподавания;

1920—1985/90 гг. — советский (коммунистический) период в истории русской риторики и общественной идеологии; в советское время на месте старой риторики был создан ряд дисциплин: культура речи, лингвистика текста, функциональная стилистика, прагматика и др. — при всем положительном, что заключают в себе новые теории, вне учета культурно-исторического опыта

риторики их современный потенциал становился ограниченным. Практическое свидетельство тому — слом советской пропагандистской машины, не желавшей основывать свою идеологию на идеях прошлого, отсюда — невозможность творчества и дальнейшего существования.

Сейчас в России происходит риторический «бум» при «очередной» смене общественно-политического стиля. Создание новой идеологии, морали, нового стиля приходится признать как существующую реальность и необходимость. Благополучие будущей жизни не может не зависеть от языка. А практическим языком как раз и занимается риторика. Какой будет новая риторика (взаимопроницаемо — и новая идеология, и новая мораль) не в последнюю очередь зависит от наших конкретных сегодняшних усилий.

Таким образом, предлагаемая читателю историческая хрестоматия написана на «потребу дня», она нужна для настоящего и для будущего. Излишне объяснять, что наше будущее зависит от нашего знания и соучастия в прошлом, а подлинная культура означает освоение достижений, осуществленных мыслью, словом и делом наших предшественников.

Хрестоматия имеет четыре раздела: I. Риторика в Древней Руси; II. Риторика петровского времени; III. Риторика XVIII в.; IV. Риторика первой половины XIX в. Не только по причине объема книга ограничена серединой XIX в. — именно этой временной границей отмечено употребление слова «риторика»: в 50-е годы еще преподается в гимназиях исправленный И.И. Давыдовым курс К.П. Зеленецкого в 4-х томах; К.К. Фойгт пытается сохранить риторику на основах стилистики (1856 г.). Для второй половины XIX в. характерно новое построение курсов словесности — и публикация этих материалов представляет собой особую проблему для современных историков русской филологии. К сожалению, именно с полными текстами классических учебников словесности не знаком наш современный педагог.

Кроме того, даже ограничив себя временными рамками, мы не смогли включить в книгу все богатство идей русских классиков риторики. При отборе текстов ставилась задача — выделить основную терминологию риторики и словесности, показать наиболее выразительные с точки зрения авторского стиля фрагменты текста. При невозможности опубликовать полные тексты взятых учебников приводятся планы сочинений (как сделано с «Ритори-

кой» М. Усачева или «Правилами высшего красноречия» М.М. Сперанского) — читатель может обозреть всю проблематику науки в понимании данного автора.

Учебники первых двух разделов — рукописные; большинство из них имело описания, но ни один не имел достаточно полных публикаций. В данной хрестоматии читатель впервые имеет возможность непосредственно познакомиться с фрагментами текстов ранних рукописных риторик. Эти фрагменты переданы в современной графике, но с сохранением орфографических особенностей оригиналов.

Тексты двух последних разделов публикуются в современной орфографии. При их формировании мы старались не повторять материалов хрестоматии: *Граудина Л.К.* Русская риторика. — М.: Просвещение, 1996, с которой составитель любезно разрешил нам познакомиться.

Перспективы изучения истории русской риторики и филологических наук в целом огромны. Поэтому в конце книги публикуется историческая библиография трудов по риторике и словесности (1743—1850). По сравнению с первым изданием она значительно расширена. Справочно-биографический аппарат дан во вступительных статьях к каждому учебнику.

Раздел I

Р ИТОРИКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Риторикую убо учу, а не злато люблю.

(Пчела, XIII в.)

...Честна и велика свободная мудрость риторика
нарицаюся, спиречь хитроречия источник...

(Сказание о семи свободных мудростех, XVII в.)

СЛОВА РИТОРИКА, ВИТИЙСТВО И ИХ СИНОНИМЫ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XI—XVII вв.

Учебники риторики отсутствуют на Руси до XVII в., однако известность слов *риторика*, *ветийство* (через *ять*) и многочисленного круга синонимов, обозначающих искусство речи (*благоречие*, *добрословие*, *красноглаголение*, *хитрословие* и т.д.), не вызывает сомнений. Ниже публикуются цитаты из различных сочинений, показывающих, сколь многообразен был пласт слов, которые осмысляли правила речи как образ благого поведения человека Древней Руси.

Слово *риторика* до XVII в. встречается только в формах *риторикия* (*риторикья*) и реже *ритория* (*ритория*), восходящих к греческому слову *rhētorikē*; впервые отмечено в «Житии Феодора Студийского» XII в. В этом

же «Житии...» встречается слово *ритор* (от греч. *rhētōr*). Форма риторика как перевод латинского *rhetorica* впервые отмечена в «Риторике» 1620 г. (см. публикацию ниже) и в таком виде утверждается в XVII в.

Важно заметить, что древние русичи в XI—XIV вв. предпочитали греко-латинскому корню славянские слова *ветийство*, *ветий* и подобные, обозначающие говорение, речь и бывшие также переводами греческих *rhētorike* и *rhētōr* (ср. современные слова *ответ*, *совет*, *привет*, *завет*, *навет* и др.). Только с XVII в. начинается преобладание латинского слова *риторика* над продолжавшим существовать словом *витийство*, которое пишется теперь преимущественно через *и* и осмысливается как «витье, плетение словес».

Оба слова *риторика* и *витийство* соединяют в древнерусском языке два значения: искусство речи и мудрость; соответственно *ритор* и *вития* — оратор, мудрец (впрочем, и сами науки или искусства называются в Древней Руси *мудростями*).

В древнерусских текстах отмечено около 20 синонимов слова *риторика*:

благословие	добрословие	краснословие
благоглаголанье	доброглаголанье	красноглаголанье
благоречие	доброречие	красноречие
благоязычие	доброязычие	сладкогласие
хитрословие	златословие	искуснословие
хитроречие	златоустие	
велеречие	многовещание	
великогласие		

Для понимания искусства речи в Древней Руси важно преимущественное осмысление хорошей речи как *благословия* и *доброречия*, элемент *красно-* начинает активно использоваться лишь в XVII в. и вызывает иногда двойственное отношение: слова *красноглаголанье* (в азбуковниках) и *краснословие* (в «Риторике» 1620 г.) употребляются в положительном смысле. Слово же *красноречие* впервые отмечено у его хулителя — протопопа Аввакума.

В настоящей публикации отрывков-цитат с двусложными словами типа *благоречие* они распределяются по качествам речи: сначала даются слова, обознача-

ющие наиболее ценимые древнерусскими книжниками свойства речи, — *благость, доброта, красота, сладость*; затем слова, обозначающие отрицательные качества речи, — *празднословие, злословие, сквернословие*. И, наконец, приводятся слова-антонимы, обозначающие прямо противоположные качества речи: *велеречие — бессловесие* (при этом *безмолвие* — образец, иного бытия), *краткословие — многоречие, согласие — прекословие, остроязычие — косноязычие*. Очевидно восхождение этих двусложных слов к греческим, их многовариантное существование.

В разделе приводятся также выдержки из произведений древнерусской литературы, в которых использованы слова, обозначающие отрицательные качества речи. Помимо цитат из памятников письменности даются словарные определения *риторики* из азбучников, алфавитов, лексиконов.

Текст приводится в современной графике со ссылкой на памятник и время его создания. Выдержки из памятников письменности цитируются по следующим источникам: *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: Репринтное издание. М., 1989. — Т. 1—3; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1995. — Т. 1—21; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—1991. — Т. I—IV.

ВЕ(И)УТИЯ, ВЕ(И)УТИЙСТВО, РИТОРИКА, РИТОР, ОРАТОР

[Василий вел.] *вети*¹ в *ветях*, и прежде престол мудрых мудрых, философ в философех.

Кто ветьивством таков еже огоньм... душеть.

(13 слов Григория Богослова, пер. XI в.)

Истиннаго богочестия проповедателя и тайнаго неиздреченных *ветия*, звезду церковную Луку божествнаго похвалим, слово бо избра с Паульмь мудрымь, языкьмь учительмь, един сведый сердцезнаа.

¹ Выделения в текстах сделаны составителем хрестоматии.

Ветиискыми бо вешании просветил есть лики блаженныя, Иерофее, верных.

(Служебные минеи за октябрь, 1096)

Божьствною мудростию явльшася философа и в добротe словес явльшася *ветия*... великаго Еустратия... восхвалим.

(Стихирарь, XII в.)

Не величание глагол и не речии *ветия* душу вестъ съкрушати, нъ съмерено слово.

...Учению внешнему прикасашеся ...и абие прием крамоти-кию, таче по томъ и *риторикию* прошьдъ — не яко же по *ритором* мняшеть си обычай имети, ни сих лъжам прикасашеться, ни инем тщеславивым и кычивымъ, нъ въсприем елико на пользу суть сложения словес и составления...

(Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник, XII в.)

Древнии бо философи Платон и Аристотель и прочая *ветия* много тружышеся о небесной твари, уведети не получиша.

(Палея Толковая, XIII в.)

Съ, въпросимъ, како *риторикию* учил, и рече: склочил масла боле вина.

Ритори учаться законъней речи глаголати.

(Пчела, XIII в.)

Аз бо есмь груб умом и словом невежа... не бывшу ми в Афинех от уности, и не научихся у философов их ни плетения *риторьска*, ни *ветиискых* глагол.

(Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского, нач. XV в.)

По сем иде в Афины и предасть себе учителю Андригату, низъ-выче всю риторию, небесных и земных вешей учения.

(Житие Иоанна Златоуста, XV в.)

Во уме собрах яже от уст самага старца слышах, иная же от ученик его и от инех некоих слышах, и сие нечто мало отчасти памяти ради написати понудихся, не яко любомудрию искусну

ми сущу, или *ветийствия* разуму навыкшу, поелико возможно худому моему разуму постигнути.

(Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Составлено протопопом Андреем-Афанасием, между 1556 и 1562)

Аще кто недовольне и несовершенно будет научился яже грамматики и пиитики и *ритории* и самая философии, не может прямо... разумети (речения).

Сама писания внешних философов и *ритор* велелепне воспевают величество... безмертия.

(Максим Грек, XVI в.)

Ни пророци, ни учителяе изряднии, ни книжницы премудрии, ни *ветии* словеснии научиша ны в познании таковыя превеликия божественныя благодати.

(Книга Степенная царскаго родословия, 1560-е годы)

Подобен есть древним *ритором* и великому Златоусту.

(Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова, XVI в.)

...И избраша от восточных церквей *ритори*, мужи во благочестивых догматех сияющь.

(Князь А. Курбский. История о осьмом соборе, XVI—XVII вв.)

Не везде есть полза мудростно и *витийно* и потаенно писати и ведомостныя дела закрывати, но достоит явственно и просто начертovati, да всяк знает и разумеет.

(Повесть о внезапной кончине государя Михаила Федоровича, XVII в.)

Состоится философия седмию мудрости: ...вторая — речеточец, еже суть *витийское* препирательное толкование.

(Козмография, XVII в.)

Вития — хитрословец.

Оратор — краснословец, еже есть *ритор* и *вития*.

Ритор — речеточец, ведый добре и писати и глаголати.

(Алфавит, XVII в.)

[Об Иване Грозном] Бысть же и в словесней премудрости *ритор* естествословен и смышлением быстроумен, доброзрачен же и благ, дерз в воинстве.

(Федор Грибоедов. История о царях и великих князьях земли Русской, 1669.)

Риторски учение
Смыслов благих течение.
Действо, кое в ней пространно,
Глаголется все сохранно,
.....
витийство слов ся имеет,
изрядство всем людем деет.

(Карион Истомина. Полис си есть град царства, 1694.)

Оратор — *витиа*, *ритор*, иже знает хорошо говорить.

(Лексикон вокабулам новым, нач. XVIII в.)

ДВУСЛОЖНЫЕ СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ

Слова с корнем *БЛАГО-*

Выше елиньскаго наказания апостольскую мудрость изволиша святии мученицы, к̄нигы *ветиискыя* оставивъше и ловъственную приимше, тамо бо *благоязычья* глагол.

(Стихирарь, XII в.).

За *благоглаголанье* бо их и за *благословесие*, яко сирины, вожьгутъ сердца безлобным.

(Физиолог, XV в.)

И юного душу разными словесы и наказании акы некыми лечьбами *благохитрене* врачюя, не прежде отъиде, дондеже ему первое здравие дарова.

Кто беспечален, кто *благоязычен*, кто неповинен, кто составлен своим помыслом.

(Великие Минеи-Четьи, собранные митрополитом Макарием, XVI в.)

(Царевна Ксения) воистинну во всех женах благочиннейша и писанию книжному навична, многим цветуще *благоречием* (вар. *благоречением*), воистинну во всех делах чредима.

(Повесть князя Ивана Михайловича
Катырева-Ростовского, XVII в.)

Состоится философия седмию мудростми ... седмая еже есть святая писания толковати и *благоглаголати* и писати.

(Козмография, 1670.)

Благоречие — *Facundia. Dicendi facultas* (дар слова, умение говорить. — *А.В.*)

Благоречив — *Facundus. Eloquentes. Facundia affuens* (имеющий дар слова, красноречивый. — *А.В.*)

Благоязычие — *Facundia. Suauitas sermonis. Recta loquendi facultas* (дар слова, приятность беседы, искусство правильно говорить. — *А.В.*)

(*Епифаний Славинецкий,*
Афанасий Корецкий Сатановский.
Лексикон словено-латинский, XVII в.)

Слова с корнем **ДОБРО-**

Иже в кротости пожиша и в *добрословьи* уста своя учиниша.

Грътань сладкъ умножить другы, и язык *доброглаголив* умножить добру беседу.

(Изборник, 1076)

Дивныи же Тит съ, философъ и *доброязычник* и воиник купно.

(Хроника Георгия Амартола, XI в.)

...глухим слух даровахъ и немья *доброглаголевы* створих.

Ныне вся *доброгласная* птиця церковныхъ ликомъ гнездяще веселятся.

(*Кирилл Туровский.* Слово в новую неделю по пасце. XII в., сп. XIV в.)

Буди *добрословьн* и чъстив к всем.

(Сборник слов и поучений, к. XII—н. XIII в.)

Всь образъмъ красьн, всь *добробеседьн*, своимъ люб.

(Слово Иоанна Златоуста. Успенский сборник, XII—XIII вв.)

А иже язык *доброглаголив* имеет, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятен есть.

(Пчела, к. XIV в.)

Доброречием языка в петии и во глаголании и чтении.

(Устав монастырский Нила Сорского, XV в.)

Благая словеса от благаго скровища сердцегнаго исходят: аще кто не очистит сердца его от злословия, *добробеседовати* не может.

(Пролог, XV в.)

Язык *доброглаголив* умножить добру беседу.

(Сирах. VI, 5. Библия новгородского архиепископа Геннадия, 1499)

Слова с корнем **КРАСНО-**

Сию же науку [риторику] сладкогласием или *краснословием* нарицает, понеже красовито и удобно глаголати и писати научает.

(Первая русская Риторика, 1620.)

К таковым бо женам мнози человецы прелщают: ов — добролепием жен, ов — разумом ...ин — *красноглаголанием* и дарованием и прочими лестми прелщаются.

(Беседа отца с сыном о женской злобе, XVII в.)

Люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речь красить, понеже не словес красных Бог слушает ...но любви с прочими добродетельми хошет; того ради и я не берегу о *красноречии*.

(Житие протопопа Аввакума, 1673.)

Не ищите риторики и философии, ни *красноречия*, но здравым истинным глаголом последующе, поживите.

(Аввакум. Книга толкований и нравоучений, 1677.)

Красноглаголение — Eloquentia. Facultas oratoria. Ars oratoris. Ars rhetorica.

Красноглаголатель — Orator. Rhetor. Eloquentis.

Красноглагольный — Oratorius.

(Елифаный Славинецкий, Афанасий Корецкий-Сатановский. Лексикон славяно-латинский, XVII в.)

Слова с корнями **СЛАДКО-** и **СВЕТЛО-**

Уста *сладкоглагольная*.

(Минеи, 1097.)

Сладоречиве издргающим (произносящим. — *А.В.*) слово благо и источаюштиим словеса Господня пречиста.

(Великие Минеи-Четьи, собранные митрополитом Макарием, XVI в.)

Аз же [риторика] дамся вам з быстрым *светлоречием*, аз бо мудрость есмь *сладкогласнаго* речения, аз сладость дивнаго чиновнаго сказания... Аз бо младыя научаю и старый умудряю... и ко всякому речению светлости словесныя придавати, и сладости исполняти, и слышащих всех удивляти...

(Сказание о семи свободных мудростех, до 1620)

Krasomowstwo — красноглаголение, доброречие, лепословие, благоязычие, ветийство, риторство, добровещание, *сладкоглаголение*, вымова.

(Лексикон полоно-словенский, 1670.)

Слова с корнем **ХИТРО-**

Ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не стяжа... ни *хитроречия* не навыков.

(Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым, н. XV в.)

Oratio, oratiuncula — молитва, слово, речь.

Orator — ритор, оратор, ветий, *хитрословец*, речесловец.

Oratorius — риторский.

Oratrix — молитвенница, *хитрословница*.

(Епифаний Славинецкий. Лексикон латинский, 1650.)

Krasomowca — ритор, ветий, красноглаголив, лепослов, благоречив, добровещатель, сладословесный, вымовный, *хитрословесный*, речеточец.

(Лексикон полоно-словенский, 1670.)

ДВУСЛОЖНЫЕ СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ

Празднословесье от празднодеания раждает ся.

(Пандект Антиоха Черноризца, XI в.)

Злословяи отца и матерь угашает светилник свои.

(Великие Минеи-Четьи. Пандекты Антеокта,
XI в., сп. XVI в.)

Ведаше бо, яко Давыд и Съломон ласканием приаства цесарство Израилево, и сын его Равоамъ погуби *жестословием* своим.

(История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, XI в., сп. XVI в.)

Он еже непразден ходити, аз же в лености мнозе, он еже не *празднословити* и не осужати, аз же осужати и *празднословити*.

(Житие Авраамия Смоленского, XIII, сп. XVI в.)

Празднословие и празднохождение ражается от бестрашия Божия.

(Пролог, XV в.)

И *худоглас* и непостижен языком аз есмь.

(Исх. IV. 10. Сборник Волог, XV в.)

Чист имей язык от осужения и *злословесиа*, понеже темь Бога славиши.

(Акты исторические, ок. 1499.)

Всякия глумы удалятися подобает ...и многаши злым сим путем шествуя в *скврѣнословии* и безмьстии и гнилословии день скончя.

(Великие Минеи-Четьи, собранные митрополитом Макарием, XVI в.)

Иже многаа *блядословиа* и *гнилословиа*, паче же хулениа изъглаголавших.

(*Иосиф Волоцкий*. Просветитель, ок. 1511.)

Подобает быти живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не *празднословцу*, не смехотворцу.

(Подлинник иконописный, XVII в.)

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ПАРЫ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ

Велеречие — безгласие, бессловесие, безмолвие

Ветия многовещанная, яко же рыбы *безгласныя* видим о Тебе, Иисусе, Спасе наш, недоумеют бо глаголати, како Бог непреложный и человек совершенный пребываеши.

(Акафист Иисусу Сладчайшему.)

Ветия многовещанная, яко рыбы *безгласныя* видим о Тебе, Богородице, недоумевают бо глаголати, еже како и Дева пребываеши, и родити возмогла еси.

(Акафист Пресвятой Богородице.)

И не ревнуй мужем, бес страха Божия живущим в монастыри, точью о чреве и одежи мыслящем и *велеричьем* горящеся.

(Кирилл Туровский, XII в., сп. XIII в.)

Веселяше же ся стръи ея, видя ея доброе прилежание и слъзы, и съмереную мудрость, *безмолвие* и кротость и любовь, юже имяше к Богу.

(Успенский сборник, XII—XIII вв.)

Безмолвие что есть? Се есть же хранити кому сердце свое от датия и от приятия и человекоугожения инех дел.

(Пандекты Никона Черногорца, 1296.)

Бе же низок, плоск... *неморечив*.

Парис, еже есть Александр, добр възрастом, силен, ...длгым лицом и възнесома бровма, грълист, *велеуст*, радостив, леп, доброходен.

(Хроника Иоанна Малалы, XIII в., сп. XIV в.)

Так бе *велеречив* и терпелив и добль, тем же и вся земля стыдшеся и дивляшеся ему, паче же целомудрия его и разума ради и многа смысла и премудрости.

(Хроника Георгия Амартола, XIII—XIV вв.)

Не хвалитесь, ни глагольте высокыи в гордыни, да не изидеть *велеречье* из уст ваших.

(Златая цепь, конец XIV в.)

Безсловесно — кроме слова всякого и вины; паки и *безсловесно* — скотско.

(Алфавит, XVII в.)

Присмотреть ее, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или *безъязычна*.

(*Григорий Котошихин*. О России в царствование Алексея Михайловича, 1666—1667.)

[Борис Годунов] человекен и *велеречен* и умом превзыде многих.

(Сказание о царстве царя Федора Иоанновича, XVII в.)

Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и *велеречив* велми, конское рыстание любляше велми... Таков бе Рострига.

(Повесть князя Ивана Михайловича Катышева-Ростовского, XVII в.)

Ты бо сия мудрствуешь в гостях у вина, в церкви же... яко ветрило скорообратное языком шумишь; в гостях *велеречив*, а в дому Божии *безгласием* связан и неразумием пленен.

(*Милетий Дилецкий*. Мусикийская грамматика, 1681.)

Краткословие — многоречие

Многоречистыи, часто беседующе, несладкы являются слышашим.

(Пчела, XIII в.)

Лишится... гордости и *многоречья*.

(Послания Епифания, XIV в.)

Се суть душевная дела добрая... милость, любовь, *немногоглаголанье*, покаяние.

(Златая цепь, XIV в.)

Житием чистым пожиша (святые)... и язык от *многоглаголания* удержавше.

(Житие Павла Обнорского, сер. XVI в.)

Краткословие бо везде потребно есть.

(Максим Грек, XVI в.)

У них такова наука: тшатася оне не истину сыскать, но только бы перетягать и *многословесием* своим истину замять.

(Арсений Суханов. Прения с греками, 1650.)

Острозычие — косноязычие, косноглаголие, косногласие

Мудрость съде облишьное пытанье и лихое *острозычество* наричить.

(Изборник Святослава, 1073.)

Отрока *косноглаголива* язык исправи.

(Житие Сергия Радонежского в Пахомиевской редакции, список XV в.)

Косноязычный — заикающийся, недорекий.

(Лексикон Памвы Берынды, 1627.)

Отверзет ли *косноязычные* уста и вдохнет радостное того благодати слово, ею же бескнижнии витийствуют, яко да и мы *косногласнии* возможем поне худе некако оного поборнику и служителю проглаголати.

(Герасим Фирсов, соловецкий инок, 1640—1660.)

Правдословие, истиннословие — лжесловие, блядословие

Яко же бо *истиннословець* раб есть истинному слову, тако и *лжесловець* лжесловесивуму.

(Пандект Антеокта, XI в.)

Подобне священному Софронию привожу Спаса, *правдословящегося* к нам со мноюю кротостию.

(Максим Грек. Ответ вкратце к святому собору, о них же оклеветан бываю, 1537.)

Противлюся *лжесловесником*, прообразующимся во истовья учители.

(*Андрей Курбский*. Письма, XVI в.)

Лжесловесно бо глаголаши сиа, скрываа мысль злу в сердци своем, хотя съвратити люди Божиа.

(Летописное сказание о VIII Флорентийском соборе, сп. XVI в.)

И ина многая *блядословия лжесловная* на прельщение слабейшим удобная рекоша.

(Книга Степенная царского родословия, XVI—XVII вв.)

Согласие — разгласие, прекословие

Благоключимо есть *съгласье* братства.

(Пандект Антеокта, XI в.)

Достоит иноку... не пререковати *прекословием*, благопокорну быти.

(Из Постнической книги Василия Великого, 1388.)

Како возмогу... носити... *прекословия* ваша.

(Пятикнижие, Втз. I, 12, XIV в.)

Несть мира в них, но *разгласие*.

(*Епифаний Премудрый*. Житие Стефана Пермского, нач. XV в.)

Хвалословесие — сквернословие, блудословие, вредословие, кощуннословие

Тако сказаеться истиньныйи благодарьць, иже в великих напастьех *хвалословесуя* Господа.

(Пандект Антеокта, XI в.)

Или *осквернослови* кого или *облудослови*.

(Служебник Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, XVI в.)

Елицы о святых в небе жителствующих молятся, сии святых славы отрицаются и не токмо святыя, но и самага всесилнаго Бога *вредословят*.

(Беседы Симеона Полоцкого, XVII в.)

Глумление и *кощуннословие* в вас да не водворяется, от того бо детелная страсть и греховная вселяется.

(Школьное благочиние, XVII в.)

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ДИАЛОГА-БЕСЕДЫ

Не свереповати словомь, ни хулити *беседю*.

(Почуение Владимира Мономаха, XII в.)

Се бо zde жена у нас *беседива*, зело славна, вся извыкши ветийскыя философия зело крепко вешати.

Риторикииской язык обучих, *беседователным* прохождением и показанием словес наказан бых.

(Великие Минеи-Четьи, собранные митрополитом Макарием, XVI в.)

Беседы без меры, аще и добры, помрачают печаль смысла, покой же и празность погубляют и множае бесов вселяют.

(Пословицы о житии:
Сборник В.Г. Дружинина, XVI в.)

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ

1. Какие слова, обозначающие искусство речи на Руси, являются наиболее ранними? Каково соотношение слов *риторика* и *витийство*? Каковы основные значения слов *риторика*, *витийство*, *ритор*, *вития*? Приведите примеры употребления этих слов с положительной и отрицательной оценкой.
2. Когда впервые употреблено слово *риторика* и каково соотношение форм *риторикия*, *ритория*, *риторика*? Как «правильно» писать: *риторика* или *реторика*? Когда употреблялись оба варианта?

3. Каково происхождение слова *витийство* (*ветийство*) и с какими современными словами соотносится корень этого слова?
4. Назовите синонимы современного слова *красноречие*. Какие из них вышли из употребления, а какие употребительны до сих пор?
5. Какие науки приводятся в представленных текстах?
6. В приведенных текстах много старинных слов, о значении которых можно догадаться по корням, проявленным в других современных словах. Объясните значения слов, характеризующих человека в этих текстах:
 - (об Иване Грозном) естествословен, смышлением быстроумен, доброзрачен;
 - (о царевне Ксении) писанию книжному навычна, многим цветуще благоречием, воистинну во всех делах чредима;
 - (о Парисе — Александре) гърлист, велеуст, радостив, леп, доброходен.
7. Какие оценки (положительные или отрицательные) имеют в приведенных текстах слова:
безмолвие — бессловесие — безгласие — немословие
велеречие — многоречие — краткословие?
8. Какие положительные / отрицательные качества речи фиксируют многочисленные синонимы слов *благоречие* / *злоречие*?
9. Каков образ речевого поведения человека Древней Руси? Насколько проявлены эти культурные традиции в нашем современном общении?

СКАЗАНИЕ О СЕДМИ СВОБОДНЫХ МУДРОСТЕХ. МУДРОСТЬ... РИТОРИКА (до 1620)

Предположительно «Сказание о семи свободных мудростех» было написано в первые десятилетия XVII в. Некоторые цитаты из главы «Мудрость третья. Риторика» проявились в тексте первой русской «Риторике» 1620 г., а сама эта глава из «Сказания» стала первым предисловием к тексту «Риторике».

«Сказание...» — образцовое учебное сочинение Древней Руси. Состав средневековых наук включал «семь свободных искусств» (*septem artis liberalis*), делящихся на тривиум гуманитарных дисциплин (грамматика, диалектика, риторика) и квадравиум технических дисциплин (арифметика, мусика, геометрия, астрология).

Язык сочинения говорит о том, что оно могло быть написано самостоятельно древнерусским книжником-знатоком и учителем в школьных науках. Каждая из наук представлена в образе прекрасной женщины, говорящей о себе и призывающей к учению.

Текст главы печатается с некоторой редакторской правкой по книге:

Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подготовка текстов и вступ. ст. О.А. Белобровой. — Л., 1978. — С. 144—145. Текст сверен с другими списками «Сказания» и аналогичным текстом в списках первого предисловия к первой русской «Риторике» 1620 г. В предисловиях к «Риторике» этот текст имеет название «О ритории похвала и сказание (повествование)».

Зрят мя убо мнози и не внимают о мне, аз же яко приятель есмь мудр и благ, иже всех добротою люблю и в лепоту желания моего всех призываю, и всем по существу им ся случаю, но вы своя мене, честныя науки, удаляете и навькнути мене не желаете. Сего ради и нечаянием моего учения или пристроенном некако обычнаго ми нрава по естеству, яко же лепо бывает, но простым умышлением, аки неким глумлением ко мне всегда присвояете, понеже везде и всегда, еже пишете и глаголете, то все мною совершаете и украшаете и удобно мнительством сотво-

ряете. И егда что в письменех, или в стихах, или в посланиях, или в коих беседах и в разговорных речениях без моего риторического пристроения, тогда о том убо разумеется нарицаете и сами неколико в том же ся обретаєте и таковыя сплетающаго обругаете и осмехаете, понеже свою мудрость мене, риторику, честную науку, презираете и о науце моего учения стужаете; еже могущую вас паче елєя умастити, и паче червленицы украсити, и паче злчных цветов и благовонных арамаат разум ваш моим учением удивити.

Мною бо и Димостен [Демосфен], иже древний от еллин честен философ, славен ся учинил, той бо мя исперва поиска и обрете, и по нем прочии ритори, иже чудни разумом в чловецах явишася и хитроречию началницы быша, и иже мене и риторику нарекоша. Рисис бо по еллински глаголаніе или реченіе толкуется, и иже кто о мне упражняшеся, ритор той нарицашеся не мене ради он, но аз тем, той бо есть существо аки мед и воск, аз же случай, яко зрак и печать, или он и аз аки плоть и румянство, понеже он сый человек, аз же бе наука.

Селение же и удобное совокупление имам, еже и диалектика глаголет, яко та со мною и аз с нею. Похвальная же и златострунная (златострунная?) грамматика с нама же и начало нама, но сия убо во своих гласовательных трубах да вещают о себе, и аз убо днесь возвещаюся да глаголю. Есмь бо от седмих честна и велика свободная мудрость риторика нарицаюся, сииречь хитроречия источник; тем примите мя с любовным вожделением.

Аз же дамся вам з быстрым светлоречіем, аз бо мудрость есмь сладкогласнаго реченія, аз сладость дивнаго чиновнаго сказанія, аз доброта неоскудеваемаго богатства, аз сокровище некрадомаго стяжательства, аз велеречіе, неотягчавающее ушесам, аз от человек вражды темныя всегда отгоняю и в тоя место светлую любовь в них вселяю, аз гнев пожиною и брань попираю, благостыню же ввожу и совет составляю, аз лукавая словеса посекаю и ложь обличаю и лєсть отсекаю, а целомудріе утверждаю, аз светлая слава и умная сила.

Сего ради не может мудр быти философ, иже не разумевый мене. Взыскавый же мене не утрудится и обретьый мене скоро без печали будет. Аз бо младыя научаю и старыя умудряю и в роды благородія того вселяю, понеже во вся мысли урядство слова извиваю, дабы знал и ведал и умел во всяких вещах детелных и зримых и в судбах земских по обычаю закона государства того, где кто родился, пригодно и угодно, ясно сказати и розсказати, и ко всякому реченію светлости словесныя придавати, и сладости исполняти, и слышащих всех удивляти, и о настоящем бы словеси

или речении быстростию суда разстропствовати; и в конечном словеси разговором моим и многозримым смыслом не забыти умудрити, и о том, что отчего или откуда приемлются и шествуют укрепления и разрешения изящнаго разсуждения, и чего подобает смотреть и хранитися — в том постановлении здравствуйте.

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ

1. Что говорит риторика, представляя в образе прекрасной женщины-мудрости, о целях и содержании своего учения?
2. В каких видах речи обучает риторика правильно говорить и писать?
3. Как объясняется происхождение слова *ритор* и его соотношение с *риторикой*? Как представлен первый ритор Демосфен?
4. Как риторика соотносится с другими науками-мудростями: грамматикой и диалектикой?
5. Переведите этот текст на современный язык с сохранением старинных понятных слов. Если у вас есть студенческий или школьный театр, попробуйте написать сценарий праздника, в котором все «науки», которые вы изучаете, рассказывают о себе, представляя сущность своего учения. Сохраняя старинный торжественный стиль, вы можете разнообразить текст выступления наук, одетых в старинную тогу (платье) или иной торжественный наряд, «современными» реалиями вашего вуза или школы.
6. Прочитайте вслух отрывок из речи «Мудрости Риторике», которая в образе прекрасной женщины говорит своим ученикам о результатах своего учения. Здесь все слова русские, только несколько устаревшие. Попробуйте объяснить и прокомментировать их значение: какими современными словами можно их заменить?

Аз же дамся вам с быстрым светлоречием, аз бо мудрость
есмь сладкогласнаго *речения*,
Аз сладость *дивнаго чиновнаго сказания*,
Аз доброта *неоскудеваемаго* богатства,
Аз сокровище *некрадомаго стяжательства*,
Аз *велеречие*, *неотягчевашее* ушесам,
Аз от человек вражды темныя отгоняю и *в тоя место*
светлую любовь в них вселяю,
Аз гнев пожиною и брань попираю, *благостыню* же ввожу
и совет составляю,
Аз лукавая *словеса* посекаю и ложь обличаю, и лесьть отсе-
каю, а целомудрие утверждаю,
Аз светлая слава и умная сила.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РИТОРИКА (1620)

Первый русский учебник по теории риторики был написан до марта 1620 г. — этим временем датируется единственный список с начальной редакцией текста (ГИМ, Синодальное собрание, № 933). Он явился переводом латинской «Риторики» Филиппа Меланхтона в переработке Луки Лоссия (издание образца 1577 г. во Франкфурте). Русский переводчик не просто диктовал записывавшим вслед за ним писцам свой текст — к самым трудным и неудобопонятным статьям оригинала он добавлял свои пояснения, причем эти пояснения стилистически сходны с текстом главы «Риторика» из приведенного выше «Сказания о семи свободных мудростех».

После окончания работы в тексте учебника была проведена стилистическая правка тридцати трех слов (частично по тексту латинской книги Меланхтона), а в феврале 1622 г. неизвестный дидакал (учитель) записал на полях рукописи, переписанной его учениками, свои дополнения к наиболее трудным главам (ГИМ, собр. Шукина, № 941). Эти дополнения потом были перенесены в текст учебника со словами «О том же иначе». При создании 2-й пространной редакции дидакал, видимо, написал также два предисловия, которые вместе с главой «Риторика» из «Сказания...» стали предварять текст всего учебника. В первом из этих предисловий воображением древнерусского книжника создана аллегорическая картина благоустроенного с помощью риторики (!) государства, во втором — риторика сама о себе «глаголет», объясняя свою сущность и вновь, как и в «Сказании...», призывает к изучению своей науки.

Автор-переводчик первой русской «Риторики» пока неизвестен (атрибуция новгородскому и великолукскому митрополиту Макарию, в чьей библиотеке хранился список 1623 г., оказалась неточной). Очевидно, что учебник написан в великорусских землях — местами бытования рукописи были Москва, Соловецкий монастырь (шесть списков — и именно там, скорее всего, была сделана пространная редакция 1622 г.),

Новгород, Ярославль, ряд севернорусских монастырей. Читателю будет интересно наблюдать процесс создания «Риторики» по следующим текстам:

1. Латинская «Риторика» Ф. Меланхтона, с которой был сделан древнерусский перевод.
2. Древнерусская «Риторика» 1620 г. — собственно учебник, где дидаскал к переводным местам из Меланхтона добавил собственный текст. С пометой * мы публикуем дополнения 2-й пространной редакции 1622 г. — обычно они предварены словами «О том же иначе».

Текст печатается в современной графике. При невозможности полной публикации текста нами выбраны следующие фрагменты:

- два предисловия;
- из книги 1-й «Об изобретении дел» (она содержит 174 вопросно-ответных статьи, пронумерованные нами) — оглавление, определение риторики, риторика, «воследований риторика» (традиционных частей), роды речей, описание учебной речи (№ 1—50);
- из книги 2-й «Об украшении слова» (125 статей) — оглавление, принципы украшения речи, глава о тропах, глава о подражании (№ 1—20, 105—114).

С полной публикацией текстов можно познакомиться в кн.: *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. — М., 1999.

Настоящая публикация осуществляется по следующим текстам:

1. Латинский оригинал: *Elementorum rhetorices libri duo Philippi Melantonis in brevis interrogatio contracti ediscendi causa.* — В кн.: *Erotemata dialecticae et rhetoricae Philippi Melantonis.* Francoforti, 1577. — С. 191—255.
2. Текст русской «Риторики» — по единственному списку начальной редакции, датированному мартом 1620 г. : ГИМ, Синодальное собрание, № 933, л. 374—473 об.; обычным шрифтом напечатан перевод латинского текста, полужирным шрифтом — самостоятельные добавления переводчика. Текст 2-й пространной редакции печатается также полужирным шрифтом со знаком * — он воспроизводит самостоятельные комментарии учителя на полях списка января 1622 г.

(ГИМ, собр. Щукина, № 941). Эти комментарии, как правило, были внесены в текст с припиской «О том же инако» (она дается полужирным курсивом).

ОЗНАМЕНОВАНИЕ ИЛИ ПРИКАЗНЬ РИТОРИКИ

1. **Изообретение дела**¹. Царь некто обрете землю удобну и красну и людей в ней множество. Повеле царь ту землю и в ней люди и дома их описати и изчести.

2. **Чиновное различие**. Потом царь повеле росписати их на многостройныя урядства: овех на духовный чин, овех купцев устрои, других же воины, иных же оратаи и прочая чиновная устроения.

3. **Соединение словес**. Повеле же царь им всем на земли той вкупе действом пребывати, сиречь купити и продаяти, овем же землю делати и недостатки коемуждо ближнему своему исполняти.

4. **Память**. Потом же приведе царь от прочих стран разумныя люди различных чинов и повеле им в той земли купити и продаяти и во своя страны отходити, от инех же стран детей и сыновцев приведе и всели в ту землю.

5. **Гласомерное слово от ума**. И повеле им тако пребывати всем вкупе и, кроме его повеления, никому же входити в ту землю, яко да не будет тесноты и излишния зависти и нестроения во устроенней стране той.

Четыре роды. Потом устрои в той обретенной земли царь четыре уряднейшия дела, над ними же четыре начальники и подначальники постави, без них же невозможно царству тому состоятися. И овем убо повеле учити люди, друзии же судити и управляти, инем же паки советовати о всяких належащих делех в земли той, инем же пасти по повелению, овем воинствовати, инем же в миру пребывати и иная творити. Мнози же от тех овии венцы и честь и славу приимаху, друзии же осуждению и казни подлежаху. Вся же сия действоваху некия изряднейшия четыре строители, устроенныя на сие от царя во стране той и иже под ними сущия советники.

Шесть частей или статей риторских. Постави же им царь шесть градов славных и превеликих, иже и во всей вселенной славе происходят о них; в них же от многих стран прихожаху и приношаху различная сокровища и бисеры, купли и прибыли дела многого.

¹ Заголовки, выделенные полужирным шрифтом, написаны в рукописи киноварью на полях. Пронумерованные заголовки представляют пять традиционных частей риторики.

Места или статьи общие. Посреде же вся земля тоя течаше река превеликая и сладкопивная, от нея же пияху людие и веселяхуся и по ней путь шествоваху: ово вниз, ово же спротив рече той.

Возбуждение или воскурение сердца. Некогда же от неких стран егда прихожаху новослышанная начинания, тогда людие с великим устремлением всячески тех к себе ово ласканием, ово извещением, ово прещением примиряху и тако пребываху во устройении своем неблазненно и немязежно.

Вторья книги о украшении слова. Егда же обогащяхуся людие, облачяхуся в красныя и златыя ризы и тако украшяхуся людие и богатством многим цветяху.

НАРЕЧЕНИЕ КНИЗЕ ГЛАГОЛИМЕЙ РИТОРИЦЕ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Аз семь риторика доброглаголивого и яснозрителнаго разумения, мною грамматика исполняется и диалектика украшается, аз связующиися с сими учении витийскую мудрость составлять научаю и бого(благо?)словесная речения ясноглаголателно вещати вразумляю. Мною пространное разумение сокращается, сокровенное ясно глаголется, и ясное паки или явное сокровенно вещается. От мене мнози риторичи и ветия нарицаются и к высокому разумению наставляются, понеже кождо разумение разделяти и разделенное собирати вразумляю, многообразие совокупаю и в совокуплении многое разумение показую. Аз словесным мужем паче в речении силу подаваю и светлоречием украшаю, и в пременении словес приточными речениями и многообразными предложениями умудряю, и в знаменаниях и судебных окружениях и истинну и в противлении познания и изящное разумение и прочая рассуждения многомудренными разумениями указую. И сего ради мнози вотще покушаются разумети моя пределы, зане в косных и нерадивых едва вмещение бывает моему высокому указанию и различеству и собранию.

РИТОРИКА

Elementorum rhetorices libri duo Philippi Melantonis in brevis
interrogatio contracti ediscendi causa

*Книги суть риторики двои потонку в вопросех списаны
скорого и удобнаго ради научения.*

КНИГА ПЕРВАЯ. О ИЗОБРЕТЕНИИ ДЕЛ

- (1) — Loci principales libri primi:
1. Definitio Rhetorices.
 2. Genera causarum quatuor.
 3. Status.
 4. Partes orationis sex.
 5. Loci communes.
 6. Effectus.
- (1) — Начальные места или статьи первых книг:
1. Описание или означение риторики.
 2. Четыре роды дел.
 3. Начальные постановления дела.
 4. Шесть частей или статей речи или слова.
 5. Места или статьи общие.
 6. Возбуждение или воскресение сердца слышателей.
- (2) — Quid est Rhetorica?
- Rhetorica est ars, quae docet viam ac rationem recte et ornate dicendi, quae facultas eloquentia vocatur.
- (2) — Что есть риторика и что содержит учение ея?
- Риторика есть яже научает пути правого и жития полезнаго добрословия; сию же науку сладкогласием или краснословием нарицают, понеже красовито и удобно глаголати и писати научает. Тако же и в судебных делах добро есть и истинна, рисис бо по греческу глаголение или речение толкуется. Гречестии же мудрецы риторию сиречь течение слов глаголют быти, паки же латинстии мудрецы риторикку сию науку нарекли, и сего ради проименовашеся от тоя ритор, сиречь учитель благословия наречен есть. Та же наука от Димоньтена греческаго ритора, сиречь хитроречиваго, и от Маркуса Талиуша и Кикерона, латынскаго хитрословия начальника, чудесным разумом украшена есть. И того ради сию науку никто от философ не преминавал для приснотекущаго и неисчетнаго от нея происходящаго (разума).
- (3) — Что есть ритор?
- Ритор есть, его же и речиточником нареши возможно есть, который бо человек зело в науце речения хитр был, а существо его таково есть, чтобы ему о такихых вещах говорити мощно, которые в делах и на градских судах по обычею и по закону господарства того, где родился, бывают пригодныя и похвалныя. Таковыи же суть человецы

сицевы бывают, будет бы что ни есть безчестнаго или паки славы достойнаго, богатаго или убогаго, праведнаго или нечестиваго, был бы чтоб умел разсужати и ко всякому делу подобающие слова прилагати.

(4) — Quod est officium seu finis Rhetorices?

— Iudicare de longa Oratione, qualis sit partium series, quae sint ornamenta, item efficere, ut oratio certas partes habeat, et res magnas non exponat breuiter, sed addat verborum lumen.

(5) — Quod est discrimen Dialecticae et Rhetoricae?

— Dialectica res nudas proponit, Rhetorica vero addit elocutionem, quasi vestitum.

(4) — Последование паки: что есть существо науки риторики?

— Таково есть еже разсужати о долгой беседе или речении, и каков бы был чин и урядство частей или статей в беседе, и каково есть украшение словесное, а потом паки зделати то, чтоб украшение словесное подлинныя статьи имело, и чтоб великия дела краткими словесы и малыми, немного выговаривая, но точно чтоб прибавляла и придавала светлости и сияния словеснаго.

(5) — Чим есть различна диалектика от риторики?

— Тем, понеже диалектика простые дела показывает, сииречь голые, риторика же к тем делам придает и прибавливает силы словесные, кабы что ризу честну или некую одежду.

(6) — Quod sunt officia oratoris?

— Quinque: Inventio, Dispositio, Elocutio, Memoria, Pronunciatio.

(7) — Quid est inventio?

— Est, ut Cicero finit, excogitatio rerum verarum aut verisimilium, quae causam probabilem reddunt.

(6) — Много ли есть воследований всякаго риторя или хитраго речиточника?

— Пять воследований есть: 1. Изобретение дела; 2. Чиновное различие или розряд дела; 3. Соединение слов с пригодными словами; 4. Память; 5. Гласомерное и вежливое слово.

(7) — 1. О обретении дел. Что есть обретение дел?

— О том Кикерон философ писал, что обретение есть сииречь выдумание или вымысл праведных вещей или к правде подобных, которые вещи всякое дело яснейшее и к правде подобнейшее показывают.

*** О том же инако. Сво(й)ственно есть уму еже помыслы раждати, но праведные и удобныя мысли сие се есть изобретение (глаголется), сииречь нахождение престоящаго слова (...)**

(8) — Quod est dispositio?

— Est rerum inventarum in ordinem distributio.

(9) — Quid est elocutio?

— Est idoneorum verborum et sententiarum ad inventionem accomodatio.

(8) — 2. О чиновном различии. Что есть чиновное различие или розряд дела?

— Разделение есть обретенных вещей на чиновные и урядные статьи разсечение или разделение.

** О том же инако.* Чиновное различие есть яко ж в сей книзе обрящещи чиновное разделение и ово ж свойственное и прочая разделения, в нем же зрятя чин, разделение, число, именование.

(9) — 3. О соединении слов. Что есть соединение слов?

— Соединение писмен есть пригодных и удобных слов и стихов или притчей ко обретению дела приложение и прировняние.

** О том же инако.* Яко же и делатель в хитром своем действе различными украшениями созидает дело, сице же и речиточник мудрый различными разумении слово свое составляет и, яко оный делатель златом, словесное дело украшает и уясняет. К сему ж учению последует речиточное украшение, приточное замышление, хитрословное сложение и затейное или подобительное приложение.

(10) — Quid est memoria?

— Est firma animi, rerum et verborum ad inventionem perceptio.

(11) — Quid est pronuntiatio?

— Est ex verborum et rerum dignitate, vocis et corporis moderatio.

(10) — 4. О памяти. Что есть память?

— Память есть совершенное и крепкое в разум взятие или приятие вещных слов, по обретению дела удобных и пристоящих.

** О том же инако.* Память еже есть от научения и почитания божественнаго писания писмен приемлетя, яко от евангелия и прочих божественных писаний и от летописных действий на рассуждение и укрепление разума глаголющаго и слышащаго.

(11) — 5. О гласомерном выговорении. Что есть гласомерное говорение?

— Гласомерное есть слово гласа и тела мерное и вежливое устройство, от частей и от достоинства слов и дел производящее.

** О том же инако.* Гласомерное слово бывает по рассмотрению дела распространительно и сокращенно, и в неких некогда яко и светом на среду скрываемое приносится и изьявляется, некогда же по ревности, яко и от искры светловоздушный пламень возгарается, инде же яко и кораблю по морю плавание бывает, есть же иногда (яко) некий источник или сладкопивная река изливается и некогда

же яко и мед услаждается и светлоразумно просвещается и расширяется или сокращается и многовидно разумеается. <...>

(15) — Genera causarum. Quot sunt genera causarum?

— Quatuor: Didascalicon sive didacticum, Judiciale, Deliberativum, Demonstrativum.

(16) — Quid est genus Didascalicon?

— Est Methodus illa docendi, quae traditur in Dialectica.

(17) — Quid est genus Judiciale?

— Est, quod controversias forenses tractat.

(18) — Quid est genus deliberativum?

— Est, quod in suadendo et dissuadendo versatur.

(19) — Quid est genus demonstrativum?

— Est, quo laus et vituperium continetur.

(15) — О родех. Много ли есть родов дел?

— Роды дел четыре суть:

1. Род научающий.

2. Род, к суду пристоящий, сиречь судебный.

3. Род разсужающий.

4. Род показующий.

(16) — 1. О роде научающем. Что есть род научающий?

— Род научающий иже есть наука или письмо науки, которой учит диалектика.

(17) — 2. О роде судебном. Что есть род судебный?

— Род судебный есть иже описует брани или сопротивныя двух суперников на суду речения.

(18) — 3. О роде разсужающем. Что есть род разсужающий?

— Род разсужающий есть иже учит радети и советовати кому ни есть в делех своих. Тако же паки и сопротивно советовати, чтобы чево недоброво и непригодново затем не последовало.

(19) — 4. О роде показующем. Что есть род показующий?

Род есть показующий, в нем же содержится похваление дела и похуление. <...>

(27) — *De genere didascalico*. Quid est genus Didascalicon?

— Est methodus docendi sive explicandi quaestiones simplices et propositiones, quam Dialectica tradit. Utimur eo in docendo, sciscitando, interrogando, respondendo, disserendo, exponendo, sive interpretando omnis generis scripta.

(28) — Quae negocia seu causae pertinent ad genus Didascalicon?

— Quaestiones quaecunque, de quibus docendi sunt homines.

(29) — Quo tuplices sunt quaestiones huius generis?

- *Duplices, simplices et conjunctae.*
- (27) — О роду научающем. Что есть род научающий?
— Род научающий есть наука или образец учения или толкование вопросов простых и гадание дела, еже диалектика учит, а требует того образца или науки во учении, в проповедании дела, в роспросе, в давании ответа, в розговоре, в толковании всякаго письма.
- (28) — Которыя дела пристоят к роду научающему?
— Всякия вопросы, от которых подобает учить люди.
- (29) — Много ли есть вопросов того роду?
— Двое: простые и совокупленные.
- (30) — *Quid est quaestio simplex?*
— *Est, cum de una, voce quaeritur, ut quid sit virtus, quid sit poenitentia.*
- (31) — *Quid est quaestio coniuncta?*
— *Est integra propositio, quae aut est confirmanda, aut confutanda, ut: Oporteatne Christianum abijcere facultates.*
- (32) — *Quot sunt loci, quibus quaestio simplex tractatur?*
— *Sex praeci pui:*
 Quid sit.
 Quae sint partes seu species.
 Quae causae.
 Quae effectus.
 Quae cognata.
 Quae pugnancia.
- (30) — О простом. Что есть простой?
— Таков, коли о едином гласе или деле спрашивают, сице что б была добродетель и что бы было покаяние.
- (31) — О совокупленном. Что есть совокупительный?
— Совокупительный есть егда целое гадание или сказание дела, которое удобно есть похвалити или укрепити или инако сопротивно истолковати и развести, как есть: подобает ли человеку христианину или надобно ли возгнушати богатствами.
- (32) — Много ли есть мест или статей, ими же простой вопрос описуется?
— Началнейших есть шесть:
 1. Что бы был.
 2. Которые бы были части или образцы.
 3. Которые дела.
 4. Которые совершенства.
 5. Которые соединения.
 6. Которыя сопротивляющиися.

- (33) — Quae est horum locorum utilitas?
 — Ut, cum docere aliqua de re homines volumus, admoneant nos, ubi quaerenda sit materia, aut certe quid ex magno aceruo eligendum sit, et quo ordine distribuendum.
- (34) — Dic exemplum quaestionis simplicis?
 — Fides.
- (35) — Quid significat vocabulum fidei?
 — Interdum historiam de Christo, sed in Prophetis et Apostolis significat fiduciam, qua assentimur promissionibus Dei.
- (33) — Каково есть достояние (корысть) тех мест или статей?
 — Таково, егда хошем и желаем о каковом деле людей научити, чтоб те статьи в памяти были у нас, где бы удобно искати начала дела, или которые бы с великаго или со многаго собрания дел собирати ужоже было и каковым урядством разделяти дела.
 * **О том же инако. Начало дела — вера к Богу, в ней же различия дел собираются и созидаются любовью, и любовь разделяется во многия добродетели.**
- (34) — Скажи образец простаго вопросу.
 — Вера.
- (35) — Что знаменует слово веры?
 — Иногда знаменует историю или описание живота Христова, но во пророцех и во апостолах знаменует веру и надежу истинную, ея же ради произволяем по обещанию Божию.
- (36) — Quid est fides?
 — Est assentiri promissioni Dei, in qua pollicetur se nobis fore propitium propter Christum.
- (37) — Quae sunt partes fidei?
 — Nulla possunt recenseri, quia fides est unus quidam motus mentis intuens promissiones. Complectitur tamen notitiam in intellectu, et voluntatem, quae vult, et accipit oblatum beneficium.
- (38) — Quae sunt species fidei?
 — Fides versatur alias circa promissiones rerum corporalium, alias circa promissiones gratiae et rerum aeternarum.
- (39) — Quae est causa efficiens fidei?
 — Spiritus sanctus, et voluntas hominis assentiens seu non repugnans.
- (36) — Что есть вера?
 — Вера есть произволение обетованию Божию, в нем же обещается нам милостив быти для Христа.
- (37) — Много ли есть частей веры?

— О тех ни о единой невозможно есть сказати для того, что вера есть едина некоторое движение разума или мысли зряще на обещание, но разделяется то познание на разум и на волю, ими же и желает человек и принимает данное или обещанное добродейство и блаженство.

*** Яко апостол глаголет: един Бог, едина вера, едино крещение и прочая.**

(38) — Которые суть образцы веры?

— Вера суть иным образцом описует обещания вещей телесных, иным же образцом описует обещания милости и вечных благ.

*** (Решение) яко же о сем глаголет апостол: сеяи во плоть пожнет истление, семяи же в дух пожнет нетление и живот — виждь различие образцов и сопротивление.**

(39) — Которое есть дело, совершающее веру?

— Дух святой и воля человеческая, произволяющая или сопротивляющаяся благому.

(40) — Quae est causa instrumentalis?

— Verbum promissionis, per quod efficax est Spiritus sanctus, impellens mentem seu voluntatem hominis.

(41) — Quod est subiectum fidei?

— Mens hominis seu voluntas.

(42) — Quod est obiectum?

— Promissionis rerum corporalium et aeternarum.

(43) — Quis est finis?

— Vita aeterna.

(44) — Qui sunt effectus fidei?

— Justificatio seu imputatio iustitiae, tranquillitas et gaudium conscientiae, dilectio, inuocatio, et eventus vita aeterna.

(40) — Которое есть дело осудовое?

— Есть слова обещания, его же ради совершенныя силы и есть дух святой, приводящий к делам добрым разум или волю человеческую. *** Зри zde двообразие.**

(41) — Которое есть поддание веры?

— Разум или мысль или воля человеческая. *** единообразие.**

(42) — Что есть в помышлении приятие?

— Обещания вещей временных и вечных. *** сииречь благих или злых: вечный — совершение, живот телесный же — осуждение.**

(43) — Что есть конец?

— Живот вечный.

(44) — Которыя суть совершенства веры?
— Оправдание или присвоение правды и добродетели, смирение или покой, и радость совести, и любовь, яже к Богу, призывание святых и совершенное получение живота вечнаго.

* **Зри сказание дел или считание.**

(45) — Quae sunt cognata?

— Spes spectans futuram liberationem, et dilectio.

(46) — Quae pugnantia?

— Simulatio fidei, desperatio, et temeritas seu praesumptio.

(47) — *De coniunctis quaestionibus.* Qui sunt loci thematis coniuncti?

— Definitio, Causae, Effectus, Partes, Pugnantia.

(48) — Da exemplum coniuncti thematis.

— Discedere a facultatibus non est Christiana iustitia.

(45) — Которые суть соединенныя?

— Надежа, яже ожидающи будущаго освобождения и избавления, такоже и любовь Божия и искренняго своего.

(46) — Которыя суть сопротивляющиися?

— Изступление веры, отчаяние надежи или милости Божия, сииречь самомнительство.

(47) — О совокупленных вопросах. Которые суть места положением совокуплены?

— Писание, дела, совершение, части и сопротивляющиися.

* **(Решение) Писание, яко ветхий и новый завет; дела, яко добродетели и злобы; совершение, яко о всем приведет Бог на суд и прочая; части, яко не равны суть действия и различнии многия разуму смышления, и ови суть добры, ови же сопротивляющеися.**

(48) — Покажи образец совокупленнаго положением.

— Отступати или возгнушатиися богатствами не есть христианское оправдание.

(49) — Proba a definitione.

— Christiana iustitia est res aeterna in spiritu, nosse ac timere Deum, credere in Deum.

Discedere a facultatibus non est res aeterna neque ad spiritualem vitam necessaria.

Igitur Christiana iustitia non est discedere a facultatibus.

(50) — Proba a causis.

— Evangelium non abolet res politicas. Tenere proprium est res necessaria in politia. Igitur Evangelium non praecipit discedere a facultatibus.

(49) — Искушение от описания.

— Христианская правда или оправдание есть вечная вещь в душе, еже знати и бояться Бога и верити в Бога, а сего ради отступати и возгнушатися богатствы несть вещь вечная, ни живота духовнаго потребная. Тако и правда христианская несть то еже отступати и возгнушатися богатствы.

(50) — Искушение от дел.

— Евангелие не возбороняет и не отрицает вещей житейских, а имети свое прямое имение то есть потребное дело в житействе. Сего ради и евангелие не повелевает отступати и вознушатися богатствы. * **Имение Бог созда, неправда ж от диявола — сесть от дел познание.** <...>

LIBER SECUNDUS DE ELOCUTIONE
КНИГА ВТОРАЯ. ОБ УКРАШЕНИИ СЛОВА

(1) — Loci principales.

1. Figura.

Tropus,
Schema.

2. Ordo figurarum triplex:

1) Pertinens ad situm verborum:

Grammaticae Dictionis, Constructionis;
Rhetoricae, ad emphasin, et lucem vocabuli.

2) Sententiam seu mentem orationis, cui motum seu gestum addit.

3) Amplificationem orationis.

3. Imitatio.

4. Tria genera causarum.

(1) 1. Образец или выobraжение или цветочцы:

тропос;
схема, начертание.

2. Чин и урядство выobraжение трегубый:

1) пристояще до положения словеснаго в грамматике; в риторике — до обявления и до ясноты слова, словеснаго и уставляющаго;

2) пристоящие к мысли и к повести речения, которому движения или действия придает;

3) пристояще к размножению слова.

3. Последование.

4. Трегубые роды дел.

- (2) — Quid est elocutio?
 — Est, quae dilucida et perspicua oratione res exponit et illustrat.
- (3) — In quot rebus elocuti ratio consistit?
 — Tribus:

Primo in sermone Grammatico;

Secundo in Figuris;

Tertio in amplificationibus.

(Crassus apud Ciceronem lib. 3 requirit in Oratione quatuor partes: in Latine, ut dilucide, ut ornate, ut apte dicatur.)

- (2) — Что есть украшение слова?
 — Украшение слова есть которое ясно и явно и сладкою речию или глаголанием дела и вещи объявляет и отвещает и показывает.
- (3) — На многих ли вещех образец изречения создается и по-становляется?

— На трех вещах: первое — на речи грамматической, второе — на выobraжениях, третье — на умножении вещи и дел. Красус у Кикерона в книгах третьих поставляет в речении четыре части: чтоб латинским и истинным языком, и чтобы ясно и не закрыто, и украшенною речию или глаголанием удобно говорилось.

- (4) — Quid est sermo Grammaticus?
 — Est, qui constat verbus usitatis, proprijs et significantibus, quae Grammaticae praecepta certa ratione coniungi et construi debent ad imitationem eorum, qui eleganter et vere Latine, et non moleste locuti sunt, quales sunt Terentius, Cicero, Caesar, Livius, et quidam alij.
- (5) — *De figuris*. Quid est figura?
 — Est, quemadmodum Quintilianus definit, arte aliqua, novata dicendi forma.

- (6) — Quotuplex est figura?
 — Duplex: Tropus et Schema.
- (4) — Что есть речения грамматического?
 — Сицево есть которое содержится на словах потребных и объявляющих, которым словам по науце и по приказанию грамматическому прямым образцом и мерою соединенным подобает быти; последуючи за теми мудрецы которья красовито и истинно, не немуючи латынским языком говорили, яко Тенцыус, Кикерон, Цесарь, Ливиуш и иные.

- (5) — О выobraжениях. Что есть выobraжение?
 — Выobraжение есть, яко же о том описует Квинтилианус, некоторое новое наукою и смышлением выobraжение глагола-ния.

(6) — Много ли есть того выobraжения?
— Сугубо есть: тропос ***(пременение слов)** и схема ***(начертание или написание)**.

(7) — *De Tropo. Quid est Tropus?*
— Est, cum vox a propria significatione ad rem similem aut vicinam vertitur, ut Demosthenes inquit: Philippu magnitudine rerum gestaru ebrium esse.

(Ние apparet non retineri propriam significationem ebrietatis.)

(8) — Quotuplex est Tropus?
— Duplex: Dictionis et Orationis.

(9) — Qui sunt Tropi dictionis?
Metaphora, Antonomasia,
Metalepsis, Onomatopoeia,
Synecdoche, Catachresis,
Metonymia, Periphrasis.

(Jure recensentur inter Tropus Hyperbole et contraria Extenuatio, sed de his infra de amplificationibus dicitur.)

(7) — Что есть тропус, сииречь слова пременение?
— То есть егда глас или слово от истиннаго свойственнаго естества и описания переменяется или обращает к подобной вещи или к ближней, яко же о том глаголет Димонстенес философ, что Филипп царь макидонский величеством и высотой вещи и дел соделанных и совершенных пьяным был. Зде объявляет, что не имеет истиннаго объявления пьянства.

(8) — Много ли есть тропос?
— Сугубо есть: словесной ***(словесныя)** и речения ***(сказательныя)**.

(9) — Которыя суть словесныя тропи?
— Сицевы: метафора ***(пренесение слова или краткое подобие)**, металепис ***(предложение от силы)**, синекдохе ***(промены словес)**, метонимия ***(проименование или прозвание)**, антономасия ***(пременение от различия имен)**, ономатопеия ***(новоимение)**, катахресис ***(злое требование)**, перифрасис ***(изяснение или изявление)**.

По делу считаются меж тропос, сииречь меж пременения, наподобия и сопротивления, уменьшения, но о тех делах ниже о размножении глаголати имама.

(10) — *Quid est Metaphora?*
— Est, cum vox a genuina et propria significatione ad non propriam transfertur, ut ferreum pectus, pro eo, quod flecti aut terreri non potest. Allatrare pro convitari. Teneo aut video, pro intelligo.

(Latine translatio, Cicero brevem similitudinem vocat.)

(11) — Quid est Metalepsis?

— Est, cum non transfertur nomen a simili, ut in Metaphora, sed sumitur a causa aut effectu, ut pallida mors, quia facit pallere corpora, Vinum cali dum, quia calefacit corpora. (Latine transsumptio.)

(10) — Что есть метафора?

— Метафора есть егда глас или слово от прирожденного естества и от свойственного ознаменования к неподлинному и несвойственному переносится, яко же железной живот глаголется ради того и за то, что не может ся утраштити и наклонити, яко же лаяти глаголется от зависти кого обвиняти; яко же держю, имею и вижу глаголется за слово разумею. Латинским языком метафора нарицается трантланцо, сииречь пренесение слова — Кикеро кратким подобием нарицает.

(11) — Что есть металепис?

— Металепис есть егда не переносится имя от подобнаго себе именованя, яко же есть в метафоре, но шествует от дела или от совершения, яко же есть бледная смерть для того нарицается, что плоти человеческия сотворяет бледны; яко же вино горячее есть того ради, что взогревает телеса человеческия. Латинским языком преставлением или преложением, сииречь трантумпцио, нарицает.

(12) — Quid est Synecdoche?

— Est, cum ex uno plura intelliguntur, aut econtra, ut Poenus pro Poeni, tectum pro domo.

(13) — Quot modis fit?

— Sex.

Primo, cum totum parte comprehendimus, ut cum animam dicimus, pro animante seu homine.

Secundo, cum pro parte totum dicimus, ut exercitus caesus, pro plurimi interfecti sunt.

Tertio, cum continens pro contento sumitur, ut Epotos cados pro vino epoto, apud Ciceronem.

Quarto, cum materia ponitur pro forma seu re confecta, ut ferrum pro gladio.

Quinto, cum species ponitur pro genere, ut Pontus pro quolibet mari.

Sexto, cum ex praecedentibus intelliguntur sequentia, ut Vixerunt pro mortui sunt, Concutero muros pro oppugnare.

(12) — Что есть синекдохе?

— Синекдохе есть егда со единого слова многая разуметися

может или паки сопротивным образом, яко же есть греченин вместо гречания, каркагиненчик вмести дому или двора¹.

(13) — Многия ли образцы случаются?

— Шесть: первое — егда целое дело единою частию затворяем, яко же глаголем душу вместо душевнаго или вместо человека; второе — егда вместо части целое глаголем, яко же войско побитое вместо многих побитых суть; третье — егда содержаще емлются вместо совершенства, яко же есть написано у Кикерона: выпитые бочки вместо выпитое вино; четвертое — егда же естество или материя описуется или глаголет вместо образцы или выображения, или вместо вещи сделанной, яко же железо глаголем вместо меча; пятое — егда образец ставится вместо роду, яко же понтус ***(окиян)** вместо всякаго моря; шестое — егда с предыдущих дел разумеается последующе, яко же глаголется: жили вместо измерли, стрешаю или стреляю к стенам каменным вместо побежаю.

(14) — Quid est Metonymia?

— Est cum vicinum nomen pro vicino ponitur, ut signum pro signato, scepra pro regno, fasces pro imperio, claves pro officio vel potestate, toga pro pace, agnus pro victima. Item cum inventorum seu autorum nomina sumuntur pro rebus, ut Bacchus pro vino, Ceres pro frugibus. Mars pro bello, Moyses pro lege, Christus pro Evangelio.

(Latine Transnominatio.)

(14) — Что есть метонимия?

— Метонимия то есть егда ближнее имя вместо ближняго ставится, яко же знамя вместо назнаменования, скипетры вместо царства, сосновые вместо владения — у риян бывал таков обычай, что пред начальниками и властями носили сосновые рожечки привязаны к топору, ключ вместо чину властелинскаго, долгое портище вместо покою — у римлян был таков обычай, чтоб долгое платие во время покою носили, а на службу или когда война начинается, тогда то платье складывали, нарицали его тога, агнец вместо жертвы. Также егда снискателей или творцов имена емлются вместо вещей, яко же есть Бахус вместо вина, Цесарь вместо хлеба, Арис вместо войны, Моисей вместо закону, Христос вместо евангелия. Латынским языком метонимия нарицают трантноминацио, сииречь имени прозвище.

¹ Пропуск в переводе — должно быть: карфагинянин вместо Карфагена, крыша вместо дома (А.В.).

- (15)** — Quid est Antonomasia?
 — Est cum definitionem aut Etymologiam, aut descriptionem pro aliquo nomine ponimus, ut pro Homero Poëtam, pro Aristotele Philosophum, pro Christo Servatorem, pro ira bilem efferuescentem.
 (Latine nomines permutatio.)
- (16)** — Quid est Catachresis?
 — Est nominis abusus, ut cum parricidam dicimus pro eo, qui propinquum occidit. Item, cum pro virtutibus vicina vitia, aut contra dicimus, ut pro crudelitate severitatem, parsimoniam pro auaritia.
 (Latine abusio.)
- (15)** — Что есть антономасия?
 — Антономасия то есть егда начертание или ознаменованье, или истиннословие, или описание ставим вместо какого имени, яко же есть вместо Омира — творца стихов, вместо Аристотеля — философа, вместо Спаса — Христа, вместо гневу — злость отриченную. Латынским языком антономасию нарицают пермутацио, сииречь пременение.
- (16)** — Что есть катакресис?
 — Катакресис то есть злое требование имени, яко же егда глаголем и отцаубийца вместо того, иже ближнего своего сродника убил. Также егда вместо добродетелей ближние злобы и грехи глаголем или сопротивно нечто, яко вместо мучительства лютость, щадное житие вместо лакомства. Латинским языком катакресис нарицают абужио, сииречь злое требование.
- (17)** — Quid est Onomatopoeia?
 — Est nova fictio nominis, ut Bombarda, tarantara pro cantu tubae.
- (18)** — Quid est Periphrasis?
 — Est circuitio nominis, ut studiosus sapientiae pro Philosopho, ars bene dicendi pro Rhetorica, cubito se emungit pro salsamentario.
- (19)** — Qui sunt Tropi orationis?
 — Allegoria et eius species.
- (20)** — Quid est Allegoria?
 — Est perpetua metaphora, non in uno verbo, sed in sententia, cum aliqua res significatur similitudine quadam, ut iugulum petere, pro eo quod est causae caput aggredi. <...>
- (17)** — Что есть ономотопеия, сииречь именнотворение?
 — Ономотопеия есть новое вымышление имени, яко же бомбарда вместо пищала, тарантантара вместо гласа трубнаго.
- (18)** — Что есть перифрасис?

— Перефразис есть окрест и окружение имени, яко же печалник или ученик премудрости вместо философа, наука доброглаголения вместо риторики.

(19) — Которые суть тропи речения?

— Тропи речения суть аллегория, сииречь подобие и его образцы.

(20) — Что есть аллегория?

— Аллегория есть вечная и постоянная метафора не во едином слове, но во повести, егда которая вещь описуется и обявляется некоторым подобием, яко же давити кого — вместо того глаголется, что есть виною до безголовнаго дела. <...>

(107) — *De imitatione. Quid est Imitatio?*

— Est (ut ex Quintiliano colligitur) cum ex autoribus lectione dignis, verborum copia sumitur et varietas figurarum, ac componendi ratio, atque ad exemplum virtutum omnium mens dirigitur.

(108) — Quotuplex est Imitatio?

— Duplex: generalis et specialis.

(109) — Quid est Imitatio generalis?

— Est, qua bonos omnes imitatur.

(110) — Quotuplex est?

— Duplex: rerum et verborum seu elocutionis.

(107) — О последованию. Что есть последование?

— Последование есть егда от творцов, достойных ко чтению, конец слов приемлется и различие образцов или видов и подобие слагания и разум обращается к подобию всех добродетелей.

(108) — Колико есть последования?

— Сугубо есть: общий и свойственный.

(109) — Что есть последование вселенное (общее)?

— Последование общее есть иже за всеми же добрыми людьми последуемы.

(110) — Колико его есть?

— Сугубо есть: вещей и слов или украшения глаголения.

(111) — Quid est Imitatio rerum generalis?

— Est qua bonos omnes in inventione et dispositione imitamur.

(112) — Quot est ea sunt obseruanda?

Duodecim:

Primo, quibus ex loci boni autores ducant exordia.

Secundo, unde sumant amplificationes.

Tertio, quomodo tractent locos communes et affectus.

Quarto, quomodo concilient animos, quomodo perturbent.
Quinto, quam tempestive et parce aspergant sententias.
Sexto, quam diligenter conseruent decorum.
Septimo, quanto consilio disponant in causis.
Octavo, ubi praeparent auditorem.
Nono, ubi narrent.
Decimo, ubi disputent.
Undecimo, ubi refutent adversarium.
Duodecimo, quomodo in Epilogis motus et affectus orrationi addant.

(111) — Что есть последование вещей общих?

— Последование вещей общих есть которым за всеми добрыми во обретении и в преложении последуем и шествуем.

(112) — Колико подобает в не(й) смотреть?

— 12:

- 1) с которых мест добрые творцы взимают начала дел;
- 2) откуда приемлют размножение дел;
- 3) яко общие места и возбужения полагают;
- 4) яко приводят мысли и сердца человеческия, сии-речь слышателей, к послушанию и яко же страшуют;
- 5) яко же временно и скудно или непространно повести свои уставляют;
- 6) яко же прилежно содержат чести;
- 7) сколь великим советом разставляют части в делах;
- 8) где уготовляют себе слышателей;
- 9) где сказывают дела;
- 10) где разговаривают;
- 11) где побеждают глаголом сопротивляющаго;
- 12) яко в затворении глаголанья движения и возбужения исполняют. <...>

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ

1. В первом предисловии учебника картина благоустроенного утопического государства соотнесена со всеми разделами риторики. Прочитайте внимательно текст и покажите, на каком основании созданы эти сравнения.
2. Многие слова имеют в старинном тексте свой «изначальный» смысл. Переведите на современный язык выделенные слова (№ 11): Гласо-

мерное есть слово гласа и тела *мерное* и *вежливое* устройство, от частей и от достоинства слов и дел происходящее.

3. Как определяются понятия *риторика* и *ритор* (см. книга 1-я, № 2—3)? Что можно взять из этих определений для современного понимания риторики?
4. Если вы изучаете латинский язык, сравните латинский текст и перевод древнерусского учителя. Какие выводы можно сделать относительно характера древнерусского текста (насколько он пространнее и украшеннее латинского текста)?
5. Какие основные *части риторики* называет автор учебника? Как вы думаете: почему ему потребовалось комментировать переведенную часть учебника?
6. Какие *роды речей* называет автор учебника? Каковы их цели? С какими современными видами речи и сферами общения вы соотнесли бы описываемые роды речей? С какими современными терминами соотносятся слова «род» — лат. *genus* (см. книга 1-я, № 15—27)?
7. Покажите, что обучение способам рассуждения о какой-то теме строится по основным *топам* (смысловым моделям), которые называются «*местами*» (№ 32—46).
8. Назовите основные разделы учения об украшении речи (книга 2-я). С какими разделами современных наук о речи соотносятся главы книги?
9. Какие качества речи требуются для ее украшения (см. № 2—3)?
10. Многие латинские слова переведены необычно, хотя переводчик старался переводить дословно. Что такое «*выображение*» (№ 5), «*последование*» (№ 107)?
11. Как объясняются в учебнике основные *тропы*: *метафора*, *металепсис*, *синекдоха*, *метонимия*, *антономасия*, *катакреза*, *ономатопейя*, *аллегория*?
12. Известно, что подражание — один из способов обучения. Как строится процесс имитации, в чем необходимо подражать образцовым риторам? Что из этих наблюдений можно использовать сегодняшнему ритору (см. № 112)?

НИКОЛАЙ СПАФАРИЙ
КНИГА ИЗБРАННАЯ ВКРАТЦЕ
О ДЕВЯТИ МУСАХ
И О СЕДМИ СВОБОДНЫХ ХУДОЖЕСТВАХ
(1672)

Это произведение написано в 1672 г. переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием, молдаванином по происхождению, на материале приведенного выше «Сказания о семи свободных мудростех». Украшенное представление наук лишь в виде «мудрости», видимо, не удовлетворяло потребностей в разъяснении сущности каждой из них. Вот почему, сохранив текст каждой из семи «мудростей», Спафарий пишет предисловие, в котором кратко представлены девять «мус», Аполлон и описаны семь свободных художеств (*ars liberalis*). Затем он пересказывает миф о происхождении муз от Зевса и Мнемозины, богини памяти, давая сведения о них из античных авторов. Следующее далее повествование о семи художествах полностью сохранило композицию и текст «Сказания», но каждая глава предварена у Спафария определением науки, сведениями о ее происхождении, цели и причине, ради которых следует ей учиться.

Прибавления Спафария относительно риторики печатаются по изданию: *Николай Спафарий*. Эстетические трактаты / Подготовка текстов и вступительная статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 31—32.

Риторика есть искусство, яже учит слово украшати и увещевати. Риторика происходит от еро гречески, сиречь глаголю, или от рео гречески, сиречь теку. Конец риторики есть учити красно глаголати и увещевати на куюжду вещь. Учитися риторике — пяти ради вин:

1. Яко древнее искусство есть и древнейший Горгия мудрец о ней пишет.
2. Яко украшает словеса и исполняет, яже учения достойна есть и труда.

3. Яко известная правила иматъ образом, начертанием, подобием и орудием.
4. Яко зело сладка есть учением, образом и начертанием, яко цветом и бисером словеса украшает.
5. Яко риторика есть полезная во всем животе нашем, понеже словом, аще неискусно сочинение будет чрез риторикку, туту слышащим сотворит.

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ

1. Какими словами называются науки в допетровской Руси?
2. Какие свойства, цели и содержание риторики отмечает Спафарий?
3. Некоторые слова, переведенные с латинского языка, имели разные значения в конце XVII века и сегодня. Догадайтесь об их значениях согласно тексту Спафария:
Finis — в XVII веке конец — *совр.* _____
Causa — в XVII веке вина — *совр.* _____
Instrumentum — в XVII веке орудие — *совр.* _____
4. По каким причинам необходимо учиться риторике согласно Николаю Спафарию? Как бы вы ответили на этот вопрос сегодня?

Раздел II

Р ИТОРИКИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Велия есть сила царственных риториков и слава сея превыше небес по всей земли величается.

*(Козма Афоноиверский.
Риторика. 1710 г.)*

Колико же просвещение и красота есть словес пресладостных, яже светом Божия любви сияют, яже смиренномудрия сладостию мироухают, яже кротостию сладкий зефир дышут.

(Сотове медовне — словеса добра...

Речи старообрядцев.)

СОФРОНИЙ ЛИХУД

О СИЛЕ РИТОРИЧЕСТЕЙ (1698)

Братья Лихуды Иоанникий (1633—1717) и Софроний (1652—1730) — греки, монахи, уроженцы острова Кефалонии, получили образование в Венеции и Падуанском университете. Прибыли в Россию в марте 1685 г. по рекомендации восточных патриархов. Здесь после успешного богословского диспута с Яном (Андреем) Бе-

лобозким приступили к преподаванию греческого языка в училище при Богоявленском монастыре. Ученики Лихудов составили костяк «Спасских школ» — Славяно-греко-латинской академии. «Самобратия» преподавали здесь греческий язык, грамматику, риторику и физику.

Лихудам принадлежит ряд богословско-полюемических сочинений, с которыми они выступали в защиту православной веры: против «латинствующих ересей» — «Мечец духовный» (1690 г.), «Щит веры» и «Остен» (1690-е гг.); против старообрядцев — «Коллурий, или о страсти очеболения капитонского» (1700-е гг.). Лихуды выступали с торжественными орациями при дворе — из их слов сохранились похвала царю Петру по случаю Азовской победы 1697 г., в честь Полтавской победы 1709 г., панегирики Петру I (между 1704 и 1711 гг.) и др.

Жизнь Лихудов в России полна лишений и в то же время наполнена напряженным ученым и учительским трудом. В 1694 г. они были отстранены от преподавания и переведены на службу в типографию; с 1698 по 1704 г. по приказу патриарха Адриана братья находились в Новоспасском монастыре, где создали сочинение «Лютерские ереси» и принимали участие в составлении «Лексикона трезязычного» Феодора Поликарпова (М., 1704). По доносу политического характера братья Лихуды были сосланы в 1704—1706 гг. в Ипатьевский Костромской монастырь, а с 1706 г. благодаря ходатайству митрополита Иова переехали в Новгород, где занимались устройством и организацией школы. Братья-греки преподавали на «еллинском диалекте» грамматику, поэтику, риторику, а на славянском языке обучение вел Феодор Герасимов. В Новгороде же они вели религиозные диспуты со старообрядцем Семеном Денисовым, находившимся какое-то время под арестом (см. Старообрядческую Риторику).

В 1707 г. Софроний выехал в Москву, где был оставлен для преподавания греческого языка. Иоанникий продолжал преподавать в Новгороде до 1716 г., когда также вернулся в Москву. Здесь они принимали участие в исправлении славянского перевода Библии.

После смерти Иоанникия в 1717 г. Софроний сочинил ему эпитафию на греческом языке, которая вместе со славянским переводом украшала могилу Иоанникия в Заиконоспасском монастыре. Софроний преподавал в «Спасских школах» до 1722 г., а с 1723 по 1729 г. был архимандритом рязанского Солотчинского монастыря, на территории которого и был похоронен.

Братья Лихуды оставили богатейшее филологическое наследие на греческом, латинском и русском языках. Известны в рукописях краткая и пространная греческие Грамматики, краткая латинская Грамматика, сравнительная латино-греческая Грамматика, Логика Софрония и ряд статей — большинство этих сочинений написаны на греческом языке. Из Риторик сохранились Риторика Иоанникия с собственноручными приписками Софрония и, наконец, Риторика Софрония в 4-х греческих списках (*Яламас Д.А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. АКД. М., 1992. — С. 3*).

Риторика Софрония, как о том сказано в предисловии, переведена в 1698 г. греком Козмой Афоноиверским «за иждивение и тщание» его ученика купца Иоанна Иоанновича Краткого. Любопытно, что в «книге Семена Денисова» (ГИМ, собр. Уварова, 4°, № 318), подаренной ученику-«келейнику» Алексею Иродионову, содержится запись от 1773 г. Иродионова, тогда уже православного священника в Новгороде, о том, что Риторика Софрония «писана от Адама 7191, а от Христа 1683 года» (л. 151). Известно, что в Новгороде братья Лихуды имели богословские диспуты и беседы со старообрядцем Семеном Денисовым — не исключено, что тот передал сведения о создании Риторике своему ученику, впоследствии изменившему старообрядчеству и сохранившему эти сведения (см. публикацию Старообрядческой Риторике в 5 беседах). Тогда можно предположить, что Софроний Лихуд приехал в Москву с уже написанным греческим текстом Риторике.

Будучи переведена, Риторика Софрония стала одним из самых популярных учебных сочинений в петровское время — известны 32 списка. Риторика состоит из 4 книг: 1-я содержит главы о естестве, достоин-

стве, пользе, веществе риторики, 16 общих местах с примерами; 2-я книга о «красноглагольстве», т.е. об украшении речи; 3-я — об изложении и частях слова; 4-я — о показательном, т.е. похвальном слове с подробным описанием видов «похвал» и «древами», иллюстрирующими содержание речей.

Описания Риторики С. Лихуда имеются в работах: *Вомперский В.П.* Риторика в России XVII—XVIII вв. — М., 1988. — С. 60—62; *Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. — М., 1990. — С. 47—53. Публикация фрагментов сочинения С. Лихуда «О риторической силе» осуществляется впервые. Воспроизводится список ГИМ, собр. Уварова, 1°, № 98, бывший, возможно, подносным экземпляром.

Читателю любезный,

Софрония Лихуда, грека учителя, словесное сие течение, прежде начато суще, ныне совершися, преведено с еллинского на словенское беседование честным и словесным иеродиаконом греком Космою Афоноверским, в царствующем великом граде Москве, в честней обители Чюда архистратига Михаила, за многое тщание и иждивение ученика его, крашениннаго ряда купца, Иоанна Иоаннова сына, нарицаемаго Краткаго, во славу и честь Святыя Троицы, в ползу же любоучительным, в лето от создания мира 7206 (1698) месяца августа в 12 день¹.

**СОФРОНИЯ ИЕРОМОНАХА ЛИХУДЕЕВА,
КЕФАЛИНИТЯНИНА,
ФИЛОСОФИИ ЖЕ И СВЯЩЕННЫЯ БОГОСЛОВИИ УЧИТЕЛЯ
О СИЛЕ РИТОРИЧЕСТЕЙ, ИЛИ О РИТОРИЦЕ,
БОЖЕСТВЕННОЙ ЖЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСТЕЙ.
КНИГИ 4**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысль (негли зело неправедна) родися и возрасте неких во уме и защитися от человек не невежей, но мудрых, яко риторика востекает вся от естественных сил паче и от благоключимства разума, нежели содержитсяя от некоего сказания художественнаго.

¹ Это обращение к читателю вписано в красочный орнамент (см. иллюстрации на форзаце).

Обаче по истине подобает рещи, яко изобилие и преимущественнаго разума, и остроумие много может во иных художествах, в риторике же излишнее и изряднее, егда частым поучением укреплено есть. Но глаголати леть, яко сие остроумие, кроме украшения художественна и учения падает во многая прегрешения неразумства и дерзости. Ниже бо подобает нам непщевати, яко всяко художество, аще бы и от малейших имать своя правила и сказания, в риторике же, сия же есть царица всех художеств и от таликаго (лет) многовременства прославлена светом толиких древних же и новых остроумств, не имети художество, сказание же и правила, ими же да возможет пристяжаться и удержаватися сила, чини удобность, образом неким правым во еже глаголати...

...Аз в сем риторическом своем деле... намерихся положить в краткословии пред очеса ваша прилежнейшыя суды и словеса светлых творцев о роде благоглаголания и о всем сказании риторския силы пресветлых еллинов (греков), им же совершение, еже хочу собрати от всех изяществ, остроумств и веков, древних и новых риториков, прелившояся от мене во едино некое третье особою мыслию сложение и благодатнейшо изыдет (изявится) в явности. И да реку ныне вкратце яже послежди явленнейше и яснейше (чистше) имам предати. Подобает первее разделить всю риторическую силу негли на три роды, да будет мысль сего подлежащего паче явиша.

Первое убо благоглаголание (сиречь риторика) есть Божественная не яже взыскуется во училищех, но яже движется от Святаго Духа всесилнаго Бога, иже и един токмо всякия мудрецы риторы устрояет. Сия есть убо сила высокая риторики, ея же начало яко же есть небесное тако, явишася всяким образом явно и плодове ея златии и чюднии. Сия не ласканми и цветами словес и мягкими слухи (гласы), но внешними чювствы возженными от некоего запаления небеснаго себе покорила есть человеки. Сия цари победы, сия отверзши ереси, грады и епархии и, наконец, весь мир под иго Христова привлече. Сия зело иначе сотвори, неже у баснословнаго Орфеа, яко да пребудут овцы и волци купно, понеже бывшыя прежде звериния души языков к любви благочестия, воздержания и кротости приводе. Сим Божественным благоглаголанием, сиречь риторикою, Моисей чюдно в Божественных писаниих возсия. Сею самую риторикою укрепляшеся Исаиа, Божий перун (углие), и Божественный Павел, иже и Божественный ритор именовася. <...> Сия риторика дар есть излиющаго Бога,

ей же не подобает ни по единому же образцу в толкованиих художеств именоватися.

Вторая риторика есть ироическа, от онуду же благоглаголивья во общем роде благоглаголания ирои именуем. И яко же ирос глаголашеся от Бога же и от человека создан быти, сие и сия риторика не слита убо сущи, но извещенна от человеческих помощи купно и напоена от некоего небеснаго сосца, сиречь от благодати небесныя к величайшей прекрасности (красноглаголание) процвете. Такова есть риторика святых отец божественнаго Василия, Григория, Иоанна Златоустаго и прочих, иже из детства ум свой ко благоглаголанию и силе риторической (риторике) присвоиша; та же небесными речами умножившеся, аки велии (велицы) негли потоцы ко чудному церкве гобзованию (изобилию) и благополучию изливашеся.

Третья же есть человеческа убо, но мужественная, мудрая и высокая, сил, сока, крови и благолепия исполнь. Такова бяше Димосфена [риторика], Феофраста, и [прочих] прежних риторов, иже чистее и тшаливее последоваша роду благоглаголания [риторика].

О благолепии сея риторики не исчисляю [аз] оное многословесие, еже ныне мнози имут исполненное суеты и буйных безумств. Случися бо, яко грубии человецы, иже ради утеснений персей своих, не уразумеюще довольно сей великий род глаголания и превосходящаго ума плод, носятся весма [вси] ко уловлением писмен, ко речением, к периодом и обтечением — подобно детям, иже, не ведяще цены злата и бисеров, цвеченыя некия камыки при брезях собирают и о них чудно радуются. Не есть, яже от многих мнится быти, риторика писание речений и круг, о(т) периодов хитростне обточен. Риторика есть река великая великаго ума, яже состоится паче вещми и разумы, неже словцами [красными], и яко же вертогради, иже глаголются адонии (так! — *А.В.*), висящии при окнех и сосудех скуделных, смиренно (мало) утешают не имущыя свободное обилие воздуха, и сии, воспитавшеся в сих тако, ако детищными ласканием не могут воистинну, ниже умом своим истинныя риторики величеству прикоснутися. Оставивше убо сия буетства, да проходим великую риторику: толико ироическую, елико и человеческую. И яко же наипаче вящше в судилещех и во училищех и наконец во священных поучениих употребляется и возсиявает, послежди же побеседовавше общно о всей риторице, побеседуем довольно и о показателном, советствователном же и судебном роде.

КНИГА ПЕРВАЯ. О СТИХИАХ РИТОРИКИ

Глава 1. О естестве риторики

Риторика убо наречеса от греческаго глагола рео, рекше теку или глаголю и беседую, от него же производится речение рима, сиречь глагол, и ритон, сиречь реченное или глаголанное. Отнуду же ритор, или глаголатель, и риторика, или глаголателница именуется, яже по Аристотелю в 1 книзе риторических во главе 1 есть сила, яже разсмотряти, что к коейждо вещи есть к поучению благоключимно. Ея же конец есть не еже поущати, но еже глаголати яже суть благоустройна и доволна ко еже поущати. <...>

Глава 2. О достоинстве риторики. Бога, души и риторики уподобление

Риторика убо есть семя небесное и луча из источника вечнаго света источена. Ею же иже прочыя превосходят, свойственно мнятся приступати к небесным умом, сиречь аггелом и вящше некое с ними содружение имети.

Ныне изреку явнше и яснше: сродство, иже с Богом человеческий (ум) имать, тожде самое и риторика-царица земная, со умом себе присвоает. Душа есть образ Божий, Бог есть душа, риторика есть Божественна: еже есть Бог в мире и душа в теле, тожде и риторика в жизни гражданстей. Он (Бог. — *А.В.*) отлучен есть от всякаго тленнаго сложения, сия (душа) вся дух есть, риторика светлый (явный) плод изящнаго ума. Он видит вся, но не видится; сия зрит вся, но не зрится; риторика обемлет вся, но доволно не обемлется. Он пребывает везде, во все страны селенныя; сия во всех тела удесех есть разделена; риторика же, соплетена сущи общим неким союзом, вся художества и учителяства преходит. <...>

Глава 3. О ползе риторики (или благоглаголания) (красноглаголания)

Сия две вещи, сиречь художество воинственное и учение зело могут в жизни гражданстей и наипаче по премногу требуются действия риторическаго или красноглаголства (красноглаголания). И еже убо прилично есть к воинству, сиречь от части воинства елику ползу от красноглаголания (оно) приемлет. Мудрии между

истязании благаго вожда и изящное красноглаголение исчисляют, от сея бо, глаголют, превеликия и изящныя ползы воинству производятся. Сице, яко от великаго поучения игемона (вожда) и изящнаго красноглаголения поставлени и подвизаеми воины всякая неудобная и страшная приемлют и, жестоко ратующе, крупно и вседушно устремляются на предложенную им славу и победу. Не тако трубныя гласы, приемлющыя (их) ушесами, наостряют и поущают души на брань, яко же слово игемоново к силе и славе оны подвизает. <...>

Глава 4. О веществе риторики

Вещество же риторическия силы суть повсемственно вся сущая в мире, зане ничто же есть всячески, о нем же бы ритор не возмогл свободно и прилично истязатися. <...>

Глава 5. О трегубом роде взысканий, или предложений, либо вин

Три убо суть роди вин: показателный, советствителный и судебный. <...>

Глава 6. О частех риторических

Части убо риторическая или свойственная дела риторская суть пять, сиречь: обретеніе, изложение, красноглаголение, память и произношение. Обретеніе есть еже вымышляти истинныя (достоверная) вещи или подобная истинным, ими же да покажется достоверно, еже ритор показати тщится. Изложение есть обретенных вещей по чину разделение. Красно(блага)глаголение есть пристойных глагол к обретенным вещем приличность (приуподобление). Память есть обретенных вещей и глаголов твердое воспоминание. Произношение, наконец, есть оная мерность тела и гласа, ея же обретенныя вещи и глаголы взыскуют.

Глава 7. О обретеніи или местех риторских

Места риторския есть суть заданей (силлогизмов) престолы или седалища, и домы, или знаменія, ими же является что в вещех изследовати подобает ритору. <...>

Глава 8. О внутренних местах

О определении. Определение есть слово толкующее, что есть оное, о нем же беседуется. <...>

О исчислении частей. Исчисление частей есть слово, им же некий род, или все на своя части разделяется. <...>

О этимологии, или ознаменовании. Этимология, или знаменование есть место, еже начало речений и знаменование разсматривает. <...>

О сопряженных. Сопряженные глаголются, яже от единого речения рождена суща, различными пременении пременяются, яко чистота — от него же чистый, чисто, и еже чисту быти производятся. <...>

О роде и виде. Зело инако ритори род и форму или вид определяют, неже философи: ритори род определяют некое общо, еже обдержанием своим и знаменованием соплетаем себе и содержит некое обще, яко же наприклад, рещи: животное, еже обемлет человека, льва и прочее; дерево обдержит дуб и кедр. <...>

О противных или противоположенных. Противных или противоположенных роди суть четыре; противна <...> зело разнствует между собою, яко добродетель и злоба, белость и черность. <...>

О припряженных, или обстояниях. Припряженная или обстояния суть яже с вещию или делом сопряжена суть; их же роди три суть: первый род есть припряженная, носящая вещи, яко место, время, одежда, содружение или товарищество; второй род есть припряженная души, яко злобы и добродетели; третий же род есть припряженная тела, яко красота, нелепость, сила и прочая. <...>

О противоборных. Противоборная глаголются, яже ниже известным правилом, ниже числом разнствуют, им же от противных и от неуподобительных разделяются, наприклад: любит его, прочее ниже его повредил, ниже его обесчестил, ниже бранми его гонил есть. <...>

О винах. Вина есть яже силою своею творит еже есть, яко же рещи: язва есть вина смерти, ибо силою своею смерть разит. <...>

О апотелесматех, или делех. Дела суть и глаголются, яже родишася от вин, яко день есть дело солнца. <...>

О сравнении. Сравнение есть егда сравниваются две или многия вещи с иною некоею. <...>

Глава 9. О внешних местех О предсуждении или о законе (и уговоре прежде суда)

Предсудие есть еже иногда рассмотрися, сиречь в суде и приносит ритор судиям образ, ему же да последует. Задание же от законов бывает, аще бы ритор показа, еже понуждается показати, яко тебе есть быти; или зане в подобных делех, или в пристойных вещех к тому же делу некогда подобны суды принесошася. <...>

Глава 10. О общних местех и о избрании мест

Еже суть писмена у грамматиков, тожде суть места у риторов и яко же убо от писмен бывают речения, тако и от мест израстают и возрастают словеса и задания. Не есть весма ни едина вещь обиднее (д.б. обильнее. — *А.В.*) обретения ко благоплодию, ко слову расположения действеннее и к силе воспоминания, кроме мест. <...>

КНИГА ВТОРАЯ. О КРАСНОГЛАГОЛСТВЕ

Глава 1. О красноглагольстве и о разделении его и о лепоте первыя его части

Красноглагольство <...> есть некая пристойность приличных глав ко обретенным вещем. Разделяется на лепоту, достоинство и слог. Лепота убо есть еже творит видетися всякой вещи явно и отверсто глаголатися. <...>

Глава 2. О достоинстве красноглагольства

Достоинство красноглагольства все востекает от начертаний; под именем же начертаний общне и тропи содержатся, обаче, аще свойственно и знаменателно глаголем, между собою зело разнствуют, зане тропос, понеже изыде от греческаго гласа трепо (сиречь пременяют), есть свойственно творение пременившихся речений, и елижды кое либо речение от свойственного знаменования в чуждое преносится, тропос глаголется. <...>

Глава 3. О начертаниих речений

Начертания речений от тропосов разнствуют, зане тропи не могут быти разве в речениих пренесеных. Начертания же речений могут слагатися теми же реченми, яко: убих, убих врага отечества. <...>

КНИГА ТРЕТИЯ. О ИЗЛОЖЕНИИ И ЧАСТЕХ СЛОВА

Предсловие. Яко же обречение отверзает источники естества и благоглаголания делание, тако и изложение отверзает согласие суждения. <...>

Глава 1. О мудровании же и рассуждении изложения

Глава 2. О трегубом расположении, родственне, сиречь обще

Расположение от диалектиков разделяется обще на три рода: овое убо глаголется естественное, овое же хотетелное, или по хотению, овое же художественное.

Естественное есть тое, еже последует и подражает чин естественный. <...>

Хотетелное же или по хотению расположение есть еже не бывает известным подлогом, но создается токмо от хотения глаголющаго или пишущаго. <...>

Художественное расположение есть еже управляется от художества совершения ради некоего преждеопределеннаго, или желания, или пользы, от коего совершения многаши не храня чин естества, прежняя последним подлагает. Сицевый чин есть творческий, иже художественне не начинают от начала вещи, но от конца начинают, или от среды. <...>

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ О ПОКАЗАТЕЛЬНОМ СЛОВЕ И О НАЧАЛЕ ЕГО И ХАРАКТЕРЕ (ИЗОБРАЖЕНИИ) <...>

Глава 1. О веществе похвалы или о тех, им же отдается похвала

Начинаем убо от дия, сиречь от Бога, яко же рече Феокрит, на похвалу Бога (Божию) две вещи смотряются: вещество и вид. Зде вещество именую епихириму (силлогисм) похвалы, сиречь

пространнейшыя добродетели Божия, вид же — образ и характер (начертание, изображение). <...>

Глава 2. Похвала от человека отлученным (отделенным) вещем

Вещы сия, понеже числом неисчетны суть, невозможно ми вся объяти, тем же от разных (многих и) малы некия предложу изрядны роды, в них же изявлю (покажу) главы похвалы, сиречь сущыя доводы похвал, ко оных отдаемых. <...>

Похвала художества или ромесла родственне

Убо похвалятися от медоточнаго риторика художество коеждо сими главы:

- 1) благородие того, толико от достоинства, вещества доводимаго, елико и от снискателей того, и учителей и прочая;
- 2) полза того, исчисляюще ползы и честная радования (и веселия), от него бывающия;
- 3) удобство ко онаго стяжанию, еже и в похвалу полагается (яко во образ зриши).

Тожде (древо) служити может и на (частную) похвалу коего либо ремесла или художества видственню, яко же (на похвалу) риторика или философии или и самыя феологии (богословии). <...>

Похвала града. Аще похощеши похвалити кий либо град или страну, сказати подобает (настоящия) главы сия:

- 1) начало того (града или страны): когда, от кого и чесого ради основася, елико время пребывает и восцвете невредим, цел и славен и прочая;
- 2) местоположение того, аще на версе горы или на просторном поле обретается (и под которую планетою) и под которым владением небес зрит: под востоком ли, или под западом, или под севером ли, или под полуднем и прочая;
- 3) начертание того какво есть: продолжено ли в долготу, или четвероуголно (простерто), или сферовидно (окружено) и прочая;
- 4) сущая в нем жилища какова суть вещества и вида, каковы в нем стогни, пути и стези и торжища, каковы храми и палаты;
- 5) стражи того, грады, вежи, стены, забрала, валы, предградия и прочая;
- 6) нивы и сады и вертограды того (и яко) благоплодни и плодоносни и каков плодоносящ;

- 7) жители того, в них же подобает рассмотреть благочестие и веру, благодать нравов, закона хранение и проч.

Глава 3. Похвала лиц

Похвала младенцу. На похвалу младенцу (когого-либо) подобает сказать главы сия:

- 1) род его — толико отеческий, елико матерний и сравнение добродетелей обоих, яко же реши: сияние благородия, приятяго от родителей (своих) паче сияет на челе отрочати, в нравах же отеческая доблесть блистает пред очами, матерняя честность дышит на челе его;
- 2) вид избранный притворити, глаголя, яко сие отроча ественно есть чюдно благодатию, избраннейшо достоинством, честностию радостнейшо, в наслаждениях добродетелейшо;
- 3) остроту ума и чудную сладость, юже оттуду износит, или во еже восхити начала изрядных художеств, и во еже глаголати остро, сравнити же ум его чистейшему алавастру, отверсту присно во еже изливати сладчайшую воду учителств и прочая;
- 4) движений или начертаний его красоту, яже раждает ему от всех любовь и прочая;
- 5) добродетели, случавшыяся в младом возрасте, яко стыд (говение), нравов чистоты, детских играний презрение, мудрование, тягость и прочая;
- 6) надежду великих вещей, глаголя, коликий свет славы излиет сия пресветлая звезда и самый полуднь лет, яже толико возблиста на возсияние своего возраста. Но довлеет сия лицу отрочати реченая, да приидем же на похвалу отрочате, удобно избереши и иным приличная.

Похвала юноши. О юноше можеши похвалити (по главам сим):

- 1) добродетели душевныя;
- 2) силы умныя, яже показывает;
- 3) телесныя дары;
- 4) еще добродетель юноши благая будет, аще лишится злоб юности естественных сухых.

Похвала мужа. Понеже возраст мужа есть крепкий и цветнейший и изобилен великих добродетелей и ниже удобно похотем работает, невозможно лучше и похвалити, разве аще покажеш в нем добродетели великия и многия и никакому злу и подлежаща или зело малым, яковым же быти оным добродетелем мало после научу.

Похвала старым. Старого похвалити:

- 1) от твердости ума; яко не повреждается немощию злых от недугов и от повреждений старости;
- 2) от свойственного благочестия и от превосходящаго мудрования;
- 3) от разума сравняти с великим обычаем вещей;
- 4) совершенства совершенныя добродетели;
- 5) к сим приложатся и иные похвалы, яко: аще не разрушится киим-либо тлением злых, им же возраст оный подлежит.

Похвала царю или царице. Мужие и жены, царие или царицы свойственныя имут похвалы, их же не имат кииждо простой человек. Тем же аз изочту их благо особно.

Похвале цареви от сих добродетелей леть составлятися:

- 1) еже к Богу благочестия, от еже к подданным свободы, от еже к повинным благоутробия, от еже ко всем человеколюбия и прочая;
- 2) от прилежания, еже управляти жителство; от правды во еже защищати неповинныя и мучити злыя; от воинския добродетели, во еже сокрушати враги; от мерности, во еже обуздати похоти; от великолепия в градския здания и в дарования и прочая.

Царицы похвалы сия суть:

- 1) от светлости рода;
- 2) от перваго воспитания возраста благочестна и свята;
- 3) деторождение и чадо изрядное воспитание;
- 4) еже к мужу покорение;
- 5) ума мерность, стыд, жизни совершенность, свобода, равенство в благополучных вещех;
- 6) твердость в противных, теплое тщание, ко еже распространити благочестие и прочая. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На каком основании Софроний Лихуд выделяет три рода риторики («риторической силы»): Божественное благоглаголение, риторику ироическую (святоотеческую) и человеческую (см. предисловие)?
2. В чем смысл уподобления Лихудом *риторики, Бога и души* (см. кн. 1, главу 2)?
3. Как Софроний Лихуд иллюстрирует пользу риторики для «воинства» (глава 3)?
4. Какими словами Софроний Лихуд называет основные части (разделы) риторики и в чем их необычность по сравнению с допетровскими сочинениями?

5. Какие сравнения находит Софроний для определения «мест риторских»? Каким образом Софроний предлагает распространять содержание речи в соответствии с каждым *внутренним и внешним местом*?
6. Что такое *красноглаголство*? От чего оно происходит? Что такое *начертание*?
7. Что такое *изложение*? В чем смысл разных видов изложения: *естественного, хотетельного и художественного*?
8. Как осуществляется похвала вещам (вне человека) и похвала лицам? Насколько советы Лихуда можно соотнести с современной эпидейктической риторикой? Насколько необычен «образ человека» у Софрония Лихуда? В чем этот «образ» близок идеалам античной Греции, а в чем христианским добродетелям? Можно ли сказать, что современные риторы пользуются приемами похвалы, аналогичными приемам С. Лихуда?

МИХАИЛ УСАЧЕВ

РИТОРИКА

(1699)

Публикуемая «Риторика» была авторизована Михаи́лу Усачеву на основании записи в конце списка ГИМ, собр. Щукина, № 803: «Писавый сию книгу, глаголемую риторику, многогрешный книгописец Михаил Иоаннов сын Усачев в лето 7207 (1699) год месяца в день» (л. 154 об.). Впрочем, эта запись может говорить и о том, что Усачев является всего лишь переписчиком сочинения. О самом Усачеве известно также, что он переписал «Азбучный патерик» в 1697 г.

Исследователи Д.С. Бабкин, В.П. Вомперский, А.С. Елеонская пишут о том, что «Риторика» М. Усачева заимствует схему расположения из первой русской «Риторики» 1620 г. На наш взгляд, она вполне самостоятельна. Чтобы представить читателю содержание и композицию «Риторики» М. Усачева в обобщенном виде, предлагаем ее описание по «книгам» и «главам». Л. 4—12 — вступление с определением риторики и описанием 3-х родов речей, 5 разделов риторики и спосо-

бов овладения риторикой («естество», «наука», «частое употребление» — упражнения и «подражание»). Позднее Ломоносов возьмет из вступления Усачева не только композицию параграфов и основную терминологию, но и в самих определениях «риторики» (1743 г.) и «красноречия» (1747 г.) будет перерабатывать определения Усачева.

Л. 13—51 — «Книга первая. Понеже всяк премудрый ритор долженствует, во-первых, изобрести утверждение предложения своего...» — в 29 главах дано описание общих мест — способов нахождения материала речи. В «Риторике» Усачева классификация «мест врожденных» (происходящих от свойств самого предмета) и «привзятых» (аргументация со стороны) дается наиболее пространно и подробно по сравнению с другими риториками.

Л. 51—107 — «Книга вторая. О расположении. Расположение есть второй чин риторский...» Здесь объясняются «части глаголения: начало, повесть, утверждение, заключение» и их проявление в родах речей («показание лиц, действ, вещи», род разсудительный и род судейный).

С л. 107 об. — новая часть «О расположении доводов» с главами о «силлогисме», «ентимеме», «воведении», «прикладе», «сорите», «дилемме».

С л. 117 начинаются непрономерованные главы «о красноглаголании» (по смыслу это начало новой книги), где изложены виды тропов (синекдоха, метонимия, металипс и т.д.) и «схиматов» — фигур речи. Продолжен раздел главами «О приличном положении речений и сказаний» (эта глава опубликована в кн.: *Вопросный В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей... с. 188—189), «О сложном положении речений», «о точках» (учение о периоде).

На л. 148 об.—154 — завершение «Риторики» традиционными главами «О памяти», «О естественной физике», «О произвещении».

Известны 14 списков «Риторики» М. Усачева. Ниже публикуется вступительная часть «Риторики» по списку ГИМ, собр. Щукина, № 803, л. 4—12 об.

Что есть риторика? Риторика есть наука добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати. Егда риторика наричется наука добре глаголати, и сим разнствует от неправого и неграмматического глаголанья, яко добре глаголати есть грамматически глаголати. Егда же наричется красно глаголати, и сим разнствует от грамматики, яже токмо добре учит глаголати, а не красно, сиречь никаких красноглаголанья рядов устроений, образов, начертаний, тропов или схиматов не учит употреблять. Егда же наричется о всяких вещех прилично глаголати, и сим разнствует от многоглаголанья сих людей, иже от естества имеют ко глаголанью наклонение. Аще же и красно изглаголати не от науки, но даром естества случится им, обаче неприлично к вещи, ибо недоумеют во утверждение доводов чинно изобрести и оныя чинно расположити: ни начала, ни середины, ни конца во глаголаньи умеют устроить, кольми же паче чинов сим частем должным усмотрити. Аще убо риторика есть наука о всяких вещех прилично глаголати, тем же риторики веществом суть вся вещи, о них же глаголати возможно, сиречь всякое вопрошение ко глаголанью предложенное.

Глава (1)-я. Вопрошение есть сугубое: неопределенное и определенное

Неопределенное по-гречески *thesis* — российски положение и предложение — егда о чем общо вопрошается, сиречь о всем роде, кроме всякаго знаменованья лиц, времени, места, действия, наприклад: всякий ли человек по естеству разумети хошет? всякое ли государство мудрость любит? <...>

Определенное вопрошение по-гречески *upothesis* (роски — дело или вина) есть егда о чем вопрошаем в единстве, еже знаменуемое есть лицом, местом, временем, делом и прочим окрестностями, от них же возглаголется впреди, на приклад: правдою ли Сократис по естеству разумети хошет? истинно ли государство российское мудрости желает? <...>

Определенных вопрошений, сиречь дел роды суть три: показательный, разсудительный и судебный.

Показательный род есть им же хвалим или хулим лица, вещи, дела. Конец же в сем роде намеряет ритор честность, егда хвалит; безчестность, егда хулит, сиречь намеряет показати лице, дело или вещь, юже хвалит быти честную или безчестную, и сим показанием слушателей воздвизает ко утехе или печали. Сему роду

служит время прешедшее и настоящее, сиречь ритор кого или что всегда хвалит или хулит от времени прешедшаго, яко бысть честное или безчестное, или от настоящего, яко есть честное или безчестное; от времени же будущаго не хвалит, яко человек не весть будущаго. <...>

Разсудительный род есть иже содержит в себе советование и отсоветование. Конец же в сем роде намеряет ритор ползу или вред: ползу, егда советует; вред, егда отсоветует, сиречь намеряет разсудити дело каковое или вещь каковую быти полезную, о ней же советует, или вредную, юже отсоветует, и сим разсуждением подвизает слышателей ко надежде, ползе или воздвизает к боязни, вреду. Служит же к сему роду разсудительному время будущее, сиречь ритор разсуждая советует, яко сие полезное будет, или отсоветует, яко сия вещь или дело вредное будет. В прешедшем же времени мудрый не советует, токмо образ от времени онаго бра-ти повелевает ко времени будущему.

Судебный род есть им же обвиняем или оправдаем кого. Конец же в сем роде намеряет ритор казнь или безказние: казнь, егда обвиняет, безказние, егда оправдает, сиречь намеряет: осудите сего казненным, его же обвиняем, или осудите сего неказненным, его же оправдает; и сим суждением воздвизает судей и прочиих слушателей ко свирепству или милосердию: ко свирепству — обвинением, ко милосердию — оправданием. Служит же сему роду судебному время прешедшее, ибо всегда судим кого от сотворенных уже вещей, и оправданием — такожде.

Сия все роды дел суть веществом риторики, от него же риторики действие свое, сиречь глаголение (орацию) составляет. Составляет же сими образы, паче же реку частми своими.

Глава (2)-я. О частех риторики

Части риторики суть пять: изобретение, расположение, изглаголение, память, произношение. Изобретение есть вымышление вещей истинных или истинне подобных, яже дело утвердительно творят. Расположение есть изобретенных вещей разделение, еже показывает что где положится имать. Изглаголение есть достолепным словес и речений ко изобретению приложение или достойное вещей изяснение и украшение. Память есть крепкое в мысль восприятие вещей, словес и расположения. Произявление есть умерственное произношение гласа и движение телесе.

Глава (3)-я. О вещех, или же улучаем части риторики, паче же о естестве

Сия части риторики четьрмя вещми улучаем: естеством, наукою (художество), частым употреблением (поучением) и подражанием. Естеством улучаем, егда естество придает нам в душе и в теле ко восприятию риторики. Дары же удобны к риторики в души от естества суть скорая движения ко изобретению, изяснению, украшению, памятованию. Дары тела от естества суть удобная сия: перси крепкия, громогласие, язык свободный, уст и всего тела приустройство. Обаче сия дары естества совершает наука, ибо наука изявляет, к каковому концу достойно есть относити изобретенныя вещи, изявляет да прилично будет на утверждение и изяснение предложенной вещи глаголение наше. Обаче глагол (глаголю? — *А.В.*) зело полезное быти ритору дары естества, ибо аще случится кому и науку риторики имети, но егда имеет язык заикливый, сиповатый, борботливый, гугнивый, щепетливый, хрповатый, горкавый или прочая некая языковредие, или глас имеет прикрый, неприемлемый, паче же реку толстый, паче реку, простым или деревенским людем приличный, или движение лица имеет зело простое и неуклонное и взирающим разумным людем мерзкое, сей не возможет между речеточцы быти. Сия же глаголю не отводя от учения риторики людей младых, не имеющих даров от естества по речеточству требуемых, яко аще бы кто и не имел даров по изглаголанию, обаче, научася риторики, возможет быти слагатель глаголения, аще и не будет речеточец или красноглаголатель.

Глава (4)-я. О науке

Всякая от естества произыде наука, яко присловие у философов глаголет: перво научаша удивлятися, потом же мудрствовати, сиречь чудящися людие естеству и всяким случаем естественным, чудесно мудростию божиею сочиненным и расположенным; от сего удивления уразумеша, им же удивляшешся, уразумением же сим начаша мудрствовати и всякия науки составляти, да всяк научився чинно, постоянно и утвердително, без всякаго усумнения уразумет всякия разумом человеческим поятыя вещи, яко чрез многая лета, многыя человецы от бога естественным и данным разумом един другаго лучше, уразумевше обретоша истин-

ная и известная разумелных вещей утверждения, и она ко уразумению удобная, или же усумнение, от удивления раждаемое, во уверение привести возмогут. Такжеже многия от естества разумныя люди, часто рассуждающе, случающыяся человеком от естества дары ко речеточству потребныя, яже суть во изобретении и изглаголении, памяти и произношении знаменоваша я. Тем же собирающе и разбирающе сия знаменованная дары, един другаго изряднее чрез премногая лета сотвориша чины, аки образы каковыя, ими же бы удобнее всяк желаяй речеточства возмогл е улучшить, и чинно изобрести предложения утверждение и оно чинно расположити, да чинным расположением утверждаемое, слушателие удобно уразумеют и уразумением сим во уверение предложенной вещи обратятся.

К тому же да чинным расположением чинно изобретенного утверждения и наученным речений и сказаний крашением, паче же реку, от сих чинов или способов составленным глаголением ритор воздвигнет в сердцах слушателей страсти, их же требует предложенная от него вещь, наприклад: отмщение за злодеяние требует страсти свирепства, незлобие — умиления, похваление — радости, похуление — печали, советование — надежды, отсоветование — опасения, и да управляяся человек в таковых чинах, готов будет всегда и о всякой вещи составлять глаголения (орации), уверующая ушеса и воздвигающая сердца у слушателей. Таковыя чины, управляющая в речеточстве, мудрецы нарекоша наукою риторики, яко гречески риторика наричется речеточство.

Глава (5)-я. О частом употреблении

Придается науке и частое употребление риторики, еже толико нужно есть всем науком, елико нужное есть управление нив земледельцам, чищение оружия ратоборцам, ибо аще земледельцы не управляют нивы, нива, дивииим и непотребным исполненная зелием, не бывает удобная посеянных на потребу человеком издавати семени. Ратоборец же, аще оружие в забвении без чищения оставит, ржею поврежденное и снесенное будет, тем же в ратном деле не будет к употреблению удобно. К томужде возможно привести руку: аще и управленная, или успособленная (правленная, обыклая) будет к каковому мастерству, обаче без частого употребления в таковом мастерстве управления или успособления оного лишится.

Тем же нужно есть частое употребление и риторики, ибо аще ритор и научен будет и управлен в речеточстве и от естества дарами речеточству приличными обдарен, обаче без частаго употребления в речеточстве, лишится речеточства, ибо разум, окрест иных упражняйся, управление в риторических делах погубляет: ни изобрести чиннаго предложенной вещи доводу, ни расположити онаго кроме великаго труда возможет и ко (во?) всяком слагании глаголения без частаго употребления управитися не возможет. Аще же и управитися обаче без употребления, погубляет е. Ни устне свободны суть краснаго и глаголением приличнаго издавати гласа без частаго употребления, ни движения телесе в произношении гласа зело полезнаго без частаго употребления возможем издати. И в памяти великую имать силу частое употребление, ибо егда часто из уст глаголати, сиречь памятовати приучаемся, многая словеса и сказания, и наша, и чуждая писания, тогда великую памяти придает силу.

Глава (6)-я. О подражании

Такожде подражание, им же подобни кому желаем в речеточстве быти, не последнее есть между сими винами, ими же изобретение, расположение, изглаголение и прочая. Яко нехотящему в неведомый шествовати путь предводителя должны искати, да ему последствуйа от праваго пути не заблудит. Сице по широких риторики полях желающему прехождати нужно есть искати искуснаго и похвалнаго в ритори(чес)кой науке творца, да ему подражайя путем риторики правым ко сочинению глаголения приидет, сиречь да наприклад: его изрядный сочиняет изрядное глаголение, ибо всегда тщательнии ритору, взирающе на изрядных творцев, внимают себе изобретение оных, расположение и всякия изглаголения образы, сиречь речения и сказания, и оттуду приклад емлют, како глаголение начати, како повествовати, (како) предложити, како прилично изяснити и распространити, каковым образом из мест взяти доводы ко утверждению и како оныя расположити, каковым образом слышателей сердца воздвигнути или успокоити, разярити или умилити, и каковым изглаголения родом нечто изрещи.

Сия вся должно есть ритору, творцев риторических чтя, внимати, и не точию риторических, но и прочих творцев. Наприклад: речеточцу церковному должно есть творцев богословских, учите-

лей церковных, учащих народы, чести и внимати, такожде и летописцев. Речетоцу же мирскому и в гражданских делах речетоцствующему должно, чтя, внимати речетоццев, о общем добре, о государстве глаголющих — не токмо речетоццев, но и прочих творцев гражданских. Таковыя суть философы нравныя, иже о науке гражданской мудрствуют. Такожде и историографов, сиречь летописцев, иже описуют всякия дела, случающыяся многим царем и царствам.

В подражании же сем Квинтилиан Кикерона зело хвалит, ибо возсияша в нем добродетели риторския многих творцев: во воздвижении — сила Димостенова, многоречие Платоново, умилность Исократова, и каковая ни буди бысть, когда славимая добродетель риторская в каковом речетоцце, сия просвети лучы своя в Цицероне.

Тем же убо всяк риторики ученик со тщанием да внимает себе подражание, и о нем яко о зельном нужном попечение да имать. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем *риторика* отличается от *грамматики*? Какие качества речи требуются от риторики и грамматики?
2. В чем состоит отличие риторики от «многоглаголания» (см. вступление)?
3. Что такое *неопределенное* и *определенное вопрошение* (см. главу 1)? Каким современным понятиям соответствуют эти термины?
4. Какова природа трех основных родов речи: *показательного, рассудительного и судебного*?
5. Каким способами мы «улучаем» (осваиваем) *части* риторики? Каким современным понятиям соответствуют термины *естество, употребление*?
6. Как Михаил Усачев объясняет «дары *естества*»? Насколько суждения Усачева применимы к современному идеалу оратора?
7. Каково происхождение «*науки*» и какого действия требует «*наука*» на ученика во время учения?
8. Какие виды *страстей* «воздвигает» ритор в сердцах слушателей (см. главу 4)?
9. Какие выразительные сравнения приводит Усачев, чтобы побудить ратора к частому упражнению и тренировке в риторике (см. главу 5 об *употреблении*)?
10. Как Усачев объясняет необходимость подражания и изучения образцовых авторов-«творцов»?

АНДРЕЙ БЕЛОБОЦКИЙ

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Ан Белобоцкий (Андрей Христофорович) (сер. XVII—нач. XVIII в.) — поляк по происхождению, в юные годы странствовал по Западной Европе «для научения философских и богословских наук». В 1681 г. с епископом смоленским Симеоном прибыл в Москву в надежде получить место в создававшейся здесь академии, но был обвинен в ересь. Вызванный к патриарху, Белобоцкий обязался осудить католицизм и протестантство, в 1682 г. принял православие, получив в крещении имя Андрей. После испытания в Посольском приказе в знании латинского, французского и итальянского языков взят туда на службу. В 1685 г. участвовал в диспуте с братьями Лихудами и был уличен ими в ереси. В январе 1686 г. приписан в качестве переводчика к Великому посольству Ф. Головина (1686—1691 гг.), принимал участие в переговорах с иезуитами, представлявшими китайскую сторону. О последних годах его жизни свидетельств мало: по-видимому, Белобоцкий скончался после 1712 г., когда была напечатана его «Краткая беседа о милости с истинною».

Белобоцкий оставил целый ряд значительных сочинений, пользовавшихся огромной популярностью в начале XVIII в. Риторические сочинения Андрея Белобоцкого датируются А.Ф. Горфункелем следующим образом: в середине 90-х годов создана «Риторика» (или «Наука проповедей», называемая иногда по 1-й книге «Книга о разумех писма святаго»); в 1698—1699 гг. — «Великая наука Раймунда Люллия»; в 1700-е годы — перевод «Краткой науки Раймунда Люллия» и «Книга сия философская...» (иначе «Краткая риторика») (см.: *Горфункель А.Ф.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ // ТОДРЛ. — М.; Л., 1962. — Т. XVIII. — С. 195).

Несомненно, самое популярное из них — «Великая наука Раймунда Люллия» (нам известны 65 списков), представляющая попытку найти всеобъемлющий метод познания и легкого усвоения наук. «Риторика» ориентирована на составление проповеднической речи,

поэтому не случайно ее называют «Наукой проповедей». В 1-й книге «О разумех писма святого» анализируются 4 «сенса» — «разума» («литеральный», «моральный», «аллегоричный», «анагоичный») — способы создания и толкования текста; 2-я книга объясняет «материю поучения», подробно описывая возможные предметы проповеднической речи; 3-я книга «О формах поучений» — ряд пространных рассуждений о теме («феме»), разных частях композиции, нескольких формах риторических с различными объяснениями системы общих мест и понятий, касающихся универсальных категорий смыслов текста.

«Наука проповедей» известна в 16 списках; она «компактнее» «Великой науки...» (см.: *Волперский В.П.* Русские риторики в XVII—XVIII вв. С. 44), тем не менее только избранный нами для публикации список РГБ, ф. 310 (Ундольского), № 430 содержит 412 листов. Для публикации нами избраны фрагменты 2-й и 3-й книг.

Краткая Риторика («Книга сия философская...») известна в 10 списках. Она представляет собой краткое описание основных «кругов», или понятий, с помощью которых можно приступить к любой теме речи. Задача сочинения «Книга сия философская» — чисто риторическая, ибо автор не только начинает его вопросами и ответами о сущности риторики, но и дает как бы образцы риторических описаний-толкований каждого понятия. «Книга сия философская» была опубликована в изданиях ОЛДП, т. XVIII. — СПб., 1878 по списку РНБ, Вяз., О. XXVIII. Мы публикуем начало сочинения по списку РГБ, ф. 173 IV (МДА), № 85, датированному 1732 г.

НАУКА ПРОПОВЕДЕЙ

(1690-е годы)

КНИГА ВТОРАЯ. О МАТЕРИИ ПОУЧЕНИЯ

Материя поучения суть вся в законе Божиим написанна, сотворенная или творити поведенная в познание истиннаго Бога и изправление жизни духовной належашая; или материя поучения есть духовная беседа о делех господних обыкновенных, яко и не-

обыкновенных, и чудесных, о заповедях господних, о советах Христовых.

Предувещение второе

О частях, на которые пределяется материя поучения. Материю поучения на две части сего века проповедники слова Божия пределяют: первую часть нарицают о времени, другую — о святых. <...>

Предувещение третье

О сем, что значит материя о времени. Материя о времени значит и заключает в себе вся дни воскреснаго целаго года, также и все дни предпришествия Христова и великаго поста, иде же обыкновенно есть на всяк день поучения творити. <...>

Предувещение четвертое

О сем, что содержит в себе материя о святых. Материя о святых содержит в себе праздники святых. В начале святаго всем святым Господа и Бога нашего Иисуса Христа праздники неподвижмыя: рождение, обрезание, крещение, преображение, воздвижение. <...>

Беседа 1-я. О материи поучения о времени

В материи о времени смотреть и рассуждати подобает добродетели, о которых Евангелие настояще поучает <...> Добродетели убо разныя пределения имеют: инья нарицаются влиянныя и богословския, яко вера, надежда и любовь, инныя — протчим основателныя, яко истинна, мудрость, мужество и целомудрие...

Вопрос: Что творити в материи о святых?

Ответ: Материя о святых сугубо предлагаема бывает перво общим наставлением, во второе — именитым всякому святому положением. <...>

Беседа 2-я. О Христе

Беседу о Христе начинаю от титулов его. Титулы Христовы от церкви святой положенныя сия суть: Сын Божий по обещанию,

сын авраамлин, сын давидов, сын человекь, сын девицы, сын Бога живаго. <...>

Беседа 3-я. О Пресвятой Богородице

Титла Пресвятой Богородицы <...> сия суть: дщери Бога Отца, мати Бога Сына, невеста Духа Святаго. <...>

Беседа 4-я. О материи поучения о аггелах

Многая суть яже о аггелах богословцами преданная, яко иже от небытия в бытие вместе с небесами и материю первую создани суть, иже сотвореннии быша во благодати Божий, но не укрепленнии в ней, иже по естестве своем суть духов без плоти, но не яко душа человека, которая с плотию совокупляется. <...>

Беседа 5-я. О материи святых патриархов

Под именем патриархов не мни быти положенных здесь наивышших властей церковных, их же житие безсупружное есть сицевы убо положенний будут в материи о богоносных отцах святых, но по обыкновению библии святые патриархове нарицаются праотцы Христа Бога и Спаса нашего, иже не в законе писанном и преданным чрез Моисея пророка, ниже в законе новыя благодати, Христом сотворенным, но в законе естественном пожиша, начинаючи от Адама, даже до Моисея, от которых по плоти изыде Христос. <...>

Беседа 6-я. О материи святых пророков

Пророчество в нашем веку вещь зело редкая, в старом завете частая и непременно, бысть начинаючи убо от Моисея даже до разорения церкви еросалимской. <...>

Беседа 7-я. О материи. О апостолах

Что есть солнце во съсредине неба между вышними и низайшими планитами — сие есть чин апостолский в церковь Божию между ветхим и новым заветом. Поучая убо о апостолах, сия преложиши: иже пожиша во времени щастливейшем от создания мира. <...>

Беседа 8-я. О материи святых мучеников

Мученичество вещь паче всего Господу Богу приятнейша есть пострадание верных от насилных мучителей, церковь Божию гонящих и за веру Божию, где коеждо слово от писания сего разсудити подобает. <...>

Беседа 9-я. О материи исповедников святых

Исповедники обыкновенно нарицаются иже веру христианскую, от церкви святых принятую и описанную по уложению святых вселенских соборов, всехранно и неусумнительно исповедуют, хранят и обороняют. <...>

Беседа 10-я. О материи девиц святых

Девичество, елице Господу Богу нашему любимое, толице человеком велми трудное, есть основанием же оного стоит на чистоте сердца, уст и дел: сердцем мысли скверные отгоняются, устом своим, да не согрешиши оными, — гранилице положи, малы убо часть плоти человека есть язык, но в великую беду и погибель не токмо временную, но часто и в вечную человека приводит. Тем же яко стену каменную положил Бог зубы пред языком, да не скоро испустиши он на сквернословие, оклеветание и протчие из уст исходящие грехи. Еще же и делом самым чистоту девическую являти подобает, явля(е)т же ся сицевая чистота от закраснения лица, аще слово скверное получитя когда слышати, от овращения ушей своих от нечистостых бесед, от воздержания очесей своих в зрению нестыдливом. <...>

КНИГА ТРЕТИЯ. О ФОРМАХ ПОУЧЕНИЙ

Единою всем поучением положити форму неудобь есть, понеже убо формы емлются от правил разных мудростей, а проповедники слова Божия неравно все и во всех мудростях искусни суть. Аще же ученые некоторые и всех наук искусилися, обаче склонность и воля их ко одной, нежели другой вещи бывает, за тем идет еже по разности разумов человеческих формы разная умножились. <...>

Беседа о формах риторичных

В начале о первой форме риторской образцы о(т) риторических правил три формы разныя мощно избрати: первая — проповедником слова Божия доволна, вторая — совершенна, третья — избилующа.

Первая убо форма риторская содержит в себе осмь частей, яже суть: начало, предложение, вины, прилагаем (?) противности, подобия, свидетельства, окончания.

Глава 1-я. Увещание 1-е о феме

Человек без главы кажется быти поучение без фемы, тем же яко знамена полковья даются ратным людям. <...>

2-е красное увещание о феме

Аще в один день случится два праздника, например, в день воскресный праздник коего святого, тогда смотрии подобает, кой праздник болши. <...>

6-е увещание о феме

Откуда ни есть фему возмеш, таковую избирай, чтоб без трудов² великих могл еси на ней основати поучение, тем же словеса, разумом или недоумеетной имеюща, остави, явственно же возми. Аще же без великих трудов и скоро поучение сотворити хочещи, возми фему, в которой две или три вещи положени суть. <...>

Беседа 1-я. Глава 3-я. О начале поучения

Начало поучения и труднейшая от осми частей первья формы есть, потому что многия и неописанныя имеет способы и начинати речь какую, к тому еще иже по разностям материи нужда бывает и начала разныя творити. <...>

² В ркп. ошибочно: другов. — *А.В.*

Правила о начале поучения

- <...> Четыре токмо правила полагают риторове о начале слова:
1-е правило — явити, коим намерением хоцещи беседовати;
2-е правило — известити, о которых вещах речь твоя будет;
3-е правило — что в нем хоцещи научити;
4-е правило — просити слушателей о прилежном послушании беседы своей.

1-е увещание о начале

Перво — смотри самую вещь, о которой поучение будет, яже аще велико, похвално есть и торжественно ликуется, уничижиши самого себе, исповедаючи неудобность твою во еже достойно глаголати о ней, и приточиши или подобия или прилоги к тому приличныя, например, рекше: суета есть прибавляти солнцу света или морю воды, не мощно человеку очима отверстыма долго зрети на солнце, иже Моисей, глаголя с Господем Богом на горе, лица его превеликость славы Божия видети не могл.

Увещание 2-е о начатку поучения

Во второе, смотри слушателя, пред которым поучение твориши, пред учеными убо вышния формы употребиши философския. Филосовския формы вышшее и мудрейше форм риторических, а богословские достойнейше форм философских, но и между риторскими не все равни суть. Третья форма болшую остроту являет проповедника, наипаче егда пред мирскими мудрецами речь имеет, иже не тако духовными, яко политичными беседами удовлетворяются. Вторая беседа риторическая совершеннейша, нежели первая, но и первая честнейшая бесед оных, которая никакия мудрости в себе не имеют, но без порятку в одну в кучу собирают ими взятые вещи, из книг чюжих поучений или собою выдуманы сверх того. <...>

Увещание 3-е о начале

В 3-е, смотри времена и места, в которые научаеши, в радостное убо время глаголати о печальных вещах или во время кручинное беседовати о радостных нерасуднаго человека есть. <...>

Увещание 4-е. О начинанию

В четвертое прилежно разсмотри фему, о чем глаголет. <...>

Увещание 5-е. О начале поучения

В пятое смотри, каковая есть фема твоя: ясная или прикрытая и недоуменная, единочастителна или на многия части пределена. <...>

Беседа вторая. О второй форме риторической

Вторая сия форма риторическая четыре имеет части: начало, повесть, подтверждение и окончание.

Глава 1-я. О начале

В творении начала три дела творити повелевает риторика: искати милости слушателей, просити о прилежном послушании, известити о вещах, яже в поучении творити придумал еси. <...>

Глава 2-я. О повести

Повесть риторове тоже быти скажут, что предложение или изъявление, о чем поучение будет, рече убо, иже в поучениях не надобно повести инной, кроме сей, которая порядок вещей впредь глаголати подобающих скажет. Правила о повести трои полагает риторика: первое правило — да будет повесть краткая; второе правило — да будет повесть ясная; третье правило — да будет повесть доводная. <...>

Глава 3-я. О подкреплении

О подкреплении два правила полагает риторика: свою вещь подкрепить и противная речению своему уличити, еже по наставлению риторики двои яко деется: и приточением вин, вещь сказанную подкрепляющим и простраием от 16 мест риторике самовластных, от нея неотделимых, по простому толкованию рекши ритором внутренних, яже емлются: от описания вещи предложенной, от пределения ея на части своя, толкования имени,

от спряжения, от рода, от вида, или формы, от подобных, от противных, от припинаемых, от предидущих, от последующих, от невмещаемых действ купно, от вин, от сотворенных винами, от верстаня вещей болших с меншими, менших з болшими и равных между собою. <...>

Глава 4-я. О окончании слова

Конклюзия или окончание слова есть четвертая и последняя часть другой формы риторической. От сей два правила полагает риторика: первое правило — чтобы пространно слово при кончании украсить; второе — чтобы реченная во всем слове вкратце помянути. <...>

КРАТКАЯ РИТОРИКА

(1700-е годы)

Книга сия философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем, положенная вкратце от девяти существ, такожде и случаев и прилагаемых соборных и разсмотрительных ради способности ко изобретению и описанию и определению риторичному.

Вопрос: Что есть риторика?

Ответ: Есть художество краснословно глаголати.

Вопрос: Кая есть вина внимати риторике?

Ответ: Нужда, честность, угодие.

Вопрос: Кой есть конец и должность риторики?

Ответ: Научити, возбудити, утешити.

Вопрос: Колико есть родов риторики?

Ответ: Три: объявляющий, советующий и судящий.

Вопрос: Колики есть части риторики?

Ответ: Приискание, описание, пределение.

Вопрос: Что есть приискание?

Ответ: Есть выдумание предлога, о котором хошеши глаголати и придания вещи твоей угоднаго.

Вопрос: Сколь кратно суть вещи?

Ответ: Сугубо: существително и прилучаваемое.

Вопрос: Сколь много есть вещей существительных или подлогов?

Ответ: Девять: Бог, Аггел, Небо, Человек, Душа, Чювственная, Прозябающая, телеса Саморожденная, Неподвижная, орудие или художество.

В о п р о с: Много ли есть родов прилучения?

О т в е т: Девять: Великость, Качество, Другаго знаменование, Де-
яние, Страдание, Время, Место, Положение, Имение.

О ПРИДАНИИ К ПРИЛОГАМ

В о п р о с: Сколь кратные суть придания до подлогов?

О т в е т: Сугубья: Общия и Разсмотрительныя.

В о п р о с: Что есть Придание Общее?

О т в е т: Еже всякому подлогу придати можно.

В о п р о с: Что есть придание разсмотрительное?

О т в е т: Еже по разсмотрению неким подлогом придается, но
не всем равно.

В о п р о с: Сколь много есть приятий общаго?

О т в е т: Девять: благостыня, великость, пребывание, власть, ра-
зум, желание, сила, истинна, слава.

В о п р о с: Сколь много есть приятий разсмотрительнаго?

О т в е т: Девять: различие, согласие, противность, начало, сре-
док, конец, большинство, равенство, меньшинство.

ТАБЛИЦА

о четырех вещах, поучающая, заключающая в себе вся существа,
все роды прилучения, придания общия и придания
разсмотрительныя.

Бог	Ангель	Небо	Человек	Душа	Чювст- венное	Прозя- бающее	Натура живот- ная	Орудие или худож- ество
Вели- кость	Каче- ство	Другаго отноше- ние	Действо	Страда- ние	Время	Место	Положе- ние	Имение
Доброта	Вели- кость	Пребы- вание	Власть	Разум	Желание	Сила	Истина	Слава
Разность	Согласие	Против- ность	Начало	Средок	Конец	Больше- ство	Равность	Мень- шинство

Таблица сия велми нужная и угодная есть ко всем трем час-
тем риторики, сиречь: до приобретения, до описания и до опре-
деления, иже явленно будет како:

Толкование таблице:

Первое: Ведомо ти буди, иже всякая вещь сущая или придуманная в мире в сей таблице заключается.

Еще ведомо ти буди, иже о всяком словеси, в решетке положенных, трое учении подаются:

Первое: Кладется, что в себе заключает вещь, в решетке положенная.

Вовторое: Свойственне страдания и действия всякие вещи описуются.

Втретье: Всякое слово, в решетки положенное, пределяется.

Первая часть угодна суть до приобретения, вторая — до описания, третья — до определения риторического. Являются вся сия прилогами, в начале в семь словеси.

Бог

Сущая в Бозе:
естество Божие,
пребывание Божие,
память Божия,
разум Божий,
воля Божия,
любовь Божия,
ипостаси Божии. <...>

К сему аще придася придания общия и разсмотрительныя со всеми, еже под всяким приданием заключается, великое пространство имети будещи глаголати о Бозе: яже написана суть о Бозе, удобна суть до приобретения риторического, последующая же сия удобна до описания. Тем же буди паки:

Бог

Свойственная дела Божия:
Создатель мира,
Соблюдатель мира,
Спаситель мира,
Управитель мира,
Оживитель всякаго духа и плоти,
Судия живым и мертвым. <...>

Бог. Пределение³

Божество пределяется тремя ипостасями, сиречь ипостасию Отца и Сына и Духа Святаго.

Бог Отец пределяется от Сына не рожден, а от Духа Святаго непохождением своим.

Бог Сын пределяется от Отца и Духа Святаго рожеством своим.

Бог Дух Святыи пределяется от Отца и Сына исхождением своим от Отца.

Второе пределение:

Бог истинной пределяется от богов ложных или идолов несозданием своим. (Далее следует подобное последовательное описание всех терминов таблицы. — *А.В.*)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как строится иерархия тем проповеднической речи в «материи поучения» Андрея Белобоцкого? Что рекомендуется знать церковному ритору?
2. Как советует А. Белобоцкий не «согрешать» языком (книга 1, глава 10)?
3. Что рекомендует Белобоцкий знать о теме («феме») всякой речи? Насколько универсальны его советы?
4. Что рекомендует Белобоцкий знать о *начале* всякой речи (поучения)?
5. Каким классическим частям риторики соответствуют первая и вторая «*формы риторические*»?
6. Каким современным терминам соответствуют «*повесть*» и «*подкрепление*»?
7. Каковы определение, цель, части, «роды» риторики?
8. В чем смысл «*таблицы*» А. Белобоцкого? Насколько совершенна попытка Белобоцкого создать универсальный подход к изобретению речи о разных предметах?
9. Как конкретизирует свою «таблицу» Белобоцкий применительно к описанию слова *Бог*?

³ В ркп. ошибочно «разделение». — *А.В.*

СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

РИТОРИЧЕСКАЯ РУКА

(1705)

Стефан Яворский (1658—1722) — митрополит рязанский и муромский, местоблюститель патриаршего престола и первый президент Святейшего Синода, один из замечательных иерархов русской церкви при Петре Великом. Окончил Киево-Могилянскую академию, затем учился в заграничных иезуитских коллегиях. После того как «прошел вся учения грамматическая, стихотворская, риторская и богословская», вернулся в Киев, где был подвергнут испытанию, при котором столь искусно слагал стихи латинские, польские и русские, что киевские ученые почтили его титулом *poeta laureatus*. В 1689 г. Яворский принял иноческий чин и был избран в митрополиты киевские, а в академии назначен преподавателем риторики. В 1691 г. он уже профессор философии и префект академии, а через несколько лет — и профессор богословия.

Судьба Яворского резко меняется в январе 1700 г., когда при погребении боярина Шеина в Москве он столь проникновенно говорил надгробное слово, что присутствовавший среди слушателей государь приказал Яворскому остаться в Москве, а через какое-то время настоял перед патриархом на поставлении Стефана Яворского в рязанские митрополиты. После кончины осенью того же года патриарха Адриана 42-летний митрополит был назначен местоблюстителем патриаршего престола. Должностью своей Яворский тяготился. Кроме общего надзора за делами русской церкви, митрополиту приходилось управлять делами своей епархии, а также устройством Московской академии, где по образцу Киевской он «завел учения латинския», назначая киевских ученых на должности ректоров и префектов. Так, в течение 16 лет (1706—1722) во главе Академии находился его преданный почитатель архимандрит Феофилакт Лопатинский. Ученый авторитет Яворского был столь высок и известен, что знаменитый ученый

Лейбниц обращался к нему с предложением перевести на «языки инородцев» для распространения христианства «Отче наш», символ веры и заповеди блаженства.

Политическая судьба Яворского складывалась скорее неудачно. Он постепенно разочаровывался в Петре, видя в нем человека не только не радеющего о вере, но даже, пожалуй, друга протестантов. Еще более обострились его отношения с царем, когда ему пришлось противостоять Феофану Прокоповичу и Феоodosию Яновскому, которых Петр стал явно предпочитать сохранявшему внешне первенство Стефану Яворскому. Неоднократно Яворский обращался к царю с просьбой освободить его от местоблюстительства, но неизменно получал отказ.

Трогательна кончина Яворского. В завещании он оставял все свои «сокровища» — книги — Нежинскому Богородичному монастырю, который основал на своей родине. При этом каталог, составленный самим Яворским, был сопровожден словами: «Идите, милые книги, прежде так часто находившиеся в моих руках! Идите, слава моя, мой свет, мое сокровище... Вы, книги и сочинения мои, простите! Приобретенная трудами моими библиотека, прости! Простите, братья мои и сожители! Простите все. Прости и ты, гостиница моя, любезная мать-земля!..»

Из сочинений Яворского наиболее известен «Камень веры» — полное систематическое изложение православного вероучения в тех пунктах, где оно расходится с протестантским. Здесь имеются обширные трактаты об иконах, мощах святых, евхаристии, священном предании, благих делах и других богословских вопросах.

«Риторическая рука» Стефана Яворского написана в 1705 г. и переведена на русский язык Феодором Поликарповым. Сочинению предшествует посвящение боярину Иоанну Алексиевичу Мусину-Пушкину, где автор сравнивает военное величие России («завоеваны грады, покорены царства») и бедность «мус, жилищ ученых» — здесь-то «московский орел врожденную себе ясно показа остроту, ...к солнцу премудрости не-

мизаюция водрузи зеницы». И в наступившей после «толиких мразах» «преблаженной весне» Яворский представляет себя «вертоградарем», который вручает своему господину «во единой руке риторической — снопик».

Затем следует краткое предисловие, посвященное памяти, из-за «немощи памятной» и предлагается запоминать 5 частей риторики, словно заключенные в «крепчайшей» риторической руке. Определение риторики записано на запястье, названия частей науки — на пальцах.

Пять частей «Риторической руки» последовательно представлены в главах: изобретение (описаны общие места — внутренние и внешние), расположение (кратко — о малых и больших словах, и виды хрии), витийство или краснословие (развернутое описание видов тропов и фигур с присовокуплением «аффектов» или учения о страстях — поскольку средний перст «должае» остальных, то и эта часть самая продолжительная — она занимает более половины текста всего сочинения), память и произношение с краткими наставлениями. После текста следует краткий конспект с основными определениями и перечислением терминов.

Мы публикуем текст «Риторической руки» по списку РГБ, собр. Вяземского, X, воспроизведенному в Изданиях Общества любителей древней письменности, 1878, № XX. Текст сопоставлен со списком РГБ, собр. Вяземского, О. 28. Для публикации избраны: посвящение И.А. Мусину-Пушкину, предисловие, глава 1, глава 2 (начало), глава 3 (начало, фигуры, приложения), главы 4, 5.

Тишайшаго и непобедимейшаго царскаго пресветлаго величества сенатору и советнику разумнейшему, вельможнейшему боярину господину Иоанну Алексиевичу Мусину и Пушкину, долголетнаго пребывания и всегдашняго благополучая.

Аще бы ону, юже Бог преблагий и превеликий природе твоей владычествующий высоту и еже ведети рачительство от мягких ноктей художество украсило (художество бо природу навешает), имела бы (ничим сомнюся) Москва своего Димосфена или Ари-

стотеля, прочим народом к смотрению. Но увь сиротства сея страны, никогда доволно оплакуемаго, ея же между толикими величии, ими же прочим царствам или равна есть, или превосходит — и сие едино, но и лучшее отсутствует. Сиречь заматерелое грубости чудо, всех ужасных видов ужасное убивати сие свойственно есть Геркулесу, всех веков устнами хваления достойному. Имееши обое во едином царе благополучие, треблаженная толиким монархом Россие. Аще бо внеуду посмотриши, нагромаждены неприятелским трупом бугры, завоеванны грады, разрушены крепии, покорены царства узриши: Марса новорожденна тебе восприятствовати имаши. Аще же внутрь тебе самая очеса обратиши и воздвигенныя мусам жилища ученых, соборы юных, ко учению горячесть усмотриши, во истинну и Овиша (из его же мозга рожденна Паллада), — ужаснешися. Зде, наконец, московский орел врожденную себе ясно показа остроту: иде же к солнцу премудрости немизающия водрузи зеницы и заматорелую грубости старость в любезную преобрази юность. О, дабы к царскому образу весь круг сложился российский, о дабы к перваго движателя движению обратилися звезды! И уже видим благое прежеланнаго преображения начало, егда по блистателных тишайшаго российского солнца лучах тако сладостная весна просияла есть. И по толиких оледневших грубости мразах, благодетственным небес смотрителством цветы на земли нашей явишася. О радости, о веселия неизреченнаго! Тем же к нарицанию возцветающия премудрости весны, аз вертоградарь быти хошу, от онюду же и пространнейших ветийства ветров, особный во единой руце риторичестей тебе, велможный господине, вручаю снопик. Приими им же лепотствует добротным смыслом малый сей моего усердия дарец, и от всея руки (души), юже тебе подаю, прелюбезный мой, к тебе залог познавай.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Между инными греха казнями, к ним же чрез прародители наши обвинение привлекохом, и сим еще не последним, беднии землешители, казнимся, обаче ниже слезами омываем казнь, сиречь ясно, память имеем нетверду и удобопадну: едва что любо поемлется, и уже абие ис памяти испадает, аки во общей гостинице, иде же вход исходу ближайший. Тем же различно премудрии ищут памяти подкреплений, яко же видети возможно и в

пятой части сея книжицы. Мне же паче прочих угодно возмнися памяти способство, краткость вещи поятелныя, и сокращенное имущих глаголатися краткоречие, удобее бо сквозе ускую скважню входит мшица, нежели великий вельбуд. Того ради zde немощи памятной советую пространнейшую риторическую хитрость, аки единою рукою сообяти понужден семь. Вознепшевах убо в себе всю риторику быти яко некую руку крепчайшую, пять же тоя частей сиречь:

изобретение

расположение

краснословие

память

произношение —

быти аки пять перстов. Зде поедино то речется.

РУКА РИТОРИЧЕСКАЯ,

пятию частями или пятию персты укрепленая. В шуице ея богатство и слава. Сочинена убо на латинском языке пресвященным Стефаном Яворским, митрополитом рязанскимь и муромскимь. Преведена же на словенский Феодором Поликарповым.

В риторичесстей руце вси персты
имеют нечто особое:

Перст великой может силою.

Указательный — указывает ведение и путь ко звездам.

Средний — златому научает средству.

Перстневый — перстнем обручает премудрость.

Мизинец, или ушесник, ушеса отирает и отверзает ко слышанию.

ПЕРВЫЙ ПЕРСТ РУКИ РИТОРИЧЕСКИЯ

Изобретение есть вымысл аргументов и доводов, во еже довести предложение каково. Изобретение бывает сугубо: 1) чрез места внутренняя; 2) чрез места внешняя.

Мест внутренних суть 16:

1. Определение имене, еже есть слово изъясляюще существо вещи, яко реши: риторика есть художество добре глаголати.

2. Знаменованіе имене, еже естъ слово, реченія сказующее, яко рещи: иже естъ царь, царствует; иже советник, совет подают.
3. Исчисленіе частей, еже естъ слово, все на своя части разделяющее, яко: той во истину богатырь естъ, его же ум безбоязнен, тело крепко, лице огнем дышащее, рука храбрая и прочая.
4. Сопряженная, яже от тогожде реченія вся производима, различно пременяются, яко рещи: иже естъ мудр, мудре глаголет, мудре жительствует, о мудрости веселится.
5. Род, еже естъ имя общее, под собою многа видом и числом разделенная, содержащее, яко: всяка добродетель любленія достойна, убо и правда, и разум, и воздержаніе, и храбрость и прочая.
6. Вид, или форма иже естъ часть рода, под собою многа, единым числом разнствующая содержащей, яко: человек — Петра, Павла, Иоанна и прочая.
7. Уподобленіе, им же некия вещи уподобляются в несвоем проповеданном оком, яко же: древо не от листвія, но от плодов; тако человек не от одежд, но от дел познавается.
8. Различіе естъ вещей разных страсть различная, яко: скотом естъ свойство пасти чрево, а человеком — разум.
9. Противоположная яже купно со друг другом быти не могут, яко: аще добродетель подобает любити, убо от злобы бегати. Зде зрится четверообразно противоположеніе: противная, прекословная, возносительная, лишительная.
10. Припрягательная изъявляются же сим стихом: 1) что, 2) кто, 3) где, 4) чим, 5) векую (почто), 6) како, 7) когда.
11. Предидушая: купно идущая, последующая, яко: ему же надлежит родитися, остается умерети; юности, зле воспитанней, увы, колики злобы последуют. Разнствуют от припрягательных, яко не по нужде с вещию сопрягаются оная, сия же и паче, яко: возсияло солнце, убо день естъ.
12. Вина материалная, или вещественная, из нея же нечто бывает, яко: о бедное человеческое рожденіе, еже из брениа земли созданным быти.
13. Вина формальная, или образная, яже суть с вещию, о ней же глаголется и сопрягаются, яже дает бытность вещи и составляется в виде известном. Тако душа человека, наприклад: довольно имама благородія, яко душу имеем божиим естества образ.
14. Вина творительная, яже нечто творит, яко: витийство сломляет супостаты, возставляет падшія, оно управляет ум и перси умягчает.

15. Вина окончательная, ея же ради что либо бывает, яко: ради чесо Бог созда человека? Ответ: Уста человеку даде и высокое небо зрети повеле и прямо ко звездам лице возносити. Знаменай, яко к сим чetyрем винам своя им надлежат окончания, или дела.
16. Сравнения, яже бывают трояко: или сравняется подобное с подобным, или меньшее с болшим, или болшее с меньшим. Множицею бывают чрез частицу, аще разньствуе от уподобления, зане тое бывает между вешми сущими тогожде рода. Яко же рещи: аще с толикими попеченми и труды храним тело, о колико безумие, аще не брежем души.

Места внешняя 12:

1. Учение.
2. История, или повесть.
3. Пословицы, или притчи.
4. Адагиа, или приводы при повести.
5. Символы, гадания и знаки.
6. Эмвлимата, иероглифика.
7. Свидетельства древних.
8. Сентенции: разумно изреченная слова, или апоффегмата.
9. Законы, или уложения.
10. Священное писание.
11. Уставы, или правила древних.
12. Доброта остроты природныя. <...>

ВТОРЫЙ ПЕРСТ РУКИ РИТОРИЧЕСКЯ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Расположение есть художественное аргументов, или доводов, изобретенных по местам положение, еже может быти сугубо: меньших и болших слов или поучений. <...>

ТРЕТИЙ ПЕРСТ РУКИ РИТОРИЧЕСКЯ ВИТИЙСТВО, ИЛИ КРАСНОСЛОВИЕ

Витийство есть вешей изобретенных и расположенных красное и избранное возвещение.

Сего свойства 3:

1. Да будет равно, сиречь ясно и удобно к познанию.
2. Да будет ключимо, сиречь прилично к вещем, к лицам и к месту.
3. Да будет украшено, сиречь лепотою сложения, или сочинения, и красотою избылиюще.

Тем же ко украшению слова принадлежат 5 нужных:

1. Периоды (обтечения, или обходы).
2. Тропосы (образы красноречия).
3. Фигуры (начертания, или отмены).
4. Аффекты (залози, или страсти, или движения).
5. Приличное прохождение от ипофесиса к фесису: еже есть от частного некоего предложения к повсемственному или общему.

Параграф первый о периодах

Период есть слово, разум совершен имущее, и имать две части: комму, или сечение, или запятую; колон, или член, или точку.

Комма есть часть слова кратчайшая, разум от части издающая; глаголется кратчайшая, понеже может сходити даже до десяти.

Колон, или член, есть часть слова, разум некий издающая: восход имать до два десяти слогов, а сход до десяти слогов. Тем же колон от коммы разнствует единым токмо числом слогов. <...>

Параграф второй о тропосех или образех

Тропос есть глагола или слова от свойственного знаменования в чуждее с силою премена. Тропосов числом 11: во едином слове — 7; во многих речах — 4.

Первый во едином речении тропос — *метафора* (преношение), и есть егда речь преносится от места, иде же свойствен есть, ко иному месту, иде же не есть свойствен, и бывает четверугуб:

1. От животного к животному, яко рещи: мои мене облизывают ти, сиречь мои домашнии мене оглаголуют.
2. От бездушного к бездушному, наприклад: согласие мечей сладостно есть победителем. Паки: железных ядер град есть семя победы.

3. От одушевленного к бездушному, например: время, всеядец вещей, вся поядает. Рдится меч в ножны сокрытый.
4. От бездушного ко одушевленному, например: блистает еще росиский воин в кависсанских неприятеля персех, ниже тупеет сила, юже марсова осла изострила.

Вторый во едином речении тропос или образ — синекдохи, сиречь событие. Синекдохи есть познание единого из другого и бывает осмию образы. <...>

Параграф третий о фигурах

Фигура (образ) есть украшение некое слова, отделенная от общия и простонародных беседы художества. Или фигура есть не простонародный глаголения образ, красоту слова приносящий. Разньствует от тропоса, понеже тропос бывати обыче в речах пренебесных (пренесенных)⁴, а фигура быти может еще в речах собственных.

Фигуры ины суть словес, яже слово украшают, и ины суть сентенции, яже вешем и смыслом красоту приносят.

Разделение первое о фигурах словес. Фигуры словес суть 22: приложения — 9; отвлечения — 5; уподобления — 8.

Фигуры приложения:

1. *Репетицио*, или повторение: егда от тойжде речи часто начинается слово, например: напасть мужа искушает, напасть то есть человеку, еже огонь злату, напасть в нашедших язвах укрепляет, напасть безсмертность раждает.
2. *Коверко*⁵ (или обращение): егда на туюжде речь часто кончится слово, яко: света ли умов и смыслов хочете слышати — онаго раждает премудрость, лютую ли неразумия тму в ненависти хошеши имети — оную прогоняет премудрость, славы или имене безсмертного природным рачительством желаете — сих родителница есть премудрость.
3. *Комплексно* (или сплетение) еже обе предидущыя фигуры сплетает, яко рещи: Что человека небу и земли не полезна творит? пьянство. Что омрачает ум, расслабляет сердце, тело болезнями отягчает? пьянство. Что на всякую скверну врата отверзает, ко всем злобам узду ослабляет? пьянство.

⁴ Испр. на полях: пренесенных. — *А.В.*

⁵ Должно быть: конверсию (*conversio*). — *А.В.*

4. *Кондупликацио* (или усугубление): егда тожде речение или в начале или в середине усугубляется, яко: воздохните, человецы, аще кий вам смысл есть? воздохните, смотрите ваше окаянство, и прочая.
5. *Традукцио* (проведение) еже есть тогожде речения часто положеннаго пременения, яко: еда⁶ онаго непщуете человека, иже человеческих скорбей обнажен, едва имене человеческого достоин.
6. ...⁷ (многопадежное) еже есть падежей пременение, еже тоезде во многих падежах полагается, яко: исполнены суть вся книги, исполнены мудрых гласы, наполнена прикладов древность, яко едина добродетель славу имеет.
7. *Синонимия* (соименство): егда речи тожде знаменующия совокупляются, такожде и разум, яко же рещи: лежат пораженных царств трупы, погашена суть стран светила, стенят бо своими кострами загребеныя грады — едина премудрость стоит вознесена, едина падати не знает, едина к небесем верх возвышает и тако ратует, от онуду же вся падают, тамо стоит, иде же всяческая лежат опровержена.
8. *Полисидентон* (многосвязное) есть егда слово союзами обильно, в начале полагаемыми, яко рещи: и богатство, и слава, и венцы, и что-либо наконец имеет мир зрению достойно — все сие к премудрости, яко сень к солнцу есть.
9. *Градации* (лествица) есть повторение реченых прежде, неже ко иному снидет, яко рещи: доброе юности воспитание — и нрав к доброту, доброта нравов — честное жития; слово сие целость жития, целость, наконец, славу уготовляет бессмертную. <...>

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРСТ РУКИ РИТОРИЧЕСКИЯ ПАМЯТЬ

Память елико ко имени есть сокровище разумений, сию елико имать обиднее толико богатеет во глаголании.

Память двояка есть: *естественная* бывает от самого творца естества от Бога преблагаго превеликаго и от состояния здраваго главы; *художественная* бывает разнообразно:

⁶ Так в ркп. Видимо, должно быть: егда.

⁷ Оставлен пропуск в ркп. — *А.В.*

1. Частым обучением по оному, память обучением, яко же прочая вся украшает.
2. Учащися на память всякую иную мысль.
3. Чрез части (сиречь по частицам) да учится.
4. На листах чтомага признаки некия, или число, или азбучная писмена да пишет.
5. К памяти взыскуется здравость и ясность, яже притягается сном умеренным, такожде растворенным пищи и пития употреблением, еще застужения и запаления главнаго опасатися подобает.
6. К памяти ключимствует тихость ума, ибо, яко же в воде мутней недобре представляется вид от некия противности препосланаго, тако в памяти, яже есть приятелище видов.
7. Аффекты (страсти) слову да подлагаются, наипаче: ярость, желание и любовь увеселительных, да хранится на последок целость совести и тело.

ПЯТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ПЕРСТ РУКИ РИТОРИЧЕСКИЯ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Произношение есть вещей и речей по достоинству гласа и тела движение. В произношении подобает смотрити глас и действо.

Елико ко гласу. Перво глас в произношении подобает быти различен по разности дела и вещи глаголемыя. Тако в ярости глас подобает быти яр, в печали уныл и густ, во страсе униженный, добрый, унылый, в силе зельный, в сладости разлианный, гладкий, светлый, веселый, свободный и прочая. Противный недостаток есть:

1. Частое отдохновение, котораго велми тщательно опасатися подобает.
2. Глас в произношении да не будет пением.
3. Да не будет выше силы.
4. Дабы частыми одышками или кашлем и не растлевался.
5. Дабы в ноздри не изглашался.
6. Дабы по стремнинам не шатался.
7. Дабы не вельми косо.
8. Дабы не зело кричливо.
9. Дабы последняя слогини произносилися.

Елика к действу: действо в произношении есть приудержание движений тела по истязанию вещества.

1. Действа подобает быти с движением главы, яко же есть естестве положеная.
 2. Да изменяется лице по различию слова, и да будет лице овогда ласково, овогда печално, овогда весело и прочая. От онуду же ритор что-либо глаголет, тое да разумеет, иначе не увещает слышателя, разве ко убежанию.
 3. Очеса тожде да глаголют, еже язык.
 4. Мышцы подобие овогда да возвышаются.
 5. Руце место да показывают, наприклад: небо — в высоту, землю — вниз, и дело да изъясняет, яко прещения, прошения и проч., яко же материя или вещь востребует.
- И сия есть рука риторическая, пятию частями аки пятию персты укрепленная.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте внимательно «Посвящение» к «Руке риторической». Почему Стефан Яворский дает противоположные оценки России? В чем «величие» и «сиротство сея страны»?
2. Как в Предисловии описана *память*? Насколько точны, на ваш взгляд, сравнения и эпитеты, которые дает ей С. Яворский?
3. Почему сочинение С. Яворского названо «Риторическая рука»? Насколько объяснение каждого «перста» соответствует частям риторики (см. начало учебника)?
4. Что такое изобретение (по учению С. Яворского)? Назовите общие места в учении об изобретении С. Яворского. Попробуйте по образцу создать подобные краткие примеры.
5. Какие требования к украшению речи предъявляет С. Яворский? Какова классификация фигур речи? Встречаются ли эти фигуры в известных вам текстах?
6. Какие виды памяти выделяет С. Яворский? Какие советы он дает к тренировке памяти?
7. На какие недостатки в произношении указывает С. Яворский? Какие рекомендации выводятся из перечисленных недостатков?
8. Каковы требования С. Яворского к телодвижению оратора?

КОЗМА АФОНОИВЕРСКИЙ
КНИГА ВСЕКРАСНОГО ЗЛАТОСЛОВИЯ
(1710)

Козма Афоноиверский (XVII—начало XVIII в.) — Киеродиакон, переводчик, грек по происхождению, выходец с Афона, из Иверского монастыря. Обстоятельства его появления в Москве в 90-е г. XVII в. неизвестны. В Москве он трудился в Чудовом монастыре, центре греческой образованности, где в это время подвизались братья Лихуды, инок Евфимий. Известно, что Козма перевел с русского на новогреческий «Киево-Печерский Патерик» и нек. др., с греческого на русский «Слово аввы Исаака», «Риторику» Софрония Лихуда (в 1698 г.).

В 1710 г. Козма написал собственную «Риторику», в предисловии к которой сообщил, что он «монаходиакон Афоноиверский» в Чудовом монастыре. Ссылка на вышедший на греческом языке в 1681 г. «Златослов» Франческо Скуфоса, которому Козма якобы во всем «следует», является в некотором смысле традиционной ссылкой на авторитет. «Риторика» Козмы вполне самостоятельна и поражает широким знанием российской истории и культуры, вдохновенным восхвалением в примерах великих князей, царей, русских святых, воинов, описанием реалий русской жизни (ср. похвалу граду Москве).

В настоящее время известны 19 списков «Риторики» Козмы 1710 г. В отдельных списках сочинение названо «Книга всекрасного златословия». Учебник содержит 4 кратких предисловия и разделен на 3 книги: в 1-й описаны цели и сущность риторики, общие места; во 2-й — части речи; в 3-й говорится о сказании и благовещении, которые «зрятся в красносладкоглаголании и хитроплетении периодов и в медоточном вещании языка»; в 4-й — о «схиматах» (фигурах речи); к последней приписаны «две части художества риторского» — «о мнине или памяти» и «профоре» («изглашение словес и гласа риторова испущение»).

Настоящий текст публикуется по списку РГБ, ф. В.М. Ундольского, № 879. Для публикации отобраны отрывки из предисловий, начальные главы с определениями риторики, несколько статей с описанием общих мест и примерами — «парадигмами».

ПРЕЧИСТОЙ ПРИСНОДЕВЕ МАРИИ —
АГТЕЛЬСКИ РАДУЙСЯ!

В руку твою святою, о Пречистая Дево, книга сия лежит, яко ты сия требуеши, понеже пучина еси всех благ, но яко твоих тебе леть приносить, зане сама сущи источник милости, естественнориторствовала еси сию, и во многия и многия места прекрасным именем овенчала еси. Тем же и помощь твою во сто плодотворити.

Кто бо когда риторствовать возможе, яко же ты, всемилостивая госпоже моя? Кто тако может умолити неземнаго, но небеснаго гигантопобедника судию? Яко ты пучина всея мудрости, ты бо и риторствующи побеждаеши и умолчаючи пречюдно умоляеши. Ты милости сущи силы вся можеши, и молитва, не вся хощеши, елика можеши, разрешаеши язык, во еже глаголати, и абие вяжеши руки страшнаго судии, во еже не воврещи грешнаго в тартар. Отверзаеши уста во еже умолити, и абие судии заграждаются уста, во еже не противоглаголати тебе, матери своей сладчайшей. Но что реку или что напишу: славу ли твою, но и аггельский ум не достизает; честь ли твою, но и шестикрилатии серафими долетати не могут; силу ли твою, но самосилия сущи милости вышши еси вся силы.

Аще когда Григорий богословствовал, ты им дала еси помощь. Тем же не земная, но яко небесная глаголаху. Аще хрисостомы поучиша, ты им собеседовала еси — тем же не их, но твоё риторствование. Аще дамаскины медоточиша, ты, славно с небес спешши, со возлюбленными ученики твоего сыны не пчелы, но углие меда в книжном видении во уста их вложила еси. Тем же, елико глаголаша речи, толики спасоша человеки, и елика начерташа писмена, толики прияша похвалы, победы на враги взяша, елики на земли часы пожиша, еретики толики прободоша, елижды трость в рuce си прияша. Оставлю ныне глаголати, яко толика чудеса их, елики от них написаны книги, и яко толикими устами тыя мир хвалит, елики в книгах их написаны строки. Имена же их

толики гремяше языки величают, елико песок при мори и звезды на небе.

Но горе малоумию, горе гугнивогласию и сухоте языка моего, вкупе и пера моего бессилию! Малая глаголах, вящшая же умолчах, малейшая написах, и величайшая оставих, и, вкратце реши, подножия изрек, всего венец проглотих. Си есть более всех, но увы мне: како напишу, како изреку, трепещет ми рука, изсыхает язык, сие токмо риторственно изрекла еси: буди — и абие Бога на землю свела, невместимаго вместила, бесплотного воплотила, нерожденного родила и пеленами обвила, и во яслех положила еси. Отсюда аггелы по земли шествуют и человеци на небо в(з)летают, земля бо небо бывает и небо землею является, слепые прозирают, хромии врачуются, грешнии очищаются, пророци свобожаются и, просто реши, Бог человек и человек Бог бывает.

О предивныя (чюд) риторики! О всемогущаго ратора! О неизреченныя силы Твоя, Богородителнице, и неизглаголаннаго Твоего риторствования крепости! Тебе убо, о мудрая Госпоже моя, приношу сию книгу в знамение малейшее велия моего к Тебе благоволения и любовьию к Тебе кипящая моя души познание. Приими, приими сию, молю, о Пречистая Дево, и абие златопарному и вернужителю Твоего сладкаго Сына, архистратигу яве вручи Михаилу, да скоро скоро облетев, во вся славнороския отнесет грады. Молит о сем Твое благоутробие собственный всем россом заступник во светлех изряднейший Алексий Чюдов (?). И сие за нево обители сих зовомый Чюдов, аз грешный, странствуя и на тех молитвы надеяся, пучину книги сея начах плиты. Мне же в воздаяние малых трудов сих умоли, Госпоже, Судию праведнаго, яко да в день судный должайшую веригу разрешит грехов моих, небеснаго царствия своего мя сподобит. О сем, паки и паки пад на помост, поклон Ти творю должно.

Честных Твоих ног одушевленное подножие пучиногрешный Козма и монаходиакон Афоноиверский.

* * *

Трудолюбезнейшему читателю о Господе радоватися.

Понеже, любимый мой читателю, повеление имама от владыки нашего Иисуса Христа данный мне талант, аще мал, аще велик, не скрыти, но паче и паче умножити, судив, потщахся и аз тоежде повеление исполнити, си есть: понеже сподобихся ма-

лаго некоего еллиногреческаго учения и славенскому языку отчасти навькнути, должно ми возмнех быти славенороссийский благополучный род трудами своими, яко же и прежний моего рода, елика сила, ползовати. И сего ради, надеяся на непоборимую помощь матере мудрости Пречистыя Девы, на предстательство же бесплотнаго архистратига Михаила и теплыя молитвы чудотворнаго митрополита Алексиа, яко во обители их живопитаем, начат писати полезнейшую сию книгу риторику художеством таковым, яко никогда же до сего дне зде, в царствующем граде Москве, подобие изобразися, и, елика ми мощь, потщахся краснейшими ж и сладчайшими беседовати реченьми, да тако медоточну не токмо мудрорачители, но и всякаго чина полнота отверстыми примут ю дланми. Последую ж во всем изданию медоточнаго учителя философии и священныя богословии благоговейнейшаго и православнейшаго иереа фрагкийскаго, критскаго не яко гробокопатель, по великому Василию, того чюднаго мужа медоструйное издание свойствуя, но, яко ухо ему приклонив, подражая того медоточность и по стопам его ходя и, в его сочинение яко в чистое зеркало прилежно зря, свое писую издание. Аще же когда того напишу кую либо парадигму, никако питаю, но паче чюдным его именем яко венцем ю овенчаю, и сие того во славу и похвалу присноцветущую.

Виждь же, яко оставих своего рода восточныя святыя, славяноросьских чюдных святых ироическия прилежно тщателно написах жития. И сие зане тыя убо многих медоточных риториков златоструйная трость доволно похвали, но имя многих до сего дня не обяви. И аще не по достоинству тех похвалы и описания житий будут, ниже по моему желанию, обаче по силе тупаго моего пера, вседушно без всякия лености написах сия, вкупе учения показующа двери, вкупе же и к умилению, покаянию же и духовному веселию чтущаго приводящая. Похваляему бо, (рече) Солом(он), праведнику увеселятся людие, ниже бо подобаше ми священнаго сущу лика. (Аще и грешнику грешнаго паче) мирския красоты, и славы, или древних баснописателей душетленных написати мечтания скверных, глаголю, богов и богин, сквернейшая рождения и мерская тех дела, или, паче реку, сон видения, яко же мнози сотвориша.

Приими убо, брате мой, сию книгу, яко из рук Пречистыя Девы Марии, видево неисчетныя моя труды, яко странствуя и всяким препинаем противным случаем, яко тать, дни и часы кра-

дуя, на се упражняхся. Приими и на руках присно держи, яко благоуханный вертоград, обходя, наслаждайся и по сугубому человеку ползуйся. И, в сию яко в зеркало взирая, потщися и ты сам, по-учився, иныя ползовати. Яко бо сие вся списана есть, яко аще кто прилежно потщится, вскоре медоязычный неложно явится. Аще же дерзостен сый и лукав, начнеши сию пренебрегати и в чесов либо завистно подзирати, молю тя: прежде помысли, познай себе самага, и зависть зло суще добре творит прежде, имуща ю в сердце бодет горце. Любовию же водим, от нас Богу молися и сам здравствуй.

ПРЕДИСЛОВИЕ ВСЕЯ КНИГИ

Велия есть сила царственныя риторики и слава сея превыше небес по всей земли величается и во антиподы имя тоя славится, ко престолу Божия многая предсылает, из адовых недр бесчисленныя восхищает, небеса украшает и ада темна всего обнажает, царя учит крепко скипетр в деснице держати и венец на главе славно не токмо жива, но и по смерти носити, вразумляет не токмо сильныя, но и зайцы ручьныя войны на супостаты словом, яко Ираклейстем всеоружием укрепляти судию славнаго на престоле, правосудяще и предстоящия испытующа посаждает, патриарха и вся архиереи, яко солнце златоукрашенна, показывает, и ина Арона с Богом безсредственно беседующа, или инаго Павла легкими ногами по небесам учит шествовати. Сия Афанасия великаго светлейша солнца показа, толикими лучи сияюща, елицы пером риторским верным пославше писания, Василия столп сотвори веры от земли до неба достигающ и вся верныя догматы укрепляющ. Сия Григория златоуструну реку показа богословии, всех сердца напоившу богознанием. Дионисия Ареопагита, небесночислителя и кругов небесных писателя изяви. Иоанна Златоуста изливающа источник учения и грехи измывающа. И что многая глаголю? Аще Феодора мученика помыслиши, аще Екатерину не толико царским венцем, елико риторикою преукрашенну, и аще иного коего либо церковнаго ритора, сия всех прослави, сия возвеличи, сия всех языки, яко душа оживляше и медоточны убо к верным, обоюду же мечи остры к нечестивым творяше. Оставляю о Платоне глаголати, яко пчелы во уста того медоточиша; о Оригене, яко, плотный сый, адамантный показася; о Филоне, яко, человек сый, одушевленная пчела явися; о

Димосфене, начальнике риторов, яко не токмо воли, но и сердца человеков из персей языком своим, яко златою удицею, к свои привлекаше воли; о чудном Несторе, яко медакаплющий язык, но источник явися сладости.

Сих всех и ины множайшия оставляю, миную, молчю, и ин кто, аще хошет, имена тех да счисляет, зане аз всех молчание покрываю и сие токмо глаголю, яко и на земли, и на небеси царица риторика выну показася и присно показуется. О сей всемогущей риторике во всей книзе имам беседовати и художество тоя зело красно показати, им же бы кийждо могл не токмо чудный медоточный, но и всесилен языкомъ на земли быти.

НАЧАЛО С БОГОМ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. О обретении риторики

По общей воли всех учителей сего художества надвое разделяем риторику, оставльше древних мнение басненное, яко от богов обретеса, на естественну глаголю и художественну.

Естественну глаголему ею же кийждо во двери жизни входя от естества напоися. Тем же и безазбучный поселянин хвалити и укоряти, совешавати и благодарити вестъ не починну, ниже в доволность, но поелику кого естество наслади и в благоречие язык омочи.

Художественную же иже ирои веков и мудрии обретоша и лишение тоя наполнивше местами, схиматы, образы и прочими узаконенми обогатиша, да вся тыя храня, никогда ж вкусит сухоты и скудости словес в похвалу, укоризну, совешание ж и благодарение или ино что, но всегда во устах си златоструйную слова имый реку Нил изобилно, сладко глаголет, ниже истощания бояся, ниже меры преходя, диколы ж, триколы, равноколы и весь период художеству предаше, да коеждо слово, мусикогласно входя во ушеса, насладит слышателя и яко медвеная река кождо напоит сердце, от коего сладкаго течения и художество именовася риторика, еже есть течение.

Глава 2. О определении

Определение есть краткое слово, составлено о(т) рода и разнства, сказующее существо коеяждо вещи. Род по Стагириту есть

распростираемый на множайшия и разнствующыя по виду, яко животное, камень, трава и проч. Разнство же яко словесное, нечувственное и проч. Риторики убо определение есть по древним многообразно, по новым же и обще сие: риторика есть художество благоглаголати. Зде род художество, вся науки свободныя и несвободныя приемлющ, яко врачебную, тектонскую и проч. Разнство же еже благоглаголати, разлучающе от прочих художеств и риторике токмо едино дающе благая, полезная, потребная и чесому либо глаголати; художество именовася за еже имети предания такая, яко тем присночюдный явится глаголяй, не речи, но бисеры испуская драгия.

О деле, конце и веществе глава 3

Риторики дело есть еже обрести и глаголати ритору вся потребная, ко еже препрети же и понуждати слышателя к своей мысли. Конец еже препрети слышателя и привлещи к своей воли. Вещество ж и подлежащее сея суть вся видимая и невидимая, или умная в круглоконечном мире и превышше небес. Тем же ритору должно многая вещей всяких видети, слышати, чести и знати, и тако, пучину вещей ведения в персах имея и каноны риторики храня, никогда ж в мире оскудеет благоречия.

О взыскании глава 4

Взыскание сугубо бывает: неопределенное, глаголемое от риторов фесис, и определенное, именуемое ипофесис.

Фесис есть общее вещи зыскание, кроме коего либо обстояния. Яко сие: должно человеку славити и благодарити Бога. Господь Бог, от нечесого же вся сотворив, вручи человеку, создав того, горе, зряше да мудрости убо Божией присно дивится, красотою же наслаждается. Должен убо человек, Бога непрестанно благодаря, славити не токмо яко создателя, но и яко богатейшаго благодетеля. Сие обще и без обстояния коего-либо бываемо фесис есть.

Ипофесис же яко аще монаху должно око свое часто простирати не яко философ Анаксагора к златозарному солнцу, но к самому Богу живому, и отверз убо уста, язык же разрешив, тому славословия и благодарения елики часы написати должно есть: должно монаху частше Бога славословити, нежели дыхати. Зане в

начале от небытия в бытие Бог и привел, и во утробе матерни изобразив, та ж оттуду в мир егда извел вся сушая, яко солнце, звезды, небо, землю, воду, цветы и проч. Оставлю счиляти, яко щедротами своими побеждаем, невозможе пагубы его видети, но со тщанием и неизреченным смирением из отчих недр низшед, скоро обрете и духом святым и водою от праотческаго греха измыв, паки роди плотию своею и кровию себе самому, неизреченною любовью соедини, печатю духа святого яко драгое сокровище запечатствова, от умных татей охрани, паки омовение грехов даде покаяние, немощей тяжкоценное врачевство остави — елеопомазание, церковь ему святую постави посреде мира, прибежище всяких бед и напастей.

Ведомо ж буди, яко аще кий ритор сухозычен и пустоустный, не имать доволное вещество и доводы ко утверждению коеялибо вещи, да не абие в ипофесис, но в фесис, яко в крисово да внидет сокровище и тамо обрящет цветы благоречия и златоструйнаго Нила седьмь устия. И, доволно в фесис обходя, да изыдет от нея, яко ис пучины меда погружен и, став на вид яко на камень, да утвердит свою мысль на потребе. <...>

О частех риторики глава 5

Благовонствующее тело всех художеств царицы риторики пять имать частей, яко рука свободная пять перстов имущая,

яже суть обретение
сочинение
сказание
память и
произношение

1. От них же обретение 1 сущи часть неудобнейшая от прочих частей и требует остроумия, быстропарному орлу подобнаго, яко, скоро скоро облетев, всюду обрящет доводы, разумения и показания на украшение слова и препрение слышателя к своей мысли.

2. Сочинение учит собранныя к прению вещи, доводы и прочая, коеждо на свое положити место — не яко по притче сапоги на главу и шапку на ноги, но по чину и благому обычаю. Яко в начале предисловие, та же повествование и потом утверждение, законы и свидетельстванми или разрешение с показанми и, конечно, эпилог по изрядному художеству. И рука бо, смешаны имуща персты, ниже даяти, ниже прияти и показати что может.

3. Сказание, украшающее слово, сладкогласно во ушеса удобь входимо и гладко творит, очищающи е варварскаго и грубаго гласа. Период сочиняет кругловидный, двочастный и тричастный, четверочастный ли, многочастный и, вся обшедши мусов вертограды и цветы благоречия обравши, слово медоточно творит, да сладкомудрие, слышателя препрев, своей подчинит воли.

4. Память (яже естественный дар паче, яко и пятая часть, нежели художественный) стяжаваема доволным трудом и чтением своих и чюждых книг, художественным деланием слова и воспоминанием частей, помнити и крепко во уме держати намеренная глаголати ритору.

5. Произношение указывает, како леть ритору чисто и сладко из уст и гортани словеса произносити, и по силе красно, сладко, цветено беседовати, подражающу разумочинному органу: не сонносо пети к молчанию паче, а не к слышанию желание к предстоящим творя и, по Одиссею, к заграждению ушес воскомь, не единогласное око от секиры, но разноперсто, образно, по разуму вещи: zde печално и жалостно, и zde радостно и весело, ныне осклабася и смехаяся, и ныне возяряся и гневаяся. И сия не токмо гласом, но и движением, и начертаванми главы, рук, ног, зрением очес и проч.

Вся ж сих не безчинно и безумно, но смысленночинномерно (и доброе бо несть добро не добре творимо) и лепотно, возбуждая тыяжде страсти у слышащих.

О общих и риторских местах глава 6

Уму всякому, аще и остропарный в густыя темности обретеня доводов и показаний погружаему и яко в ин лавиринф зле страждущу, сладкоименитая риторика, яко свеща огненнаяснозрачная, водящи дверь показывает обретеня и в вертограды благоречия, яко в крисово водит бездно сокровище. Сии суть места не токмо глаголемая от риторов внутренняя и художественная, но и внешняя и нехудожественная глаголемая.

Внутренняя убо и художественная глаголются места во утробе существе и естестве вещи обретаемая от ритора, яко душа есть безсмертна и бестленна, невещественна бо, от него же смерть и тление.

Внешняя же и нехудожественная именуется от вне емлемая, сиречь от иных свидетельства, яко душа есть безсмертна, зане

тако рече Платон или тако мудрствова ин философ. Зде явно не от вещи, но от внешних свидетельств души безсмертной быти изьявляет.

Внутренняя и художественная места доводов (яко сокровища бездны) — 16. <...>

О определении глава 7

Орос содержит первое место довод же и риторственное словоращении и краткоизвестно елико сила изьявляет, яко предречися, существо же и естество вещи, яко риторики убо оры есть художество благоглаголати, от сего бывает эпихирма: художество благоглаголати есть всем желаемо, риторика есть художество такое, убо риторика есть всем желаема. Доводом сим изьявляется, яко от всех желаемая вещь есть риторика и вси тую желают. Тем же и нужная и зело потребна, зане силою тоя сердца яко магнит глаголяй привлекает и, обуздав человека словоместенною уздою и в семь, яко за нос, к своей водит воли.

Ин довод: девство есть лучшая красота в мире; монашеский чин есть девство; убо монахови чин есть лучшая красота в мире.

Зде являеши, яко монашеский чин всему миру красота есть и удобрение девственной сущь. И сии доводы, яко видиши по философам, составлены правилом вкратце, изьявляюще существо вещи.

Словоращение определений сплетается положением вкупе многих определений не по философам, яко вышше, но риторственно лежащих и ко утвержению похвалы или гаждения доволных.

Аще хощеши определенми девство похвалити, вышписанного довода словоращением сице глаголи: Девство есть венец человеку, богатство девам, похвала монахов, слава аггелов, безчестие демонов, градов утвержение, воинов крепость, врагов победа, страстей обуздание, духу святому жилище и проч.

Ко всякому определению вящшаго ради украшения сладости же и силы купно сплетаются и лепотное прилагателно, благодать слову дающе, яко: девство есть златый венец человеку, богатства бездна девам, похвала безсмертная монахов, слава неизреченна аггелов, безчестие вечно демонов, градов нерушимое утвержение, воинов крепость непобедимая, врагов победа конечная, страстей обуздание твердое, духу святому жилище нескверное и прочее.

Есть и ин образ словоращения определений, составляемый множайшими реченми, иже и ипографи глаголется, яко: девство есть златый венец человеку, иже славно и яко царя над страстми овенчаваает, богатства бездна девам, еже драгостию земных всех сокровищ паче царство небесное купит, похвала монахов безсмертная, яже и по смерти неотступно последствует, слава неизреченная аггелов, иже и бесплотны сим прославляются, демонов безчестие вечно, еже всегда их побеждаючи посрамляет, градов утвержение, еже не токмо супостатов нашествие едино отвращает, но и Бога дерзостно умоляет, крепость воинов, еже и противныя, аще и гигантотелесныя погубляет, врагов победа, ею же тии побеждени никогда же возникнуть главу возмогут, обуздание, им же обуздаются не токмо супостатныя страсти, но и госпожа наша плоть вся, жилище нескверное духу святому, в нем же той з Богомь Отцемь и Святым Сыном пришед, обитель сотворяют и впредь укрепляюще пребывающ, ключ царства небеснаго, им же и проч.

Веждь, яко между множайшими определенми краснейшая быти мнятся, яже приносительными гласы вещь кую либо толкующими аллегорическая именуются, даю ти парадигму на чудотворца Алексиа митрополита, иже есть скипетроносныя и диадимокрашенныя царицы Москвы солнце незаходимое:

Тебе глаголю, о царице Москве, тебе глаголю, о мати градов! Видиши ли сего Алексиа М(итрополита), твоего чудотвор(ца)? Вем, яко видиши, в недрах своих имущи. Ведай же опасно и сие, яко сей есть пресветлое твое солнце, еже лучами своих добродетелей присно тя озаряет. Сей златозрачная луна, яже от правды солнца приемши свет мног и в мирозрачную грехов ночь сияючи, на сладкозарный изводит тя день здраву.

Шипок багряноличный, иже не токмо украшает столепно (святолепно?), но и паче мир всяких тя благовонствуют златолистное древо, иже добродетельным плодом своим душу твою и тело избилно питает. Златоструйный источник, иже не вод, но исцеление всяких недугов истекая, тя исцеляет. Страж твой неусыпный, иже отрежет тя и соблюдает от шумных врагов и видимых всяких наветов. Посредник к Богу, его же ходатайством вся нужная приемлеши. Предстатель дерзостен к Царю вышнему, иже всяк на тебе гнев Божий в милость обращает. Сей есть орел златозарный, иже, непрестанным оком к солнцу зря правды, на вышния взыде, гнездо же свое целбу (так! — *А.В.*) всем болящим остави неистошимо. Сей есть истинный твой архиерей и владыки Христа

угодник, иже от высокаго престола Божия не токмо тебе, венценосцу царицу Москву, но и вся твоя чада благословляет вседневно.

Счисление частей — глава 8

Части глаголются составляющая все или содержащая вещи и окружающая ю, яко человеку части суть глава, руке, ноги и проч.; дому же вся в нем содержащая, яко красота, светлость, жители и проч. и вся окружающая, яко сад, птицы, реки, ветры и проч.; саду — разная дрeвеса, цветы, плод, зелия, криницы, веющий ветры, поющыя птицы и проч. Такжеже всякия вещи видимы или мнимый случаи и проч. Сих убо всех или множайших воспоминанием и описанием тростию риторскою частей глаголется счисление.

Аще хочещи новопрцветшую великаго государя нашего на враги в Азове победу изъавити, и да реку сиче пред очима всех положиши счисление частей симь образом леть написати, счисляя вся наших благополучия и храбрости, тех же, сиречь азовских, вся беды и печали и проч., яко:

Милостию и помощью Вышняго Бога, благополучием же и благим тщанием гигантосилнаго, боговенчаннаго государя нашего и царя и проч., егда вернии его царскаго величества воины, подяша крестоукрашенныя хоругви, тогда абие и многожелательную на враги победу, вкупе же и супостатов конечное разорение светло предизбраша.

Понеже его царскаго величества быстропарным устремлением множайшии вкупе оттуду налетеша витязи и инии Ахиллеи звездочисленно отсюду, яко Богом зовоми, стекошася воеводи и инии агамемнони радостни отвсюду дождевно собрашася воины: вси повеление царское, яко из уст Бога прияша в разум, вси единодушно устремишася на подвиг, вси единоголсно в помощь призываху Бога, в руку его царскаго величества блистосияваша златоадаматный скипетр и блистанием своим, аки пером, на враги предписоваше победу в руку воевод светлосияваше наг меч и сиянием бесчисленныя главы враг вкупе жняше, в руку сотников копие лик ваше и остроюю своею сердца враг бодяше. Громкогласнии органи далече от сих всяк страх отгоняху. Тем же дерзостни вси на агарян стекахуся. Сладкогласныя свирели ушеса верных наслаждаху, тем же без горести ко Азову вси летяху. Честный крест на хоругви блисташе, тму всякую отгоняя. Тем же, яко царь

Константин, вси надежды помощи исполняхуся. Аще множество тех помыслиши, и число превосходит песка морского. <...>

Но что многая глаголю? Се приближишася православнии воины, се устремишася крестоукрашенныя хоругви, се дерзостни внидоша во Азов христоннии ратницы и прежде своего вхождениа предпослаша азовцем смерть горкую. Не бо потерпеша во граде ожидающе, но издалече еще сущим изшедше поклонишася христианским силам, паче непобедимей честнаго креста силе. Таковая сила державнаго нашего государя, таковая храбрость московских сил, таковая крепость крестооружных воинов, паче честнаго животворящего креста.

Но что потом? Весь град от основания обновляется, крестом господним осеняется, благодатию и нашествием Святаго Духа укрепляется и неусыпному Иоанну Предтечи честно вручается и сей паки Пресвятей Деве Марии благонадежно вверяется. Тако христианская слава явися, тако врагов сила победися, тако и прочая.

Глава 9. О этимологии

Сия есть толкование краткое имене или речения, премлемо к рашению слова. Яко Стефан бысть венец Христов или себе, Василий — царь страстей и нечистых духов, Афанасий — безсмертия сын и прочая.

Неведомая есть твоя слава, равноапостоле княже Владимире, и память твоя присно по Соломону с похвалами, понеже не токмо по имени своему, но подобие и по делом твоим владеши всем миром российским. Толикими устами владетель всего мира российскаго величаешся, еликими на всяк день Владимир именуешися. Ты первый именовался царь и князь велий стран северных. Ты многая языки смелыя смерил еси. Ты многая скипетры гордых князей попрали еси. Ты престолы низвергли еси и венцы неувядныя победы прияли еси. Еликыя леты в мире сем пребыли еси, толикыя победы прияли еси. Отсюду Владимир явился еси: и от дел, и от храбрости, и от благоразумия, и от внешних хитростей, от крепости, силы, дерзостей, смелости, славы, богатства и от всего добродетелей лика душевных и телесных.

Кто в тыя лета величашеся? Владимир. Кто славяшеся? Владимир. Кто от всех покланяшеся? Владимир. О, согласия Владимировых дел по имени! О пречюдных его побед по чюдному именован-

нию! Аще ироя его наречеши, и дела его являются. Аще его исчисляеши, и имя того показуется. Сей пречюдный князь Владимир не токмо миром, но и подмирными властями пречюдно владе, прежде ими владаемь. И да глаголю яснее: сей божественный прменением прменився, раб верный и апостол благовествующий бысть Христов, и многоглавныя керверы, иже суть темныя демони, вконец победы, посрами и из своая власти изгна. Тако, силу тех разрушив, весма победное знамение — честный насади крест, и ин Авраам Бога триипостасна в странноприимство прия. Сей православную веру умножи и прочая.

Глава 10. О систоисех или составных

Сице глаголются изобразуемая от единого имене, яже разная суща многое между себе свойство стяжаху. Яко: мудр, мудрость; благ, благодсть, благое; владыка, владычество, владетели, владение; еллада, еллин, еллинский; Россия, россиянин, российский и прочая.

Епихирима сице сплетается: Бог любит благодсть, убо и благо человека; Христос похваляет смирение, убо и смиренного; похвална есть мудрость, убо и мудрый человек.

Радуйся, славная Россия, и рукама вкпе восплеши, понеже и ты не лишилася еси равных восточной стране святолепных мужей. Российския святыя своя имущи, иже яко светозарныя звезды просвещают твою твердь православия. Владимир твой, яко ин первоправославный князь Константин, вся чада твоя святым крещением просвети, и недра твоя церковей наполни. Елена твоя не токмо животворящий крест, но и самого окрестованного на нем Христа на он пол Чермнаго моря обретши, к тебе привела и ему тя столепно обручи. Антоний твой и Феодосии во вся страны монашества святоплодоносныя сады насадиша и тако тя Богу плодоносно показаша. Лаврентий твой демони жезлом железным силою креста далече от тебе отгнаша и житием своим тя посветиша. Благовернии твои князи Борисы и Глебы неповинною своєю и честною кровию, хитон тебе порфироцарственный обогрязавше, соткаша и между прочими странами, яко царицу ты славную, показаша. И чудотворцы твои Алексий, яко ин седьмовершинный Нил, вся твою скверну греховную мысленный Египет умыша и, поученми своими напоивше, убелену ты паче снега и многоплодну сотвориша. Петры твои инии Златоусты показашася

Иоанны. И Ионы, и инии Спиридоны, Филиппы и Кирилы и прочии твои отрасли вси подобии явишиися святым восточным.

Вси сии твои рустии суть сади, вся твоя суть чада, вси плоди твои и цвети неувяднии. Ты бо — Россия; и тии — российстии. Сии — россияне, и ты — Россия. Веселися убо и ты, яко и восточный святыи дом, можеши и ты реши со пророком: Се аз и дети мои. Можеши и ты и прочая.

О геносе или роде глава 11

Генос или род от Аммония и Порфириа и иных многих, паче же от протофилософа Аристотеля <...> довлеет к риторскому словорращению и к плетеносвязанным доводом распространяющийся на множайшия и разнствующия виды, во еже каково что есть или составляемый от многообразнствующих и обемля множайшыя. Тем же род есть добродетель, обдержаша девство, смирение, кротость и весь лик добродетелей. Подобии роди суть грех, древо, камень и проч. К словорращению ритор обходит род и родственною похвалю хваловенчает или гаждомрачает кую-либо злобу или вещь. Та ж нисходит в вид, яко от добродетелей на смирение, от греха на гордость, от птицы на голубя и прочая.

Мы убо, обшедше род учения, снисходим на вид риторскаго учения:

Сладкое ми сие имя учение и егда во нищетное си усто е приемлю, сугубым человек веселием наслаждаяся, дивныя бо силы учение имать и тленнаго человека гигантоступне умом всем показывает. Сие удиви и елики дни удивляет естество человек не только же, но и безсловесных. Кто бо не дивится, услышав, яко учением малосилный ковач (человек), умягчив всю жестокость железа, тчет млатком главу неуязвимую и перси железныя, в них же вооружен, враги своя, дерзостен, побеждающи? <...>

Не колет ли тя чюдодейством игла матошная, яже крепко от магнита движима, обуреваема кормщика обнадежит, в темной нощи указующи сладкий восток посреде непроходимыя пучины? <...>

Откуда научен многотрудный поселянин ныне чешет без страха свою мать землю железным ноготию оралом, и она, чадолубнотерпелива, млекоком своим, еже есть плод, обильно и питает? Ныне же вкореняет во утробу ея лесы и медоточныя собрав класы, всedomовно напитається, но и внутренняя ископав, реки и хрепта ея испущает и души жаждущыя орошает. Не видел ли еси

инаго ниткоплетенным художеством глубины моря изследующа и водныя птицы ловяща? И сия вся в темныя нощи, егда по притче и перста си не видиши? Сия вся и ина чуднейшая учение творит, яже число всякое превосходит и быстроглаголивья уста заграждают.

Но да умолчит всякое инно учение, да утаится всякое художество, зане риторское учение превосходит не токмо и ино учение всякое, но ум весь человеческий. Зане сие не токмо аггелы удивляет, но и самага наслаждает Бога. Сие Демосфена самовластелна сотвори естеством человеком и яко уздою языком своим е водяше. Сие сотвори чудноглаголива Нестора и медотекущую реку благоглаголания, глаголет галлический Ираклей, и чудотворною силою всех сердца к себе обращает. Беседует Исократ, или Ксенифон, и кроме баснословия сей претворити в сирину, он же в пчелы. Тем же един риторскою своею силою души человек во волшебствоваше, другой же книжным своим сочинением наслади весь мир, оставив толика чудеса, елико сочини книг. Сим учением Ориген показался адамантный, святой Иоанн Златоустый, Великий Василий столп от земли до неба и прочыя церковныя пчелы. Подобие сию силу имеяй воевода страшнее показуется своим супостатом и паче вредителный, зане сим возбуждает коегождо на брань и всякаго лениваго во Ахиллеса претворяет.

Сим в судилищах ритор священный проповедник во амвонех, о Боже, елика чудеса соделовают. Сей глаголет — и судия, языком глаголющаго связуемь опасно, и слушает; он гремит гласом — и весь народ, уста отверсше, яко птенцы ластовичии, чающе сладкия пищи, на гремящаго взирают; пострашит когда язычным жерлом — и вси, яко рыба, трепещут. Гремит устотворным гласом, а аще вси глубокобрадни, яко младенцы, страшатся; прослезит — и бывают ти очеса источники, и аще бы и камень был, текут ти слезы, аки реки. Аще пострашит тя, печален погубил еси всю теплоту естественную и от страха оляденен. И паки аще утешает тя, смеешися и между въздыханьми радуешися и между слезами обличает тя и кроме стрел уязвляет тя. Похваляет тя и, яко петел крилат, творит ти славу летающую всюду.

Сие действо имать учение, такую силу стяжает, такой скипетр вручает человеку, противно же неучение порабощение творит. Да постыдятся укоряющии учение, яко слепы, всем слепоты желяюще. Да постыдятся, забывше притчу поселянскую: учение — свет, неучение — тма, да постыдятся и проч.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В предисловии к «Пречистой Деве Марии» Козма Афоноверский называет Богородицу «риторствующей». Какие свойства он приписывает Богородице и о чем молит Ее? Как при этом автор характеризует себя?
2. Что говорит в «Предисловии к читателю» Козма об истории создания своей книги? Какие трудности стояли на его пути?
3. Проанализируйте (3-е) «Предисловие всея книги». Каких авторов (античных и христианских) упоминает Козма и каково его отношение к ним?
4. Каково происхождение риторики? В чем смысл деления риторики на «естественную» и «художественную» (см. главу 1)?
5. Каковы цель и предмет риторики (см. главу 3)?
6. Насколько оригинально, на ваш взгляд, называет и описывает Козма части риторики (см. главу 5)? Например, композицию Козма называет «сочинение» — насколько это слово верно этимологически? Выбор слов назван «сказание» — насколько это точно?
7. Какие примеры из русской истории и реалий современной ему жизни приводит грек Козма? Каких русских деятелей (князей, святых-чудотворцев) упоминает Козма в своих примерах (см. главы 7—11)?
8. Какие противоположные примеры и сравнения приводит Козма, чтобы показать действие риторической речи на слушателей (см. главу 11)?
9. Козма Афоноверский — замечательный стилист. Он создает новые «хваловенчающие» и «гаждомтрачающие» слова, строя их из дву- и трехсложных корней. Например, только корень «злат-» позволяет ему создать такие новообразования: *златословие* (название книги), *златоструйная* (река, риторика), *златоадамантный* (скипетр). Поищите в тексте подобные примеры с корнями «мед-» и «сладк-».
10. Выпишите встречающиеся дву- и трехсложные слова. Попробуйте их классифицировать. Многие из этих слов не встречаются в имеющихся словарях древнерусского языка или языка XVIII века, например: *гигантопобедный*, *чюдноглаголивый*, *сухоязычный* и *пустоустный* (о риторе), *гугнивогласие*, *лишнословствуем* и т.д. Какие из этих слов являются, по вашему предположению, авторскими неологизмами?

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ РИТОРИКА В 5 БЕСЕДАХ (1706—1712)

В конце XVII — начале XVIII в. на севере Руси было основано Выговское старообрядческое общежительство. Его организаторы занимались перепиской и внимательным изучением священных книг, с глубоким почтением относились к «внешним мудростям» (в отличие от их «хулителя» протопопа Аввакума). В целях прохождения наук основатели Выговской общины Андрей и Семен Денисовы объезжали монастыри, скупали книги, насыщались мудростью в беседах с учеными людьми. Известно, что Семен Денисов бывал в Киеве, где наверняка познакомился с киевскими риториками, а в Новгороде был на долгое время взят под стражу — там же он вел ученые диспуты с Софронием Лихудом. Старообрядцы не только собирали и переписывали существующие учебники риторики, но составили своеобразный риторический свод — обширный конспект учебников С. Лихуда, М. Усачева, С. Яворского, Г. Данилевского и др. Старообрядческие рукописи, дошедшие до нас в большом количестве, показывают высокую культуру письма; буквенные заставки, орнамент и миниатюры поражают изысканной красотой.

Самостоятельным старообрядческим сочинением является «Риторика в 5 беседах». Хотя в некоторых поздних списках оно названо «Риторикой Феофана Прокоповича», очевидно, что это труд самих старообрядцев, а именно краткая гомилетика, не повторяющая обширной латинской «Риторики» Ф. Прокоповича. Возможно, в точном устном пересказе старообрядцы заимствовали определение риторики (квинтилиановское *ars bene dicendi* — «хитрость добре глаголати»), описания трех «родов слова», 16 общих мест, данных в той же последовательности, что у Ф. Прокоповича. Ранней временной границей создания «Риторики в 5 беседах» считаем 1706 г. (время публикации сочинения Ф. Прокоповича), поздней — 1712 г. (дата публикуемого ниже списка ГИМ, собр. Уварова, 4°, № 318).

«Риторика» известна в 14 списках. Ниже публикуется список из «книги Семена Денисова», которым она была дана келейнику и ученику Алексею Иродионову. Однако Иродионов изменил старообрядчеству в 1747 г. Перейдя в официальное православие, он стал дьяконом, а затем священником в Новгороде. Вынося от старообрядцев «книгу Семена Денисова» с текстами «Риторики» С. Лихуда и «Риторики в 5 беседах», Иродионов занимался ее правкой с 1754 по 1757 г., о чем записал в предисловии.

Публикуем в отрывках текст «книги Семена Денисова» без правки Иродионова (публикацию полного текста «Риторики» см. в сборнике: Мир старообрядчества. Вып. 3. — М., 1996. — С. 189—243). Для публикации избраны отрывки: Беседа 1-я предисловная (определение и цель риторики, роды речей, части композиции), из Беседы 3-й — раздел об общих местах. Вопросно-ответные статьи пронумерованы публикатором (А.В.).

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. ПРЕДИСЛОВНАЯ

(1) Вопрос: Что есть риторика?

Ответ: Риторика есть хитрость добре глаголати.

(2) Вопрос: И что есть глаголати добре?

Ответ: Добре глаголет иже тако слово свое составляет, яко возможи ему обрести конец или вину своего слова, до котораго конца намеряет, си есть аще кто хвалити кого хошет, конец слова его есть да в великую честь и славу в своих слышателей приведет хвалимаго. Аще убо тако исправлено слово его есть, яко может намерение сие исполнити и исходатайствовати честь тому, к его же похвале слагается, добре той глаголет. Аще ли ни, не добре и не риторически.

И паки: аще кто кому советует, намерение имать привести его к делу, о нем же советует. Аще убо приведет, яве есть, яко добре глаголаше, аще ни — инако.

(3) Вопрос: Аще же кто советуяи дело греховное преклонити к тому, убо и той ли глаголет добре?

Ответ: Погрешает той на Бога, но не на правила риторическая и того ради зле глаголет по намерению и нравом, но добре по правилам слова; подобне тому, иже меч ко неправедному уби-

ению сооружает, той бо зле творит по злomu своему намерению, но аще меч искусным и нарочитым художеством устрояется, глаголется добре учинен быти, и творец той злый человек не нарицается, но добрый художник.

(4) Вопрос: Что убо хранити подобает, да толь совершенно глаголати возмогу, вестно бо есть, яко немнози суть к намеренному концу, и многа глаголюще приводят?

Ответ: На сие изобретается хитрость риторическая, содержащая в себе многия и различныя правила доброму глаголанию удобь составляющая, яже со всяким желанием испытуеши, безбедно у мене обрящеши, хотящему бо вся удобна бывают.

(5) Вопрос: Того ради и приидох к тебе, яко велие желание хитрости сея имею, мняще ю быти в житии человеческом паче иных полезнейшую.

Ответ: Аз убо краткое тебе и ясное преподам наставление, аки за руку ведуще тя, како совершенное и своего намерения не лишаемое слово составить имаша. Множайшаго же ради удобия и сам, излагающе правила во образ тых, особое некое имамь составить, да не токмо убо видиши мене учащаго, но и творящаго, и тако совершение учением сугубым, си есть словом и делом моим, наставлен будеши.

Первое убо достоит уведати многократные ли суть роди слова. Та же колико части имать слово. Потом же, на колико частей разделяется вся хитрость риторов, или кая нужная ведати ритор имать, да доброе и совершенное слово его будет.

(6) Вопрос: Повеждь убо: колики суть роди слова?

Ответ: Три.

(7) Вопрос: Кии?

Ответ: Советователный, разсудителный, украсителный.

(8) Вопрос: Что есть род советователный?

Ответ: Есть егда что кому делати советуем доброе или оставити злое.

(9) Вопрос: Что разсудителный?

Ответ: Егда разсуждаем правду от неправды или истину от лжи.

(10) Вопрос: Что украсителный?

Ответ: Егда лице или вещь некую ублажаем или похваляем.

(11) Вопрос: Не суть ли инныя роди слова?

Ответ: Ни, но в сих трех все разнствия глаголов человеческих заключаются, всяк бо человек или сам со собою в уме

своем глаголет или с иным. Аще убо сам с собою, тогда истинны умом испытующе разсуждает. Аще же со иным беседует, глаголет ему, или да той что сотворит его послушая, или да чему уверит, некое от него мнение восприимет. Аще первое — советует; аще ли же второе, то блажит что или похуляет, и тако вся глаголы его в трех родах заключаются.

(12) **Вопрос:** Понеже аз желание имею в церковных проповедях искусным быти, повеждь ми, кий род слова приличен ко проповеданию.

Ответ: По вся праздниции господския и памяти святых приличен есть род слова украсительный. Тогда убо похвала тайне и величиих Божию или угодников его глаголати подобает. По вся дни недели служит род слова советователный, ибо тогда нравыучение от евангелских Христовых словес почерпати и слышателей или отводити от греха или к добродетелям наставляти проповедник должен есть. Род же судительный нечасто церковным ритором случается, разве егда на изриновение лживых еретических догматов простирает слово.

(13) **Вопрос:** Совершенно рекл еси о родах слова. Рцы еще по обещанию твоему и о частех слова. Первее же колико имать частей слово риторическое?

Ответ: Слово всякое четырьми частми составляется, яже суть первое начало или приступ к слову или предисловие; второе — предложение, овогда же повесть вместо предложения; третье — подкрепление, или утверждение; четвертое — окончание, или пословие.

(14) **Вопрос:** Скажи особь о коейждо части: что есть начало, что предложение, что подкрепление и что пословие?

Ответ: Начало слова есть часть слова первая, предуготовляющая проповедника ко глаголанию, слышателя ко слышанию. Предложение же есть изьявление того, о нем же глаголати имать проповедник, да первое вкратце познают людие, что имать рещися. Подкрепление же есть собрание доводов и изветов, ими же слово предложенное укрепляется. Пословие же есть совершение слова, содержащее в себе сокращение вся изреченная памяти ради слышавших, к тому и слышателей ко уверению и творению конечно понуждающе.

(15) **Вопрос:** Не суть ли инныя к тому части слова?

Ответ: Прочии риторове на множайшия части слово разделяти обыкоша, но вся тыя части в сих четырех, о них же бесе-

дуем, заключаются. Повесть бо, разделение и отвержение, яже от иных полагаются аки особня части, в сих четырех нетрудно могут заключаться: повесть и разделение — в предложении, отвержение же во подкреплении вмещаются.

(16) Вопрос: Что убо есть суть новопредложенная повесть и проч.?

Ответ: Речем инде о сих, егда совершеннейшо учение о кыйждо особь части восприимем. Ныне же довлеет беседа, да немногим повествованием возмущенна будет память и мало удержати не возможно. <...>

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. О ИЗОБРЕТЕНИИ

(1) Вопрос: Что убо изобретение есть?

Ответ: Изобретение есть первая часть риторики, поучающая изобретати доводы или изветы слова предложеннаго.

(2) Вопрос: Что есть довод?

Ответ: Есть укрепление, достоверну повесть творящее.

(3) Вопрос: Суть ли разныя виды изветов?

Ответ: Суть.

(4) Вопрос: Многократныя ли?

Ответ: Сугубыя. Но суть виды изветов сугубы: уверяющия и понуждающия. Уверяющия нарицаются просто доводы или изветы. Понуждающия же именуются страсти.

(5) Вопрос: Чесо ради тако?

Ответ: Яко страсти во человеце, возбуждающе разумей любовь, милосердие, гнев, ненависть, омерзение, боязнь, скорбь и прочая, не просто уверяют, но аки нуждею влекут ко соизволению на тое, о чем глаголет проповедник.

(6) Вопрос: Требуют ли некогда доводы ко подкреплению самых себе доводов или должны суть сами собою тверди и уверителни быти?

Ответ: Суть многие иже требуют, но доводы доводов паки сугубы суть: инныя нарицаются основание, инных же умножение.

(7) Вопрос: Что основание и что умножение?

Ответ: Основание есть простое подкрепление. Умножение же есть не токмо крепку, но и зело крепку и велику вещь творящее и сим от основания разнствует, яко оно подкрепляет токмо, аще что нетвердо быти мнится. Сие же и подкрепляет нетвердое и великим творит еже мнится быти невелико, например, святой Златоустый хочет показати, что Иаков патриарх, имевый

великую скорбь по погубленном Иосифе, глаголет во второй книзе о смотрении Божиим:

Братия Иосифовы, ризу его окровавленну отцу показующе, различную его скорбию удручиша, не точию бо о самой токмо смерти рыдаше, но и о странном виде тоя смерти. И многая стекошася, яже ум его помрачаху, и еле не во отчаяние вметаху: яко любимой жены сын, яко лучший от иных, яко наипаче себе возлюбленный, яко в самом еще цветном возрасте, яко от него посланный, яко не в дому, ни на ложи, ни отцу предстоящу, ни глаголяй что, ниже послушай, яко не общею всех смертию, яко жив зверей свирепием раздран бысть, яко ниже мошей его обрести мощно бе и земли предати, и яко скорбь сия не в юности Иакову случися, когда лутче ю понести можаше, но в последней старости. Доселе Златоустый.

Видиши zde, како к подкреплению слова о скорби Иакова довлеяше токмо возпомянуги смерть сыновню, он же, хотя скорбь ту велику зело показати, зри, коль изрядно отвсюду собрал умножение, совокупляюще тая, яже болезнь умножают.

(8) В о п р о с: Воистинну избранно и силно есть сие учение. Но коим убо образом доводы, страсти, основания и умножения изобрести возмогу?

О т в е т: Места суть от тщательных древних риторов на сие усмотренная, в них же аки в совровищных хранилищах вся ко подкреплению слова обрести есть мощно. Суть же видом сугубая: внутренняя и внешняя.

(9) В о п р о с: Кая суть внутренняя?

О т в е т: Яже суть внутри самой вещи или внутрь разсуждения о ней составляемаго обретаются. Суть же числом 16:

- 1) описание,
- 2) частей разделение,
- 3) имени сказание,
- 4) сопряженная,
- 5) род и
- 6) вид,
- 7) подобие
- 8) и неподобие,
- 9) противная и
- 10) привязаемая,
- 11) предыдущая и
- 12) последующая,

- 13) невместимая,
- 14) вины,
- 15) содеяния вин,
- 16) сравнение болших с меншими и равных с равными.

(10) Вопрос: Внешняя же кая суть места?

Ответ: Сугуб род мест внешних есть: свидетельства слова и образы дела.

(11) Вопрос: Что есть слова свидетельства?

Ответ: Суть ветхаго и новаго завета писания, правила соборов церковных, предания некая отеческая, людей мудрых или честных изречения. Такожде и живых свидетелей изветы и прочая.

(12) Вопрос: Образы же дела что суть?

Ответ: Вся добрая или злая делания мужей древних, яже суть повести многая в ветхом завете, в книгах бытия, исход, числ, втораго закона, в книгах наипаче судейских, царств, Есфирь, Июдифь, Иовлих Маккавейских, в новой же благодати — евангельския повести и деяния апостольская.

Та же вся историческая книги, содержащая в себе жития святых или от внешних повестителей древния брани и прочая.

(13) Вопрос: Скажи вократце во коемждо особь месту внутреннем, о внешних бо, понеже ясная суть, не требую извещения.

Ответ: И о внутренних рассуждати не есть трудно, реку убо сокращение, елико довлеет ко их познанию. Всякая вещь, животная или неживотная, имать себе инная согласныя, инна же противны, аки бы некое родство и врагов. От родства убо или от согласных вещи суть:

описание самаго ея естества;

части, от них же слагается;

сопряженная со собою по имени или по естеству;

род, в нем же содержится;

и вид, иже есть часть рода;

свойство — случай;

вина, от нея же походят и плоды, иже от нея происходят;

привязанная, с ними же сходится или ей последуют или предьдут — и сия суть: место, время, образ, и пособие, деяния — предидушая, купноидушая и последующая;

к тому же и равная и подобная.

Сия вся суть некое родство вещей, без них же ни едина вещь не бывает.

(14) **Вопрос:** От сопротивных же кия обретаются?

Ответ: Вся тая, в них же некое есть несогласие и противство ко вещи той, яко же неравная, неподобная, противословная и прочая разньствия, ими же вещь от прочих вещей разнстит: или в естестве, яко человек от зверя; или во свойстве, яко быстроумный от косноумнаго; или во случаю, яко богатый от нищаго и прочая. Сия же вся тако разсмотревше, удобно есть елико довлеет познати и разумети.

(15) **Вопрос:** Скажи убо, коим образом в коемждо том месте изобретати имам доводы подкрепления слову предложенному.

Ответ: Сие наипаче нужно есть ведати, да убо совершенно уразумеши. Веждь первие: яко во всяком предложении (предложение же есть всякое слово, со разумом совершенным изреченное) две обретаются начальные части: подлог и прилог.

Подлог есть самая вещь, о ней же слово глаголется.

Прилог же есть другая вещь, яже к первой словом прилагается или согласная ей, или противная: согласная — соединяющяся, противная — отделяющяся. Например, сие предложение: Христос есть Богъ истинный имать подлог Христос, сия бо вещь есть, о нем же глаголет предложение; Бог же истинный есть прилог, сие бо словом ко Христу прилагается. Прикладает же ся соединениемъ есть, ибо согласно есть. В сем же другом предложении Слово Божие не есть тварь паки Слово Божие есть подлог, тварь же прилог есть. Но понеже сей прилог подлогу сему несогласенъ есть, не соединениемъ, но прекословиемъ ему приложися, не есть истинный прилог.

(16) **Вопрос:** Разумно мне се, но к чесому полезно?

Ответ: Сие уразумевши, зело удобно избрящяши многия доводы, твое предложение подкрепляющия или во внутренних или во внешних местех.

(17) **Вопрос:** Что убо творити имам?

Ответ: Иди через вся места, в них же или подлога и прилога или все родство и противство содержится. И не пытай, аще кое от согласных подлога согласует прилогу, или аще кое от согласных прилога согласует подлогу, или аще не согласует и противится. Аще бо что от согласных прилога согласует подлогу, то и сам прилог подлогу согласует. Аще ли ни, то ниже прилог ему согласует. И тако яве подкрепиши речь твою.

(18) **Вопрос:** Изясни сие примером.

Ответ: Пример и образ того да будет вышереченнаго слов предложение, еже слагати zde начинаем. Предложение убо бяше

яко еретицы достойни суть проклятия. В сем предложении подлог есть еретицы, о них бо есть слово. Прилог же есть достойни проклятия. Начнем разсуждати согласная с подлогом. Пойдем убо к первому месту, еже есть описание естества вещи. Зри, кое может быти описание ереси. Святыи апостол в послании своем тако еретиков описует: Сии суть во любвах ваших скверни-теле с вами ядущей, без боязни себе пасущие; облацы безводнии, от ветр преносимии; дресеса есенна безплодная, дважды умерша искорененная; волны свирепыя моря, воспеняющая своя стыдения; звезды прелестная, им же мрак вовеки тмы блюдется.

Сие описание ереси приличное есть прилично подлогу, прилично и прилогу, си есть достоинству проклятия, яве есть убо и прилог подлогу приличен есть. И глаголи тако: сквернителе во любвах, без боязни себе пасущия; облацы безводныя и прочая достойни суть проклятия. Но сии суть еретицы, убо они проклятия суть достойни.

Аще бо двое со единым третиим согласуются, и между собою имут согласие, ибо егда хошем мерити два столпа разстоящая, равна ли или не равна суть, примеряем до единого жезл, потом же до другаго. И аще оба столпа тому же жезлу соравняются, яве есть, яко и между собою равна суть.

Се уже имама единый довод предложения нашего, от описания вещи изобретенной на подкрепление.

(19) В о п р о с: Поступи до иных мест.

О т в е т: Единым образом отвсюду доводы собираются. Оба же желанию твоему хошу удовлетворити. Раздели на части ересь (веждь же, яко многажды части и види тожде суть, яко же и zde): инная ересь — арианская, инная — несторианская, инная — македониева, инная — оригенова, инная — евтихиева, аполинариева, савелиева, люторова, калвинова, латинская, армейская и прочая.

(20) Е ще имя изтолкуй.

Ересь убо скажется от греческаго языка самомненное избрание, егда кто тако свое мнение любит, яко оно выше самой предвечной истинны от Бога откровенной превозносит и ценит. Подобный в том суще гордому диаволу или ангелу, иже вожделем быти равен Вышнему.

(21) В коем же роде содержится ересь?

Во лже.

(22) В каком виде лжи?

В том, иже сопротивляется совести своей и самому Святому Духу, о ней же Христос рече: вы присно Святому Духу противитесь.

(23) Пойди к подобию. Кое да си подобие еретиком?

Подобны суть волком, яко же их сам Христос нарицает.

(24) Пойди ко соравняемым: сравни ересь со иными грехами и обрящещи ю быти паче всех грехов мерску пред Богом.

(25) Испытай к тому противная. Какая благая со ересью сочетатися не могут?

Не сочетоватся мир и тишина, не любовь, не благость Божия, ниже конечно вечное житие. И паки елико любительно есть Богу едино от противных, толико мерско другое: уведавше убо, коль любимо и приятно есть Богу истинное благочестие, понеже православную церковь невесту свою возлюбленную нарицает, лепо есть уведати, коль ему есть мерско злочестие.

(26) Та же размотри вся привязаемая: место, время, пособие, образ, деяния, знамения и прочая. И обрящещи ересь, помрачающую день спасения, время благоприятно, оскверняющую святая места, пособием диавола и оружною силою свое учение проповедающую, знаменанную во Иоанновом откровении и Данииловом многовидным страшилами сим подобная.

(27) Испытай уже о вине: от кого и от коего корене еретицы происходят?

Сам убо отец лжи диавол еретиков раждает. По словесем Господним: вы от отца диавола есте и плевелы, яже образ суть еретического мудрования от врага человека между пшеницею всеяны быти глаголются. Веждь же сие наипаче и всегда в доброй храни памяти, яко преизобилнейшая места всех подкреплений и аки источники неисчерпаемая суть два сия: первый — привязуемая, о нем же уже рехом; второй — плоды, или изчадия, от коейждо вещи аки от своей вины раждаемая. И многожды от единого от сих мест всецелое подкрепление слову избирается без всякого труда. Например: поищи, кия плоды раждает ересь, и зри, коль многия обрящещи. Перво, повреждает церковь, овцы христовы люте разграбляючи, не тако бо зелным и свирепым гонением идолослужителским, яко ересью умалися верных собрание. И не тако во время губительства телеса человеческия, яко души во время смущения церковнаго повреждаются. Много бы о том глаголати требе довлеет на подкрепление того. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каково определение риторики в «Старообрядческой риторике»? Что значит «добре глаголати» (хорошо говорить)? Считается ли хорошо говорящим («добре глаголющим») тот, кто «погрешает на Бога»?
2. Какие роды слова выделяются в «Старообрядческой риторике»?
3. Какие части слова (композиции) описаны в сочинении?
4. Каково определение *довода*? Какие два вида доводов выделены в «Старообрядческой риторике»? Почему *страсти* также отнесены к доводам? Какие виды страстей описаны в этом сочинении (Беседа 3, № 5)?
5. Как распространяется речь? В чем разница между *основанием* и *умножением* (см. беседу 3, № 7)? Какому современному понятию соответствует термин *умножение*? Какими выразительными средствами пользуется автор риторики, чтобы показать пример «умножения» слов?
6. Какие внутренние места описывает неизвестный автор риторики и насколько названия «мест» отличны от предыдущих риторик? В чем своеобразие примеров, используемых автором данной риторики?
7. На какой вид речи ориентируется неизвестный автор (см. № 18)? С какими целями написана старообрядцами данная «Риторика»?

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Ниже публикуются две статьи «О памяти», «О про-
изношении гласа и движении тела», содержащие
предание риториков второго поколения Выговской шко-
лы (видимо, не ранее 30-х годов XVIII в.) об «отцах на-
ших риториках» Андрее и Семене Денисовых. В них не
только описывается «сладкословесный и красноглаго-
ливый» образ учителей риторики, но и правила веде-
ния речи и обучения риторике у старообрядцев.

Хотя статьи датируются в рукописи 1764 г., не ис-
ключено, что они написаны ранее, — условно публи-
куем их в разделе риторик петровского времени, по-
скольку деятельность братьев Денисовых относится к
этому времени (последний из братьев, Семен, скончал-
ся в 1730 г.). Публикация статей осуществляется по ру-
кописи РГБ, собр. Егорова, № 1961, л. 192—196 об.

О ПАМЯТИ

Части сея, такожде и произношения правил присно воспоминаемых наших риторов Андрея и Семиона Дионисиевичев не обретается, однако же они сами весма в сих правилах находилися достаточными. Свидетели сему вси учении и неучении, видевшия их и слышавшия словеса их, что колико одарен был от создателя естественною и художественно приисканною памятью Симеон Дионисьевич, ибо за сие непогрешно отитлован он был от брата своего Андрея Дионисиевича да и прочих книгочитателей живою Библиею. А сладкословесный он красноглаголивый честнейший ритор господин Андрей Дионисиевич за красноречие и чистое в произношении слова вещание от многих именуем был Златоустом. И тако благоразсудилося нам в окои сии части памяти и произношения окои сих самобратиев предположенных риторических правил сочинителей прекрасных риторов положить, яко воодушевленная правила: Симеона в память, а Андрея в последующую пятую часть произношения.

При одаренной ему от всепревысочайшаго создателя естественной памяти еще изрядно видим был в художественных сих спомошествующих памяти правилех:

1. С самых младых лет всегда непременно пребывал он в частом обучении Божественнаго писания и внешнего любомудрия.
2. Прочитывал он писание с прилежным вниманием не токмо телесными, но и душевными очесы и часто прочтенное чрез мысленное изображение к памяти своей крепко пригвождал.
3. Вытверживал к сказанию изустно на память грамматическия и прочих наук правила.
4. В твержении оных поступал умеренно: не на все купно вскоре захватить простирался, но по частем, периодам в разсуждении своя силы, подобно временно, люботрудне приятствовал.
5. Частыя во всем оном всегда со учеными людьми разговоры имел.
6. Употреблял в писмах некия для памяти значки, числа и азбучныя писмена.
7. Книги, по них же учился, исписанныя власною его рукою, никогда не изменял, но хранил их во всю свою жизнь неизменно в разсуждении таком, что весма сие памяти спомошествует, пременение же книг оную несколько помрачает и воспоминания остроту притупляет.
8. Во всем имел присную умеренность и прекрасное воздержание: яко во сне, тако в пищи и питии, хождении и глагола-

нии, к сему же и опасался зело главнаго застужения, угару и опаления.

9. Любил повсегда пребывать в умней тихости, а сие мог воздержностию приобретать и во многих разных дел упражнении.
10. Хранил во всем против общих уставов и своих о том в наблюдении поучений целость чистоты, как в теле деятельно, так и в тончайших мыслях зрительно, и от онаго имел спасительную чистоту всегда в своей совести, кая немалый успех может к памятованию вещей придати. Аще же пребудет в собственном у кого от чего ли бо зазрения, то немалым же припятствием к памяти учиниться может.
11. Отвергал скорее от себя прочь приходящая всякия пристрастная (препятствующая сему учению и вредящая) помыслы.
12. Учил всему тому, что сам знал, учеников и прочим желающим о сем ведать беззавистно всегда открывал.

Пристежение: Еще же ко всему оному потребно зело для памяти мысленныя и чювственныя весма памятныя и всегда при нас имеющаяся, например: незнакомаго человека имя замечать на знакомаго, или аще надлежит памятовать имя Платон, то оное заметить можно на платок, науку пиитику — на пиитие, идола Перуна — на перо и прочая подобная сим такожде много способствует памяти. Аще что пред спанием будем вытверживати, по востании же паки оное поновляти, конечное же состоит памяти неоцененное сокровище в добром состоянии главы, здравости всея плоти и душевном безпечалии.

О ПРОИЗНОШЕНИИ ГЛАСА И ДВИЖЕНИИ ТЕЛА

Предложенный в преднаписанной от памяти части сладко-словесный риторов господин Андрей Дионисиевич произносил глас в различных своих сказаниях и поучениях и в прочих разговорах различно по подобию разума и приличности сказуемой вещи и дела.

Аще в ярости случившейся в вещи на достойныя оную потязати, яко на борющагося с нами повсегда лукаваго диавола и его учеников неверных идолопоклонников, проклятых еретиков, окаянных хулителей православныя нашае веры, лукавых церковных развратников, злых досадителей истинне, ругателей благочестия, изменников отечеству и льстивых непокорников святых отец пре-

данию и прочих подобных сим, тогда ярим гласом и свирепым образом со гневом, зело стройне таковых потязоваше, в страсе о сказуемых каких страшных действиях, или оным за что кого в наказаниях страшающе, уstraшенным громким гласом и видом показовашеся. Ежели же оный во обществе на всех хотящий быти предлагая, яко страшный день втораго пришествия Господня на суд, тогда трепетное стояние, или вечных мук грозное осуждение и тамо безконечное за грехи прелютное мучение, то унылым, густым голосом оное изьявляше. О действиях сомнительных и случайных вещей неясно извещеваше, но некако мрачно, сомнительно и неутвердительно, падающе силу в разум слышателей к сомнению, а не ко истинному того познанию.

В сожалении же о чесом или в сокрушении сердечном о повсечасных человеческих согрешениях воспоминаний — жалостно, печальным гласом повествоваше, и о оном аще когда Бога и Пресвятую Богородицу, ангелов и всех святых или и простых по случаю человек о спомошествовании во спасение прошаше, тогда весма и гладкосвободным радостным гласом изглашаше. В лишении же оных, или конечно потерянии напротив сего зело скорбно и печально, печальным гласом беседоваше.

Наблюдал же он всегда непреложно в произношении гласа нижеследующия сии правила:

1. Дабы последния слоги в речениях чисто произносилися.
2. Чтобы говорити не вельми косо и не вельми борзо, но посредственно.
3. Не зело бы кричливо, напротив же и не весма бы тихо, и не единообразно по подобию секиры, секущей лес, но по выше объявленному в периодах разуму.
4. Не опускал тогда по странам во иныя вещи своих мыслей, но мужественно оныя содержал в надлежащем деле и от сего никогда не шатался по стремнинам глас его.
5. В сем, аще и мало от естества был и недостаточен, однако искусством, сколько можно, униженно, тонко, тихим, благопокорным, умиленным гласом всемирно моляше.

К подвижению в мужество или в том бывших повествовании и о оном разсуждении — мужественным гласом мужественно глаголаше.

Про творящих же разныя сладчайших добродетелей в сказании и ко оным подражанию слышателей сердца сладко разлиянным, любезно приятным, чистым гласом привлечаше.

Егда же радостное что и веселое предлагаше, яко о наследствии праведных, прекрасном раю, и о восприятии безконечнаго всерадостнаго небеснаго царствия и за маловременныя нынешния труды вечнаго тамо награждения, коего в пребезмерных количествах и неизреченно пресладчайшаго качества ничие здесь никогда око не видало и ухо не слыхало, да и на сердце человеческое взойти не могло, или иныя какия веселорадостныя вещи, яко небесныя, тако земныя, весьма светло веселым востыгал себя, дабы не изглашати в ноздри.

6. Воздержался от частых одышек и еже б кашляньми, сморканиями, иканиями и безвременными харканиями и плеваньями не растлити гласа.
7. Определял всегда глаголанія количество разсудительне по времени и по своей силе.
8. Опасался вельми частаго отдохновения, а особливо на непериодных окончаниях.
9. Искусно различал гласом не токмо периоды и двоеточія, но и самыя запятыя.
10. Крепко содержал всегда во уме грамматическыя правила, то есть по силе просодии во всяком речении ударения, и чтобы речения свойственными кончать слогами, а не странными, например, рещи Богъ, а не Бохъ; во множественном числе: Боговь, а не Богофъ; мужъ, а не мушь; весь день, а не везь день; плодь, а не плотъ; сладко, а не слатко; хорошая надпись, а не харошая натпись; добръ, а не допръ; возбранителю нашъ, а не воспранителю нас; сохраняй нас, а не согранай нашъ. <...>
11. Частое всему оному имел обучение не токмо при людех, но и наедине будучи.
12. Во всем своем риторстве тщался всегда подражать славным православныя нашае веры духовным ритором, а наипаче пресладчайшему риторам отцу Златоусту.

К сему же украшен он был и богодарованною естественною к риторству добротою, имел доволный мужественный возраст и сановитость всего тела, главу, аки бисером, чинными кудрями светлорусыми и в поль сединою украшену, острый ум, белостию чистою светло удобрено лице, ясныя очи и зрением по чернилу скорозрительны, и румяностию цветущія ланиты и оною же помазаныя уста, окруженную браду, свободный и легкий язык, крепкую грудь, долгий дух, твердый, хотя и истухла голос, той ко продолжительныя умеренныя по естеству персты, подобно же

и прочия члены чинно во всем красотою благолепия согласовали с его благолепотным составом.

И сим естественным своим удобрением в действии движения немало оживлял он свои в произношении приятныя слышателем словеса, ибо по разуму глаголения искусно изменял лице и очи, по подобию гласа в ласковых разговорах казался ласковым и взором, во уstraшенных — страшным, в печальных — печальным, во умиленных — умиленным, в приятных — приятным, в веселых — веселым и в радостных — радостным. Мышцы временем иногда возвышая, иногда же опуская, также и рука благочинно при оном действоваше: аще когда помянет небо или ино что от горних, тогда искусно десницу свою горе воздвизаше; аще землю или что-либо подножных, долу паки тую спустив показоваше; аще весь мир или об нем обстоящих, руки совокупив и разводаше, или иногда единою десницею от шуйныя десныя страны обвождаше. Ежели же что любезно приимаше, то к персем руку прилагаше; аще же что отрицаше, оттуду паки тую отношаше; аще дерзость показоваше, руки приводвиг мало в передь наклоняшеся; аще страх подобие, на задняя восклоняшеся, и от прилежнаго испытания светлым ума его оком опасно силу и естество каждого речения весьма удобно ко оживлению слова оное творяше. Вся же сия и во всех сих и в целом звании своем красоту, пристойность и разсуждение в разсмотрении обстояния всегда непременно (яко за главное оному всему дело почитал и) сохранял, си есть разсуждая себе самого, слышателей или когда собеседующих, время, место, образ и художество глаголения, различие действ, также и знаменования вещей, о которых слово надлежит. Слава Богу, вин помощнику, концем дело увенчавшему 1764 году.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В статье «О памяти» описаны способы воспитания ратора у старообрядцев. Каждый из пунктов риторического обучения, описанный в статье, имеет точный методический смысл. Прокомментируйте эти пункты с точки зрения советов к воспитанию идеального ратора.
2. Каким было отношение к книгам (книжному учению) у раторов-старообрядцев?
3. Каким было общение с «учеными людьми» и учениками у раторов-старообрядцев?

4. Какие качества человека и образа поведения проявлены в данном описании? Как они влияют на «образ ратора»?
5. Насколько богат и выразителен образ ратора в разных речах у Семена Денисова?
6. Какие правила соблюдал Семен Денисов в произношении и телодвижении? Какие из этих правил могут быть универсальными рекомендациями к ведению речи?
7. Разберите каждое правило отдельно. Например, как вы понимаете замечание: «опасался вельми частаго отдохновения, особливо на неперидных окончаниях»?
8. Со всеми ли правилами можно безоговорочно согласиться? Например, «реци Богъ, а не Бохъ; мужъ, а не мушь»?
9. Прочитайте внимательно описание портрета Семена Денисова. Что в этом описании представляется вам особенно впечатляющим?

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ РЕЧИ

Старообрядцы Выговской литературной школы, овладевая риторикой, писали «слова» по канонам тогдашнего риторического искусства. Сохранившиеся сборники таких речей и проповедей показывают, что тематика их была как религиозно-догматической (слова о покаянии, о молитве, о вере, о кресте и др.), так и нравственно-этической (слова о чистоте, о смирении, о воздержании, о лени и слабости, о пьянстве, о наказании и т.д.). В начале слова указывалось название, затем объявлялась «тема» как основная мысль, к которой привязывалось все содержание речи. Например: «О любомудрии. Ему же фема: Имущему бо везде дано будет и преизбудет».

Публикуем два «слова»: «Сотове медовни (медовии?) — словеса добра» (своеобразный гимн словесной «доброте» и «сладости») и «Слово о человеце: человек есть вещь дивна...» (текст, поражающий глубиной философического осмысления и богатством образных выражений). Публикация осуществляется по сборнику РГБ, собр. Егорова, № 1961, л. 150—157, 113—135 (в сокращении).

СОТОВЕ МЕДОВНИ СЛОВЕСА ДОБРА, СЛАСТЬ ЖЕ ИХ — ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШИ

Словеса сия у премудраго Соломона в притчах в главе 16 реченная суть.

Не вся словеса, яже глаголют человецы, добра суть, не вся премудрости медом помазана, не вся исцеление души творящая, паче же многажды износим суетная и праздная словеса и никоея же пользы, но вред души соделовающая, и не сладость умную, но паче горесть вечную и помрачение совестное источающая, мужей же мудрых, разумом светлости учения просвещенных словеса, тая суть словеса сладости исполненная, тая скорбь неразумия исцеляющая, тая пельни услаждающая. <...>

Разсмотрим убо, колика полезная источают словеса добрая, колика дивная, колика благодати исполненная, ибо многажды сердца неких человек бывают жесточайшая, гневом возбуренная, камени каменнейшая, гордынею воспаленная, огнем ярости палящая, страха ради прочим неприступная, и толика суща несклонная к милости, многажды слово благоизречено всю жестокость тех умягчает, весь огонь гнева погашает, немилостиваго к милости склоняет.

Колико Артаксеркс царь страшен бяше, колико огонь ярости от очию испущаше, яко же писано в книзе Есфири в главе 5: и бяше страшен зело, и возведе лице свое огневидно и зелною яростию возре. И паде царица, и измени лице свое и прочая. Что же ли сичевое сердце умягчи? Что таковый огонь яростный погаси? — Словеса добра царицы Есфири. Егда бо рече ему: Вижу тя, господине мой яко ангела Божия, и смятесе сердце мое от страха славы твоея, яко дивен еси, господине, и лице твое благодать имать. И егда беседовати ей к нему, паде от ослабления ея — толико возмогоша добрая словеса царицы Есфири толь жестокаго царя умягчити, толь яростнаго умиловити, зверя во агньца преложити, камень в елей обратити. Иже умягчен словесы, рече Есфири: что хочещи, Есфирь, и что прошение твое будет? — Даже и до полуцарствия моего.

Сиче сладость словес Есфириных исцели горкость гневнаго сердца Артаксеркса, сиче добрая словеса ея исцелиша напыщенное сердце неисцельно сущее: яко же в теле язве люто палящей, пухлину и скорбь тяжку творящей, приложится пластырь целителен от искусна, абие исцеляется горкая язва и на сладкое здравие прелагается, сиче сердцу Артаксерксову, гневом и гордостию

палящу, премудра словеса Есфирина, егда приложишася, абие угасе ярость и возсия тихость, избеже немилосердие, источися любви вселадкая. И посему явно есть, яко пресладка суть словеса добра и сладость их есть исцеление души. <...>

Но и вся елика добрая в обхождении человеческого имеем, от словес добрых тая стяжаваем, словесы добрыми тех научаемся. Правость ли веры православныя, ею же просвещаемся, но и сей словесы научаемся. Яко же глаголет апостол: вера от слуха, слух же глаголом Божиим, добрая ли и Богоугодная дела, ими же спасаемся, и сих творити словесы научаемся по глаголющему: спасение есть во мнозе совете. Правость ли суда в гражданстве и церкви светится, и сия словесы благими разсуждаются, по реченному: уста праведнаго поучатся премудрости и язык его возглаголет суд. Мирное ли домов благочиние сияет, сие словесы добрыми устрается; от некрасоты ли невежества в красоту вежества сие предложение бывает, сему премудрых учителей словесы научаемся; в любовной ли сладости друзей красное жительство цветет, словесы добрыми сие бывает; враждующих ли горкости притворение в мирную сладость когда бывает, добрыми словесы миротворными сия устраются. По Спасову священному гласу: блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. Любовь ли и милость рабом от господствующих источаются, и сия покорством и покорными служащих словесы получают; печальные ли пельни когда исцеляются, сия сладкими словесы услаждаются. Прочая, бывающая по обхождении человек, не довлеет ми время вся исчести, яже полезная от словес добрых бывают, яже языка премудра источаются.

О чем и глаголы Духа Святаго в притчах в главе 15 засвидетельствуют: и целение языка древо животно, соблюдаяй же исполнится духа. Колика же зла страждем, егда не имеем словес добрых, а имети будем словеса недобрая, словеса сажею злобы помазанная, словеса, горкостию невежества почерненная, яже смрадом сквернословия, лжесловия и клевет душу и уста посмраждают. По пророческому слову: гроб отверст гортань их, языки своими льщаху, яже от грубостныя горкости, сваром и враждою сердца помрачают. По приточнику: слово жестоко воздвижет гнев, в слове сех недобрых ропотныя волны дома смушают, мятежныя бури гражданства волнуют, еретическая злобы всемирное море обуревают, словесы злыми страха Божия отлучаемся и грехов злосмрадия научаемся; в словесех злых жительства человек браньми и ропоты паче смолы почерневаются нечистыми и ядоносны-

ми глаголы паче кала оскверняются, многих же и бесчисленных зол вина бывают уста ненаказанна, о чем в притчах в главе 18 засвидетельствуется; усты безумнаго приводят его на зло, уста же его дерзость смерти призывает, такова убо есть некрасота и горкость словес ненаказанных. Колико же просвещение и красота есть словес пресладостных, яже светом Божия любви сияют, яже смиrenomудрия сладостию мироюхают, яже кротостию сладкий зефир дышат.

Словеса добрая в домех и градех кротостною мудростию весну прекрасну мирныя тишины содевают, в церквах и училищах от премудрых учителей не глаголы просто, но бисеры драги и нилоструйныя пресладкия источники изливающаяся уязвенныя грехом и невежеством исцеляют, в путех и беседах свет сладости несказанныя сияют, везде и всегда благодатный мир источают и всеми благими нас украшают.

О том премудрый Соломон глаголаше: сотове медовии словеса добра, сласть их исцеление души. Толиких убо благих наслаждается от словес добрых, толика же полезная нам источают уста мудростию наказанная, такоже колика зла страждем от словес злых, от уст ненаказанных почерненных, яко от мала сего наказания познати можем. Тем долженствуем потщатися о наказания языка, о исправлении словес своих, о чем и духоприятный царственный пророк, научая нас, вопиет к нам, сице глаголя: кто есть человек, хотяи живот, любяи дни благи? Удержи язык свой от зла и устне свои, еже не глаголати лъсти, долженствуем воздержати язык наш от черноты неполезных словес, еже нам заповедует благоглаголивый Павел апостол: всяко (рече) слово гнило да не исходит из уст ваших, и страшнейше запрещает, глаголя: и не оскорбляйте дух Божий святой, о нем же знаменастеся в день избавления. Долженствуем содержати язык наш в красоте и сладости, словес благодатных слышаше Духа Святаго словеса, в притчах засвидетельствующая: иже хранит своя уста блюдет свою душу. Долженствуем поревновати благим и в премудрости наказанным мужем и позлатити уста наша словесы благодатными, усладити я глаголы мироюханними, глаголы наказанными, любовными, мирными, добродетельными, воздержными, боголюбезными, о чем нас поучает сосуд избранный, глаголя: слово ваше да будет всегда благодати солию растворено. Да украсивше уста наша доброю словес и язык наш усладивше разумным глаголы, сладостно и мирно житие поживем, славяше в Троице славимаго Бога во вся веки, аминь.

СЛОВО О ЧЕЛОВЕЦЕ

Человек есть вещь дивна, велия и прекрасна, дивно от предивнаго Бога осуществованная, о себе стоящая и себе пребывающая, от души невещественная и от плоти вещественная пречюдне сложенная.

Человек — преизрядное владычне создание, яко всесвятыма и неописанныма рукама божиима сплесканное, тако всесвятым и животворящим дуновением Его оживленное. Человек — предизбраннейшее живущее: елико добротою живота, силою двизания и благолепием чювствования изобилно украшенное, толико светлостию словесньства и ясностию разума пребогато сияющее. Человек — всепредобрейшее долговечное животное, разумное, рассуджательное и удивительное, всякаго научения и всякаго художества, всякия хитрости удобоприимательное, яко Бога, тако Божия создания, видимаго и невидимаго, познавательное; толиким богатством разумения, смышления и мудрости преизобилно кипящее, сугубое предивное, видимое и невидимое, смертное и бессмертное, временное и вечное, правостоящее животное, выпреносная глава, горезрящее око, многобеседная уста, доброглаголивый язык, мудросокровищное сердце, бысролетающая мысль, пернатый помысл, крилатый небовосходный ум, всеизрядный Божий поклонник, вторый Господня славословия ангел и, что много глаголати, всякаго создания Божия, елико видимаго, елико невидимаго, елико познаваемаго, елико веруемаго, всекрасный и благосочтанный союз, другии Божия творения предивный мир, всего великаго мира в себе пресветло являя, истее реши, царь создания, владыка твари, обладатель обладаемых, господь вещественнаго мира, всекрасный образ присносушнаго и непостижимаго Бога, по писанию глаголющему: и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почувствовать глубину мыслей и красоту слов старинного текста помогает попытка «перевести» тексты этих речей на современный язык. При этом старайтесь сохранить старинный стиль (сами слова), но упростите синтаксис (конструкцию фразы) — тогда мысли станут более ясными, а слог не тяжелым. Тогда откроется глубокий смысл текстов.

Вот попытка такого перевода. Попробуйте сделать то же самое, избрав понравившийся вам отрывок.

Не вся словеса, яже глаголют человецы, добра суть, не вся премудрости медом помазана, не вся исцеление души творящая, паче же многажды износим суетная и праздная словеса и некоея же пользы, но вред души соделовающая, и не сладость умную, но паче горесть вечную и помрачение совестное источающая; мужей же мудрых, разумом светлости учения просвещенных словеса, тая суть словеса сладости исполненная, тая скорбь неразумия исцеляющая, тая пелыни улаждающая...	Не все слова, которые говорят люди, добрыми бывают, не все медом премудрости помазаны, не все исцеление души творят, скорее же и чаще произносим слова суетные и праздные, и не только без всякой пользы, но вред душе делающие, и не сладость умную, но более горесть вечную и помрачение совести источающие; слова же мужей мудрых, просвещенных разумом светлости учения, те слова сладости исполнены, те — скорбь неразумия исцеляют, те — польнь делают сладкой...
--	---

2. В первой речи **«Соты медовые словеса добра»** дана контрастная, противоположная оценка «языку» и «словам». Выпишите эти характеристики, показав, каких сторон человеческой деятельности они касаются.
3. Какие тропы и фигуры речи использует автор, давая характеристику языку и слову? Найдите в речи антитезы, параллельные конструкции, повторы и др.
4. **«Слово о человеце»** — гимн человеку, прославление человека как образа Божия. В тексте ясно виден композиционный замысел риторика: вот происхождение человека, вот — определение и характеристика, вот описание контрастной природы человека («смертное и бессмертное, временное и вечное»), вот прославление человека через «части» его портрета (глава, око, уста, язык, сердце и т.д.).
Движет этим описанием восторг и вдохновение от лицезрения величия человека как образа Божия. Этого вдохновения не было бы, не будь яркого словесного изобретения эпитетов и метафор в тексте. Проанализируйте эти художественно-выразительные средства. Там, где необходимо, переведите на современный язык и прокомментируйте необычные слова и выражения, например: что значат слова «вещь велия», «преизрядное владычне создание», «елико добротою живота, силою двизания и благолепием чвостования изобилно украшенное».

5. Прокомментируйте характеристику человека:

- правостоящее животное — одушевленное (живое) создание, стоящее на стороне правды
- выпренокная глава — _____
- горезрящее око — _____
- многобеседная уста — _____
- доброглаголивый язык — _____
- мудросокровищное сердце — _____
- высролетающая мысль — _____
- пернатый помысл — _____
- крилатый небовосходный ум — _____

ГЕОРГИЙ ДАНИЛОВСКИЙ

**КРАТКОЕ ИЗЪЯВЛЕНИЕ ВЕЛИКАГО СЛОВА
ТАКО ЦЕРКОВНАГО, ЯКО ГРАЖДАНСКАГО
(до 1720)**

Георгий Данииловский получил образование в Славяно-греко-латинской академии, дальнейшая его жизнь протекала в Петербурге и Новгороде. В Петербурге он стал иеромонахом заложенного в 1710 г. по приказу Петра I Александро-Невского монастыря — «Риторика» была написана Данииловским к открытию монастырской школы не позднее 1720 г. Свой рукописный курс Данииловский посвятил Феодосию Яновскому, настоятелю монастыря, владельцу одной из лучших библиотек своего времени. В 1722 г. Данииловский написал и напечатал в типографии Александро-Невского монастыря книгу «Христовы о блаженствах проповеди толкование» — заказ Петра I и Синода объяснить «просторечно» «неудобно понимаемые» церковно-славянские тексты.

«Риторика» Георгия Данииловского известна в 3-х списках, 4-м может быть назван конспект в Выговском риторическом своде. Наша публикация осуществлена по списку РНБ, Вяз. О. 28, л. 34—36 об. Для публикации избрано начало сочинения с изложением основных принципов убеждения и перечнем общих мест.

Что подобает творити имущему сочиняти всякое слово церковное и гражданское.

ИЗОБРЕТЕНИЕ

В слове церковном подобает первее изобретати фему, сиречь положение, с которым вся части слова соглашатися должныствуют, таже приличныя оной феме вопрошения и предложения повсемственные, общия, неопределенныя, такожде и частныя определенныя же и окрестностями ограниченныя, о них же глаголати или писати хошет. Аще же первее возмет какое предложение, то да обретает оному и фему приличную. В словах же гражданских да изобретает вопрошения и предложения такожде повсемственные и частныя, да избирает же фемы от убо от Священнаго Писания, наипаче от Евангелия, вопрошения же и предложения людем потребныя, полезныя, обильныя и яже повсемственно распространятися и до частных и определенных сходити могут.

Чин риторский

В сице изобретенной и приятной феме и вопрошении же и предложении триех да взыскует:

первое: како бы оную фему и вопрошение и предложение довести, утвердити и достоверна себе в том слышателем показати и вразумити оных и научити;

второе: волю их себе приклонити, подвигнути же и привести к тому, о нем же утверждая намерен есть советовати, сие бо есть конец всего риторического художества.

третье: коим бы образом слышателя утешая сотворити во чтении не стужливаго и того ради предписанныя два чины и звания риторская, си есть учение и движение с слышательевымь да творит с утешениемь, еже есть третье звание риторское.

Сия же своя звания сице возможет сохранить: первое си есть еже научити изобретением доводов и доброю совестию такожде и добрымь о нравах и о науце его от слышателей мнениемь; второе: еже есть двизати изобретениемь движений сердечных, иже бывають от воспоминания вещей страшных, печальных же и радостных; последнее же си есть утешение изобретением вещей приятных и утешных, от приятных бо и утешных раждается утешение.

Изобретение доводов

Да изобрящет убо на утверждение фемы, вопрошения же и предложения доводы суть увещательнии, истиннии или подобоистиннии вины иначе завомя, или сами чрез себе истинныя и известныя или подобящиися истинне. Сии доводы изобретаются и вземлются от мест диалектических, яже суть аки дома и хранилища оных.

Места диалектическия или общая

Места (до которых и инныя аще суть удобно приложитися могут) числом суть 22, из них же 20 всякой вещи тако врожденным, яко известнымъ художествомъ быти изследованны. Такожде и из них доводы в натурах вещей основанныя взиматися могут. Прочия же два места не суть в самой вещи и того ради нарицаются отлученныя и внешняя, внутренним доводам служащая и художеством риторическим не испытуема.

Внутренняя же места и художественныя инныя суть самая вещи, яко место дефиниции — славенски описания, определения, примечания и толкования имен, инныя суть оных, яже спрягаются с вещию или понужде, яко место спряженных частей, целого, вин, действ, предидущих же и последующих, или не по нужде, яко место от внеуду обстоящих, тако предидущих, яко и спутешествующих и последующих вещи. Наконец места и инныя суть оных, яже разделяются от вещи, их же овая своей вещи согласная, яко места подобных, уравнения больших, многих и равных; овая же несогласная, яко места неподобных себе, противных же и невмещаемых, места же удаленныя и отлученныя от вещи и до художества риторическаго ненадлежащая суть сия: почитательство или принятие свидетельства Божия и почитательство и принятие свидетельства человек славных и веры достойных. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Вчитайтесь внимательно в главу «Чин риторский». О каких трех целях «слова церковного» говорит Георгий Данииловский?
2. Какой материал рекомендует отбирать Георгий Данииловский для того, чтобы слушателей научить, добиться движений сердечных и утешить?
3. Вводит ли Г. Данииловский что-либо новое в объяснение «общих мест»? См., например, как характеризуются доводы, их большее число (22) и сами названия и характеристики «мест».

Раздел III

Р ИТОРИКИ XVIII В.

Толь с великою силою Элоквенция господствует в человеческом обществе, что ее управлением и мудростию не токмо простых людей спокойствие, но и величество государей, еще и всего государства спасение содержится.

(В.К. Тредиаковский. Слово о витийстве)

Кто хочет иметь дело с людьми, тот необходимо должен мыслить хорошо, но говорить еще лучше.

(М.М. Сперанский. Правила высшего красноречия)

М.В. ЛОМОНОСОВ

РУКОВОДСТВА ПО РИТОРИКЕ (1744—1747)

Михаил Васильевич *Ломоносов* (1711—1765) написал два риторических руководства: «Краткое руководство к риторике» (1744) и «Краткое руководство к красноречию» (1747). Первое датируется предположительно, так как беловик в бархатном переплете, предназначенный, возможно, для поднесения наследнику престола, датирован январем 1744 г. Летом 1743 г.

Ломоносов был заключен на полгода под стражу вследствие прений с иностранными коллегами в Академии, где, должно быть, и был написан первый учебник риторики. В ответ на отсылку Ломоносовым рукописи великому князю Петру Академии предложено было дать рецензию на книгу Ломоносова: академики, по рецензии Миллера, пришли к единодушному мнению о предложении Ломоносову «составить руководство по риторике, более соответствующее нашему веку, и притом на латинском языке, приложив русский перевод».

Первая попытка Ломоносова составить риторическое руководство интересна тем, что окончательный замысел создать три книги о «красноречии» (1-ю — о риторике, 2-ю — об оратории, 3-ю — о поэзии) у него еще не созрел, поэтому в руководство включены главы о разных жанрах публичной речи и письмах, и часть 4-я «произношение»; эти главы и часть будут отсутствовать в «Кратком руководстве к красноречию» 1747 г.

«Краткое руководство к красноречию» 1747 г. на первых порах ждала также непростая судьба: 5 декабря 1747 г. в здании типографии случился пожар, во время которого сшитые листы «Риторики» были сброшены на землю из окон и с кровли, причем, «многие листы разлетелись, иные замараны, затоптаны и подраны». Часть тиража пришлось набрать заново и печатать в последующие 5 месяцев 1748 г. Вопрос о переиздании ставился уже через 2 года, когда «купцы (книготорговцы) беспрестанно спрашивали» «Риторику» Ломоносова, но не установлено, было ли осуществлено Академией это издание. Не осуществив издание «Риторика» в Академии наук (1756 г.), Ломоносов решил издать собрание своих сочинений в новоучрежденном Московском университете: вторым томом явилась «Риторика» (1759 г.). Поскольку и это университетское издание быстро разошлось (в Академическую канцелярию сообщали, что «Риторика» Ломоносова «за продажей от давнего времени нет», а «многие желают»), было принято решение о напечатании 1200 экземпляров, что и осуществлено не без проволочек к апрелю 1765 г. Таким образом, «Краткое руководство к крас-

норечию» издавалось при жизни Ломоносова не менее трех раз.

Значение руководства Ломоносова состоит в том, что в нем была отобрана и окончательно закреплена научная терминология риторики, начиная с самого термина *красноречие* (см. об этом вступительную статью). Однако Ломоносов осуществил лишь часть своего замысла, написав только книгу 1-ю «Риторику, содержащую правила обоего красноречия: оратории и поэзии». Впрочем, «краткое» руководство включило разветвленные системы терминов в каждом разделе. Считаю необходимым привести для читателя перечень ломоносовских глав:

Часть I. О изобретении.

- Главы: 1. О изобретении вообще;
2. О изобретении простых идей;
3. О сопряжении простых идей;
4. О пополнении периодов и о распространении слова;
5. О изобретении доводов;
6. О возбуждении, утолении и изображении страстей;
7. О изобретении витиеватых речей;
8. О вымыслах.

Часть II. О украшении.

- Главы: 1. О украшении вообще;
2. О течении слова;
3. О тропах речений;
4. О тропах предложений;
5. О фигурах речений;
6. О фигурах предложений;
7. О соединении и смешении фигур.

Часть III. О расположении.

- Главы: 1. О расположении идей вообще;
2. О хрии;
3. О расположении по силлогизму;
4. О расположении по разговору;
5. О расположении описаний;
6. О расположении и союзе периодов.

Для публикации избраны первые параграфы «Краткого руководства к риторике» 1744 г., не совпадающие с «Кратким руководством к красноречию» 1747 г. Из последнего руководства, которое было напечатано и неоднократно переиздавалось, публикуются: «Вступление», содержащее «средства приобретения красноречия», начало главы о изобретении и часть главы «О возбуждении, утолении и изображении страстей».

Текст публикуется по изданию: *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. — ПСС, М.; Л., 1952. — Т. 7. — С. 23—24, 89—103, 166—192.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ (1744)

<...> § 1. Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речами представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить. Кто в сей науке искусен, тот называется ритор.

§ 2. Материя риторическая есть все, о чем говорить и писать можно, то есть все известные вещи на свете, откуда ясно видеть можно, что ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света, то есть искусен во многих науках, тот изобильнее материи имеет к своему сладкоречию. И для того, кто желает быть совершенным ритором, тот должен обучиться всем знаниями и наукам, а особливо гистории и нравоучительной философии.

§ 3. Представленная от ритора материя словесно или письменно называется слово, которого считается три рода: указательный, советовательный, судебный. Указательный состоит в похвале или в охулении, советовательный в присоветовании или отсоветовании, судебный в оправдании или в обвинении. Сей последний род слова в нынешние веки больше не употребляется, для того и в правилах риторических об нем мало пишут, чему и я последую, а особливо для того, что он включен в первых двух родах.

§ 4. Предлагаемое слово может быть изображено прозою или поэмою. В прозе располагаются все слова обыкновенным порядком, и части не имеют точно определенной меры и согласия скла-

дов. В поэме все части определены известною мерою и притом имеют согласие складов в силе и звоне. Первым образом сочиняются проповеди, гистории и учебные книги. Последним составляются оды и других родов стихи. Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия.

§ 5. Риторика разделяется на четыре части: первая есть изобретение, вторая — украшение, третья — расположение, четвертая — произношение. <...>

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ

КНИГА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ СОДЕРЖИТСЯ РИТОРИКА, ПОКАЗУЮЩАЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА ОБОЕГО КРАСНОРЕЧИЯ, ТО ЕСТЬ ОРАТОРИИ И ПОЭЗИИ, СОЧИНЕННАЯ В ПОЛЬЗУ ЛЮБЯЩИХ СЛОВЕСНЫЕ НАУКИ (1747)

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1. Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2. К приобретению оного требуются пять следующих средств: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память к получению сего искусства толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земле, так и учение в худой голове тщетно есть бесполезно. И для того Аполлоний Алабанденский, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицеронову, тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал и которых приметил к тому быть неспособных немедленно назад отсылал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4. Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изучением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того чтобы они были разумительны и тем к обучению способственны; третье, удовлетворены примерами, которые бы показали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы будем стараться, чтоб в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5. Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописству, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров, и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие, коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. <...>

§ 6. Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли, ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшем степени римския власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль о умершей своей дочери, в четвертый день после ее смерти обучался в произношении слова. Отсюда воспоследовало, что таковые трудолюбивые люди не готовясь говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самый высочайший степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными, ибо оне казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не при всяком случае и при всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7. Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете, откуда явствует, что, ежели кто имеет большее познание настоящих и предшедших вещей, то есть

чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. Итак, учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

§ 8. Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов, ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются имны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9. Но хотя проза от поэмы отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. Итак, оба сии красноречия роды имеют в себе купно обоим общее и особливо каждому отменное.

§ 10. Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоему красноречию и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, во-первых, учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе и примеры присовокупляем прозаичные из славных авторов. Наконец, предлагается о стихотворце учение с приложенными в примеры стихами.

Сии три учения составляют три книги сего руководства: Риторику, Ораторию и Поэзию.

КРАТКОГО РУКОВОДСТВА К КРАСНОРЕЧИЮ КНИГА I, СОДЕРЖАЩАЯ РИТОРИКУ

§ 1. Риторика есть учение о красноречии вообще. Имя сея науки происходит от греческого глагола *гео*, что значит: говорю, лью или теку. Оттуда же произведено и речение *retor* (ритор), которое хотя на греческом языке значит витию или красноречивого человека и в российский язык в том же знаменовании принято, однако от новейших авторов почитается за именование писателя правил риторических.

§ 2. В сей науке предлагаются правила трех родов. Первые показывают, как изобретать оное, что о предложенной материи говорить должно; другие учат, как изобретенное украшать; третьи наставляют, как оное располагать надлежит и посему разделяется Риторика на три части — на изобретение, украшение и расположение.

ЧАСТЬ I О ИЗОБРЕТЕНИИ

Глава первая О изобретении вообще

§ 3. Изобретение риторическое есть собрание разных речей, пристойных предлагаемой материи. Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем; например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем; также имеем идею о движении, когда видим или на мысль приводим вещь, место свое беспрестанно переменяющую.

§ 4. Идеи суть простые или сложенные. Простые состоят из одного представления, сложенные из двух или многих, между собой соединенных и совершенный разум имеющих. Ночь, представленная в уме, есть простая идея, но когда себе представишь, что ночью люди после трудов покоятся, тогда будет уже сложенная идея, для того что соединятся пять идей, то есть о дни, о ночи, о людях, о трудах и о покое.

§ 5. Все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобия, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнения.

§ 6. Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим Невы с Двиною, Днепром, Волгою и другими в моря протекающими великими водами и оное называем одним словом — река, которая есть род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла и прочие суть виды оного.

§ 7. Целое есть то, что соединено из других вещей, а части называются оные вещи, которые то составляют, например, город есть целое, а стены, башни, дома, улицы и прочая суть его части.

§ 8. Свойства материальные суть те, которые чувствительным вешем животным и бездушным приписуются, как величина, фигура, тягость, твердость, упругость, движение, звон, цвет, вкус, запах, теплота, стужа, внутренние силы.

§ 9. Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых, во-первых, суть главные душевные дарования: понятие, память, соображение, рассуждение, произволение. Второе — страсти: радость и печаль, удовольствие и раскаяние, честь и стыд, надежда и боязнь, упование и отчаяние, гнев и милосердие, любовь и ненависть, удивление и гнушение, желание и отвращение. Третье — добродетели: мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тщивость, благодарность, великодушные, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, уклонность, скромность. Четвертое — пороки: безумие, нечестие, роскошь, нечистота, лютость, скупость, неблагодарность, малодушие, нетерпеливость, лукавство, злоба, лицемерство и ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, грубость, самохвальство. Пятое — внешнее состояние: благородие и неблагородие, счастье и несчастье, богатство и убожество, слава и бесславие, власть и безвластие, вольность и порабощение. Шестое — телесные свойства и дарования: возраст, пол, век, сила, красота, здравие, проворность. Седьмое — чувства: зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание. <...>

Глава шестая

О возбуждении, утолении и изображении страстей

§ 94. Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемой материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не уголит противных?

§ 95. А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым

искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Димосфен всю свою силу к возбуждению страстей, ибо он немалое время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуда же имел чрезвычайную свою власть над сердцами слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большей части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96. Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении или утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ратора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97. Что до состояния самого ратора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породой или чином; 5) с важностью знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатными молодыми дворянами, сказать: *«Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали»*.

§ 98. Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть: 1) возраст, ибо малые дети на приятные и надежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые пред прочими страстями склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к

страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; 4) наука, ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненным; напротив того, у простаков и грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать как искусный боец: умечать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99. Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или к утолению страстей и действие красноречия. Оно должно быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И, таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае. <...>

§ 101. Сии суть общие правила, учащие возбуждению и утолению страстей. Им следуют правила особливые о знатнейших страстях, которые от риторов чаще других употреблены бывают. Из них мягкие и нежные суть радость, любовь, надежда, милосер-

дые, честь или любочестие и студ. Напротив того, печаль, ненависть, гнев, отчаяние, раскаяние и зависть суть жестокие и сильные страсти. Прочие между сильными и нежными посредственны.

§ 102. Радость есть душевное наслаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немалое, однако свободное движение и играние крови, скакание, плескание, смеяние. Но как несколько утихнет, тогда прменяется в веселие, и последует некоторое распространение сердца, взор приятный и лице веселое. Напоследи, как уже веселие успокоится, наступает удовольствие мыслей и перестают все чрезвычайные в теле перемены. <...>

§ 106. Радости противная страсть есть печаль, которая состоит в жестокой скуке о настоящем зле, и так происходит она, когда в уме представляется лишение великого добра или терпение великого несчастья <...>

§ 108. Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости назваться может мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочая. Любовь сильна, как молния, но без грома проникает, и самые сильные ея удары приятны. Когда ритор сию страсть в послушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может. <...>

§ 111. Надежда есть услаждение о получении будущего добра. Движением сея страсти бедные утешаются и ободряются ослабевшие. Ритор, когда оную в ком возбудить хочет, то должен он представить: 1) что оно добро получить возможно; 2) что в получении оного хотя есть препятствия и затруднения, однако преодолеть их не весьма трудно; 3) что к получению оного есть довольные способы; 4) что есть примеры, как другие прежде подобным образом то же делали или он и сам прежде сего получал; 5) что время, место или обстоятельства к тому способны; 6) что есть признаки божией помощи, на которую уповать должно. <...>

§ 112. Противная прежде страсть — боязнь есть скука от ожидания приближающегося зла. Итак, ежели кого в боязнь привести хочешь, то должно представить: 1) такие приближающиеся вещи, от которых смерть приключается, как гром, пожары, наводнения, звери, неприятельские нападения, язва, мор, трясение земли, бури и прочая; 2) которые великую печаль наводят, как лишение родителей, супругов, детей, богатства, чести, также поношение, наказание, темница, заточение и прочая. <...>

§ 113. Гневом называется великая скука, нанесенная досадою или обидою и соединенная с ненавистью того, кто обидел. Сия страсть напрягается, когда стыд, раскаяние, страх или отчаяние с нею соединено будет по обстоятельствам; в высоком своем степени называется яростию. Когда ритор в ком сию страсть против кого-нибудь возбудить хочет, должен он представить: 1) что ему от того нанесена великая беда, обида или досада; 2) что он притом его еще презирует и осмехает; 3) что тою учиненною им обидою хвастает; 4) что грозитя еще и впредь больше избидеть; 5) что от него чинятся во всех добрых предприятиях препятствия. <...>

§ 114. Гневу противно сожаление или милосердие, которое есть скука для несчастья и бедности того, кому мы добра желаем, происходит от любви к тому, кто такое противное состояние терпеть принужден. <...>

§ 115. Честь или честолюбие есть услаждение добрым мнением, которое об нас люди имеют. <...>

§ 116. Стыд есть немалая скука от худа, которое кто на себе имеет и которое другим известно. И так происходит он, когда кто о своих недостатках рассуждает или о худых своих поступках, которые людям известны. <...>

§ 117. Зависть есть скука, которая происходит от благополучия того, кого мы ненавидим ...

§ 118. Зависти сродна есть ревность и разнится от ней в том, что завидующий желает, дабы другой не имел того или такого же добра, какого он желает или имеет, а ревнующий желает только, чтобы и себе получить такое же посильное добро, какое другой имеет. Посему ревность есть похвальна, а зависть, напротив того, за порок почитается ...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. М.В. Ломоносов первым ввел в русскую науку термин *красноречие*. До Ломоносова этот термин почти не употреблялся. Проследите, где и в каком значении употребил это слово Ломоносов. Чем *красноречие* отличается от *риторики*?
2. Что требуется для приобретения красноречия? Какими средствами можно приобрести красноречие?
3. Сопоставьте в учебниках Ломоносова и Михаила Усачева: а) определения риторики и красноречия; б) «вещи», которыми «улучается» (постигается) риторика у Михаила Усачева и «средства к приобре-

тению красноречия» у Ломоносова. Как вы думаете, о чем может говорить совпадение в текстах?

4. Каким частям современной риторики соответствует замысел Ломоносова создать «три книги руководства»: риторику, ораторию и поэзию? Что из этого замысла успел осуществить Ломоносов?
5. Какие общие места или топы выделяет Ломоносов? Как можно воспользоваться этими общими местами при распространении разных идей? Покажите это на собственных примерах.
6. Как определяется термин *страсть* в риторическом учении М.В. Ломоносова? Найдите примеры в разных сочинениях и приведите обоснование различия терминов *страсть* — *чувство* — *эмоция* — *аффект*. Как оценивается слово *страсть* в религиозной этике?
7. Какие виды страстей выделяет Ломоносов? Сопоставьте его описание с описанием страстей во 2-й книге «Риторики» Аристотеля. Насколько эти описания соответствуют современной реальности и в чем устарели? Какие виды страстей (эмоций) можно добавить к ломоносовской классификации?

В.К. ТРЕДИАКОВСКИЙ СЛОВО О ВИТИЙСТВЕ (1745)

Василий Кириллович *Тредиаковский* (1703—1769) родился в Астрахани в семье священника. В 1723 г. бежал в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Через два года пускается в смелое путешествие за границу, оканчивает в Париже Сорбоннский университет. В 1730 г. Тредиаковский вернулся в Петербург, с 1732 г. служил переводчиком в Академии наук. К 1730 г. относится его перевод романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви». Здесь же Тредиаковский приложил собрание стихов и переводов с французского. Книга имела шумный успех.

В начале 30-х годов Тредиаковский становится знаменит не только как автор популярных стихов («Ода торжественная о сдаче города Гданьска», 1734), но и как теоретик — в 1735 г. он написал «Рассуждение об оде вообще» и «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» — программу преобразования сил-

лабического стиха в силлабо-тонический. Необыкновенный труженик Трелиаковский создал множество переводов («Аргенида» Баркляя, «Похождения Телемака» Фенолона, изложенные гекзаметром, многотомные исторические сочинения Роллена).

«Слово о витийстве», произнесенное в Императорской Академии наук в 1745 г. (год получения звания профессора), показывает, какой была прозаическая программа Трелиаковского. Красноречие, витийство, элоквенция — «царствующая» наука, ибо все другие науки и искусства «только чрез элоквенцию говорят». Традиционные для русской филологической традиции мысли Трелиаковского о «премудрости» истинного красноречия, значении витийства для счастья гражданских обществ; понятая как широкое использование языка «вся вообще филология... есть только что элоквенция». Программными оказались мысли о сравнении языков и необходимости переводов на русский язык (оставшаяся вне публикации часть 2-я), о мере в украшении слов (часть 3-я). Не исключено, что «Слово о витийстве» написано как полемический ответ М.В. Ломоносову, чье первое руководство к этому времени обсуждалось в Академии (1743). Любопытно, что Трелиаковский как бы выполнил рекомендацию Миллера, данную Ломоносову: написать руководство «на латинском языке, приложив русский перевод».

При ученой увлеченности Трелиаковского его отчасти напыщенный и тяжелый слог довольно скоро, видимо, сделал его сочинение устаревшим и маловлиятельным. Нескончаемый и не всегда ясный в согласованиях период делал изложение неудобочитаемым, хотя не может не удивлять и современного читателя богатством синонимических рядов, необыкновенной образной украшенностью определений, но такой стиль, прямо напоминавший барочные описания риторики XVII в., был уже бесконечно устаревшим.

«Слово о витийстве» (см. полное название ниже) написано по-латыни с параллельным переводом на русский язык. Печатается по отдельному изданию 1745 г., с. 19—21, 35—43, 83—87.

ORATIO
DE DIVITE, VARIA, SOLERTE, AC DISSIMILI
ELOQUENTIA
HABITA
AD
CL. NOB. DOCT. PROFESSORES
IN
IMPERIAL ACADEMIA SCIENTIARUM PETROPOLITANA
A
BASILIO TREDIAKOWSKI, PROFESSORE PUBL. ORD.
ELOQUENTIAE RUSSIACAE ET ROMANAE
A.D. MDCC XXXXV
PRIDIE IDVS AVGVSTI
PETROPOLI
TYPIS IMPERIALIS ACADEMIAE SCIENTIARUM

СЛОВО
О БОГАТОМ, РАЗЛИЧНОМ, ИСКУСНОМ И НЕСХОТСВЕННОМ
ВИТИЙСТВЕ
ГОВОРЕНО
ПОЧТ. БЛАГОРОД. УЧЕННЕЙ. ПРОФЕССОРАМ
В
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
ЧРЕЗ
ВАСИЛЬЯ ТРЕДИАКОВСКОГО
ПРОФЕССОРА ПУБЛИЧНАГО ОРДИНАРНАГО
ЭЛОКВЕНЦИИ РОССИЙСКИЯ И ЛАТИНСКИЯ
Л. Г.
1745
АВГУСТА 12 ДНЯ
ПЕРЕВЕДЕНО ЧРЕЗ НЕГО Ж С ЛАТИНСКАГО ЕГО Ж
СОЧИНЕНИЯ. В САНКТПЕТЕРБУРГЕ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

[Viri! Clarissimi! Nobilissimi! Professores! Doctissimi! Celeberrimi!
Optime de universa re literaria meriti! Favtores et collegae! Officio, studio,
atque observantia mea semper et maxime colendi!]

Господа! почтеннейшие! благороднейшие! профессоры! ученейшие! славнейшие! совершенным в науках искусством цветущие! благодетели и сочлены! услугами, ревностью и отменю всегда мне и по премногу достойнопочитаемые!

Что тогда вообще несравненному герою и предержавному монарху Петру, на земле первому и великому, на небе уже успокоенному и убаженному токмо, наивожделеннее было, то ныне в России, при благополучнейшей державе дщери Петровой, августейшей Елисаветы, первой, благочистивой, благополучной, отчасти самым делом началось. То есть когда оный прещедрый основатель сея своя Академии, академическое здание как приготавливать, так всеми потребностями снабдевать, когда особливые уставы, по которым бы поступали академики, преднаписав положить; когда разумнейших, искуснейших, ученнейших и способнейших людей ко изобретению и к привидению в совершенство изящных наук и высоких знаний, также и к научению оным совершенно императорским иждивением по всей Европе изыскивать изволил, то другого большого плода, толь от похвального и толь от полезного учреждения приобрести он не желал, как токмо чтоб потом, в некоторое время их всеподданнейшей и домашней своей юности, многих способных к отправлению профессорской иметь и чрез то б способнее и действительнее как о бессмертной славе своего народа, так особливо о знатном прибытке от них между тем учащихся, а больше об истинной пользе своего государства промысл учинить, и от того крайнее увеселение самому себе получить, ему бы пощастилось.

Но, ах горе! не пощастилось, едва без слез выговорить можно, божественнейшему не пощастилось Мужу, как токмо сим теплым желанием чрез всю жизнь, сердце свое то есть неоцененное сокровище, всегда не довольно прославляемая добродетели тайно увеселять. Ибо, кому все бессмертным быть желали¹, того, ах! и ныне еще весьма печально вспомнать, того нечаянной и весьма мучительной смерти *темный похитил день*, и, по божиему пределу, *в гроб заключил трупоносный* (Вирг. Энеид., кн. 6). <...>

ЧАСТЬ I

Наибогатейшая есть Элоквенция в рассуждении вещей, наизличнейшая в рассуждении языков, наихитрейшая в рассуждении слов, наинесходственнейшая наконец в рассуждении особ, толь в необъятном сем пространстве материи никому поистинне,

¹ Цитата из «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича (примеч. сост. — А.В.)

хотя б мне подобному, никогда недостатка в слове не будет; и посему не толь Витию искать должно, где ему взять что говорить, и чем утвердить предлагаемое, коль хранить надобно мерность в приведении вещей, которые добровольно сами себя приносят. Сия есть причина, что и я нарочно опустить рассудил, и толь наипаче, что оно у всех есть бесспорное, то есть что красноречие всегда долженствует быть искусное, приличное, мерное, красное, порядочное, связное, обильное, расцвеченное, сильное, оно ж иногда высокое и великолепное, иногда умеренное и цветное, иногда простое и дружеское, иногда витиеватое и тонкое; которое, сверх того, все, ежели не будет все, ежели не будет истинное, то есть ежели не будет обучено от премудрости, которая есть твердое божественных, естественных и человеческих вещей познание; или лучше, ежели премудрость красноречия не рождает, не содержит и не управляет, то необходимо должно, чтоб оно было ложное, притворное, пустое и ученого безумия, равно как и безумного учения источник и корень.

И понеже сие так, то повторю, что наиболее́шая есть элоквенция, которая, основавшись на премудрости, вещи мыслит, к вещам прилежит, вещи изобретает, вещи располагает, вещи, наконец, выговаривает. И поистине кто понять или, по крайней мере, исчислить когда может все вещи до одной, о которых бы элоквенция словом или писанием рассуждать не могла? Сколько их ни есть на небе, на воздухе, на земле, между водами и в водах то есть, или звезда, светила, огни; или планеты, кометы, ветры, дожди, громы, радуги; или каменя, жемчуги, травы, древа, плоды, птицы, скоты, человеки; или моря, источники, реки, рыбы, киты и прочие бесчисленные в сем общем, прекрасном и удивительном мире вещей находящиеся — сие все обще и каждая особливо элоквенции в рассуждение приходят. Всякое притом так называемое единственное и общественное, всякое отлученное и слученное, всякое слово и дело, всякое хотение и действие, все добродетели и пороки, все, <...> но на что много исчислять, почитай, с доукою? все, вкратце, что чувствами понимается и от чувств убегает и еще сам **Бог преблагий превеликий** сверх всех вещей в свете, обильнейшая и благочестнейшая есть материя элоквенции.

Что ж касается до знаний и изящнейших наук, что священная и святая феология, оная божественных вещей благочестивая испытательница, пленяя разум в послушании веры, учит и верит?

Что правосудия правота и власть законов повелевают делать или не делать человеческому роду? Что спасительная медицина приносит помощи к прогнанию толь многих болезней, нападающих на целое здравие или сего ж к возвращению, ежели оно повредилось или совсем погубилось? Что математика или исчисляет, или сличает, или размеряет? Что физика <...>? Что механика <...>? Что астрономия <...>? Что география <...>? Что гидрография? Что оптика? Что статика? Что прочие все знания, науки, художества или узаконяют, или в дело производят, или еще обещают, которое бы и делалось чрез элоквенцию или для важности величественнее, или для выхваления знаменитее, или для присоветования сильнее, или для предложения яснее, или для украшения цветнее, или, наконец, для увеселения сладостнее и приятнее?

В толиком множестве наук и знаний, хотя неточно в исчислениях всех, сколько ни есть различных видов, сколько бесчисленных числом вещей не содержится, однако они все токмо чрез элоквенцию говорят. Но хотя ж все оные вещи не могут без элоквенции иметь голоса, однако понеже все сии знания и науки особливими состоят классами, то как со стороны некоторым образом занимают помощь у элоквенции; но, впрочем, так они ту у нее занимают, что не могут не занимать.

Чего ради посмотрим теперь на оные учения, которые элоквенция рождает, питает, украшает, производит и которым она и предводительница и сама с ними совокупно идет, то есть которые все не что иное, как сама Царица Элоквенция, на разных и разным образом престолах сидящая и лучами величества своего повсюду сияющая. Из сих наипервейшая есть история, оное зеркало правды, память общая... Ни одно поистине учение, которое бы большею ума силою, которое бы напряженнейшим духа устремлением производилось, как высокой оной поэзии размышления. Но что, впрочем, есть сия живопись словесная, как токмо сама элоквенция, в другую одежду наряженная, на другом месте посаженная, другою честию возвеличенная, другим способом обогащенная? Итак, полуденного солнца яснее, что вся вообще филология, различные имена или от способа производящего в дело, или от вещей в действо производимых, или от некоторого рода в изъяснении словом имеющая, самую вещь есть токмо что элоквенция.

Толь изобильно вещами, или лучше, неистоощаемо есть витийство, что куда зрение мое ни обрещу, везде оно токмо цар-

ствующее вижу. Да представляется в мысль самые человеческие общества, которых человеческому роду нет ничего полезнее, какой крепче другой союз найдется обществ, кроме той же самой элоквенции? Ибо элоквенция общества управляет, умножает, утверждает. Она доброжелательное сердце словом показывает, дружбу соединяет, ссоры разнимает, суды отправляет, брани успокоивает и воздвигает, мир промышляет и сохраняет, радостные случаи больше обвеселяет, печальные утешением подкрепляет, сбывшимся по желанию приветствует, страждущим напасть поспешествует, неправедно гонимые защищает и избавляет, рушающуюся к падению надежду восставляет, безмерно вознесшуюся понижает. Она ослабевающего народа побуждение, но необузданного усмирение; ею человеческая лесь к пагубе, а непорочность к безвредию ведется. Но чтоб вкратце заключить: толь с великою силою элоквенция господствует в человеческом обществе, что ее управлением и мудростию не токмо простых людей спокойствие, но и величество государей, еще и всего государства спасение содержится, о чем почитай, ежедневные опыты свидетельствуют.

Утвердил, сколько мог, но мог, сколько я был должен, что элоквенция есть наибогатейшая по знаниям, по наукам, по всей филологии, по обществу человеческому, еще и по всем до одной вещам как вещественного, так и мысленного миров. <...>

ЧАСТЬ III

<...> Надобно исследовать в сем третьем месте, коль есть искусна и хитра элоквенция в рассуждении слов, понеже я в самом начале сказал, что она есть наихитрейшая.

<...> Нужда первая и последняя есть причина, почему элоквенция наихитрейшая есть в словах; но красота слов, понеже есть и она, делает элоквенцию токмо приятною, а не твердою, так что украшение слова, хотя и много служит истинному витийству, однако больше раболепствует пустому и притворному.

Но сего ради не должно ж отвергать всякого надлежащего убранства истинному красноречию, понеже обще украшается оным и притворное; равным образом как не того ради не надобно благороднейшим девицам пристойно и искусно употреблять румяны, чтоб был в лице сияющий цвет, и лучшее в нем пригожество, что понеже и безмерно, и некстати мажутся оным подлые женщины. Да будет, желяю, и красна, и учтива, и хороша, и чиста, и

великолепна истинная элоквенция; однако да будет такая честно, прилично, не без меры, но в меру, и да не иначе себя ведет, как высокая госпожа, которой повелено в торжественные дни танцевать, а не так бы она резво и кривляючись плясала, как деревенская баба. К чему ж сие идет? Дабы выразуметь, что не красота и okazaлость есть причину искусства, которое употребляет в словах элоквенция; но вся тому причина токмо одна нужда. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прокомментируйте эпитеты, которые предлагает к слову *красноречие* В.К. Третьяковский. Какое основное требование полагает он в основание красноречия?
2. Что является материей (материалом) для элоквенции (красноречия)?
3. Как распространяется действие красноречия на другие науки: историю, поэзию, филологию?
4. Какова роль элоквенции в управлении обществом?
5. Что такое истинное красноречие в рассуждении слов (часть 3)? Какими сравнениями пользуется Третьяковский, чтобы объяснить истинную «красоту слов»?
6. Какие стилистические приемы (фигуры речи, тропы) использует Третьяковский для создания своего текста? Приведите примеры.

А.П. СУМАРОКОВ

О РУССКОМ ДУХОВНОМ КРАСНОРЕЧИИ (1770-е годы)

Александр Петрович *Сумароков* (1717—1777) известен более всего как поэт и драматург. Трудно назвать жанр, в котором бы Сумароков не трудился: он писал трагедии, драмы, оды (торжественные, любовные, анакреонтические), песни, басни, элегии, эклоги. Сумароков первым внес в русскую поэзию разговорную легкость стиха, он — основоположник русского романа, но и Сумароков же переложил в стихи всю «Псалтирь», писал духовные оды о «Божием величестве», «на суету мира», о тщетных поисках истины, нравственных совершенствах и добродетели.

Сумароков много печатался в различных журналах, в частности, в собственном «Трудолюбивая пчела», журналах Московского университета, издававшихся под редакцией его ученика и последователя М.М. Хераскова. Впрочем, судьба Сумарокова была сложна: он был директором созданного в 1756 г. театра, где ставились его пьесы, но в 1761 г. был отстранен от театра и целиком предан литературе. После прихода к власти Екатерины II Сумароков вместе со своими политическими единомышленниками пытался оказать влияние на императрицу, но вскоре оказался в числе опальных. Последние годы жизни провел в крайней бедности.

После смерти Сумарокова Н.И. Новиков издал в типографии Московского университета «полное собрание» его сочинений (1781, 2-е изд. — 1787), до сих пор являющееся единственным. Оно сохранило для нас несколько публичных речей, говоренных Сумароковым в присутствии императрицы. Кроме того, имеется статья (без даты) «О русском духовном красноречии», где замечательна начальная мысль о возможности разбора деятельности лиц «духовных» как «почитателей словесности» — по их «риторству, а не по священству». Затем следует последовательный разбор наилучших проповедников в истории русской гомилетики.

Печатается по изд.: *Сумароков А.П.* Полное собрание сочинений в стихах и прозе. Собраны и изданы Николаем Новиковым. — М., 1787. — Т. 6. — С. 275—284.

Красноречие духовных не в истолковании Священного писания, но в проповедовании оно и в наставлении добродетели ищется; чего ради, оставляя религию и катехизис, дело до моего предложения нимало не принадлежащее, я в проповедниках вижу собратий моих по единому их риторству, а не по священству. Итак, имея право говорить о них толико же, колико и они о мне, сколько их рассмотрение до них яко до почитателей словесности принадлежит.

Проповедники зачались в России, как известно, недавно. Франция взошла на высочайший степен Парнаса, Россия едва о том помышляти начала; как не служит ли к чести нашего остроумия, что мы едва только разгоняем мрак невежества и во время разгонения видим такие уже плоды и покровительством Великой

Екатерины и больше увидети чаем и кафедру более и более украшаему. От первоначалия духовного красноречия, исчисляя хороших проповедников, довольно, кажется, естли мы толикое ж их число покажем, колико таковых прославленная словесностию Франция показать может. Боссюет, Бурдалу, Флешьер, Массилион и протестантский проповедник Сорен Франции честь учинили; толикое точно число и мы Европе отличных духовных риторов показать можем, ко славе России едва расцветавшу российскому красноречию. Сии мужи суть Феофан, архиепископ Новгородский; Гедеон, епископ Псковский; Гавриил, архиепископ Петербургский; Платон, архиепископ Тверской, и Амвросий, префект Иконоспасского училища; не говоря о тех, которых красноречие ни до слуха моего, ни до зрения не дошло, как на примере рассудительного и просвещенного Иннокентия, архиепископа Псковского, многопочтенного Самуила, епископа Крутицкого, и распорядочного в разуме Антония, епископа Архангельского, Феофилакта, архимандрита и ректора Иконоспасского, и, может быть, еще и многих, которых и имена мне неизвестны.

Разберем дарования и свойства известных мне первых четырех известных и всей России риторов: Феофана, Гедеона, Гавриила и Платона и начавшего прославлятися Амвросия. Но прежде скажу я о свойствах других, не важных духовных риторов, и о вкусе их, не касаяся чести священных особ их, но говоря о их только сочинениях; ибо религия не будет поругана, когда скажется о ком то, что сочинение его худого вкуса. Мы почитаем сан духовный и не согрешили бы, когда бы что против Василия Великого и Иоанна Златоуста, разбирая их речи, выговорили, ибо должны почитати житие их только, а проповеди их почитаем мы не из должности, но из справедливости. Многие духовные риторы не имущие вкуса, не допускают сердца своего, ни естественного понятия во свои сочинения, но умствуя без основания, воображая неясно и уповая на обычайную черни похвалу, соплетаемую ею всему тому, чего она не понимает, дерзают во кривые к Парнасу пути, и вместо Пегаса обуздывая дикого коня, а иногда и осла, всташатся едучи кривою дорогою на какую-нибудь горку, где не токмо неизвестны музы, но ниже имена их, и вместо благоуханных нарциссов собирают курячью слепоту. Достойно воистинну сожаления, когда прославление великого Бога попадаетя в уста невеже. Не думайте, что я только Феофанов и Платонов для проповедо-

вания слова Божия требую! нет; естли бы одних таковых правительства ко проповедованию Божества и добродетели избирали, опустошились бы храмы Божии по всей Европе, а у нас еще и паче. Более имеем мы во красноречии духовных недостатка; более и благодарности великие наши риторы достойны, что они, яко светлые звезды, в густом воссияли мраке. Коликое число проповедников прославилось чернию; но чернь есть и благородная одним тем только, что они им не были вразумительны! Слышатели, не опираясь на свое понятие, чаяли во проповедниках глубокой быти премудрости, и причитали премудрость их непонятию своему, находя в себе недостатки разума не от малого о себе мнения, но от великого почтения надутого и паче мер витиеватого и ни с умом, ни с сердцем несогласного предложения. Хотя истинная причина была та, что сии глубокомудрые пустомели того, что они говорили, или паче бредили, и сами не понимали. А притом таковым проповедником помогает и то, что многим кажется тяжким грехом речь о божестве похулити. Называли безумцы французского сатирика ругателем чести Людовика XIV, когда он ругал изъяснения похвал королю, приносимых от скаредных писателей, но тому обвинению не только разумные люди, но и сам король смеялся, ибо слава Людовика оставалась славою, а ввали вряями.

Все то выговорено, что до худых духовных раторов касалось; посмотрим на раторов первостепенных, приносящих отличную честь России. С Феофана зачнем яко со старшего. Сей великий ритор есть российский Цицерон; малороссийские речения и требуемые, не ведаю ради чего, иностранные речения сочинения его несколько безобразят; но они довольно заплачены другою чистотою. В сем риторе вижу я величество, согласие, важность, восхищение, цветность, рассуждение, быстроту, перевороты, страсть и сердцевдвижение, огромность, ясность и все то, что особливо Цицерону свойственно было; и видно, что он все свое красноречие на сем отце латинского красноречия основал.

Гедеон есть российский Флешьер: цветности он имеет еще более, нежели Феофан; сожалетельно, что мало было в нем силы и огня и что он по недостатку пылкости часто наполнял проповеди свои историями и баснями, сим бедным запасом красноречия. Приятность, нежность, тонкость были ему свойственны и после Феофана опустошенный российский парнас, или церковь, лишенная риторской сладости смертию великого архиепископа,

обрадовала Россию сим Гедеоном, мужем великого в красноречии достоинства; ибо до него единый бывший дякон Савицкий украшал только придворную кафедру и, мало почитаем или паче гоним невежами, оставил духовенство и проповеди и, восходя на российский парнас, возвратился, не коснувшись самая горы сея верху, что многие не без основания ожидали, и принужден, потеряв охоту риторствовать, отголе возвратиться. <...>

Гавриил, архиепископ петербургский, есть больше сочинитель разумнейших философских диссертаций, нежели публичных слов, а потому, что стремление его больше в диссертации, нежели в фигуры риторские. Так как его сравнивати с другими проповедниками никак не можно, то только скажу я о нем, что красота плавного и важного его склада приносит ему пред всем просвещенным светом достойную любезного имени его похвалу и что будет он всегда честью нашего века и в потомстве, купно с другом своим и с товарищем, со преосвященным Иннокентием, мужем весьма отличного достоинства и всею Россиею почитаемым, достойным лица Божия и лица монарша.

Платон есть последователь Златоуста: его имеет дарования, его свойства, его вкус. Сей российский Бурдалу исполнен силы, пламени и быстроты; преемник Феофанов, приводит в восхищение слышателей, а читателей еще больше. Гедeon трогает сердца, сей — восхищает, а Гавриил — разумом пленяет. А я, вспомя некоторые уподобления Софокла, Еврипида и Эсхила с водными потоками, скажу то, уподобляя сих великих мужей. Феофан подобен гордой и быстротекущей реке, разливающейся по лугам и орошающей горы и дубровы, отрывающей камни с крутых берегов, шумящей во своих пределах и журчащей иногда под сению соплетенных древес, наводняя гладкие во время разливания долины. Гедeon подобен потокам, всегда журчащим и извивающимся по прекрасным паствам, протекающим по приличным лугам и питающимся благовонными цветами, но иногда по неплодным проходящим местам, уменьшающим изобилие вод и едва дно покрывающим. Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои и порядочным течением, не выходящей никогда из границ своих. Платон подобен реке быстротекущей и все, что ей не встретится, влекущей с собою в морскую пучину, преходящей прекрасные долины, орошающей тучные роши и бегущей по чистому песчаному дну, окропляя мягкие муравы. Во окончании всего нельзя мне еще в такое же тонкое рассмотрение войти из единой

напечатанной речи Амвросиевой о сем авторе, а по слуху единому, как я прилежно слова ни слушаю, анатомить его сочинения трудно; то только скажу, что он не только обещает, но уже и есть отличный ритор и всеконечно достоин быти участником Феофановых и Платоновых лавров и, шествуя по стопам их, выше Гедена превознесется.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем, по мнению Сумарокова, состоит духовное красноречие? Как Сумароков оценивает состояние развития духовного красноречия в России?
2. Как Сумароков аргументирует свое право критиковать и разбирать проповеди духовных лиц? На каком основании он видит в священнослужителях «своих собратий»?
3. Кого из духовных риторов выделяет Сумароков? Что вам известно о деятельности Феофана Прокоповича или Платона (Левшина), будущего митрополита?
4. Какие требования к речи духовных лиц выдвигает Сумароков? Какие качества речи отмечает Сумароков в проповедях каждого из разбираемых им церковных ораторов: Феофана Прокоповича, Гедена, Гавриила и Платона?
5. Какие сопоставления с водными потоками в отношении к речам ораторов проводит Сумароков?
6. Сумароков был острым на язык писателем и критиком. Найдите в тексте фигуры иронии и сарказма.

АМВРОСИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К ОРАТОРИИ РОССИЙСКОЙ (1778)

*А*мвросий *Серебрянников* (1745—1792) — архиепископ Екатеринославский и Херсоника-Таврического. Окончил Вятскую семинарию, продолжая учиться в Московской духовной академии. Начал преподавать в 1773 г. в Троицкой духовной семинарии риторике,

историю и французский язык, а в 1775 г. назначен префектом и учителем философии. В 1778 г. переведен в Славяно-греко-латинскую академию на те же должности, а в 1782 г. назначен ректором Новгородской духовной семинарии и возведен в сан архимандрита Антониева монастыря; с 1783 г. — епископ Олонецкий, с 1786 г. — архиепископ Екатеринославский. По занятии русскими Молдавии назначен, согласно желанию князя Потемкина, местоблюстителем молдаво-влахийской экзархии.

Преосвященный Амвросий был известен как ученый и проповедник. Современники отмечали его необыкновенную любознательность, энергию и в то же время кротость характера. Амвросий пользовался любовью князя Потемкина и расположением Екатерины II, которую проповедник неоднократно приветствовал во время ее путешествия на юг.

Амвросий Серебrenников участвовал в составлении Словаря Академии Российской, за что был избран членом Российской академии. Но наиболее известен как автор «Краткого руководства к оратории российской», выдержавшей два издания 1778 и 1791 гг. Это было наиболее серьезное сочинение по риторике после трудов М.В. Ломоносова. Несмотря на безусловное преклонение перед авторитетом великого ученого и частые ссылки на него, Амвросий вполне самостоятелен во многих разделах своего учебника. Прежде всего он классифицирует виды тем в оратории, что имело практический педагогический смысл, — этот раздел в русских риториках развития не получил. Вполне оригинален Амвросий и в разработке родов и жанров ораторских речей, из которых мы выбираем для публикации все жанры поздравительных речей.

Печатаются по изданию: (*Амвросий Серебrenников*) Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. — М., 1791. — С. VII—VIII, 1—7, 18—26, 31—40, 50—53, 66, 106—107, 110, 113, 118, 123, 176—184.

К ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИЙСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ

Сколько изобильно мы снабжены романами и другими мало-важными сочинениями, столь напротив того мало до наук относящимися и тем менее самыми системами их, так что надобно на чужом языке с великою трудностию почти всему обучаться; а те, кои сих средств лишаются, принуждены или против воли быть незнающими или от чужих уст зависеть, дабы хотя некоторое иметь просвещение. В сем намерении усердствуя общему наук Российских благу, представляю любопытным сынам отечества Краткое сие руководство к оратории. В избрании правил старался я особливо ту иметь осторожность, чтоб излишними не умножить сего сокращения, а нужное все предложить, и при том, сколько можно яснее и понятнее. В расположении следовал я древним и новейшим сей науки писателям, однако инде для лучшего, как мне казалось порядка, отступал от них. Примеры во всех почти местах приводил из писателей российских: во-первых, из поучительных слов Преосвященного Платона, архиепископа Московского и Калужского; второе, из стихотворений и публичных слов г. Ломоносова; третье, из трагедий и од г. Сумарокова — не потому, чтоб я презирал других, но дабы показать, что мы и в соотечественниках имеем Демосфенов и Вергилиев. Речения греческие, а особливо в тропах, фигурах, периодах и других местах, переводил я инде следуя г. Ломоносову, а инде смотря более на определение, нежели на происхождение их; по всем же сем имел ли какой-нибудь успех, сие оставляю на благорассуждение обществу. По крайней мере льшу себя, да и не тщетно, что истинные любители российского витийства примут благосклонно труд мой по ожидании полной и совершенной оратории.

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1. Оратория^а есть искусство преклонять словом других к своему намерению.

^а Имя сей науки производится от латинского глагола ого, т.е. говорю, отсюда имя Orator, вития, или словесный, и Oratoria, ars, fuie facultas, т.е. наука или способность к предложению слова. Называется также Риторикою от греческого слова геο, говорю, по мнению Воссия, и retor то же, что оратор; однако некоторые из древних полагают различие между Ретором и Оратором, так что Ретор по мнению их есть тот, кто учит красно говорить, а оратор, кто умеет по оной науке поступать.

§ 2. Материя, или предмет, Оратории есть:

1) свойства души человеческой; 2) все вещи, знанию нашему подлежащие^a.

^a Древние писатели, рассуждая по тройственным делам, в которых употребляема была оратория, трех родов и материю полагали: 1) дела, касающиеся до суда; 2) к благосостоянию или вреду целого общества; и 3) к похвале или охуднению известных людей; но понеже в сих трех родах не содержатся собственно нравоучительные или философские рассуждения, а тем менее христианские истины, то лучше материю Оратории назвать все вещи Божественные и человеческие, знанию подлежащие.

§ 3. Конечная причина оратории или оратора^a, сею наукою просвещенного, есть *склонение других к своим мыслям*.

^a Следственно, конечная причина ретора есть сделать знающим будущего оратора.

§ 4. К достижению сего потребны от оратора, кроме *совершенного знания правил риторических^a, искусство в других науках^b, долговременное упражнение^c, подражание славнейшим писателям^d, а паче всего природные дарования^e*.

^a Ибо в противном случае ниже имени достоин будет, и естли, возымев некоторое только понятие, осмелится предлагать слово, то вместо похвалы в посмеяние придет.

^b 1) Для того, что по свидетельству г. Ломоносова, чем искуснее в науках, у того больше есть изобилие материи к красноречию; 2) Бесчисленные могут быть случаи, в которых оратор обязан говорить о различных материях, науках, свойствах их, частях, истинах, которые естли не знает, то или должен будет со стыдом умолчать, или завраться, или пустословить. Однако сие не так разуметь надлежит, чтоб все науки совершенно изучить, ибо для сего и жизни нашей мало. Довольно, естли он будет твердо знать логику, без которой о вещах справедливо рассуждать не можно, науку о душе, Богословию естественную, нравоучение, а паче, как христианин, закон свой, также историю, ибо без сих всех никогда не достигнет до конца или намерения своего; а в прочих столько будет упражняться, сколько состояние его, должность и обстоятельства потребуют.

^c Никто совершенным оратором еще не родился; и сам Димосфен и Цицерон, славнейшие красноречием мужи, несколько лет прежде учились сочинению, пока, наконец, непрестанным упражнением достигли до имени оратора. Для того надобно много читать и помнить, часто размышлять, а больше сочинять. Ибо наилучший красноречия учитель есть *употребление*.

^d Знаменитые писатели сему правилу последовали: Цицерон подражал Димосфену и другим, Вергилий — Гомеру.

^e Ибо, по свидетельству г. Ломоносова, как семя на неплодной земле, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. Рук. к красн. 3.

§ 5. Должность оратора состоит в *изобретении, пристойном расположении, или соединении, украшении и произношении мыслей своих*^а.

^а Некоторые полагают должность оратора в том, чтоб учить, увеселять и возбуждать; другие в изыскании того, чем можно преклонить слушателя, но сие разности не сделает, ибо нельзя учить, увеселять и возбуждать, не сыскав, не расположив, не украсив и не выговорив доводов, к сему способствующих, а усматривать, чем удобнее преклонить слушателя есть то же, что изобретать и проч.

§ 6. Последуя сему, предложи здесь правила о *изобретении, расположении, украшении и произношении*, служащие будущему оратору к удовлетворению должности его.

КНИГА ПЕРВАЯ О ИЗОБРЕТЕНИИ

Глава первая О разделении мыслей и тем

§ 1. Изобретение есть приискание мыслей^а, пристойных к теме.

^а Древние и с ними новейшие определяют изобретение чрез вымышление доводов, способствующих к преклонению, но под именем доводов не содержатся разделенные мысли, а особливо те, кои означают свойства. Г. Ломоносов изобретение называет собранием идей, пристойных предлагаемой теме; мы под речением *мыслей* то же разумеем, что он под именем *идей*.

§ 2. Мысли суть представления вещей, или рассуждения, совоображением и разумом производимые.

§ 3. Вещи представляем в уме нашем или сходные или противные, или другое какое-нибудь отношение к теме имеющие^а.

^а Напр. вода и время, просвещение и невежество, война и разорение.

§ 4. Рассуждение есть соединение или разлучение представлений чрез глагол существительный *есмь* или другой, означающий свойства, или состояния.

§ 5. Представления вещей, совоображением производимые, естьли изображаются словом, то называются *терминами*, а рассуждение — *предложением*, и имеет в себе три части: 1) *подлежащее*, т.е. термин^а, о котором утвердительно или отрицательно что говорится; 2) *сказуемое*, или то^б, что мы прилагаем к подлежащему; 3) *союз*, или связку^с, из которой видно, должно ли сказуемое приложить к подлежащему или отнять: она обыкновенно бывает глагол существительный *есть* или *суть* и полагается во всех временах или способах иногда явно, а иногда косвенно или доразумевается.

^a Напр., в сих предложениях: *Бог есть истинен*, подлежащее есть *Бог*, понеже о нем утверждается, что он истинен, *есть* будет связка, а *истинен* сказуемое, приложенное к подлежащему. *Мир не есть вечен*: *мир* будет подлежащее, *не есть* — связка, *вечен* — сказуемое, отъемлемое от подлежащего. *Порок гнусен*: здесь связка доразумевается. *Награждение ободряет науки*: связка здесь будет находиться косвенно, а чтоб ее сделать явною, то надлежит глагол применить в причастие и приложить к нему глагол существительный.

^b Как много сказуемых при одном подлежащем, так, напротив того, при многих подлежащих может быть одно сказуемое.

^c Ежели союз прилагает сказуемое к подлежащему, то такое предложение называется утвердительным; а естли отъемлет, то отрицательным.

§ 6. Все предложения, имеющие какое-либо отношение к теме, называются вообще *доказательствами* и разделяются обыкновенно на *уверительные*, *советовательные*, *возбудительные* и *касающиеся до благонравия*.

§ 7. Темою называется всякая материя, о которой говорить должно, и разделяется на *риторическую* и *истолковательную*, или на *простую* и *сложенную*, или на *умозрительную* (theoreticum), *деятельную* (practicum), или наконец, на *общую* и *особенную*.

§ 8. Тема риторическая^a есть та, о которой предлагается слово, а истолковательная^b — из которой оно производится.

^a Темы риторической виды суть: 1) термины, напр. жизнь, смерть; 2) предложение, напр. время все истребляет; 3) вопрос, напр. должно ли всем наукам учиться?

^b К истолковательной принадлежат: 1) изречения чужие, куда принадлежат слова С. Писания, напр. мнози суть званни, мало же избранных. Лук. 14, 24; 2) дела, напр. о потопе, о Моисее; 3) выдумки, напр. картины, здания, монеты.

§ 9. В простых темах бывает один только термин или речение^a, а в сложенных^b — два, или больше.

^a Таковы суть темы риторические, напр. о душе, о пороке, о добродетели.

^b Сложенная тема — потому что также есть рассуждение, называется иногда предложением, но главным или основательным, для различения от предложений посторонних, к нему прилагаемых.

§ 10. Умозрительные (theoretica) темы суть в которых содержится истины, к знанию токмо касающиеся^a, а деятельные — в которых, кроме знания, что-нибудь советуется^b.

^a Напр. счастье не может быть постоянно.

^b В сей теме «время напрасно терять не надобно» заключается советование. <...>.

Глава пятая

О изобретении советовательных и возбудительных доказательств

§ 1. К изобретению советовательных доказательств восемь нижеисследующих мест способствовать могут: 1) представление того, что есть *законно*, под которым именем надлежит разуметь, во-первых, Священное Писание, предания церкви, право естественное, законы государственные, обыкновения и проч.

§ 2. Второе место называется *справедливым*, под чем надобно доразумевать и то, что есть *свято*. Следовательно, здесь советовать можно представлением, что то умножает славу Божию, что требует того любовь к отечеству, родителям, сродникам, гражданам, что то способствует к благоденствию общества, что воздерживается дерзость развращенных, ободряет добрых и проч.

§ 3. Третье место есть *полезное*, где надлежит слушателю показать, что впоследствии, если сделано будет то, что советуется, и что вопреки если ли будет пренебрежено. В первом должно показать, что сохранится снисканное имущество и будет умножено новым приобретением; что отражено будет настоящее или удалено наступающее злополучие. Во втором случае надобно представить, что лишится снисканных благ и будущих напрасно станет ожидать; что настоящего несчастья не избежит, а впредь еще усугубит.

§ 4. Четвертое место есть *приятное*, ибо не довольно для иных показать пользу; но надлежит дать видеть, что от того произойдет удовольствие, радость собственная и ближних, печаль недруга и проч.

§ 5. Пятое место есть *необходимость*, которым представляется, что без того польза желанная не получится.

§ 6. Шестым местом почитается *возможность* и *удобность*, где показать должно, что средства, обстоятельства, случай, помощь и проч. к тому способны.

§ 7. Но если бы что в самой вещи было неудобно, то скажем, что тем будет совершение его славнее, и сие место, т.е. *слава* есть седьмое, которым советовать можно; причем, надлежит показать, что или сохранится, или умножится слава, или он один и первый, или с другими немногими к сему приступит.

§ 8. Восьмое место есть *окончание*, в котором представляется, что хотя бы советуемое дело и не удалось, мы однако и в сем случае получим свою пользу и честь.

§ 9. Можно иногда советовать от противных сим мест, напр. что не сделать, то будет *противу закона, несправедливо, грешно, бесполезно, опасно* или *вредно, скучно, бесчестно* или *постыдно*, представляя все противно тому, что выше изображено.

§ 10. В рассоветовании чего-нибудь, кроме сих противных мест, можно еще присовокупить, что то *нимало не нужно*, что *не удобно*, или *невозможно*, что хотя и удастся нам, останемся в посмеянии.

§ 11. Кроме сих особенных мест, способствуют к советованию и риторические общие места, а особливо от свойств, действий, противных, сравнений, примеров и проч.

§ 12. Возбудительные доказательства за предмет имеют возбуждение или утоление страстей, которые разделяются на *первоначальные* и *производные*. Оные суть: *радость и печаль*; сии: *любовь, сожаление, зависть, удовольствие, стыд, надежда, боязнь, ужас, трепет, отчаяние, ревность, гнев, злоба, ненависть*.

§ 13. В изобретении сего рода доказательств, чтобы всегда быть успешну, надобно: 1) совершенно знать свойства каждой страсти, чему научает философия; 2) проникнуть в нравы и склонности людские, ибо та же страсть возбуждается или утоляется скорее или медленнее в одном, нежели в другом человеке и лучше сим способом, нежели иным, чему причины и правила показывает нравоучение; 3) предмет, или вещь, в которой возбуждается или утоляется страсть, ибо чем трогается благородный, того подлый иногда не чувствует и проч.; 4) зная все сие, надлежит оратору восчувствовать в себе прежде все движения духа, которые в другом возбудить хочет. В прочем может способствовать к сему же наблюдение следующих правил.

§ 14. Понеже всякая страсть зависит от быстрого и живого, но не подробного воображения благ и зол, то в возбуждении ее надлежит вдруг и сколько возможно живее словом представить, что то лице или вещь, к которым страсть возбуждаем, премногие и великие нам блага приносит, или бедствия отражает, или совокупно и вопреки.

§ 15. В утолении страстей надобно взойти в подробность и показать ясно, что или нет тех благ приносимых или зол отвращаемых; или что они не столь многи и велики; или, наконец, стараться возбудить противную страсть^а.

^а Пространнее о сем роде доказательств пишет г. Ломоносов в Рук. Ритор. гл. 6, где и примеры к сему служащие приводит; мы здесь наблюдаем краткость.

Глава шестая

О изобретении доказательств благонравия

§ 1. К уважению выше изъясненных доказательств премного способствуют доказательства благонравия. Ибо тщетно будем напирать все силы нашего разума и красноречия к уверению истины, присоветованию дела или возбуждению духа слушателей, если они предуверены, что мы не честного жития, малого знания, сомнительного добродетельства и если сих пороков следы и в слове нашем находят.

§ 2. Чего ради сколько возможно надлежит стараться приобрести в других о себе доброе мнение: 1) в том, что мы честны; 2) что имеем довольное понятие о вещах и делах и, наконец, 3) что мы тех самих, которым предлагаем слово, любим и всякого добра им желаем, что все не иначе можем иметь, как если таковым будем в самой вещи, каковыми пред людьми хотим показаться.

§ 3. Но если где, то наипаче в слове должно тшаться показать си три качества, ибо оно есть как некоторое подобие, или зеркало, в котором душа наша видна.

§ 4. Чего ради, во-первых, чтоб честность наша явствовала в слове, надлежит наблюдать следующие правила: 1) ничего не говорить, что противно слову Божию, добродетели, законам; 2) удаляться от выражений смехотворных, легкомысленных шуток и всего, что не пристойно важному человеку; 3) о себе самом не высокоумствовать; 4) наконец, когда предлагаем слово, чтоб самой наш голос, обращение очей, движение рук изображало нашу скромность и постоянство.

§ 5. Второе, чтоб вперить мнение других о благоразумии нашем или о том, что мы довольные о вещах и делах сведение имеем, должно 1) с возможною осторожностью сочинять слово и не прельщаться тем, когда мысли текут, но, написав, рассмотреть вторично с рассуждением не только самые мысли, но речения, порядок и союз их так, чтоб все казалось не излишним; 2) наблюдать краткость и для того доказательства надлежит измерять не числом, но важностию; 3) применяться к склонностям народа того, пред которым предлагаем слово, чему достопамятный пример можно видеть в Курции кн. III, где Александр Великий ободряет войско свое к сражению, применялось к каждому народу; 4) помнить разность состояний и времени и, наконец; 5) знать расположение сердец и нравов в рассуждении страстей, навы-

ков, возраста и счастья, ибо наблюдение сих правил великую подаст перемену и в слове и в доказательствах^а.

^а Наилучший верх пример сему можем видеть в Божественном Витии апостоле Павле, читая Послания его к римлянам, коринфянам, галатам и проч.

§ 6. Однако во всем сем должно иметь благоразумие, чтоб не показаться или робкими, или хитрыми льстецами. <...>

Глава восьмая О изобретении в особенности и о родах слов

<...> § 4. Все речи и слова мы разделяем на два рода: на показательной и советовательной, однако принимаем их в обширнейшем разуме, нежели древние писатели^а, и потому к первому относим все те сочинения, в которых что-нибудь просто объясняется или с утверждением или отвержением доказывается; а ко второму — напротив, в коих или что советуется, или рассовуется.

^а <...> К сим двум родам прибавляли они третий, то есть судебный, но мы сей род¹ частью под совещательным, частью под показательным разумеем. Ибо кто, напр. уличает прогивного своего в злодеянии, то приводит вероятные доказательства или вопреки отражает; кто спорит о названии дела, как его именовать, или о том какое оно, похвальное или бесчестное, или коликое, т.е. великое или малое, или, наконец, кто толкует в свою пользу законы и соглашает их, в чем все судебные слова заключаются, тот не доказывает ли с утверждением или с отвращением? Равномерно, кто учит слову Божию, кто открывает вещей и действий причины, изъясняет истины, сооружает новые системы и проч., не то же ли за предмет имеет?

¹ У Амвросия: «оба сии рода» — по смыслу должно быть: «сей род», т.е. судебный (примеч. сост. — А.В.).

§ 5. Таковы суть в первом роде речи и слова *похвальные* или *поносительные*, *жалобные*, *обличительные*, *повинные*, *оправдательные*, *просительные*, *поздравительные браком*, *днем рождения*, *чином*, *победою*, *вступлением*, *благодарительные*, *надгробные*; а во втором — *побудительные*, *утешительные*, *исправительные*, *миротворные* и проч.

§ 6. Похваляем или поносим обыкновенно: 1) *лица*, 2) *свойства*, 3) *дела*, 4) *вещи*.

§ 7. Лица бывают или знаменитые, или подлые: знаменитые суть самовластные государи, в республиках чины или сенат и прочие славные мужи. Подлых лиц хвалить почти не можно и не должно, разве вообще. Знаменитым особам пишутся похвалы или при жизни их, или по смерти.

§ 8. Похвалая государей живых, надлежит остерегаться: 1) чтоб им не приписать таких свойств или дел, которых или совсем нет в них, или противные им находятся, или которых они не любят; 2) не показаться излишне ласкательным или до подлости раболепным, чего премногие писатели не наблюдают; но паче стараться наблюдать посредство между республиканскою вольностью и подданством раболепным.

§ 9. Если же будет говорить оратор о похвалах умершего государя, то должен помнить, чтобы не унижить чести или славы преемника его.

§ 10. При управлении чинов, управляющих республикою, можно иметь большую свободу мыслей, но менее великолепия, а особливо если одному только говорится похвальное слово, то надлежит великую иметь осторожность, ибо весьма удобно можем оскорбить соправителей его; чего ради надобно пристойным образом и к их похвале обращать слово, напр.: что они его к тому благоразумно избрали, что тот вне оружием, а они мудрым расположением внутри пределов своих прославили себя или что другое подобное сему. Впрочем, должно припомнить здесь правила о благоразумии, в гл. 5 предложенные.

§ 11. Места особенные, из которых можно изобретать похвалы знаменитым особам, суть нижеследующие: 1. *отечество*, 2. *род*, 3. *время рождения*, 4. *природа*, 5. *воспитание*, 6. *науки*, 7. *добродетели*, 8. *дела, в мире или войне учиненные*, 9. *великость счастья*, 10. *похвала детей*, 11. *сравнение с другими*. <...>

§ 16. Воспитание бывает двоякое: разумное и попечительное или случайное и нерадивое. От первого можем хвалить, что он показал достойные плоды воспитания или что оно было только путь, по которому он сам охотно тек. От второго, что он себе должен воспитанием или что хотя злость и покушалась затмить и погасить его таланты, но он, предводим Промыслом, тем паче просиявал и проч.

§ 17. С воспитанием соединены науки, от которых похвалы изобретаются таким образом: напр., что он учен, то наука есть украшением превосходной его природе; или вопреки, что он не учен, то дарования естественные дополняют в нем то, чего не достает в науках, и что сама наука для него есть книга, в которой поучается с большим успехом, нежели кто другой в бесплодных умозрениях; иногда упоминаются все науки, какие кто любит или ввел в отечество.

§ 18. Добродетели суть такой источник, из которого одного можно почерпнуть все мысли похвале, не заимствуя других. Сие чрез вычисление всех их с доказательствами уверительными и увеличением, или некоторых только присоединяя, что они суть превосходнейшия, или больше, нежели прочие, потребны, или что другие в нем домашни и сокровенны.

§ 19. Равным образом дела, в мире и в войне учиненные, составляют нередко целое похвальное слово, только были бы основаны на добродетелях, напр. законодательство на мудрости, строгость на правосудии, побеждение супостатов на справедливости и мужестве.

§ 26. Дела похвалу свою имеют от сих же самих мест, и при том, что оно было трудное, великое, первое, редкое, одним человеком учиненное, нечаянное, нужное, похвальное, славное.

§ 27. К вещам относятся страны или города. Хвалить их можно: 1) от создателей их знатных или неизвестных, и от древности; при чем надлежит то же говорить, что и о роде лиц; 2) от плодородия, от дел знаменитых граждан, от многолюдства инородных, от учреждений, от законов, обыкновений, от любви ко всему, что есть похвально, от уравниений с прочими странами или городами. <...>

§ 54. Поздравительные речи бывают по причине дня рождения, брака, получения чинов, побед, возвращения, нарочитых празднеств о чем раньше упомянуто.

§ 55. Поздравление бывает днем рождения, или воспоминанием оного в годичном обращении, что в наши времена почти соединяется со днем тезоименитства, или по причине новорожденного младенца.

§ 56. В первом случае к изобретению могут способствовать обстоятельства времени, в какое кто родился, места, родителей, а больше от тех причин, для которых поздравление приносится, как напр., благодарений, славы, удивления, собственных дарований душевных, при чем, можно делать сравнения с другими, полагать подобия.

§ 57. Во втором, т.е. когда поздравляем родителей с новорожденным, изобретаются доводы от радости, какую общество имеет, есть ли только он человек именитой, похвалы родителей, надежды по причине обстоятельств, в § 56 приведенных, лица, воспитания будущего, признаков, при самом рождении бывших.

§ 58. Можно также в обеих присовокупить желание долговременной жизни, чинов, славы, спокойства и многократного возвращения для того с большею всегда радостью.

§ 59. Брачные речи ныне весьма редко употребляются, однако есть ли бы кто захотел сделать или упражнение или имел случай, то можно изобретать мысли пристойные от Божеского промысла, которое сие действует, от радости родителей или общества, похвалы вступающих в брак самих лиц, или вообще брака, и, наконец, от желания взаимной любви и верности, скорого удовольствия видеть свое подобие, начертанное в детях, долгой и благополучной жизни и проч.

§ 60. При поздравлении чином можно изобретение сделать, напр., что самое небо к тому его избрало и что сие достоинство есть долг, которым общество обязано наградить заслуги его; что он выше самого сего чина духом; что сие ободрение есть степень к большим достоинствам; что общество давно сего желало и радуется, надеясь, что чрез сие открывается ему путь к показанию важнейших услуг.

§ 61. В поздравлениях с получением победы изобретаются мысли от радости народа при воззрении на лице победоносца, от великости одержанной победы, опасности предлежавшей, надежды на его мужество и благоразумие, всеобщей благодарности и желания вящих успехов.

§ 62. Вступлением или прибытием поздравляя кого-нибудь, можем изыскивать мысли от великости самого того лица, его свойств, благодеяний, желания видеть, радости общей или собственной, прославление имени его и своего счастья, и естли пристойно, так называемых желаний, о которых выше было говорено.

§ 63. В поздравлениях нарочитыми празднествами изобретение бывает от обстоятельств самих тех празднеств, или от уподобления, противного, общего места, примера, свидетельства, пристойных к оным; при чем присовокупляется иногда и собственная причина, для которой кто приносит другим поздравления, напр., долг, усердие, почтение, благодарность и сему подобное.

§ 64. Благодарность приносится за благодеяние, почему изобретение мыслей бывает от оною великости и прочих свойств, дел, в § 27 показанных; к чему придать можно, что кто-либо сам без просьбы оною благодеяние учинил; также, что мы будем тшаться равномерно, естли в силах, служить ему или прославлять его.

§ 65. В надгробных словах и речах изобретение бывает от самого зрелища, от печали слушателей или оратора, от великости урона, т.е. чина, свойств и дел умершего, обстоятельств времени, возраста, рода смерти, последних завещаний, сожаления общего, надежды какую общество имело; наконец, можно присовокуплять,

естьли потребно, утешение от славы имени, чести, вечного блаженства и проч. <...>

КНИГА ВТОРАЯ О СОЕДИНЕНИИ И РАСПОЛОЖЕНИИ

Глава первая. О расположении вообще

§ 1. Расположение есть приведение в соединенный порядок изобретенных мыслей. <...>

§ 3. Слово, по правилам написанное, подобно телу, составленному из частей своих; и как части в теле суть главные или меньшие, служащие к составлению главных частей, равным образом слово имеет свои главные части, состоящие из меньших. <...>

КНИГА ТРЕТЬЯ О УКРАШЕНИИ

Глава первая. О украшении вообще

§ 1. Украшение есть пристойными выражениями изобретенных и расположенных вещей изображение.

§ 2. Украшение в слове есть то, что в составе и красоте человеческого тела наружность. Ибо хотя изобретение изыскивает и расположение пристойным образом распределяет все части, но как прекрасное лице может быть худым рубищем обезображено, так и тема со всеми доказательствами и расположением неукрашеною речью.

§ 3. Искусство сие украшать слово называется иначе *красноречие*. А поелику различные роды могут быть красноречия, то мы здесь, во-первых, предложим, что вообще до всех касаться может, а потом о их родах и каждому пристойно.

§ 4. Вообще в красноречии требуется: 1) *чистота речений или выражений*, 2) *избрание*, 3) *ясность*, 4) *течение и периоды*, 5) *украшение, собственно так называемое*.

Глава вторая. О чистоте стиля

§ 1. Чистота штиля требует чистых речений и употребительных выражений.

§ 2. Чистые речения суть те, которые 1) всеми одобрены, 2) вразумительны и 3) употребляются в важных сочинениях лучших наших писателей. <...>

Глава третья. О избрании и ясности

§ 1. Не довольно, чтоб чистые речения были употребляемы в слове; должно стараться, дабы каждая вещь или материя пристойным образом была выражена.

§ 2. До сего достигнуть можно, естли самые материи^а прежде прилежно будем рассматривать умом, а потом грамматическое и точное значение речений^б; ибо таким образом удобно найдем, какое соединение и каких речений лучше может изобразить мысль нашу^с. <...>

^а Материи предлагаемые обыкновенно бывают трех родов: высокого, средственного, низкие; то, следственно, и выбор слов должен быть тройкий; а от сего рождается разность штиля, т.е. высокого, средственного и низкого. <...>

^б По сему кто в грамматике природного языка не искусен, тот не может быть оратором.

^с Следственно, худое понятие о красноречии имеют которые, прельщаясь пустым звоном громких речений, стараются сим образом писать, не уважая материй. <...>

Глава десятая. О произношении

§ 1. Произношение есть голоса и тела по пристойности вещей и страстей обращение.

§ 2. Сколько нужна сия часть оратории, сие из повседневного почти опыта видимо. Наилучшее и с возможным искусством соединенное слово едва не всю красоту и силу свою теряет в устах оратора, произношению не учившегося, и вопреки посредственного сим искусством как бы оживляется и возвышается...

§ 3. К приобретению сего искусства потребны природныя дарования, искусство, а более всего на нем основанное упражнение^а.

^а Справедливо о сем Плутарх говорит: «Природа без науки слепа, наука без природы недостаточна, а упражнение без обоих несовершенно» (О воспитании детей).

§ 4. К природным дарованиям относится: *состояние всего тела*^а, а особливо *возраст*^б; *лице*^с, *язык*^д, *голос*, *долгота дыхания*^с, *состояние души*, т.е. *бодрость духа*^г и *память*^е.

^а Телесные пороки, хотя между разумными никакого стыда или бесчестья не делают, но пред простым народом и сие в ораторе уважается.

^б Высокий и сановитый возраст как бы предупреждает в пользу оратора, вопреки малый и низкий нечувствительное рождает презрение.

^c Лице и глаза можно назвать зеркалом души. Посему как приятный вид привлекает взор слушающих, так безобразный и уродливый делают отвращение.

^d Косноязычие, чрезмерная торопливость и гугнивость языка сколько могут быть вредны для оратора, сие из обращения видеть можно; то ж, разумеется, и о голосе грубом, остром, сиповатом, прерывистом.

^e Много отнимает красоты в слове, естли оратор одним продолжением дыхания не может произнести ни одного периода, ибо сим образом притупляется слово и союз мыслей разрывается.

^f Без сего робость приведет в некоторое замешательство. Наилучшие ораторы и учителя красноречия сей слабости иногда бывают подвержены. Цицерон, утраченный воплем противников и оружием воинов, не мог защищать Милона; а Исократ, по причине природной некоторой стыдливости, никогда не мог говорить речей пред народом.

^g Природная память есть особенный дар, ибо многие большую часть времени на изучение, нежели на сочинение слова употребляют. <...>

§ 6. Более же всего потребны в ораторе *голос, память и бодрость духа, вид лица, обращение глаз и рук.*

§ 7. Что касается до памяти, то к утверждению или ко умножению оной много способствуют: 1) *умеренная пища и питие*^a, 2) *умеренный сон*^b, 3) *ясное воображение*^c, 4) *переписывание*^d, 5) *порядочное расположение и союз всего слова*^e.

^a В питии особливо должно остерегаться от излишнего употребления вин и пьянства, ибо ничто столько памяти и разума не притупляет, как сей порок.

^b Излишний сон умножает мокроты в теле, следственно, и в мозгу; а сие состояние не меньше, как и сухость или недостаток потребных соков, памяти вредно, что бывает или не от непомерных трудов, или весьма короткого сна.

^c Ибо память тем удобнее признавать может, чем большая есть сила совоображения и чем яснее то, что хотим помнить, воображаем.

^d Слово порядочно расположенное есть как одна цепь, а, вопреки, не связное и сбивчивое подобно многим разделенным: следовательно, как легко хранить одну цепь, нежели многие, так удобнее содержать в мыслях слово, порядочным образом расположенное, нежели бессозное.

^e Сие повседневным опытом в училищах и в других местах подтверждается. Димосфен, дабы лучше и подробнее не только понимать, но и рассмотреть красоту слога Фукидидова, несколько раз своею рукою переписал историю его о Пелопониской войне.

§ 8. Бодрости духа ежели природной нет, ничто к снисканию оной не довольно; но естли воспитание только робость некоторую и стыдливость малопрстойную вкоренило, то можно ис-

правлять оную частым обращением между лучшими людьми представлением благосклонности и дображелательства слушателей и вообще удалением от мыслей всего того, что смущать может^а.

^а Однако здесь не советуется излишняя смелость и бесстыдство, оскорбляющее благоразумных, ибо великие мужи и превосходнейшие ораторы в начале слова примечаемы были всегда несколько несмелыми и как бы сомневающимися, что самое большую красоту придавало слову их и увеселяло слушающих.

§ 9. Голос и язык суть два средства, помощью которых оратор сообщать может мысли другим и преклонять на свою сторону. В сем дабы по желанию быть успешну, во-первых, голос должен быть ясный, громкий, приятный^а.

^а В противном случае если голос будет не ясный, а язык гугнивый, то никто разумеет; есть ли слабый и тихий, никто слышать не будет; если, наконец, неприятный, т.е. сиповатый или прерывающийся, скуку в слушателях рождает.

§ 10. И сие вообще о голосе. Наибольшее же искусство состоит в перемене и в наклонениях его^а.

^а Цицерон в ораторе многообразие голоса называет потаенным пением; следовательно, как в музыке всегда одинаким тоном играть, так целое слово непрерывным голосом произносить слуху противно.

§ 11. Оная перемена соответствовать должна: 1) главнейшим частям всего слова, 2) мыслям, в оных изображенных.

§ 12. В первой части слова, т.е. в начале голос имеет быть тихий, как для того, что начала слов бывают беспристрастны^а, так особливо для того, дабы показать вид скромности и чрез то снискать в слушателях некоторую благосклонность^б.

^а Можно однако, если начало будет страсть какую заключать, и в нем возвышать голос.

^б Вообще и в том, и в другом случае должен оратор, вышед пред народ, не вдруг говорить, но несколько помолчать, дабы и слушателей сим возбудить, и самому и мыслями собраться.

§ 13. В *исследовании* возвышение и понижение, напряжение или ослабление голоса бывает по различию материй; в *заключении* громче и яснее, нежели в начале, и умереннее, нежели в исследовании.

§ 14. Мысли, или материи, также речения и периоды, их изображающие, требуют больше всего перемены голоса. Почему важные речения важным голосом, вопрошения — возвышенным, печаль — томным, гнев — громким и отрывистым, радость —

светлым, мщение — напряженным; и, словом, всякую страсть своим тоном произносить надлежит^а.

^а В сем случае правил особенных никто предписать не может: надобно в сердце то чувствовать, что хочешь изъяснить словом. Таким образом, сама природа все перемены тона производить будет.

§ 15. Вид лица должен быть прям, не пониклый, впрочем, соответствовать чувствованиям душевным^а так, как и голос.

^а Так, напр., наморщенное чело и сведенные брови изображают гнев, распростертое — радость, возвышаемые брови — величавость и презрение и проч.

§ 16. Обращение очей должно быть умеренно: не быстро, не весьма медленно или сурово, ибо скорость изображает иногда непостоянство, медленность или суровость — грубые и злобные нравы; вообще же очи должны быть вестниками души^а.

^а Ибо нигде более не сказывается, с каким духом что предлагает оратор, как на лице и глазах.

§ 17. В движении рук надлежит иметь осторожность: 1) чтоб не чрезмерно протягать, возносить, ударять^а, ни, напротив, держать их в сокрытии^б, 2) не действовать обеими вдруг или левою, но лучше — правою рукою^с, 3) больше стараться изобразить весь смысл, а не каждое речение^д.

^а Сие значить будет или дерзость или страсть непристойную.

^б Ибо таким образом действуя возбудить можно смех или, по крайней мере, чрез то окажется чрезмерная робость.

^с Сего требует благопристойность. Ибо в разговорах общих тоже наблюдаем, однако можно иногда и обе руки обращать, напр., в восклицании, прощении и проч.

^д Сие оставим театральным действующим лицам, которых в том все прочее и знание состоит.

§ 18. Впрочем, как во всяком искусстве, так и в произношении желающему достигнуть совершенства надлежит иметь упражнение: много выучивать, много читать, произносить, примечать других и себя и чрез то исправлять недостатки^а, ибо справедливо утверждает Фабий (Квинтилион), наилучший красноречия учитель, что *все то несовершенно, где рачение не помогает природе* (кн. XI, III).

^а Сим одни средством наилучшие ораторы толико сильны были в слове, что обладали сердцами слушателей своих; сим Демосфен, которого повествованием и заключаю сие руководство, преодолев самую природу, не токмо своего, но и позднейших времен был и будет удивлением. Не упоминая, что он с особенным прилежанием ходил учиться у Андро-

ника и что в земляном доме по несколько месяцев один безысходно для сей же причины находился; не упоминая, говорю о том: рачение его в исправлении телесных дарований столь было велико, что он почти переродил себя. Имея несвободное движение языка и не могши выговаривать письмени Р, носил в устах мелкие камешки и с ними многократно и многие периоды произнося, напоследок так себя исправил, что никто яснее его не выговаривал. Победив сие неудобство, еще оставалось ему много других. Он имел короткое дыхание и некоторую боязливость. Дабы приучить себя продолжать дух, старался он, не отдыхая, читать многие стихи и притом идучи на крутую гору без остановки, а чтоб от шуму народного не смущаться, то став при бреге морском, в который волны ударялись, возвышал свой голос сколько можно противу шума их. Сверх того, привык он часто поднимать плечи, что хотя маловажно, однако и сию привычку вознамерясь истребить, во время речи вешал над собою копье, дабы естли в жару и забывшись то ж будет делать, конец оного, уколов поднятое плечо, привел его в чувство. Напоследок, желая видеть своими очами все движения во время произношения, становился пред зеркалом, которое живо обращение глаз, вид лица, действие рук и все его положение представляло.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что есть оратория? Как Амвросий Серебрянников различает термины *ретор* и *оратор*?
2. Что требуется, по мнению Амвросия, для обучения красноречию? Насколько он повторяет мысли Ломоносова?
3. Что такое тема и ее виды: риторическая и истолковательная, простая и сложенная?
4. Что подразумевает под *местами советовательными* Амвросий Серебрянников? Каким образом приискивается материал к местам советовательным?
5. Каковы доказательства благонравия и какие качества требуются от ритора (см. главу 6)?
6. Проанализируйте жанры и ситуации поздравительной речи, описываемые Амвросием Серебрянниковым. Насколько советы и рекомендации автора могут быть проецируемы на сегодняшнее общество?
7. Насколько композиция похвалы лиц у А. Серебрянникова соответствует классическому жанру биографии?

КАСТОРИЙ
НАДЕЖНЫЙ СПОСОБ
ДОСТИЧЬ СОВЕРШЕНСТВА
В КРАСНОРЕЧИИ
(1780)

Издание префекта Казанской семинарии игумена *Кастория* обнаружено в Музее книги РГБ и представляет типичное для того времени риторическое руководство, первоначально написанное на латинском языке. Его отличает стиль теплого обращения к «юношам» и педагогического объяснения с остроумными примерами, призванными запечатлеться в памяти слушателей. Три средства, которые Касторием предложены (живая речь, чтение и «выписка»), имеют и оригинальное педагогическое обоснование, например, «живое слово» учителя совершеннее всего «питает разум» ученика. Наконец, достаточно влиятельной (в поздней культуре, увы, отчасти потерянной) является мысль о том, что общество управляется не только «премудростию», но и «витийством».

Печатается по изданию: Надежный способ достигчь совершенства в красноречии и прочих свободных науках, переведенный с латинского языка Казанской семинарии префектом Раифской пустыни игуменом Касторием. Печатано при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском Корпусе иждивением Содержателя Типографии Х.Ф. Клеэна. — СПб., 1780 г. — С. 3—7, 57—59.

Я примечаю, юноши, что все ваше речение, весь труд и неусыпное ваше к учению прилежание к тому единственно клонится, дабы чрез сии, в которых вы ревностно и усердно упражняетесь, благородные науки, совершенное получить со временем в красноречии искусство яко в верховнейшем знании. <...>

Три средства только соблюдаемы прилежно не только велеречивым и витиеватым, но и во всех науках преискусным могут учинить, из коих первое и самонужное есть внимание, второе чтение, третье писание, или выписка. Сие тройственное число

совершенство и некако божественность в себе заключает. Ибо ничего не можно писать о том, что чрез слух или чтение не приобретено, ниже к приобретению учености и красноречия слышание и чтение довольно способствовать может без выписок. <...>

Чувство слышания (о чем мы, во-первых, говорить будем) на тот конец нам это естества дано, как славнейшие утверждают мужи, дабы чрез благородные и способные науки, которые мы слухом перенимаем, получить себе великое знание. Из всех чувств один слух к просвещению разума и к проницанию во многия вещи особенно служит, чем самим бываем, что и самые безглазые, как Аристотель в книге о чувствах пишет, и от самого рождения будучи слепые, разумнейшими быть могут, нежели те, которые глухими и немыми родились. Ибо слух гораздо более нам к премудрости и знанию вспомошествоует, нежели видение, а сие оттуда можно познать, что хотя бы мы во учении и успели, однако всякая вещь яснейшею и известнейшею бывает чрез слух, нежели чрез чтение. Ибо не без причины *столь* превозносили древние живое слово, потому что сама речь учащего наук и искусств аки душа. Хотя довольно примеров к подражанию и из чтения, по мнению Фабиеву, почерпнуть можно, но живая оня (так! — *А.В.*), как называют речь, а наипаче учительская, более и совершеннее питает разум. Хотя бы ты чрез чтение что ни есть и понял, однако глубже вселяется в понятие то, что чрез произношение, чрез сановитость, чрез телодвижение говорящий представляет. Что самое великий оный православия нашего поборник Иероним сими словами подтверждает: не знаю, какое скрытое действие в себе имеет живое слово и в слух ученика устами учителя произнесенное тверже разит. <...>

Но что ты представляешь, что законами и премудростию управляемо бывает общество, а не купно и витийством? То, с позволения твоего сказать, что не весма ты остро и правильно от тех вещей отделяешь витийство, которые (как и тебе неизвестно) без него никоим образом быть не могут. Ибо кого ты почтешь первым законодателем к благосостоянию гражданства и кто обуздал народ непрекословно повиноваться законам? Не бессмысленный ли кто ни есть и нимало не одарен красноречием? Но как же столь удобно согласовать тому, который, по своему невежеству, не может представить ни одной причины: почему суть добрыми законы? или самовольно не просвещенный народ и жаждущий вольности, законам, яко ярму, преклонил выю свою? Мне

кажется, вероятнее, что то был красноречивейший человек, который, доказав, для чего лучше жить купно и иметь хорошие законы, наикраснейшею речью склонил сердца народные и своей воле заставил повиноваться.

А когда во общежительство собрались, то поистине красноречием, как и законами, управляемы быть стали. Ибо когда разумных мужей слышат проповедующих правду, то, убежденные будучи их красноречием, на все полезное за благо почитают. И по сему, ежели бы не было витийства, то бы никаких законов (уповательно) не имели, притом от премудрости, яко член от тела, не должно отделять красноречие: оно есть часть премудрости.

Итак, ежели до благоразумного надлежит пленяться науками, то для чего ж кажется тебе, что не до благоразумного надлежит учиться витийству, которое всех наук сиянием есть и украшением? Но сколь бы способнее градодержатели отвращать могли граждан своих от порока и склонять к люблению добродетели, ежели бы с премудростию соединяли красноречие! Что сказать о проповедниках Христовых, которым столько же нужно красноречие, как и знание Божественного Писания? Не видим ли мы, что ежечасно и самые премудрые богословы, но в витийстве не искусные, столь неприятно проповедают, что при всем своем многоглагольствию, нимало не возбуждают слушателей; почти время в пустых и напоминания недостойных запросах с велегласием теряют? Какая народу польза от того, что Скотус и его последователи вымышляли? что самое слыша люди не только не наималейше не воспламеняются ко благочестию, но и совсем холодными делаются к вещам божественным? И потому сколько бы полезно было поле священной науки все свои силы употреблять в витийстве и, оставив вовсе мудрование диалектическое, в коем, аки в сиренских островах, жизнь свою оканчивают, такое чрез труд приобрести красноречие, чрез которое можно преобразовать, склонять, привлекать и восхищать человеческие нравы к наблюдению честности, а мерские пороки отрицать, опровергать, истреблять, искоренять! Повинным будущее их наказание предлагать, пред очи их угрозами в страх приводить, жилище преисподних отверзать, терзание, мучение и казнь за злодейство живо представлять. А добродетель, яко достойно и праведно, до небес превозносить, ее воздаяние, красоту, бессмертие, славу и блаженство так на словах изображать, дабы слушатели чудным образом к ней воспламенялись. Болезновали о ней, страшились, надеялись, о на-

прасно утраченном времени сожалели, а впредь, погасивши пламень страстей, все свое стремление ко единой бы возымели добродетели. Что все, ежели кто наиприлежнейше исполнять будет, то какую ревность возбудит к честности! какой удивительной любви огонь внутри смертных возжет к добродетели! коль удобно пороки, яко дым, исчезнут! Чистейший жар воспламенится к добродетели!

Но времени мне не достанет, ежели все плоды витийства изъяснить. Видишь уповательно, ежели видеть хочешь, колико полезно есть витийство. Но меня короткость времени (ибо уже смеркает-ся) заставляет умолчать...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие три средства (способа) называет Касторий для того, чтобы стать искусным в науках, в том числе в витийстве (красноречии)? Насколько прав Касторий?
2. Какое значение придает Касторий «живому слову» и как он обосновывает значение «живой речи» для обучения?
3. Какова роль красноречия в построении общества («гражданства»? Как красноречие (витийство) соединяется с законами и премудростью?
4. Справедливо ли Касторий критикует богословов и диалектиков (логиков), не владеющих красноречием? В чем состоит назначение красноречия для проповедников?

ДЕТСКАЯ РИТОРИКА, ИЛИ БЛАГОРАЗУМНЫЙ ВИТЯ (1787)

Автор этого сочинения не установлен, хотя начинается оно «одобрением» профессора красноречия и цензора А. Барсова. По-видимому, это самый краткий из имеющихся учебников. Несмотря на традиционное содержание самой науки риторики, оно представляет интерес по основным определениям, своеобразным примерам и способу выражаться, которые неизвестный автор использовал, желая объяснить риторiku «юношеству». Очевидно, что автор сознательно действует по

совету М.В. Ломоносова, «удовольствуя» свое сочинение «примерами». Ясные определения и выразительные примеры делают «Детскую риторику» образцом учебной книги. Для публикации избраны: определение риторики, «свойства речи» (под ними автор понимает 5 традиционных частей риторики), фигуры риторические (перечисление и несколько «самонужнейших»).

Печатается по изданию: Детская риторика, или благородный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная. — М., в Унив. типографии у Н. Новикова, 1787.

Определение риторики

Риторика есть наука красно говорить обо всем без изъятия. Все прочие знания имеют для себя предмет ограниченный, но сия ограничивается пределами токмо единого естества, и всякая вещь надлежит к ея области. Она, говорит Цицерон в сочинении о сей материи, до нас дошедшем, есть пространное поле, в котором оратор может простираться и, в какую бы он сторону ни зашел, везде находится в собственном своем владении. Самые даже низкие предметы могут столько же его дарования прославить, как и высокие. Гомер описал войну мышей с лягушками столько важно, как и войну троян с греками. Вергилий не менее прославил себя сочинением своим о комаре, как и свою Энеиду. Овидий оставил нам портрет блохи столь же великолепный, как и своих богов. Словом сказать, искусный оратор может так же хорошо распространить свою речь об одних волосах какой-нибудь красавицы как, и о всем ее лице. <...>

Свойства речи

Оных находится 5, и суть следующее:

- 1) изобретение (в книге ошибочно: изображение. — *А.В.*),
- 2) расположение,
- 3) украшение,
- 4) память,
- 5) произношение.

Первое свойство состоит в том, чтоб выдумать то, о чем говорить надобно.

Второе — чтоб изобретенное искусно расположить.
Третье — чтоб изобразить чистым и красивым слогом.
Четвертое — выучить наизусть.
Пятое — сказать или произнести с приятностию.

О изобретении

Оное состоит в том, чтоб найти материю и выдумать доводы, способные к доказательству того, о чем говорить должно. Надобно рассуждать о вещи прежде, нежели думать о словах, а иначе делать, то будет то же, что и подражать такому живописцу, который бы прикладывал свои цветы на полотне, не вообразивши наперед того, что писать хочет. Когда оратор один хорошенько представит себе план своей речи, то слова родятся в великом множестве и избытии. Как говорит Боало по подобию Горация:

Когда материю хорошую найдешь,
То к оной и слава удобно приберешь.

Тогда наши сочинения или плоды будут настоящими нашими детьми, а иначе, ежели можно так сказать, какими ни есть выкидышами, кои на свет родятся уродами, искривленными или горбатыми.

О расположении

Что пользы будет оратору в наилучших доказательствах, ежели не будет знать искусно употребить оные в дело? Он походить будет на такого архитектора, который бы вытесал камни для строения чрезвычайно хорошо, но не умел бы их поставить на свое место. Чтоб связать пучок, приятный взору, недовольно набрать цветов разного рода, но надобно их расположить с тою приятною пестротой, которая производит все прелестные тени, которая заимствует свою красоту более от искусства, нежели от естества. Сие подало причину сказать одному из наших великих стихотворцев:

В расположении вся сила состоит:
Приятства, красоты и вкус оно родит.

Поэт, как из сего видно, говорит здесь о пучке цветов. И так я о сем дам знать любящим уборы.

О украшении или выговоре

Оное состоит в чистоте и собственности слов, которыми должно изобразить то, что изобретено и расположено. Изобрести и расположить может всякий благоразумный человек, а украсить только один оратор. Как слова не имеют в себе ничего твердого и основательного, ежели не будут иметь хороших мыслей, так и мысли будут без всякой приятности слуху, ежели будут плохо выражены. Итак, должно приучать себя заблаговременно говорить с такою нежностью и красотой слога, которая придает столь хороший вид и самым малым вещам и которая в нынешнее время толь в великой чести, что оную почитают нужною и в таких вещах, в которых истина должна быть обнажена и неукрашена.

Итак, должно знать, что язык ораторов был совершенно вычищен и выправлен, чтоб его периоды были круглы так, что не можно бы от них отнять разве нужное, ниже прибавить разве лишнее.

О памяти

По изобретении, расположении и по сочинении ораторской речи прекрасным слогом нужно еще оную выучить наизусть. А сего не можно учинить без пособия памяти, наукою приобретенной, которую Квинтилиан в наставлениях ораторских называет хранилищем сокровищ душевных, тем более превосходнейшим, что она тщательно бережет все, что ни вверяется и в потребном случае оным снабжает.

Память есть двоякого рода: одна природная, и другая наукою приобретенная. Первая дается от природы, но наука оную может приводить в совершенство. Ее-то помощью Митридат знал 22 различных языка, а Оттон всех своих солдат умел назвать по имени. Вторая, то есть приобретенная наукою, состоит в памятовании известных мест, кои суть как некоторые тени предметов, о которых должно помнить; почему ее и называют местною. Все люди имеют нужду в сей искусственной памяти, по крайней мере, когда кто из них столько беспамятлив, как тот человек, который, едучи в Париж и долженствующий жениться в Туре, записал для памяти своей в карманной книжке: записка о том, чтобы мне жениться по приезде в Тур.

О сказывании или произношении

Оное есть подлинно из всех наиважнейших качеств слова и состоит в произношении и телодвижении, что, говоря собственно, есть душою слова. Без оного, четыре прочие свойства суть ничто. И потому-то Квинтилиан назвал Сократа превосходнейшим сочинителем, но жалким произносителем; да можно то же сказать и о славном французском Бурдалу, который писал столь прекрасные проповеди и который так худо оные говорил, что принужденным находил себя заставлять оные проповедать; в то же время в иной церкви другого езуита, весьма искусного в произношении и который в восторг приводил все свое собрание — так, что сам отец Бурдалу говаривал, что мошенники, слушая проповеди его товарища, отдавали назад людям кошельки, которые они обрезывали за проповедями его. Сия часть казалася толь великой важности первому римскому оратору, что он за нужное сам почел учиться у славного комедианта в свое время, ему приятеля, человека ученого — Росция.

Подлинно великая есть наука переменять голос. Ничто так не скучно, как сия единообразность голоса, всегда на одном тоне не подвижная, которую можно правильно назвать самым главным лекарством от бессонниц наисильнейшим. Но, от другой стороны, надобно избегать произношения слишком громкого и тонкого: и то, и другое равномерно худое. Примером в том может служить оный проповедник, который, сказывая недавно о милосердии и думая возбудить к оному своих слушателей, говорил столь тихо, что никто его не слышал, и не токмо чрез то не тронул сердец, но даже и ушей. На что один шутливый человек сказал, что сей человек был отменен в том, что о такой известной материи он говорил вещи неслыханные, кои им рассказывал руками, а они слушали глазами. Соображаяся с обстоятельствами речи, оратор должен возвышать или опускать голос, смотря на то, в какой степени страсти его речи находятся. Ударение голоса весьма важно, ибо одна и та же вещь, выговоренная различными тонами, имеет часто различное значение, напр., когда Спаситель наш ходил по водам и как ученики, объята будучи страхом, почли его за призрак (так! — *А.В.*), то Он уверил о себе, сказав им с простотою: Аз есмь. Но когда сии же самые слова сказал с грозным видом иудеям, искавшим его в вертограде, то вдруг поразил их страхом и поверг всех на землю. Что касается до телодвижения,

то оно должно быть сходственно с рассудком, чтоб приличествовало материи. Но не должно быть оно очень или редко или часто и совсем некстати. Есть ораторы такие телодвижники, что их почесть легко можно за трясущихся от судороги, каков был Курион; ибо как в одно время, слушавши его слово, один человек, весьма забавный, который был в параличе, сказал, что, по счастью, ежели бы он не стоял близко возле места, с которого Курион сказал, то бы некому смахивать мух от него было и они бы его искушали. <...>

О фигурах риторических

Фигур риторических есть очень великое число, из коих некоторое ныне больше не в употреблении, кроме как у иезуитов, кои всегда последние покидают худые привычки. Главные и употребительные суть следующие:

Метафора, троп, этопея, метонимия, гипербола, ирония; заимословие, сомнение, обращение, прохождение, изображение, повторение, противоположение, прехождение, восклицание, желание и, наконец, распространение. Но я здесь буду говорить о самонужнейших.

О гиперболе

Сия фигура состоит в чрезмерном возвышении, которое увеличивает или умаляет вещи и представляет оные или гораздо меньшими или гораздо большими, нежели чем они в сущности находятся, — точно так, как сии выдуманнные зрительные трубы, кои представляют предметы сверх их величины или малости естественной. Она служит великим вспоможением оратору, когда общие выражения очень слабы, напр., не могу и подумать, чтоб живописец лучше написал старость рощи, как в следующих 4 стихах описана:

О сколь блажен, что зрю сии леса священные!
Которы времени началу современны;
Они досель еще хранят тот самый цвет,
Кой был на них тогда, как созидался свет.

Вот истинное изображение гиперболы. Но ежели гипербола может превосходить вероятие, то не должна она никогда доходить до смешного. Я приведу на сие одно доказательство. Можно ли,

например, вообразить что ни есть смешнее, как оное описание, сделанное одним петиметром любовнице? Она, по его словам, столь прекрасна, что Венера и Елена заслужили не больше, как быть горничными ее служанками; что один ее волос есть довольно великой цены выкупить плененного короля; что глаза ее столь блистали таким светом, что за весьма бы отважного того должно почесть, кто бы к ней подошел без закрывала; и, наконец, ее руки столь были прелестны, что быть оными удулену можно почесть за великое счастье. <...>

О иронии

Сия фигура употребляется тогда, когда, говоря о какой вещи, дают знать другую и совсем оной противную. Оная зависит столь же от ударений голоса, как и от значения слов. Сия-то фигура есть та, которая прямо в глаза бранит людей похвалою и хвалит их ругательством. Как мед, растворенный ядом, услаждая, вредит и, вредя, услаждает. Словом, она насмехается людям теми же словами, коими делает им похвалу, напр., Цицерон говорил об Августе: *Подлинно удивления достойного Октавия должно возвысить*; что может значить то, что он был удивления достоин и что надобно его возвысить более; но Цицерон чрез сие не разумел, что должно было его возвести на высокие чести, но чтоб поднять на виселицу. <...>

О уподоблении

Сия фигура не что иное есть, как соотношение двух вещей или двух лиц между собою и почитается наилучшая в риторике. Она не токмо изображает в душе чрез точное подобие истины самые отвлеченные, но об оных дает еще наибольшее понятие. Например, Мальгреб сказал по примеру Горация:

Марс так, как Купидон, и он в трудах своих,
Старается иметь молодых людей одних.

Но надобно делать таким образом, чтоб сравнение взято было от вещи важной и никак не подражать Гомеру, который, сколь ни славен, уподоблял Агамемнона одной корове, потому что он походил на нее цветом. Это все равно, как ежели бы уподобить одного Кардина вареному раку в том, что они оба красные. <...>

О принорвлении

Употребление сей фигуры состоит в том, чтоб одно слово или два подобные положить в разном стиле. Нет ничего увеселительнее сей фигуры в шутках. Так, например, Цицерон, увидев Марка Антония, который распахнувши или открывши свою робу, говорил к народу всевозможную хитростию, сказал ему тогда: «Никогда и никто не говорил так открытно, как вы...» <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Насколько своеобразно определение риторики в «Детской риторике» 1787 года?
2. В «Детской риторике», конечно, встречаются устаревшие слова, которые придают учебнику известный колорит. Догадались ли вы о значении следующих слов и выражений (если нет, обратитесь к тексту и постарайтесь понять из контекста, о чем идет речь):
 - *найти материю* (глава об изобретении)
 - *живописец* (глава о расположении)
 - *пучок цветов* (глава о расположении)
 - *естество* (глава о расположении)
 - *зрительные трубы* (глава о гиперболе)
 - *роба* (глава о принорвлении)
3. Прокомментируйте авторское суждение о соотношении мысли и слова (в главе о украшении или выговоре):

Слова не имеют ничего твердого и основательного, ежели не будут иметь хороших мыслей; так и мысли будут без всякой приятности слуху, ежели будут плохо выражены.
4. Что такое *память природная и приобретенная* в объяснении автора учебника?
5. Какие недостатки в произношении выделяет автор учебника? Выведите из них рекомендации к произношению и телодвижению.
6. Какое мнение сложилось у вас о шутках в учебнике? Насколько они остроумны? Например, вот эта: «...Есть ораторы такие телодвижники, что их легко почесть можно за трясущихся от судороги...» — прочитайте и прокомментируйте дальнейший отзыв об этом ораторе в главе «О сказывании или произношении». Напишите словарную статью в «Словарь XVIII века» о слове *телодвижник*.
7. Как автор показывает удачное и неудачное использование фигур речи? Перескажите примеры, используемые в гиперболах, иронии, уподоблении.

РЕЧИ И СОЧИНЕНИЯ СТУДЕНТОВ КЛАССА РИТОРИКИ (1789—1792)

В сущности, неизученной остается практика риторического обучения. Между тем она может показать, как формировался писатель и оратор, мыслящий и говорящий человек XVIII века. Отделы рукописей российских библиотек хранят сборники учебных сочинений — ораций, проповедей, кантов и стихов, которые говорились не только по торжественным случаям (например, по случаю приезда важной особы или окончания учебного года), но и с целью учебной тренировки. Речи писались и произносились как по-латыни, так и по-русски — так, студенческие речи из публикуемого сборника Московской Духовной Академии по преимуществу написаны на латинском языке и лишь две из них переведены. Тематика речей — самая разнообразная, но в основном разбираются вопросы нравственности и «наук»: О приятности учения; О священном богословии; О похвалах богословию; В похвалу философии; «Показатель духа есть речь...»; О добродетели; О разуме и чувствах; О производящей причине мира; «Надо ли проявлять снисхождение к порокам человеческим или суровость?», «Должны ли и можем ли мы получить знание о сущности божества?», «Можем ли мы быть добродетельными и вследствие этого достойными божественной милости?»; О пользе учения истории; Об опоре философа; Побеждает ли труд праздность; «О том, не подавляют ли юность словесные науки» и т.д.

Ниже публикуются две речи: Михаила Нехотенова «О необходимости сочетать изучение красноречия с изучением философии» и Стефана Козловского «О необходимости чтения книг».

Публикация осуществляется по сборнику: РГБ, ф. 178 — III, № 23, л. 208—211 об.; 232—238 об. Текст дан в современной графике с сохранением орфографических особенностей оригинала.

**УЧЕНИЕ ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ДОЛЖНО СОЕДИНЯТЬ
С УЧЕНИЕМ КРАСНОРЕЧИЯ**

Вступив в преддверие нового учения, за долг свой почитаю, во-первых, воздать Господу Богу благодарение яко сподобившему нас благополучно течение науки красноречия окончавших, начать последовательно полезнейшее философическое учение; потом засвидетельствовать свой благодарный дух усердным о нас попечителям, споспешникам наших успехов и праведным всех трудов наградителям. А вы, юноши! удостоившаяся получить высший степень, то есть заступить такое место, где вашему слуху знание философии имеет быть преподаваемо, соединив с моими ваши мысли и уста, благодарите купно виновников сего нашего благополучия, котораго есть ли бы мы навсегда были лишены, то бы никакой не обрели себе пользы от изучения одних правил красноречия, хотя бы во оной науки многия лети потратили. Ибо кажется мне, что я вижу благоразумнейших сего нашего училища основателей тако к нам гласящих: Учрежденныя здесь науки должны в течение свое иметь по такому положению и порядку, дабы учащееся юношество от нижших классов к вышшим постепенно восходило и потому, увы, питомцы красноречия, не воображайте в мыслях своих, будто бы возможно быть вам хорошими витиями, хотя и не будете слышателями философии. Никто хорошо не витийствует, есть ли потом не будет философствовать. Сей их глас, кажется, возбудил меня, дабы я предложил, сколь нужно есть философическое учение соединять с учением красноречия.

А вас, почтенныя сл(ушатели), извинить мое недоумение и благосклонным вашим выслушанием споспешествовать, есть ли мое слово будет слабо и недостаточно. Причем, уверяю вас, что я буду говорить не с тем, чтобы научить других, чтоб чрез сие самому научиться.

Всякому небезызвестно, что достохвалное философическое учение есть основанием всех наук и источник всех тех благ, которые церкви, обществу и каждому человеку пользу приносят, находятся подлинно такая, по мнению коих можно без помествования философии хорошо во всяком роде наук успеть; но сии умствования весьма погрешают неоспоримо, что находятся и не философами из богословов, юрисконсилтов и медиков; но нико-

го из таких не сыщем совершенно, дабы он мог благополучныи показать успехи без помощи философических правил. Ибо кто не знает, что тогда только церковь насаждается блаженным спокойствием, естли либо философы будут упражняться в богословском учении, либо упражняющиеся в оном станут стараться о познании философии. Есть ли бы также юрисконсилты были прямыми философами, всегда бы были благонамеренными судиями и истинна с правосудием во всяком бы месте царствовали. Подобным образом и медицина без философии ослабевает. Что мир без солнца, государство без государя, общество без философии. Как девять муз некоторым как бы супружества союзом между собою столь тесно совокуплены, что никаким образом оного союза расторгнуть не можно, равно и все науки между собою имеют такое неразрывное соединение, что одна без другой едва ли быть может. Все науки, говорит Цицерон, касающиеся до просвещения человека связаны суть некоторым как бы родства союзом. Граматика всем вспомоществует, логика управляет наукою красноречия, а сия наука служит украшением логики, философия же обоих подкрепляет к обогащению, да и никакое почти во всех науках упражнение не может само собою без помощи другой быть действительно — все сцеплено наподобие Гомеровой (Голяповой?) цепи, у которой кольца между собою так скованы, что естли за одно тронуть, то и все последуют, естли одно кольцо отнять, тогда и вся цепь разрывается. Сие разсуждая, кто может быть столь безразсудным, которой бы науку красноречия исключил из сообщества, бо философическим учением что не скажет, что как красноречие, так и философия между собою суть единомудушны и друг другу взаимную услужливостью соответствуют? Кто, наконец, не подтвердит, что учащийся красноречию должен учиться и философским правилам, понеже все, как ни находятся в натуре, вещи подлежат философии, то каким образом непросвещенный сим превосходным познанием может быть совершенно искусным оратором, которой о всякой вещи говорить долженствует?

Естли обстоятельнее вникнуть в природу и свойство красноречия, увидим подлинно, сколь есть важна сама по себе сия наука. Достоинство ея явствует из того, что она сама собою удивительное в людях производит удовольствие, упражняется в описании всяких действий и есть многомошна и величественна, так что с рукоплесканием иногда приемлется и всегда знатных почестей удостоивается. Ибо может ли быть что приятнее и удоволь-

ственное, как мысли человеческие приводить в восторг и восхищение, а сие действие приписывается единственно красноречию. Естли из вещей, кои оратор имеет своим предметом, разсудить о превосходстве науки красноречия и довольно описать не можно, ибо она важнейшия дела в судах и сенате, в чертогах царских и божественных храмах отравляет, изследывает и оуждает пороки, восхваляет достоинство добродетелей, описывает удобопревертность счастья и о многоразличных вещей переменах слышателям и читателям внушает, предлагает о божественных вещах, возвещает хвалы и законы обнародывает. Кратко сказать, всего, что ни есть в натуре вещей, бывает материею науки красноречия, ибо она столь пространна, что всю природу вещей в своих пределах вмещает, однако ж все вышепомянутая ея достоинства и преимущества производят и заимствуются по большей части от философии. Ибо философия все причины и начало всех вещей испытывает, самая сокровенныя таинства их открывает, а красноречие оныя, в лучшей и благопристойной порядок приведши, в великолепных словах слышателям представляет. Философия всему делает определения, а красноречие подробно то описывает; философия разсуждает о свойствах существ, доказывает бытие Божие и высочайшия его совершенства и внушает, что служит к просвещению нашего разума, к исправлению нравов и воли и ко укрощению страстей, и красноречие все сие в слове своем располагает по приличию отменными и слух наш услаждающи изречениями украшает. Отсюда удобно заключить можно, что как философия без красноречия, так и красноречие без философии не столь бывает действительно, но обе сии науки вместе соединять должно.

Оценка учителя: «melius facere potuisses, si voluisses» (мог бы лучше сделать, если бы захотел) — ср. фамилию ученика, записанную после этой же речи по-латыни на л. 207 об.: Michael Nechotenow (Михаил Нехотенов).

СТЕПАН КОЗЛОВСКИЙ

О НЕОБХОДИМОСТИ ЧТЕНИЯ КНИГ

Любопытные мужи, возымев старание о науках, начали в оных помалу упражняться и, увидев проницательным оком, что они немалою пользою могут служить человеку в жизни, старались их распространить и умножить. И для того представляя некоторым

выгоды, заохочивали к продолжению оных и оставляли их своими последователями и преемниками, дабы не самим только наслаждаться приятною доброю оных, но чтобы и других сделать причастными их сладости. И таким образом, когда науки распространились и многие сделались испытателями оных, то видя, что их плодами пользуются только те, которые живут с ними в те же времена и в тех же местах, заблагорассудили сочинения свои напечатывать в книги и издавать в свет, дабы за многия тысящи от них живущие и гораздо в позднейшие времена жить имеющие, употребляли их труды в свою пользу, что и справедливо. Ибо видим многих ученейших мужей полезныя сочинения до наших времен дошедшия, которых число и ныне не уменьшается, но усугубляется. Сие еще не требует другаго доказательства, поелику в день огня не надобно. Из чего видно, что книги пишутся с тем, чтобы их издавать в свет. Для того в сем кратком моем слове предложить вознамерился, что надобно ли читать или нет? И прежде рассуждения о сей материи, во-первых, вас прошу, п. с. (почтеннейшие слушатели. — *А.В.*), речь мою, какова она ни есть, выслушать с надлежащим вниманием. Неможно сказать, слушатели, чтобы нам не надобно было читать разных авкторов сочинения, ибо мы их оных почерпаем превеликую пользу, которую ниже покажу и доказывать буду.

Довольно известно, что мы, читая различные книги о многих вещах получаем тончайшее знание в краткое время, да притом сходное с натурою оных, которыя бы ясно познать стараясь, не таким образом поняли, каким надобно, но может быть бы ошиблись, употребив на то премного времени. Да и несомнительно, что более могут видеть многие, нежели один. Мы, читая различные сочинения, не только познаем натуру некоторых вещей, но научаемся по подобию оных подробно рассуждать об них, и находить причины, а что нас научает рассуждать о вещах подробно, то просвещает наш разум, а как чтение различных книг научает нас подробно рассуждать в вещах, следовательно, просвещает разум, а когда просвещает разум, то книги читать надобно; и что тот может о вещах рассуждать подробно, кто чтение книг не пренебрегает.

По предложении же сего доказательства встречается другое, которое пользу чтения представляет. Оно есть следующее: что всякой для того должен прилежать к чтению ученых мужей сочинений, поелику мы не все имеем равныя от природы данныя даро-

вания, но многих она таковыми одарила, чрез которых они удобнее и основательнее об всем разсуждать могут, нежели мы, то видно, что мы не столь хорошо разсуждаем, сколько другие, то оной недостаток ничем другим дополнить не можем, как следуя тому, что нас острою гораздо превосходит. Да еще и сего недовольно ко подтверждению, а есть другие причины, которых здесь предложить не пристойно.

Нам, упражняющимся в чтении авкторов, часто попадаетея то, чего мы во всю свою жизнь не достигли, и не столько бы не имели об нем яснаго понятия, но ниже бы названия онаго знали для того, что мы всех вещей знать, а наипаче чрез самих себя не можем, а хотя бы и не было пользы для нас в чтении, но однако и любопытство бы только одно нас к сему склоняло. То есть хотя не для того, чтобы получить какую пользу, но для того, кто о чем как думает и сходно ли с нашим мнением или нет. <...>

При сем упомянуть надобно, что книги читать должно сочиненные мужами учеными и от прочих ученых одобренные. Напротив того, бесполезно чтение тех, кои читают книги маловажные и ничего отменнаго не заключающие. Вредно чтение тех, которые читают книги для одного увеселения писанные, ибо первые теряют напрасно время, а другие развращаются. Когда же мы будем читать книги выше сего одобренные с тем намерением, чтобы оные когда-либо было нам полезно, то следующее при чтении наблюдать надобно: когда читаешь какую книгу, то тот язык знай основательно, на котором она писана, ибо от незнания онаго понимать будет трудно. Не будь никакими занят страстями, поелику они отнимают внимание, а без внимания чтение есть ничто. Читай не торопясь, но с рассуждением, поелику читать без разсуждения то же есть, что решетом черпать воду. Того, чье читаешь сочинение, не должен ни чрезвычайно любить, не ненавидеть, понеже любовь делает то, что мы не то будешь почитать за справедливое, хотя будет нечто и ложное, а ненависть — то, что и справедливое будешь презирать и почитать ложным, которое и то, и другое в чтении оставлять должно.

Итак, поч. сл. довольно ясны причины, для которых надобно столько прилежать ко чтению книг, сколько сможем. Ибо выше доказано, какия оно содержит для читающих выгоды. Для (того) постараемся и мы читать ученых сочинения, употребив к тому те способы и принадлежности, которых выше показаны, дабы и нам приобрести такую же пользу, какую многие их онаго почерпали и

почерпают, дабы чрез сие сделаться и нам такими, которых читают книги — и им подражать всегда обязаны.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие темы и приемы использует Михаил Нехотенов, чтобы построить вступление в речь?
2. Как соотносится философия с другими науками?
3. Каково действие красноречия на разные сферы жизни общества и как оно соотносится с философией? Сравните рассуждения Михаила Нехотенова со взглядами Цицерона, пишущего в трактате «Об ораторе» о связи риторики, красноречия и философии.
4. Как получил свою фамилию ученик Нехотенов? Как вы думаете, почему учитель записал критическую оценку речи Нехотенова?
5. Как объясняет Стефан Козловский возникновение наук и действие чтения книг? Какие доказательства чтения книг представляет автор?
6. Прочитайте внимательно советы, которые дает студент Стефан Козловский относительно того, какие книги и как необходимо читать. Согласны ли вы с ним?

Н.Я. ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ

РЕЧЬ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ШЛЯХЕТНЫЙ КОРПУС ОБУЧАТЬ КРАСНОРЕЧИЮ (1791)

Николай Яковлевич *Озерецковский* (1750—1827) — доктор медицины, академик Императорской академии наук, писатель. Основными занятиями Озерецковского были естественные науки, многочисленные путешествия, которые он предпринимал, изучая природу и животный мир России. Добившись еще в молодости необыкновенных успехов в естественных науках, он отправился в Германию учиться, где написал диссертацию на степень доктора медицины. Вернувшись в Россию, по поручению Академии наук путешествовал по Ладожскому и Онежскому озерам для физичес-

ких наблюдений (1786 г.), позднее путешествовал по верховьям Волги и по озеру Селигер. «Я путешествовал много лет по разным странам и государствам, чтобы чему-нибудь научиться», — писал Озерецковский.

Озерецковский выступал с публичными лекциями по зоологии, амфибиологии и энтомологии и, по свидетельству Н.И. Греча и других современников, читал их умно, ясно и увлекательно. Как литератор, он писал стихи и прозаические статьи, принимал на себя составление учебника по словесности, был после смерти Княжнина (чей, кстати, рукописный курс риторики хранится в РНБ) преподавателем словесности в Сухопутном Шляхетном корпусе и, между прочим, преподавал русский язык и словесность великой княжне Марии Павловне.

Интересуясь делом народного образования, посещал во время путешествий школы и другие учебные заведения, много писал о них. Назначенный членом Комиссии об училищах, Озерецковский принимал участие в выработке уставов Академии наук, университетов, гимназий и училищ; в университетском уставе ему принадлежит глава «О управлении внутреннем университете и о всем том, что до его благоустройства принадлежит».

Публикуемый ниже фрагмент из речи Озерецковского при вступлении в Шляхетный корпус обучать красноречию любопытен не только замечанием о необходимости людям «важнейших знаний» «знать важность, силу и красоту Российского слова», но и указанием на три способа овладеть красноречием. Печатается по изданию: Речь господина надворного советника и академика Озерецковского при вступлении его в Императорский Шляхетный Сухопутный Кадетский корпус обучать красноречию февраля 3 дня 1791 года. — СПб., печатано при оном же корпусе. — 7 с.

<...> Его сиятельству угодно было избрать меня для вас путе­водителем в Российском слове; я за великую почитаю себе честь, что должность сия мне поверена и ежели при малом моем просвещении есть во мне какие-нибудь способности, которые приобрел

я долговременным в науках упражнениями и многолетними по России странствованиями, то они не суть еще такие отличности, которых бы и другие многие в себе не имели. Мне осталось недостатки мои вознаградить одними только трудами, а за удостоверение меня в сию должность возблагодарить рачительным оной исполнением.

Я ласкаю себя надеждою, что и вы, государи мои, стараниям и усердию моему соответствовать будете своим прилежанием; сего требует от вас собственная ваша польза: вы — благородные россияне, и для России, вашего отечества, воспитываетесь здесь щедротами Всемилостивейшей нашей государыни; вы готовитесь к важнейшим званиям, которые со временем в государстве нести будете; вам необходимо нужно будет знать важность, силу и красоту Российского слова, вам непременно надобно будет приобрести способность свободно, ясно и красиво изображать свои мысли на природном своем языке. Надобность сего восчувствуете вы во всяком звании, какое бы вы по окончании воспитания принять на себя ни пожелали, и тогда сами будете довольны нынешним вашим прилежанием, естли только устремите оное на изощрение ваших дарований упражнениями в сочинениях, на приобучение себя к переводам и на твердое познание правил красноречия, которые и труды ваши в сочинениях облегчат, и сочинениям вашим украшения подавать будут.

Таким образом, подлежат нам теперь упражнения троякого рода: в одни часы заниматься мы будем прохождением риторики, сопровождая оное чтением лучших российских сочинений и переводов; в другие часы, избрав себе предложение или тему, станем о ней рассуждать и делать какие-нибудь сочинения, смотря по успехам нашим в риторике; третьи часы в неделе определим для преложения иностранных книг на язык российский. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие аргументы использует Озерецковский, чтобы побудить к занятиям своих учеников?
2. Какие способы обучения и упражнения предлагает Озерецковский для овладения риторикой?

М.М. СПЕРАНСКИЙ
ПРАВИЛА ВЫСШЕГО КРАСНОРЕЧИЯ
(1792)

Михаил Михайлович *Сперанский* (1772—1839) — знаменитый государственный деятель, реформатор российского законодательства. Сын поповича, он окончил Владимирскую духовную семинарию, причем в списке учащихся класса риторики за 1784 г. возле его фамилии помечено: «добрého успеха», за 1785 г. — «понятен». Добившегося блестящих успехов выпускника семинарии в 1788 г. отправили в Санкт-Петербургскую семинарию для продолжения учебы. По окончании Михайле Сперанскому была предложена должность учителя математики, а три месяца спустя преподавание физики и красноречия. В 1795 г. в дополнение к должности учителя философии Сперанский назначен префектом семинарии.

Сперанский поступил в гражданскую службу в 1797 г. и за четыре года сделал блестящую карьеру, став в 1801 г. действительным статским советником. Сохранилось множество оценок деятельности М.М. Сперанского. «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли третий», — писал В.О. Ключевский. «Нет и не было у нас, в настоящем столетии, ни одного государственного человека, который бы заслонял собою Сперанского как преобразователя нашей администрации...» («Северная пчела», 1862 г.); «Действительно, Сперанский был совершенно исключительным явлением в нашей высшей администрации первой половины XIX в. Без особого преувеличения он может быть назван организатором бюрократии в России... Сперанский был своего рода Пушкиным для бюрократии; как великий поэт владел думами и чувствами поколений, так точно над развивавшимся бюрократизмом долго парил образ Сперанского», — писал М.С. Середонин в очерке «Граф М.М. Сперанский» (СПб., 1909).

В бытность преподавателем красноречия в Александро-Невской семинарии Сперанский написал трактат «Правила высшего красноречия» (1792 г.). Это — своеобразная речестилевая программа 21-летнего будущего преобразователя деловой жизни России. Сочинение отличают авторская наблюдательность, эрудиция, изысканность формы и выражения. Показателен сам отбор тем, записанный в плане сочинения. Представляем его целиком по авторскому оглавлению:

О красноречии вообще.

Вступление. Доказательства. О страстном слове. О природе страстей. Заключение.

О сочинении. О возрастах сочинения. О сочинении в его частях.

О изобретении.

О вкусе. Теория высокого. О стихиях высокого. О высоком в мыслях. О высоком в страстях.

О источниках высокого. Второй источник высокого, или сила воображения. Третье пособие высокого, или чтение.

О вкусе в красивом. О красивом в мыслях, или о тонкости и глубокости мыслей. О красивом в страстях, или о нежном. О вкусе в простом, или естественном. Усовершенствование вкуса. О чувствительности вкуса. О утончении, или нежности вкуса. О верности вкуса. О соразмерности начал вкуса.

О расположении слова.

О слоге. Теория слога. Общие свойства слога: 1. ясность; 2. разнообразие; 3. единство слога; 4. равенство слога с материю. Особенности свойства слога. Свойства слога высокого.

О произношении. О правилах произношения. О виде оратора вообще. О виде оратора в частях: о лице; о голосе; о выгоде; о движениях.

Печатается по изданию: *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. — СПб., 1844. С. 5—15, 18, 23—25, 37, 42, 61—65, 151, 153, 158—160, 173, 207—211, 213—214.

О КРАСНОРЕЧИИ ВООБЩЕ

Основание красноречия суть страсти. Сильное чувствование и живое воображение для оратора необходимы совершенно. И как сии дары зависят от природы, то, собственно говоря, ораторы столько же рождаются, как и пииты. В самом деле, примечено, что у самых грубых народов вырывались черты, достойные величайших ораторов. Поставьте дикого, рожденного с духом патриотизма и независимости, и снабженного сильным воображением, — поставьте его в такое же сопряжение обстоятельств, в каком стоял Демосфен, — растрогайте его страсти, и дайте свободно излиться его душе: вы увидите в нем мысли высокие, сильные, поражающие; язык его будет убедителен; страсти, коими сердце его исполнено, разольются в его речи; и образом почти механическим он даст своим слушателям тот же удар и сообщит то же движение, коим душа его потрясается. Все различие между им и Демосфеном состоять будет только в том, что его мысли будут без связи, без искусства, разсеяны, не выдержаны; его речь будет сильна, но отягчена повторениями, без гармонии, без пощады для уха; и, чтоб принять его впечатления, надобно или иметь столько терпения, чтоб забыть все его недостатки, или быть столько неразборчивым, чтоб их не приметить, т.е. надобно быть самому диким. Человек со вкусом тонким и нежным, привыкший от высокого переходить к высокому не чрез сей тернистый путь холодного и простого, но чрез цветы и красоты нежного рода, будет восхищаться с ним в местах истинно красноречивых; но по окончании всей речи он скажет, что дорого за них заплатил, ибо веден был к ним чрез места сухие и скучные. Итак, чтоб целая речь в ушах просвещенных имела свое действие, мало к сему бросить по местам искры чувства и силы; надобно сии места связать с другими, усилить мысли, поставить их в своем месте, поддержать выражение выражением и слово утвердить словом. И вот чему должно обучаться. Итак, места красноречивые вдыхает природа, т.е. надобно иметь сильное чувство, или, что то же, надобно иметь живое воображение и огненные страсти. Чтоб их произвесть, дать им образ, оправить их, — если можно так сказать, — есть действие науки.

После всех сих замечаний справедливо, кажется будет д'Аламбертом сказать, что красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий.

Первое последствие сего определение есть то, что, собственно говоря, обучать красноречию не можно, ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром; можно обучать — позвольте мне сие выражение, каким образом сии драгоценные камни, чистое порождение природы, очищать от их коры, умножать отделкою их сияние и вставлять их в таком месте, которое бы умножало их блеск. И вот то, что собственно называется *риторикою*.

Я разделяю риторику, или средство усилить красноречие, на три рода: на чтение правил, чтение образцов и собственное в сочинении упражнение. Правила риторики бывают двояки: одни суть рабские списки того хода, какой наилучшие ораторы в своих сочинениях наблюдали; другия суть отважные действия ума, дробящего собственные свои удовольствия и покоряющего упрямое и своевольное воображение своим выкладкам. Одни суть плод исторического примечания и работа памяти; другия суть произведения философического духа, ничего не допускающего без причины и хотящего лучше знать мало, но основательно в началах, нежели много, но смешанно в последствиях. Сей философический дух умеет так раздроблять, что никогда не прикасается к своему удовольствию; он не смешивает пределов и судит о вещи в собственной ей системе; не прилагает математических начал к чувству и не хочет заставить страсть умствовать. Он соглашается часто чувствовать, где не может изъяснить; но нигде не принудят его покориться предубеждению и верить, основываясь на едином только слове. Итак, есть в риторике своя метафизика — так, как в философии; она есть наука изъяснять из природы души те поражения, которые мы испытываем при слове; или она есть разрешение наших чувствий в сем роде на чувство удовольствие и досады. Она древним была известна и составляла часть их философии, называемую *эстетикою*, или познанием красивого. <...>

Надобно очень различать кафедру философскую от кафедры церковной: с одной говорят уму, с другой сердцу. Но говорить уму и говорить сердцу суть два случая очень между собою различные, различные по выбору самого предмета и по образу его представления. По выбору предмета: вы говорите о союзе души с телом; вы изъясняете мнения философов; весите причины и сомнения; решите и доказываете, наконец убеждаете. Но какие страсти вы здесь будете возбуждать, какие поставите изображения, какие

черты чувствия? Ваши примеры облегчат воображение, но воспалят ли его? Ваши подобия сделают вещь яснее, но оденут ли они слово ваше во всю его пышность, дадут ли ему все его великолепие? Ваш слог будет текуч и ясен, но где возьмете вы сию стремительность, увлекающую за вами все внимание ваших слушателей, сей вихрь уносящий их против воли? Наконец, вы просветите ум, но что скажете вы сердцу? Таким-то образом природа самого предмета часто запрещает нам совокуплять сии два рода красноречия.

Различный образ взирать на вещи поставляет второе между ними различие. Вы говорите о вечности: говоря как философ, вы будите дробить ее понятия, отсекая двоемыслие, устанавливать истинный ее смысл, сражаться с противомыслящими, утверждать свое мнение; вы дадите воображению чрез подобия и примеры, сколько можно, способ понять тонкость его; вы успеете и сделаете прекрасное, собственно так называемое *рассуждение*. И вот что дает вам метафизическая сторона вечности. Но вы обратитесь на нравственную и будете говорить как оратор-философ. Вы отнесете ее к человеку; вы найдете в ней великие понятия о нашем предустановлении; вы составите его картину, покажете ее несчастному, вы прольете в душу его утешение, ибо скажете: «ты будешь счастлив, — вот твоя судьба»; вы покажете незаконному и впустите в него сто фурий, ибо скажете: «трепещи, — вот предел твоих злодеяний!» Таким-то образом вы пройдете к сердцу, тронете начальную его пружину, и страсти примут свой ход: вы сделаете, собственно так называемое *слово*.

Самая даже нравственная сторона предмета может быть различна. — Я после предложу на сие пример. Сии два рода красноречия часто входят и часто не могут входить один в другой; часто мы проходим к сердцу через ум, а к уму через сердце. Это правда, говорить уму можно без посредства сердца, и есть случаи, в коих бы сие посредство было бы даже нелепо. Но самый трогательный предмет не может почти дать столько страстного, чтобы получить все действие от одного его, без посредства ума. Дело состоит в том, чтобы определить, которая их сих двух частей должна владычествовать в церковном слове?

Христианское учение можно разделить на два рода: на догматическое и нравственное. К первому относятся все истины Откровения, превышающие наш ум. Таковы суть: зачатие от Девы Бога, Его воплощение, Его Воскресение и пр. Сочинить проповедь о

каком-нибудь догмате есть собрать места Священного Писания, его утверждающие. Ибо что другое здесь можно сказать, как не доказать Писание Писанием? разум не смеет сюда внести святотатственного своего светильника. Но свесь сии места, собственно говоря, есть дело катехизиса, а не проповеди, а еще менее того дело красноречия. Под нравственным Христианским учением я разумею сии истины очищенной нравственности, которые проповедовал сошедший во Иудею вселенной Бог. Сии нравственные истины суть просты и известны всем. Итак, слушатель приходит в церковь с готовою истинною, но сия истинна в нем мертва — дело проповедника оживить ее. Слушатель может чувствовать ее, но не чувствует — дело проповедника заставить чувствовать ее. Ум его уже в ней уверен: требуется только перевести впечатление с ума его на воображение и сухое понятие перелить в чувствие. К сему надобно разогреть его, раздуть в нем страсти, надобно говорить его сердцу. <...>

Итак, нет почти сомнения, что главный предмет церковного слова, так как и красноречия, есть *тронуть сердце*, т.е. разрешить истину на чувствие удовольствия и досады. Я говорю: *главный*, а не *единственный*; и я немало не остерегаю, чтоб не должно было в нем также говорить и уму. Сие даже бывает и необходимо, ибо часто страсть начинается потрясением ума и оттуда переливается в сердце, яко единственное свое вместилище.

Выбор предмета и образ взирать на него суть два отличительные характера проповеди. В философской речи за предмет приемлется просветить истинною ум; в проповеди — тронуть его сердце. В первой главное дело — доказать; во второй — возбудить страсти. Их сих двух источников различия вытекают все прочие и разливаются на каждую часть речи: на *изобретение*, на *расположение*, на *доводы*, на *опровержения*, на *слог* и проч. Разбирая Сореня по всем сим частям, мы будем иметь случай приметить яснее все сии различия.

ВСТУПЛЕНИЕ (EXORDIUM)

Вступление должно быть просто, оно должно быть единственно для каждой материи, оно не должно слишком далеко начинаться от нее и не должно слишком близко подходить к ней. Таковы суть правила, кои дает для вступления простая риторика. <...> Оно есть введение или приуготовление души к тем понятиям,

которые оратор ей хочет внушить, или к тем страстям, кои в ней он хочет возбудить. Отсюда сами собою выходят все правила для вступления.

Оно должно быть просто: ибо мудрить в приуготовлении не есть пояснять свои понятия, но затемнять их; не вводить слушателя в материю, но влещи его туда силою. В продолжении слова можно принять тон возвышенный, можно взойти к истинам отвлеченным; но надобно прежде познакомиться с своим слушателем, приучить его за собою следовать. Когда он войдет в образ ваших мыслей, те ж самые понятия, кои показались бы ему темны вначале, будут тогда вразумительны, ибо он познает истинное их отношение и точку, с которой надобно на них смотреть. Итак, все вступления тонкие и метафизические, тем самым, что они слишком умны, — порочны в истинном красноречии. И сие есть первое правило вступления. <...>

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Доказательства, говорит Роллень, в слове суть то же, что кости и жилы в теле. Круглость, белизна, живость членов составляет красоту тела, но не силу и твердость. Но надобно определить точные роды доказательств и показать, который из них наиболее свойствен церковному слову. Философы заметили (определили), что, собственно говоря, одна может быть только в свете истина. Все прочие суть только ее ветви, они все прикреплены к одному общему корню. Нисходя постепенно, дойти до сего корня есть доказать истину.

Такова есть природа истин вообще. Отличительный характер истин нравственных состоит в том, что, сверх всех всеобщих, они, посредством неприметных сплетений, сцепляясь одна с другой, все сходятся и оканчиваются в нашем сердце, или яснее, все они разрешаются на великое начало удовольствия и досады. И для сего-то сии истины называются истинами чувства. Итак, нравственные истины могут быть доказываемы двояко: 1) разрешением их на общее начало истин и 2) приведением их к чувству. <...>

О СТРАСТНОМ В СЛОВЕ

Под страстным в слове я разумею сии места, где сердце оратора говорит сердцу слушателей, где воображение воспламеняет-

ся воображением, где восторг рождается восторгом. <...> Это есть, что оратор должен сам быть пронзен страстию, когда хочет ее родить в слушателе. «Плачь сам, ежели хочешь, чтоб я плакал», — говорит Гораций. Душа спокойная совсем иначе взирает на предметы, иначе мыслит, иначе обращается, иначе говорит, нежели душа, потрясаемая страстию. Читай, размышляй, дроби, рассей на части лучшие места, изучи все правила; но если страсть в тебе не дышит, никогда слово твое не одушевится, никогда не воспламенишь воображения твоих слушателей, и твой холодный энтузиазм изобразит более умоиступление, нежели страсть. Это потому, что истинный ход страстей может познать только сердце и что они особенный свой имеют язык, коими не обучаются, но получают вместе с ними от природы. Эней сходит в жилище мертвых. Там предстает пред него Дидона. Он старается пред нею оправдаться. Что должна отвечать на сие Дидона? Умы холодные, нечувствовавшие никогда сего бешенства, сего мщения, какую в гордую женщину может вдохнуть презренная любовь, здесь вывели бы ее осыпающую Энея упреками: они составили бы прекрасную речь из ея жалоб; и между тем они не произвели бы ни одной черты, сходственной ее положению. Вергилий лучше их знал страсть, и что ж у него Дидона отвечает? Она молчит и с презрением убегает. Вот истинный язык страсти, но кто научит ему, ежели не научит сердце? — В жару сражения покрывает греческое войско мрак. Что делает при сем пламенный Аякс? не просит ли он богов рассыпать сей мрак? не клянет ли судьбу? Нет! Он вызывает бога с собою на брань: «Юпитер! дай нам день и при свете сражайся против нас!» Надобно родится Омиром, чтоб изобразить так Аякса. Итак, справедливо, что ежели какая часть красноречия не терпит подделки, это есть часть страстного. И нет ничего естественнее, как сие, ибо страсти суть совершенный дар природы. Стихии, из коих они составлены, суть наша чувствительность и воображение. Чувствительность полагает в нас первые их искры, воображение раздувает их и производит сей пламень, объемлющий сердце и разливающийся на все собрание.

Соберем в одно место главные черты нашего рассуждения о страдном:

1. Страстное должно занимать главное место в доказательствах, ибо доводами начинается убеждение, но оно совершается потрясением сердца.
2. Основа страстей есть чувствительность и воображение.

3. Отсюда происходит главное и единственное правило для возбуждения страстей: чувствуй, ежели хочешь, чтоб другие с тобою чувствовали.

Два примечания на сие правило мы сделаем:

- а) Что не нужно быть в обстоятельствах страсти, чтоб ее чувствовать; довольно поставить себя в них воображением.
- б) Редко страстное вдруг отливается совершенным образом: его производит естественный дар, но усовершенствует разум. — Чтоб разум мог приняться за сие с успехом, надобно, чтоб он знал, как действуют и как изображаются страсти. Два наблюдения, кои может он или сам делать над человеком или заимствовать от тех изящных умов, коим вверила природа тайны человеческого сердца.

Таковы суть общие и начальные понятия о страстном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Порядок, которому мы следовали доселе в сих рассуждениях, после вступления и доказательств, приводит нас теперь к третьей и последней части слова, т.е. к его заключению.

Делать заключения сухие и холодные, значит терять плод своего слова. Собственно говоря, речь не что иное есть как приготовление слушателей к совершенному убеждению. Слушатель в продолжение ее был движим вместе с вами страстию. Сердце его, ослабевшее от сего потрясения, готово уже сдаться — для чего не пользуетесь вы его расположением? для чего погашаете вы огонь в то самое время, как он должен быть в величайшей своей силе? Вот что значит разрушить своими руками собственное свое творение. <...>

О ИЗОБРЕТЕНИИ

Часть сочинения, наиболее делающая шуму у риториков, без сомнения, есть изобретение. Тысячи правил, тысячи пособий предписываются на нее в их книгах. Но сии законодатели человеческого слова научают нас только хромать известным образом, а не ходить с твердостью. Кто не получил от природы ума изобретательного, тот тщетно будет прибегать к сим оракулам. С священного их треножника они с таинственным видом проповедуют несколько веков одни и те же самые истины, выпуская их только в

различном виде. Разделив все предметы речи на несколько известных статей, они мнили тем оказать существенную услугу человеческому слову. Они раскрыли источники изобретения. Это правда, что в сих источниках содержатся все предметы слова: но понеже все они открыты, понеже все их них почерпать могут; истинный оратор гордо толпится к ним с чернию писателей, — и наука изобретения для него бесполезна тем самым, что она слишком легка и удобна. В самом деле, если бы можно было из *мест* так называемых *топических*, занимать материю слова, тогда б все предметы были рассуждаемы были одинаким образом; все было единообразно или все простонародно, тогда бы сочинить рассуждение значило только сказать с холодностию и педантизмом, что предмет его полезен или вреден, приятен или отвратителен и пр.

Итак, оставим холодным и сухим умам почерпать из сих источников — мы будем искать воды живые; наши правила изобретения будут состоять в одном слове: *размышляй*. Говоря о сочинении вообще, мы сделали на сие правило пояснение. Но сего недовольно: чтоб найти мысли для сочинения, надобно сделать в них выбор, — надобно искусною рукою в сих материях слова отделить золото от посторонних веществ. Сия часть изобретения, будучи столько ж нужна, как и первая, более представляет затруднений. Чтоб в ней успеть, надобно иметь верный вкус, ибо каким образом можно узнать с первого, так сказать, прикосновения, к какому роду принадлежит известная материя, т.е. высокая ли она или красивая, естественная или простая, не имея твердых и постоянных признаков того и другого? Итак, наша наука о изобретении разрешится на простое рассуждение о вкусе.

О ВКУСЕ

Вкус есть способность чувствовать изящное в вещах. Но прежде, нежели мы приступим рассмотрению природы вкуса, разыщем, существует ли вкус, или есть ли в природе нашей души непреложные основные красоты и изящности и не есть ли вкус нечто произвольное и всякому особенное?

Рассматривая ближе логику вкуса, мы находим, что он не что другое есть, как тот же самой рассудок, или разборчивость ума, посредством коего мы судим о вещах. Все различие между ими состоит в том, что рассудок занимается справедливым, а вкус предметом своим полагает красивое; и как есть известные прави-

ла, по коим мы судим о справедливом, так же должны быть известные правила, по коим бы могли судить и о красивом; и, следовательно, логика ума и логика вкуса. Основание вкуса, на котором лежат все истины, в круге изящного заключающиеся, есть начало нашего удовольствия. Его можно понять в сих словах: все, что льстит нашему самолюбию, для нас приятно. Сие начало, подобно началу очевидности, действует в нас прежде, нежели мы его узнаем, ибо то и другое мы приносим от природы, т.е. от тех первых привычек, коих мы не в состоянии приметить. <...>

Чтоб открыть в вещах красоты существенные, чтоб усмотреть их сквозь все внешние запросы, чтоб почувствовать их со всею живостию и удовольствием, надобно учиться видеть так, как мы учимся мыслить.

Мы учимся мыслить двояким образом: или замечая правила, посредством коих истины соплетенные мы разрешаем на простейшие и приводим их к началу очевидности, или упражняя ум наш в самой очевидности, т.е. в истинах простых и отвлеченных, каковы суть истины математические. Первый способ можно назвать умозрительным, а второй опытным. Тот, кто соединил в логике ума опыт сего рода с теориею, обрел верную нить к истине; тот же самый способ должно наблюдать и в логике вкуса. <...>

О РАСПОЛОЖЕНИИ СЛОВА

<...> Порядок мыслей, входящих в слово, два главные имеет вида: взаимное мыслей отношение к себе и подчинение их целому. Отсюда происходят два главные правила для расположения мыслей:

1. Все мысли в слове должны быть связаны между собою так, чтоб одна мысль содержала в себе, так сказать, семя другой.
2. Второе правило в расположении мыслей состоит в том, чтоб все оне подчинены были одной главной.

Сие правило известно в писаниях риториков под именем *единства сочинений*; его иначе можно выразить так: не делай из одного сочинения многих. Во всяком сочинении есть известная царствующая мысль: к сей-то мысли должно все относиться. Каждое понятие, каждое слово, каждая буква должны идти к сему концу, иначе они будут введены без причины, они будут излишни, а все излишнее несносно.

О СЛОГЕ

<...> Вотще оратор будет мыслить превосходно и располагать естественно, если между тем не будет он силен в выражении. Слово есть род картины: оно может быть превосходно в своей рисовке, или в первом очертании. Но без красок картина будет мертва. Одно выражение может дать ему жизнь. Оно может украсить мысли низкие и ослабить высокие. Великие ораторы не почему другому были велики, как только по выражению. Virgilius и Мевий, Расин и Прадон мыслили одинаково, но первых читает и будет читать потомство, а последние лежат во прахе и имя их бессмертно только по презрению. Надобно, чтоб выражение было очень важная часть риторики, когда столь великие, я хотел даже сказать, сверхъестественные делает перемены в слове; надобно, чтоб мысли и расположение были пред ним ничто, когда оно одно составляет ораторов, когда им различествует творец громких Од от творца Телемахиды. <...>

О ПРАВИЛАХ ПРОИЗНОШЕНИЯ

Нельзя почти дать никаких правил на сию важную часть риторики, ибо как можно определить сии тонкие перемены лица, где положение одной черты определяет род страсти и малейшее движение делает великой переход из одной страсти в другую, — сии неприметные наклонения голоса, кои различным своим напряжением дают одной и той же мысли различный смысл, наконец, целый вид оратора, которому можно подражать, но коего не можно выразить ни на каком языке. Между тем, однако ж, мы сделаем опыт некоторых общих рассуждений о сем предмете.

О ВИДЕ ОРАТОРА ВООБЩЕ

Нет ничего столь важного в ораторской наружности, как вступление проповедника на кафедру. Посмотрите на сего святого человека, когда он хочет изобразить словом своим сердечное сокрушение. На челе его напечатлено душевное его расположение, нежная и тихая задумчивость разливается по его лицу. Тихим и медленным шагом приближается он к кафедре. Все ожидают, когда он разверзет свои уста, но он еще молчит, и сие молчание делает самое красноречивейшее начало его слова. Кажется, в душе его спираются страсти и не дают исхода его чувствам, столько-

то он исполнен своим предметом! Наконец сердце его отверзается, и слабым, изнемогающим голосом он возвещает первое его раскрытие. Таким-то образом половину его проповеди сказало уже нам его лице. Ему нет причины готовить сердца слушателей: он воззрел — и они уже приготовлены. Но что значит сей воспаленный вид, сие лице, на коем изображается священное некое негодование, сия поступь важная и вместе стремительная, сей грозный удар очей, сия туча скорби, висящая на челе? Еще вития не издал не единого звука, а сердца слушателей уже поражены страхом: все ожидают только минуты, когда сей вестник гнева пустит гром небесного мщения на преступников закона. Таким-то образом вид оратора предвозвещает род его слова и настроивает сердца его слушателей. Отсюда видно, сколько необходимо размышлять со всем вниманием о предмете своего слова, чтоб определить вид, сообразный существу его и сделать разительное вступление на кафедру.

На сие рассуждение нужно сделать одно только примечание. Редко предубеждение слушателей простирается до того, чтоб забыть истинное лице проповедника и представлять в нем одного только оратора. Юный вития, восходящий на кафедру с дерзким лицом, с властительским видом, с отважным и сильным голосом, возмущает самолюбие старца, и слово его теряет свою силу. Сей последний согласен быть его учеником, но он хочет, чтоб молодой его учитель чувствовал цену сей жертвы и учил его без угроз и с почтением. Небольшая тень стыдливости и маленькое замешательство в молодом ораторе нам больше нравится, нежели вид важный и беззаботливый: первым дает он нам разуметь, что почитает наше просвещение, и не иначе, как с страхом приступает к изъяснению своих мыслей; а второе доказывает или лицемерие его, или беспечность — две вещи, равно противные тонким расчетам самолюбия. <...>

О ВИДЕ ОРАТОРА В ЧАСТЯХ

О ЛИЦЕ

Кто чувствует, и чувствует сильно, того лице есть зеркало души. Начиная от самых слабых теней рождающейся страсти даже до величайших ее восторгов, от первых ее начал до самых сильнейших последствий, все степени приращения, все черты ее изображаются на живом и нежном лице. Отсюда происходит, что язык лица всегда был признаваем вернейшем толкователем чувствий душевных. Часто один взгляд, одно потупление брови говорит

более, нежели все слова оратора, а посему он должен почитать существеннейшею частию его искусства уметь настроить лице свое согласно с его речью; а особливо глаз, орган души столько же сильный, столько выражающий, как и язык, должен следовать за всеми его движениями и переводить слушателям чувства его сердца. Прекраснейшая речь без движения делается мертвою, как скоро не оживляет ее лице. <...>

О ГОЛОСЕ

Счастлив, кому природа даровала гибкий, чистый, лиющий-ся и звонкий голос. Древние столько уважали сие дарование, что изобрели особенную науку делать его приятным. Частое упражнение, напряжение груди и вкус в музыке могут дополнить или скрыть недостатки природы. Но мы слишком мало заботимся о всех сих наружных дарованиях оратора, может быть, потому, что слишком мало знаем сердце человеческое и слишком мало согласны в сей истине, что существо витийства основано на страстях и, следовательно, на предубеждении, а потому по большей части на наружности. <...>

О ВЫГОВОРЕ

Язык твердый, выливающий каждое слово, не стремительный и не медленный, дающий каждому звуку должное ударение, есть часть, необходимо нужная для оратора. Часто мы слушаем с удовольствием разговаривающего человека потому только, что язык его оборотлив и выговор тверд. Слушатель, кажется, разделяет все затруднения оратора, когда язык его ему не повинуется, и очень дорого платит за его холодное нравоучение. Кто хочет иметь дело с людьми, тот необходимо должен мыслить хорошо, но говорить еще лучше. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как определяется красноречие Сперанским? Можно ли обучать красноречию? Как оно соотносится с риторикой?
2. Может ли быть «силен» в красноречии «необученный» человек?
3. Какими средствами усиливается красноречие? Насколько необычны советы Сперанского?

4. Как разделяются церковная и философская кафедры? Иначе говоря, в чем различие речей проповеднической и научной?
5. Каковы основные правила вступления и заключения?
6. Какого мнения Сперанский об общих местах? Каким единственным словом формулирует Сперанский правила изобретения мыслей?
7. Каковы требования Сперанского к произношению и телодвижению? Что такое *выговор*? Какие, на ваш взгляд, необычные советы дает Сперанский?

А.С. НИКОЛЬСКИЙ

ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (1792)

Концепция словесности и составляющих ее наук сложилась у Александра Николаевича *Никольского* (1755—1834), видимо, в начале 90-х годов XVIII столетия, когда им были написаны «Логика и риторика» (1790 г., впоследствии 5 изданий) и «Основания российской словесности» (1792 г., впоследствии 7 изданий до 1830 г.). В предуведомлении к изданию 1807 г. А.С. Никольский пишет, что в риторике он многое заимствовал из изданной им в 1790 г. «Краткой риторики» и перепечатанной без его согласия в Москве в 1803 г. под заглавием «Краткая логика и риторика для учащихся в Российских духовных училищах».

Окончивший духовную семинарию и служивший в бергколлегии, а затем в адмиралтейском департаменте, А.С. Никольский тем не менее был одним из наиболее влиятельных филологов своего времени. При этом надо иметь в виду, что словесное образование лежало тогда в основе любого специального образования. Так, в том же предуведомлении к изданию 1807 г. сообщается, что «Его Высокопревосходительство Г-н Министр Военных Морских Сил Адмирал и Ковалер Павел Васильевич Чичагов, находя нужным издать для Морских Училищ краткие правила Российской словесности, поручил сочинение оных Правителю Канцелярии Адмиралтейского Департамента Статскому Советнику Никольскому...»

А.С. Никольскому принадлежат несколько значительных переводов, в частности, в 1834 г. были изданы «Двенадцать книг риторических наставлений» Марка Фабия Квинтиллиана, ссылки на которого имеются в любом учебнике риторики.

«Основания российской словесности» представляют собой классический вид учебного руководства по простоте и ясности подачи материала. Автором избрана почти катехизисная форма изложения: слева на полях записываются вопрос или тема излагаемого параграфа, а сам параграф выстроен по образцу старинных учебных книг с определениями и примерами. Две части учебника «Грамматика» и «Риторика» объединены понятиями «словесность». Во введении обсуждены термины: *словесность; понятие и его виды* (логические основания речи); *предложения*. «Грамматика» содержит 5 глав: 1. О словах вообще; 2. О частях речи (описание традиционных 8 частей речи); 3. О сочинении слов; 4. О правописании; 5. О произношении слов и стихосложении. «Риторика» включает главы: Введение; 1. О периодах; 2. О разделениях в периоде; 3. О украшении периодов и частно о тропах; 4. О фигурах вообще и частно о фигурах речений; 5. О фигурах предложений; 6. О хриях; 7. О письмах; 8. О расположении больших слов; 9. О поэзии; 10. О слоге: 1) о выборе слов; 2) о течении речи; 3) о сходстве слога с родом мыслей; 4) о сходстве слога с родом сочинений; 5) о приличии слога); 11. О произношении.

Для хрестоматии избраны: 1) введение (что есть словесность, понятие, слово или речение, рассуждение, предложение); определения грамматики, риторики; 2) из «Риторики» — определение и способ распространения предложения, главы 6 «О хриях» и 11 «О произношении». Текст, выделенный полужирным, напечатан у А.С. Никольского на полях и отмечает основные темы и вопросы учебника. Цитируются по изданию: *Никольский А.С. Основания российской словесности. — СПб., 1807. Изданы при Государственном адмиралтейском департаменте для морских училищ. Часть I. Грамматика; Часть II. Риторика.*

ВВЕДЕНИЕ

Что есть словесность?

§ 1. *Словесность* (дар слова) есть способность выражать мысли словами. Правила, которые показывают, как употреблять сию способность, называются вообще *учением о словесности*; и такие правила, приличным и для юношества удобопонятным образом расположенные, наименованы здесь основаниями словесности.

Что нужно ко уразумению правил о словесности?

§ 2. Но сия превосходная способность не может быть употреблена с надлежащею пользою, естли не будем обращать внимание на то, каким образом действует или должен действовать разум наш в познании вещей или предметов, о коих свои понятия выражаем *словами*.

Три действия разума человеческого.

§ 3. Итак, надлежит здесь предварительно изъяснить, что в познании вещей три суть действия разума человеческого: *понятие, рассуждение и заключение*.

Что есть понятие?

§ 4. *Понятием* называется впечатление какого-нибудь предмета или свойств его в уме нашем. Напр. *человек, добродетель, дерево, твердость*, и проч. <...>

Что есть слово?

§ 14. Всякое понятие, выраженное голосом или на письме, называется *словом* или *речением* (terminus).

Рассуждение

Предложение

§ 15. Когда разум наш два понятия между собой соединяет или одно от другого отделяет, таковое действие его называется *рассуждением*, а рассуждение, выраженное голосом или на письме, *предложением*.

Подлежащее

§ 16. А потому, рассуждения, словами выражаемые, состоят из двух частей: из *подлежащего* (subjectum) или того понятия, о котором рассуждаем; т.е. с которым соединяем или от которого отделяем другое понятие; из *сказуемого* (praedicatum), или тех понятий, которые соединяем с *подлежащим* или отделяем от оногo; напр. говоря: *Бог есть премудр, счастье непостоянно*; в первом предложении с понятием о Боге соединяем понятие о мудрости;

а во втором от понятия о счастии отделяем понятие о постоянстве. <...>

Разделение учения о словесности

§ 18. Итак, изъяснив, каким образом действует разум наш в познании предметов, приступим к изложению правил, наставляющих, как надлежит снисканные нами о предметах понятия выражать *словами*. А поелику необходимо потребно к сему 1) достаточное познание слов с изменениями их и правильное употребление или выбор оных; 2) благоразумный выбор и правильное расположение мыслей, то и учение о словесности составитя из двух частей: из *грамматики*, научающей правильному употреблению слов, и *риторики*, показующей способ, как располагать и изъяснять мысли. <...>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РИТОРИКА

§ 1. *Риторика* есть искусство располагать и приятно изъяснять свои мысли.

Предложения риторические

§ 2. Изъясняя мысли свои, мы всегда имеем какую-нибудь известную цель, к коей клонится вся речь наша: сия общая цель не иное что есть, как *логическое предложение*, которое в сем случае называется *основательным* или *главным*, а те предложения которые приискиваем для изъяснения или подтверждения первого, именуются *придаточными*.

Распространение предложений

§ 3. Для *ясности* и *полноты* в речи надлежит каждое из вышеозначенных предложений распространять и увеличивать, и тем давать им вид как бы некоей *округлости*. Распространяется же и увеличивается *логическое предложение*, когда *подлежащим* и *сказуемым* ононого придаем: или

1. Слова и выражения подобнозначачие, или
2. К существительным именам прилагательные, а к глаголам и причастиям наречия, или
3. Слова и выражения, означающие противное, или
4. Когда исчисляем обстоятельства, относящиеся к изъяснению предложения по вопросам: *кто? где? при какой помощи? для чего? как? когда?*

Для примера пусть будет логическое предложение: *Науки просвещают разум*. Здесь придаются:

1. Слова и выражения подобнозначашие, напр. Науки и *приобретаемые ими познания* просвещают разум; Науки просвещают *мысли* и разум.
2. Имена прилагательные и наречия, напр.: *Изящные* науки просвещают разум; Науки просвещают *и самый невежественный* разум; Науки *нечувствительно* просвещают разум.
3. Слова, означающие противное, напр.: Науки *не помрачают*, а просвещают разум.

С помощью таких преданий составится полная и округлая речь: *изящные науки и приобретаемые ими познания не помрачают*, а просвещают *нечувствительно и самый невежественный* разум.

4. Исчисляются обстоятельства: 1) При *подлежащем*: *кто?* науки; *что?* в которых есть будет человек упражняться; *где?* находясь во всяком состоянии; *при какой помощи?* вспомоществом будучи или наставлением искусных учителей или чтением полезных книг; *для чего?* для пользы общей и своей собственной; *как?* с должным прилежанием; *когда?* как в юных летах, так и в зрелом возрасте; 2) При сказуемом: *кто?* они; *что?* просвещают разум; *при какой помощи?* истребляя всякий предрассудок и разрешая всякое недоумение; *как?* постепенно и нечувствительным образом; *для чего?* чтобы он мог быть полезен и себе и другим.

Сии обстоятельства, соединенные и расположенные надлежащим образом, составят следующую речь: *Науки, в которых есть ли человек, какого бы ни был состояния, для пользы своей будет при помощи искусных учителей или полезных книг с должным прилежанием упражняться, просвещают в нем постепенно и нечувствительным образом разум, истребляя всякий предрассудок и разрешая всякое его недоумение, так что он может наконец быть не только себе, но и другим полезен.*

Примечание. Сколь ни много служит сие пособие к распространению и увеличению предложений, однако, чтобы избежать пустословия, не должно набирать слов тоже значащих вместо подобнозначаших, либо ко всякому существительному имени придавать прилагательное, а ко всякому глаголу и причастию наречие; равно не все и не всегда исчислять можно обстоятельства, а смотря только по приличию.

Период. Таким образом распространенное и увеличенное логическое предложение называется у ораторов периодом, который есть основание всякой речи.

Глава 6 О хриях

Хрия

§ 72. Хрия есть соединение нескольких периодов, служащих к доказательству или изъяснению какого-нибудь предложения. Она состоит из *предложения, причины и доводов объясняющих*, которые берутся от *противного, подобия, примера и свидетельства*, и по расположению сих частей, бывает или *порядочная*, или *превращенная*.

Хрия порядочная

§ 73. *Хрия порядочная* есть та, в которой первое место занимает *предложение*, второе *причина*, а за нею следуют *доводы объясняющие*. Она содержит всех семь частей.

Первая часть хрия есть логическое *предложение*, умноженное придаточными предложениями;

Вторая — *причина* или доказательство, служащее к подтверждению предложения; причины могут быть две и более;

Третья часть есть *противное*, в котором рассматривается противное или предложению или доказательствам одного или кратко приводится и опровергается то, что показывает, по-видимому, несправедливость предложения или причины, и на то дается достаточный ответ.

Четвертая часть содержит *подобие* или *сравнение*, которыми истина предложения или причины сравнивается с другою какою-нибудь яснейшею или известнейшею истиною или уподобляется какому-нибудь видимому предмету.

Пятая часть состоит из *примера*, в котором приводится какое-нибудь происшествие, доказывающее истину предложения или причины, когда предложение есть теоретическое, или в котором предлагается поступок для подражания, если доказываемое предложение есть практическое.

Шестую часть составляют *свидетельства*, в которых ссылаемся на мнение какого-нибудь известного писателя, служащее к подтверждению предложения или причины, или приводим доказательства из книги Священного Писания.

Седьмая часть есть *заключение*, в котором или повторяется самое предложение, если части речи столько обширны, что нужно привести оное на память, или выводится следствие из предложения, как цель для которой предпринято было сочинение речи.

Пример Хрии порядочной из следующего предложения: *Праздность вредна.*

Предложение. *Хотя и невозможно человеку пребывать в безпрестанном упражнении и труде, ибо потребен покой для подкрепления сил его, однако же совсем предаться праздности или только заниматься делами маловажными и ненужными, есть колико постыдно, толико и вредно.*

Причина. *Ибо праздность, расслабляя тело и душу, делает человека неспособным к исправлению и общественных и счастливых его должностей, а тем самым заграждает ему путь ко внешнему и внутреннему благосостоянию, навлекает от других презрение и, наконец, повергает его в совершенное несчастье.*

Противное. *Труд же и упражнение, с благоразумием избираемые и учреждаемые, производят противное сему действие: сверх здоровья телесного и душевного удовольствия, даруемых ими, отвергают они дверь ко всякому преуспеянию, и тем доставляют счастье, каким только человек в свете сем наслаждаться может.*

Подобие. *Да и не естественно человеку пребывать в праздности и недействии: самый празднотлюбеец всегда, хотя и в безделицах, ищет себе уважения, ибо чувствует живо, что силы его и здоровье, от недостатка надлежащих упражнений, умаляются и слабеют; подобно как вода, не имеющая течения, видимо повреждается и гниет.*

Пример. *Потому-то праздность всегда была почитаема за гибельный порок. Утверждают, что между законами, от Дракона Афинянам данными, был даже и такой, который осуждал насмерть предавшихся пороку сему. Без сомнения закон сей всякому покажется безмерно строгим, но он по крайней мере являет, какое мнение законодатель тот имел о праздном человеке.*

Свидетельство. *Строгость упомянутого закона некоторым образом оправдывается следующим рассуждением некоторого нравоучителя: «редко, говорит он, добродетель обитает в сердце обладаемом праздностию: порок есть всегдашний спутник ее, ибо кто не может упражняться в делании доброго, тот верно займется деланием худого».*

Заключение. *Итак, старайтесь особливо вы, о юноши! убежать праздности, которая справедливо почитается матерью всех пороков; возлюбите труд, могущий доставить вам неоцененные выгоды; свойственной по большей части возрасту вашему, лености противоположите честные и нужные упражнения; истребляйте зло в нача-*

ле его, ибо от сего зависит благоденствие грядущих лет жизни вашей.

Глава 11 О произношении

Что есть произношение?

§ 132. *Произношение* есть выражение мыслей или чувствований *живым голосом*.

Что относится к произношению?

§ 133. Поелику всякое движение души может изображаться и на лице нашем, а многие даже сами собою, против воли нашей, изображаются такими видимыми и верными знаками; сверх же того мы, когда говорим для большего выражения (иногда также невольно) делаем некоторые движения головою, руками и всем телом, то к искусству произношения относятся не только правильный выговор речений и периодов, но приличное расположение лица и пристойное движение головы, рук и проч.

В чем состоит правильность выговора речений и периодов?

§ 134. Правильность *выговора* речений и периодов состоит а) в остановках в произношении, сообразно с разделением понятий; б) в протяжении или ускорении выговора некоторых слов; в) в повышении или понижении голоса, равно г) в напряжении или ослаблении силы одного над некоторыми словами.

Об остановке по знакам

§ 135. Поелику на письме разделения понятий ясно показываются знаками препинания, о употреблении которых сказано в главе 2-й сей части; то в произношении наблюдать только должно, чтобы при каждом из сих знаков останавливаться и медлить более или менее, судя по тому, как велико разделение в мыслях.

О протяжении и ускорении выговора

§ 136. В *протяжении* и *ускорении* выговора слов должно сообразоваться а) с важностью понятий, объясняемых ими; б) с большею или меньшею стремительностью чувствований, выражаемых в речи. Так, например, слова, выражающие такие понятия, которые будучи важнее прочих в речи, требуют большего внимания или замечания, выговариваются протяжнее других. Равным образом период или целая речь, в которой видна пылкость воображения, или стремительность чувствований, произносится скорее той, в которой описываются холодные, глубокие или важные какие-

нибудь размышления, или такие чувствования, которые отягчая сердце, отнимают у воображения свойственную ему пылкость и делают его медлительным.

Когда возвышается и понижается голос?

§ 137. *Голос*, из числа множества случаев, особенно *повышается* при вопросах и восклицаниях и при постепенном увеличении важности мыслей, а *понижается* при всяком почти ответе и всякий раз как приближаемся мы к какому-нибудь препинанию или когда важность выражаемых мыслей уменьшается постепенно.

Когда напрягается и ослабляется голос?

§ 138. *Напряжение* и *ослабление* голоса следуют обыкновенно свойству чувствований, изъясняемых нами: выражение чувствований *раздражающих*, каков, например, *гнев*, сопровождается голосом напряженным, более или менее, по степени раздражения; изъяснение чувствований *оглушающих* или *усыпляющих*, какова например, *печаль*, сопровождается соразмерною им слабостью голоса; чувствования же раздражающие до *расслабления* выражаются опять голосом *усталым*.

Перемены в лице

§ 139. Движения душевные изображаются на *лице* отчасти движением *губ*, но гораздо более движением и положением *глаз*.

Прим. Правила, как изображать на своем лице душевные движения, сколько ни важны, никак не могут быть помещены здесь по обширности своей; оне, во всей полноте их, могут быть заимствованы от живописи. Но чтобы уметь пользоваться сими правилами, надобно примечать наиболее положение лица самих людей, действительно и поневоле ощущающих движения душевные.

Движения головы, рук и проч.

§ 140. Движения *головы*, *рук* и всего *тела*, при различном состоянии духа говорящего, также бывают весьма различны. Такие движения могут быть замечены лучше всего в произношении искусных актеров и усовершенствованы чрез подражание им.

Прим. Впрочем, никак не можно положить правил на всякую перемену голоса и на всякое телодвижение. Правила сии, как бы ни были обширны, всегда оставались бы неполными и подвергались множеству исключений. Надобно только заметить, что искусное произношение дает чувствовать все красоты речи и сокрывает многие недостатки оной. Одни внешние движения, без всяких слов, не только возбуждают в нас чувствования, но выражают целые истории, как то видно в пантомимах. Сверх же того язык, как ни был

силен и богат, всегда останется недостаточным к совершенному описанию всех чувствований и к переливанию их из одного сердца в другое. Иногда один голос говорящего проникает нас до глубины сердца; иногда один безмолвный вид его исторгает у нас слезы. Чтобы уметь возбуждать таким образом в других чувствования, надобно самому сильно чувствовать то, о чем говорим. Притворные чувствования редко укрываются от проницательного наблюдателя. Напротив, истинные движения души, не требуя никаких правил, сами собою являются на лице простодушного. Самое притворство, при всем искусстве его, не в силах иногда сокрыть их.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Судя по нашим данным, А.С. Никольский первым употребил термин *словесность*. Как он объяснял это слово? Какие науки образуют *словесность*?
2. Как словесность соединяется с логикой и какие логические термины традиционно используются в риториках этого времени?
3. Как создается распространение речи?
4. Какими средствами создается классическая хрия?
5. Какие советы к произношению, сделанные А.Н. Никольским, представляются вам актуальными и поныне?

И.С. РИЖСКИЙ ОПЫТ РИТОРИКИ (1796)

Иван Степанович *Рижский* (1759—1811) — ординарный профессор российской словесности и красноречия, первый ректор Харьковского университета, член Императорской Российской академии наук, доктор философии. Родился в г. Риге, откуда и получил свою фамилию. Обучался вначале в Псковской семинарии, а затем — в Семинарии Троице-Сергиевой лавры, где по окончании в 1779 г. был в течение 8 лет преподавателем риторики, поэзии, истории, римских древностей, философии. С 1786 г. Рижский определился учителем в Санкт-Петербургский горный кадетский

корпус, где преподавал историю, латинский язык, географию, риторику, логику, руководил переводами с французского языка книг по горному делу. За время учительства в Горном корпусе издал два сделавшихся знаменитыми руководства: 1) «Логика» и «Риторика» под названием «Умственное, или умственная философия» (СПб., 1790) и 2) «Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном Училище» (СПб., 1796). По последней книге, неоднократно переиздававшейся (1805, 1809, 1822), учились несколько поколений русских учащихся. В 1802 г. за свои учебно-литературные труды Рижский был избран в члены Императорской Академии наук.

Между тем в это время наступил период наиболее значительной и плодотворной деятельности И.С. Рижского, совпавший с открытием Харьковского университета в 1805 г. Рижский, неоднократно избиравшийся ректором, оказался не только прекрасным администратором, заботливо во все вникавшим, но и ревностным педагогом. Для первого своего курса он избрал российское красноречие; впоследствии в Харькове были напечатаны переработанный «Опыт риторики» и новое «Введение в круг словесности» (1806), а «Наука стихотворства» (СПб., 1811) напечатана Академией наук и справедливо считается одним из первых систематических изложений теории поэзии на русском языке. Вот характеристика Рижского, данная в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1913, т. 16): «Это был истинный и достойный представитель университета, настоящий *rector magnificus*, человек, выдававшийся в своей среде и по своему ученому авторитету, и по дару слова, и по деловой энергии, и по административным способностям, и по опыту и знанию русской жизни, и по своим нравственным качествам; он пользовался наилучшей славой, репутация его была безупречна, а как профессор он признавался современниками знающим и даровитым, излагавшим свой предмет с большою ясностью, деятельностью и одушевлением» (В. Азанчевский). Будучи поклонником славяно-русского слова, он не любил, когда иностранное выраже-

ние употреблялось там, где ту же мысль можно было передать русскими словами, и часто говорил на лекции: «Можно ли то выразить на французском щебетнике, что выражается сильным, точным, метким, благозвучным славянским языком?..»

Каждое новое издание (1805, 1809, 1822) имело некоторые редакторские обновления по сравнению с предыдущим. Ниже публикуется вступление (§ 1—7) из «Опыта риторики» 1809 г. (§ 6, 7 отсутствуют в издании 1822 г.). Текст, выделенный полужирным, напечатан у И.С. Рижского на полях. Публикация осуществляется по изданию: *Рижский И.С. Опыт риторики.* — М., 1809.

ВСТУПЛЕНИЕ

Красноречие есть предмет риторики

§ 1. Силою слова проникать в душу других, повелевать их умами, растрогать их чувствительность разительным изображением нравственного, восхитить их воображение живейшим выражением вещественного изящества есть искусство красноречия, составляющее предмет риторики.

Красноречие приобретенное навыком недостаточно

Иногда одна опытность доводит до некоторого совершенства в сем деле; и есть люди, которые при помощи отличного ума, пылкого воображения, чувствительного сердца и навыком приобретенного вкуса изъясняются весьма приятно, убедительно, сильно. Но их ум без просвещения часто не может объять всего, что принадлежит к сему делу и без наставления еще чаще заблуждается; их воображение и чувствительность без верного путеводаителя иногда доходят до излишеств; их вкус, не имеющий основанием истинного и общего понятия об изящном, погрешает и бывает более вкусом их века и отечества. Отсего их слово по большей части бывает то недостаточно, то избыточно до излишества, то неестественно связано, или вовсе без связи, а всего чаще наполнено мнимыми красотами вместо истинных.

И потому требует, кроме природных дарований, еще науки

По сей причине самая счастливая природа имеет нужду в руководстве науки, которой правила суть не что иное, как общие о красноречии умозаключения, извлеченные из замечаний и опытов всех времен. Наука не может нам дать дарований, когда их не

дала природа; но в противном случае она одна их образует и усовершенствует. Самые творческие умы (genies) в начале едва ли могут обойтись без ней.

Вития должен быть просвещен

§ 2. При всем том невозможно заслужить внимания, кольми паче уважения слушателей, таким словом, в котором не видно обширного и основательного просвещения. Вития есть прорицалище, от которого всегда ожидают чего-нибудь нового и редкого в том роде, в котором он говорит; поелику все предполагают, что кто принимает на себя долг наставлять других, тому необходимо надобно иметь отличные пред прочими знания. Чем же он может удовлетворить сему любопытству, сему предубеждению слушателей в свою пользу, если разум его не обогащен свойственными просвещенному человеку познаниями? По сей причине всегда было признано за неоспоримую истину, что красноречие имеет теснейшую связь с философиею, разумея сию в обширном смысле. Она наставляет нас здраво судить, управляет нашим воображением и вкусом, и, открывая природу страстей и нравственных склонностей, показывает витии слабую сторону человека, а чрез то дает ему надежнейшее орудие повелевать другим. При сем не менее нужно ему знание истории, которая снабждает его примерами, сими сильнейшими средствами к преклонению других. Поелику в примере, особливо, когда он близок к нам в рассуждении времени, места, состояния и личных обстоятельств, мы видим некоторым образом самих себя.

Первоначальное красноречие сходствовало с естественною и обыкновенною речию,

но после введена в иное некоторая мера.

От сего красноречие есть прозаическое и стихотворческое

<...> § 4. <...> Прозаик и стихотворец имеют один главный предмет, то есть подействовать на другого красотою и приятностию своего слова; однако как тот, так и другой достигают до сего разными, так сказать, путями. Первый, имея подлинником то, что действительно находит в природе, изображает сие с таким искусством, что речь его при всех украшениях не удаляется чрезвычайно от естественной и обыкновенной в общежитии, а второй, не уважая того, что слово его не будет казаться обыкновенным, истощает все, чтобы достигнуть своей цели, то есть чтобы привести в восторг воображение. Для сего он не довольствуется тем, что представляет ему природа, но избирая из того самое

блестящее, часто дополняет еще своими вымыслами, дабы чрез то произвести что-нибудь весьма разительное, и при том все сие изображает словом, имеющим отличное искусственное сладкозвучие. Итак, хотя есть некоторые совершенства слова, которые украшают как прозу, так и стихи, однако каждый из двух сих родов красноречия имеет свои собственные красоты и правила.

Прозаическому красноречию учит риторика, а стихотворческому поэзия

§ 5. Посему наука красноречия разделяется на риторику и поэзию. Риторика, показав общие прозаического и стихотворческого красноречия правила, особенно наставляет первому, а поэзия занимается единственно тем, что касается до стихотворения.

Общие совершенства обоего красноречия

§ 6. Между тем как в прозе, так и в стихах красоты слова, которыми пленяется благоразумный читатель, частью происходят от мыслей, частью, наконец, от порядочной и твердой их между собою связи. Сверх того, всякое сочинение имеет еще такие совершенства, которые ни выражениям, ни мыслям, ни взаимной их связи единственно приписать не можно и которые следственно относятся до всех вообще сих качеств сочинения.

Содержание и расположение риторики

§ 7. По сей причине риторика расположена здесь таким образом, что, во-первых, показаны совершенства слова, происходящие от выражения, или правила украшения; потом предложено о качествах мыслей, или о изобретении; после сего о связи мыслей, или о расположении и о различных родах прозаических сочинений; наконец, о тех качествах слова, которые происходят вообще от выражений, и от мыслей, и от взаимной их связи, или о слоге.

В других риториках обыкновенно правила изобретения составляют первую часть для того, что сочинитель прежде всего должен изобретать. Но известно из опытов, сколь темны и затруднительны вступающим в науку красноречия кажутся сии правила, требующие не только некоторого уже навыка, но и нарочитого сведения философии. Посему я предлагаю сперва такие, которые, будучи легче прочих, сверх того ближе всех других к правилам грамматическим.

Подобным образом большая часть риториков говорят о слоге в той части риторики, в которой они предлагают об украшении; но я, утверждаясь на их собственных изъяснениях, из которых вид-

но, что не одно украшение, но также качества мыслей и расположение оных составляют то, что мы вообще называем слогом, предлагаю о том в особливо части, изъяснив в предыдущих частях все то, что нужно знать наперед для снискания для порядочного о нем понятия. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как И.С. Рижский определяет красноречие и риторiku?
2. Каковы требования к оратору (вителии)?
3. В чем разница между прозой и поэзией как двумя видами красноречия?
4. Почему И.С. Рижский переставляет традиционные части риторики, выдвигая на первое место учение об украшении?

Раздел IV

Р ИТОРИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Слово составляет важнейшее орудие, посредством которого человек содействует счастью ближнего.

(И.И. Давыдов. Чтения о словесности)

Слово есть воплощенная мысль: посему объясняя, украшая, усовершеншая выражения, придаем чрез то самое и мыслям ясность, красоту и совершенство. Следовательно, наука словесности непосредственно содействует образованию всех душевных способностей, особливо ума, воображения и чувствования.

(Я.В. Толмачев. Правила словесности)

А.Ф. МЕРЗЛЯКОВ

**КРАТКАЯ РИТОРИКА
(1809)**

*А*лексей Федорович *Мерзляков* (1778—1830) профессор Московского университета, занимавший кафедру русского красноречия и поэзии с 1804 по

1830 г., литературный критик, поэт. Его «Краткая риторика» выдержала 4 стереотипных издания с 1809 по 1828 г. Влиятельность «Риторики» Мерзлякова обусловлена его мастерской стилистикой, образностью и выразительностью языка. В основу своей теории Мерзляков положил учение о слоге или стиле, отказавшись от изобретения и полагая найти в стилистических характеристиках речи общие правила для всех родов сочинений. Его частнориторические описания наиболее интересны точным нахождением содержательно-стилистических качеств каждого рода и вида словесности. Именно Мерзляков первым представил роды и виды словесности в таком разнообразии: 1. письма; 2. диалоги; 3. учебные сочинения; 4. история (характеры, биография, романы, подлинная история); 5. речи (духовные, политические, судебные, похвальные, академические).

А.Ф. Мерзляков был блестящим литературным критиком и неплохим поэтом. С 1803 по 1810 г. он создал цикл песен, пользовавшихся большим успехом у современников. Ценился и педагогический талант А.Ф. Мерзлякова: среди его учеников были М.Ю. Лермонтов, А.И. Полежаев, Ф.И. Тютчев.

Для нынешней публикации избраны основные отрывки из его «Краткой риторики» — и прежде всего из «Введения», начальные суждения о сущности словесных наук, цели и пользе красноречия, о красноречии истинном и мнимом (чрезвычайно популярное рассуждение для теоретиков XIX в.); затем — отрывки из всех шести глав:

I. Всеобщая теория прозаических сочинений (учение о слоге или стиле); II. Правила о сочинении писем; III. О диалогах или разговорах; IV. Учебные сочинения; V. История (с разными жанрами); VI. Речи ораторские.

Публикуется по изданию: *Мерзляков А.Ф.* Краткая риторика или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. — М., 1828 С. 16—21, 23, 26—27, 45—48, 54, 58—60, 68—70, 72—75, 78, 86—87, 95—98, 103—104, 106—111.

ВВЕДЕНИЕ В РИТОРИКУ

§ 1. Под словом *речи* вообще разумеется всякое словесное выражение наших мыслей и чувствований, расположенное в некотором определенном *порядке* и *связи*. Порядок и связь отличают искусственную речь от языка. Под словом языка, в пространном смысле, понимать надобно все правила речи, составляющие теперь три особенные науки: *логику* или *диалектику*, которая учит думать, рассуждать и выводить заключения *правильно, связно и основательно*; — *грамматику*, которая показывает значение, употребление и связь слов и речей, — и *риторику*, которая подает правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, согласно с видами каждого особенного рода прозаических сочинений.

§ 2. Итак, риторика, принятая во всем ее пространстве, включает в себе *полную теорию красноречия*. *Красноречие*, как обыкновенно понимаем, есть способность выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах *правильно, ясно и сообразно* с целью говорящего или пишущего. Древние под именем красноречия разумели единственно искусство оратора; а под именем риторики — правила, служащие к образованию ораторов. Теория прочих прозаических сочинений была предметом их диалектики и грамматики.

§ 3. Цель риторики как теории всех прозаических сочинений не ограничивается *убеждением* и доказательствами. В противность древним и некоторым новейшим учителям, мы понимаем под сим словом науку научить наш разум и занимать воображение, или трогать сердце и действовать на волю. Итак, искусство *научать, занимать, трогать, доказывать* составляет предмет всякого прозаического писателя.

§ 4. *Смысл* или *чувство* и *выражение оных* составляют сущность речи и должны быть в надлежащей связи точно так, как душа и тело. То и другое, как материя и форма, служит предметом риторики, которая, впрочем, не простирает своих исследований до мыслей и до слов, представляя это логике и грамматике. Она более смотрит на *красоту* и *стройность* сочинения, т.е. она учит мысли, *правильно обдуманнные* и по правилам грамматики выраженные, представлять в виде изящном и соответственном каждому роду красноречия.

§ 5. Некоторые под именем красноречия разумеют стихи и прозу, а другие одну прозу, разделяя таким образом всю науку словесности на два рода, на *искусство прозаическое* и на *искусство стихотворное*. Сие разделение основано не на одной наружной форме того и другого рода; оно зависит от существенного различия предметов и цели, которые предполагают себе оратор и стихотворец: одного намерения научить, а другой имеет в виду особенно — удовольствие.

§ 6. Есть люди, которые отличаются каким-то природным красноречием; они никогда не учились правилам риторики, но, имея здравый рассудок, живое чувство, вкус и легкость в языке, выражают свои мысли ясно и в таком порядке, который совершенно соответствует их цели. Сия, частью от природы получаемая, частью воспитанием, обращением и чтением образованная способность обеспечивать успехи предлагаемого нами искусства и сама приобретает посредством правил новый блеск, силу и совершенство. От всякого писателя требуется, чтоб он со всех сторон осмотрел предмет своей речи, чтоб он каждую минуту обладал самим собою, чтоб сам был уверен в причинах и доказательствах, которые предлагает другим, и чтоб, наконец, сам был живо проникнут чувствованиями и страстью, которую намерен возбудить в сердце читателя.

§ 7. Польза красноречия очевидна для каждого, кто обращает внимание на его существо и цель. Ни одна наука не имеет столь великого влияния на душевные наши силы. Как изящное искусство, красноречие пленяет наши сердца и воспламеняет воображение; этого мало: будучи рассматриваемо в собственных своих правилах, оно способствует к распространению познаний, к открытию новых истин и всем вообще наукам доставляет новые достоинства и прелести. Посредством его не только мысли и познания, но и самые чувства, склонности и страсти людей, нам неизвестных, отдаленных от нас веками, становятся нашими собственными, современными. Оно научает нас избирать предметы, разбирать их и описывать прилично, порядочно и связно; оно дает самой истине большую силу убедительности и самим страстям больше выражения и трогательности; оно образует наши нравы.

§ 8. Красноречие обращается в искусство безнужное и вредное, когда оставляет благородную цель свою, т.е. когда оно устремлено будет не к выгодам истины и добродетели, но к распро-

странению заблуждения и пороков; когда оно решится защищать правила и мнения, противные чистой нравственности, или будет одевать предметы, сами по себе пагубные и соблазнительные, в одежду приятную и благовидную, чтобы заманить в свои сети неопытный и ослепленный ум читателя или слушателя. Итак, не красноречие, но его употребление навлекло на себя справедливые укоризны в древности и в новейшие времена; злоупотребление всегда будет порицаемо, между тем как наука беспрестанно приводится к совершенству, беспрестанно сияет в новом немерцающем свете.

§9. Для образования истинного оратора и для приобретения надл ежащего успеха во всех прозаических сочинениях не довольно одних правил риторики. Для сего необходимо нужно познакомиться с лучшими образцами искусства, как между древними, так и новейшими произведениями. Молодой благоразумный питомец Муз, занимаясь чтением лучших авторов, видит, каким образом доставили они бессмертным своим сочинениям истинную красоту, совершенство и подлинную классическую важность. Внимательное изучение писателей подает нам случай узнать нам собственный их характер и возбуждает в нас благородное стремление к подражанию. Таким образом, чрез непрерывные упражнения в красноречии и чрез образование своих способностей, приобретаем мы большие силы, вернейшее чувство *изящного* и *доброго* и быстрейший взор для отличия погрешностей. <...>

§ 16. Риторические наставления в пространном смысле состоят частью из правил, которые относятся к *хорошему слогу вообще*, частью из особенных рассуждений и о *каждом особенном роде* сочинений. Сии роды суть: а) *письма*, б) *разговоры*, в) *рассуждения* или *учебные книги*, д) *история* истинная или вымышленная и, наконец, е) собственно так называемые *речи*. Сообразно сему порядку мы расположим наши риторические наставления.

I ВСЕОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРОЗАИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

§ 1. Слогом, или стилем во всех родах письменных сочинений называем мы словесную одежду мыслей и чувствований, какого бы они содержания ни были. Всякий слог имеет совою собственный характер. Различие в слогах происходит: 1. от характера писа-

теля; 2. от сущности материи, которую он избрал; 3. от цели, которую он себе предположил, и, наконец, 4. от расположения, в котором он пишет.

§ 2. Мы прежде видели, что цель каждого прозаического сочинения должна быть или нравоучение, или удовольствие, или возбуждение страсти. Цель сия одна и та же для всех родов сочинения, но намерение писателя может действовать на ход и силу его творения, и слог изменяется. Сии изменения могут быть бесчисленны. Не входя в подробность, мы полагаем здесь главные три рода слога: 1. *Народный*, или *простой*, 2. *Средний*, или *умеренный* и 3. *Высокий*. Кроме сих, может быть слог *простой*, *блестящий*, *трогательный*, *цветущий*, *живописный* и проч. Всякий из них более или менее относится к вышеупомянутым трем родам.

§ 3. *Простонародному* слогу более свойственны: *ясность*, *легкость*, *чистота*, *краткость* и *точность*. Он удаляется всех пышных украшений, всего, что воспламеняет украшение и страсти: цель его — спокойное научение разума. Допуская иногда даже некоторую видимую небрежность, он имеет свою красоту и приятность; его правильное употребление предполагает в писателе здравый и основательный рассудок, тщательное рассматривание мыслей и чувствований. Таким слогом пишутся особенно *учебные книги* и *письма*, и потому-то его называют *догматическим* и *письменным*. Он иногда имеет место во всех других сочинениях и даже в самых речах.

§ 4. Средний, или умеренный слог, отличается полнотою и богатством выражений. Возвышаясь весьма приметно над низким, или народным, слогом, он удерживается от сильных и смелых порывов высокого слога. <...>

§ 5. Высокий слог принадлежит к собственно так называемому красноречию, или речам, и в таком только случае, когда требуют сего слога или величие предмета, или отменно живое чувство и возвышенность духа. <...>

§ 7. Всеобщие или существенные свойства хорошего слога во всех родах прозаических сочинений суть следующие: *правильность*, *точность*, *пристойность*, *благородство*, *живость*, *красота* и *благозвучие*. Первое из сих свойств, т.е. правильность, или исправность, принадлежит более к грамматике, нежели к риторике. Она состоит в совершенном согласии между выражением и мыслию, для которой выражение служит отпечатком или одеждой. Правильность заключает в себе чистоту выражений, которая требует,

чтобы мы, изображая нашу мысль, остерегались от всех слов и оборотов, чуждых нашему языку. Оба сии свойства хотя не могут быть главною целью автора, но они необходимы для хорошего слога. <...>

§ 11. Самое существенное свойство стиля есть *ясность*. С каким бы намерением автор ни писал, какие бы ни были виды его сочинения, всегда он должен так выражаться, чтобы его понимали; в противном случае все труды его потеряны. Здесь писателю одна грамматическая исправность не поможет; чтобы доставить сочинению надлежащую степень ясности, надобно избегать всех погрешностей, для нее вредных. Они суть: темнота, двоясмыслие, сбивчивость. <...>

§ 15. *Соответственность* стиля заключается в соблюдении отношений между словами и оборотами и между тоном целого сочинения. Все сие при том должно быть приспособлено к особенному намерению того, кто говорит или пишет. Итак, всегда наблюдать должно: а) одно только то, что употребительно в обществе или свойственно языку; б) что прилично предмету и цели; в) натуральное и простое; г) надлежащую определительность выражений, относительно к ним самим и к мыслям, которые автор посредством их объясняет. Сохранение всех сих свойств можно назвать одним словом *точностью*. Она избегает всего излишнего и растянутого, наблюдая везде благоразумную *краткость*.

§ 16. Ко всеобщим качествам хорошего слога принадлежит также его *достоинство*, или *благородство*. Надобно стараться присвоить себе навсегда мысли и чувствования людей образованных, имеющих здравый вкус. Все неблагопристойное, низкое, неприличное так, как и пустая напыщенность и высокопарность, оскорбляет нежность читателя.

§ 17. *Живость* слога зависит частию от его ясности и точности, частию от живости воображения и чувствований. Она происходит от совершенного согласия между означющим и означаемым, между словами и идеями. Итак, выбор слов их расположение и их благозвучность наиболее производят сию живость. Лучшие авторы не только смотрят на слова, которые они употребляют, но и на звуки, из которых сии слова состоят. Они стараются самым тоном слогов выражать предмет, особливо если сей предмет подвержен чувству слуха. <...>

II ПРАВИЛА О СОЧИНЕНИИ ПИСЕМ

§ 1. Письмо есть не что иное, как письменная речь одного лица к другому отсутствующему; оно заменяет недостаток словесной речи, которую можно было бы обратиться к сему лицу, когда бы оно было в присутствии. Итак, переписка есть письменный разговор между отсутствующими лицами. Все правила для писем основываются на языке и тоне словесного обращения в различных обстоятельствах и случаях жизни.

§ 2. Существенное свойство хорошего письма есть легкое, простое, благородное и безыскусственное изъяснение наших мыслей. Итак, письма вообще более, нежели другой какой род прозаических сочинений, принадлежат к простому народному языку. Способность писать хорошо письма приобретает рачительным наблюдением и точным подражанием языка общественного, употребляемого в образованном обращении. Письма изменяют свой тон сообразно намерению и содержанию оных, сообразно состоянию наших чувствований, характеру и званию тех лиц, к которым мы пишем, и отношению, какое между ними находится. Все это производит бесчисленное множество различий в языке и в расположении письменном.

§ 3. Поелику письменное изъяснение наших мыслей предполагает более труда, более размышлений, нежели словесное, то письма не во всем должны следовать совершенно языку разговорному. Оне избегают слишком обыкновенного, небрежного, от частого употребления состаревшегося образа выражаться. В простых разговорах простительны такие обороты, но в письмах, которые читаются с большим вниманием, нежели речь, в минуту родящаяся и исчезающая, терпеть их не можно. Мы сказали, что письма должны быть писаны легким и естественным слогом; следовательно, ясность и точность составляют их главное достоинство.

§ 4. Этого требует цель их, которая состоит в том, чтоб сообщать другим свои мысли и чувствования в надлежащей связи и порядке. Наши мысли и представления должны соответствовать предметам, о которых идет дело; наши слова и образ выражения должны быть согласны с нашими мыслями и чувствованиями. Один тонкий вкус, образованный в лучших обществах, может сохранить все сии приличия. <...>

§ 6. Сколь многообразно содержание писем, столь многообразны и правила писать их. Заключают ли они простой рассказ,

тогда требуют точности, порядка, краткости и полноты; состоят ли они в просьбе, в убеждении, в оправдании, тогда образ выражения нашего и способ доказательств должен быть силен и трогателен; заключают ли они учтивость, тогда должны они отличаться, соответственно нашему званию и отношениям, благородству, скромностию и выразительностию. В письмах, относящихся к должности нашей, требуется особенная основательность в мыслях, верность и исправность в выражениях. Изъяснение друзей дышит взаимною доверенностию, простотою и сладкими чувствованиями сердец, преданных друг другу. В письмах ученых должно удаляться, сколько возможно, сухости и единообразия. <...>

III О ДИАЛОГАХ ИЛИ РАЗГОВОРАХ

§ 1. Диалог или разговор есть взаимное изъяснение между двумя или многими лицами; он есть письменное подражание разговора словесного о предметах важных или занимательных. Цель сего рода сочинений состоит в том, чтобы живее показать образ мыслей разговаривающих лиц; в хорошем разговоре вы видите их своими глазами и характер их сам собою живописуется. Речь разговорная всегда имеет более живости и убеждения, нежели повествование.

§ 2. Разговор бывает или *драматический* — и заключает в себе *действие*, которое имеет начало, средину и конец (об нем мы скажем в нашей пиитике); или *философский*, которого предмет — истина; или просто занимательный и живописующий, имеющий свою целию прелести остроумия, любопытные картины природы и изображение чрезвычайных характеров. <...>

IV УЧЕБНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

§ 1. *Догматическими* или *учебными сочинениями* называем мы те, в которых предлагаются или доказываются истины общепользные, служащие к научению ума или образованию нашего сердца. Сей род сочинений можно разделить на два разряда: на *рассуждения* и на *учебные книги*. Первые занимаются обыкновенно отдельною истиною; другие представляют нам многие истины в связи и порядке.

§ 2. Отличительные свойства слога сих сочинений суть те же, которые приписали мы прежде слогу низкому, или народному. Если писатель имеет главною своею целию научение и убеждение рассудка, следовательно, ясность и точность в мыслях и слоге должны быть необходимым условием догматического творения. Все ораторские украшения, служащие к воспламенению страстей и воображения, не имеют здесь места. Впрочем, для того, чтоб сей слог не был слишком сух, однообразен и утомителен, позволяет-ся автору употреблять исторические отступления, примеры и описания характеров.

§ 3. Под рассуждением разумеем мы связное, стройное сочинение, в котором писатель объясняет или доказывает теоретическую или практическую истину. Сия истина должна иметь собственную важность и может относиться или к наукам, или к исследованиям историческим так, как предмет защищения или опровержения. Содержание рассуждений может быть столько же многообразно, коль бесчисленны предметы в природе и науках. Самый способ сочинять их изменяется беспрестанно, по существу материи, по намерению автора — и, смотря по тому, требует более или менее остроумия, точности и строгости в исследованиях. Рассуждение, взятое в тесном смысле, означает ту часть сочинения, которая находится в середине его, между началом и концом. <...>

V ИСТОРИЯ

§ 1. Философ и историк отличаются друг от друга тем, что один имеет в виду своем общую истину, а другой, напротив того, занимается отдельными случаями и происшествиями жизни. Итак, историческое повествование разнится от догматического, или от ученых рассуждений тем, что сии последние имеют предметом своим умствования и предположения, а первое — деяния и приключения людей. История почти не обязана изыскивать и открывать причины происшествий, но она должна рассказать их в том самом порядке и связи, в какой они друг за другом следовали.

§ 2. Прежде, нежели рассмотрим мы различные роды исторического повествования, представим теперь некоторые всеобщие правила, которые непосредственно проистекают из его существа и цели. Первое и необходимое свойство всякого рассказа есть яс-

ность, которая состоит в том, чтобы все обстоятельства происхождения, сами по себе и по взаимному их отношению, представлены были в надлежащем свете; чтобы они продолжались и раскрывались в порядке натуральном и в свое время. Историк должен определить их точно и основательно и не пропустить ничего, что служит к утверждению подлинности происхождения, или что может показать их с лучшей стороны, дабы возбудить и удовлетворить любопытство читателя. Итак, под историческою ясностью разуметь должно и *порядок*, и *полноту*.

§ 3. Не менее похвальна в хорошем повествовании *краткость* в мыслях и выражениях. Она зависит от правильного понятия о вещах и от некоторой мудрой скромности в образе объяснения. Сюда принадлежит благоразумный *выбор* обстоятельств, принадлежащих к главному предмету. Историк избирает из них важнейшие, отпускает незанимательные и не мучит читателя малозначащими эпизодами и отступлениями. Самый слог исторический не терпит ничего бесполезного и излишнего; приличная краткость доставляет ему живость и выразительность. При сем остерегаться должно, чтобы неумеренное старание сделать слог свой кратким, сильным и ясным, не сделало его темным. <...>

I. Характеры

§ 7. Под именем характера разумею мы всякое отличие всякой вещи, посредством которого получает она свою видимую отдельность и разнится от всех других предметов. Итак, характер человека составляют ему только принадлежащие нравственные и физические свойства, а особливо первые, то есть врожденные и приобретенные способности чувствования, склонности и привычки, образ мыслей и поведения. Главная основа характеров весьма многообразна; она изменяется по народам, по временам, по состоянию, по возрасту, образу жизни и воспитания, по духу народа, по темпераментам и привычкам. <...>

§ 9. *Изображение характеров* требует верности и правильности как в целом, так и в самых малейших изменениях и оттенках, точности и живости в образе разговора и действиях, так чтобы ничего не оставалось сомнительного и обоюдного. Они должны сохранить от начала до конца ревность и согласие в поступках и в ходе мыслей, вероятность и природу, особливо когда они вымышлены. Чтобы придать им более живости и силы, писатель пред-

ставляет их в известной противоположности один с другим. Разительность, краткость и какая-то *особенность* составляют пленительную красоту таковой живописи. <...>

II. Биография

§ 11. *Биография* или жизнеописание есть повествование о судьбе, поступках и свойствах какой-нибудь знаменитой особы. Сей род сочинений требует тех же самых правил, которые упомянуты нами, когда мы говорили о рассказе и характерах. Прибавим несколько слов. Биограф должен избирать такие лица, которых жизнь сама по себе занимательна и богата происшествиями, которые или саном своим, или отменными заслугами, или странным стечением обстоятельств и перемен счастья обратили на себя всеобщее внимание. Цель биографа и цель историка в некоторых отношениях различны друг от друга. Последний описывает происшествия в связи и порядке; первый более всего смотрит на действующую особу и старается со всею возможною подробностью отличить разительно ее характер. <...>

III. Романы

§ 17. *Роман* бывает по большей части повествование *вымышленное*, но правила в разсуждении расположения и слога суть те же самые, которые относятся и к истинным повествованиям. Впрочем сей род принадлежит более к стихотворным, нежели к прозаическим родам; и потому писатель романа должен знать еще некоторые наставления пиитики. Счастливое изобретение главного содержания и подробностей, новизна и занимательность как в самых происшествиях, так и в образе рассказа, искусство описывать характеры некоторых особ, красота и приятность слога — вот необходимые свойства романического повествования. <...>

VI. Речи ораторские

§ 1. Слово *речь* в тесном смысле означает рассуждение, составленное по правилам искусства и назначенное к изустному произношению. Сие рассуждение заключает в себе одну какую-нибудь главную мысль, которая объясняется или доказывается для убеждения слушателей. Слушатель может быть убежден очевидностью

предлагаемых истин, исчислением вероятных причин и силою доводов или доказательств. Завидный талант составлять такого рода сочинения, соединенный с способностью произносить их приятно и убедительно, называется вообще *красноречием*; обладающий всеми дарованиями, для того потребными, именуется *оратором*.

§ 2. Речи по их *содержанию и намерению* бывают различных родов. Главное содержание речи может быть или общее или частное; общее бывает теоретическое или практическое, частное имеет еще многие виды. По сим отношениям есть речи *духовные*, в которых предлагаются истины и обязанности религии; есть речи *политические*, в которых оратор рассуждает о выгодах в отношениях и потребностях общества; судебные, где защищается невинно притесненный или обличается преступник; *похвальные*, заключающие в себе похвалу заслуг умерших или живых знаменитых особ; *академические* речи, касающиеся до ученых предметов из природы или наук. У древних все речи разделялись на три рода: на *похвальные, советовательные и судебные*. <...>

§ 5. В слове или речи заключаются три намерения оратора: *научение, убеждение и искусство тронуть слушателя*. Все сии намерения должны быть соединены в одно и служить друг другу взаимным пособием. Представляя предмет со всею ясностью и подробностью, мы *научаем* и в то же время *убеждаем* разум справедливостию или, по крайней мере, вероятностию наших доводов. Сие научение и убеждение действуют в то же время на нашу волю, заставляют нас принять участие в предмете, представленном оратором, управляют нашими склонностями и производят в нас или привязанность, или отвращение. <...>

§ 13. Оратор должен действовать не на один только разум человека, но и на все его *душевные силы*. Он старается особенно воспламенить воображение слушателя, дабы таким образом привязать к себе все его внимание. Новость, красота, важность и возвышенность мыслей так, как и одежда их, служат самым действительным к тому средством. Живые, разительные картины много способствуют к самому убеждению ума человеческого. Подобным образом действует писатель на память: чем подробнее, полнее и, так сказать, существеннее изображение предмета, тем легче можно понять его и долее удерживать в памяти. К тому же способствует соблюдение порядка легкого, свободного, естественного во всех частях сочинения.

§ 14. Самое важное дело оратора, желающего обладать сердцами своих слушателей, есть *возбуждение страстей*. Они оживляют все наши мысли и воображение. Цель автора делается целью самих слушателей; его склонность и желание становятся общими склонностями и желаниями. Мы не только одобряем его советы, но с великою охотою готовы стремиться, куда он нас призывает; готовы действовать вместе с ним, а особливо когда он умеет, с одной стороны, убедить нас в выгодах предлагаемого им мнения, а, с другой стороны, представляет легчайшее средство к достижению конца. <...>

§ 17. Для успешного управления страстей оратору необходимо нужно глубокое *познание сердца человеческого*, познание каждой страсти особливо, ее тайных побудительных причин, ее хода, действия в многоразличных порывах и изменениях. Кроме того, он должен быть живо проникнут теми самыми чувствами, которые хочет возбудить в других; он должен быть уверен в той истине, в которой хочет уверять своих слушателей; он не выпускает из виду и собственных своих к ним отношений, измеряя их уважение к себе, их доверенность, их благорасположение. Подозрение или предупреждение против оратора может сделать недействительным самые величайшие усилия блистательного красноречия. <...>

§ 19. Когда речи определены к изустному произнесению, то оратор должен не забыть об искусстве *провозглашения*. Оно требует громкости и светлости в голосе, приятных изменений при повышении и понижении оно, его скорости или протяжности и, наконец, возможного согласия тонов с содержанием речи и со страстями, в ней царствующими. Для достижения сего искусства много способствуют природная гибкость и заблаговременное образование органов голоса, частое упражнение, внимательное наблюдение природы и внутреннее живое чувство.

§ 20. Сверх того, к искусству оратора принадлежат телодвижения или *наружные действия*. Приличный вид, положение, выразительность и перемены лица, обращение рук и движение всего тела должны соответствовать содержанию речи и оживлять каждое слово. В сем случае изучение природы и изучение собственных чувств гораздо более помогут, нежели теоретические правила. Телодвижение оратора должно некоторым образом не только обрисовывать характер его, но и всякую мысль и чувство. Он избегает всего излишнего и безобразного, всего того, что могло бы сделать его смешным.

§ 21. Теперь уже видно, какие главные качества и дарования требуются от оратора, если он хочет достигнуть своей цели. Между дарами врожденными должны отличать его: гений, наблюдательный взор, быстрое остроумие, вкус, высота духа, воображение, память, сила чувствований и, наконец, сила, приятность и гибкость органа. Между способностями приобретаемыми: познание человеческой природы, здравая философия, сведения истории и всеобщей литературы, опытность в риторических правилах и частое упражнение в сочинении речей и в изустном их произнесении.

§ 22. До сих пор предложенные правила касаются *вообще речей* и могут быть приурочены к каждому роду, но есть так же правила, которые относятся к одному какому-нибудь роду; мы скажем об них несколько слов. *Политическое красноречие*, которого употребление ныне не столь обширно, как было в древние времена, требует от оратора точного и подробного сведения о правах и выгодах своего отечества. Он должен иметь основательное познание обо всем, что служит к его пользе и вреду. Он предвидит все спасительные средства к общему благу. Он всегда богат в твердых доказательствах на все свои предложения, в надежных планах к исполнению оных; его отличают мужество и решительность к преодолению всех препятствий и затруднений. Он должен быть свободен от своекорыстия, от всех страстей и от частных привязанностей.

§ 23. *Судебное красноречие* предполагает основательное познание естественного и гражданского права; сверх того, полное и ясное понятие о том деле, которое составляет предмет речи. Оратор должен знать отношения и нравственность характеров, состояние и обстоятельства обвиняемого и защищаемого. Законы совести требуют, чтобы он представил весь процесс без всякой перемены, опущений или прикрытий. Он может употребить в свою пользу все благородные средства, дабы убедить разум судей и тронуть их сердца.

§ 24. Если главное намерение *духовного красноречия* состоит в утверждении христианских истин посреде церкви, в показании благодетелей и обязанностей религии, в воспламенении благодарных чувствований к ее начальнику и в распространении чистой, святой нравственности, то духовный оратор особенно должен стараться избирать такие предложения, которые соответствовали бы совершенно сему намерению. Не занимая слушателя

пустыми умозрениями и спорными догматами, он показывает только то, что клонится к истинному нашему благу, к счастливой и честной жизни. Он наблюдает всегда такой порядок и ясность, чтобы быть понятным для каждого состояния людей, не унижая, однако, достоинства своего предмета слогом низким или народным. Наконец, он должен возбуждать не простые, скоропреходящие чувствования, не суетные желания, но постоянные, непоколебимые страсти к добру, подкрепляющие странствующего человека по скользкому пути сей жизни. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте внимательно толкования А.Ф. Мерзляковым слов *речь* и *язык*? Насколько разнятся эти объяснения от современных толкований (§ 1)?
2. Какие науки занимаются правилами речи (§ 1, 2)? Как понимаются риторика и красноречие? В чем состоит польза красноречия (§ 7)? Почему красноречие навлекло на себя «справедливые укоризны»? В чем состоит «злоупотребление» красноречием?
3. Объяснение прозы и поэзии А.Ф. Мерзляковым существенно отличается от современных толкований. В чем состоит эта разница?
4. Как объясняется автором *природное красноречие*?
5. Что нужно для образования оратора?
6. Что такое *слог*? Каковы требования к хорошему слогу? В чем состоят *правильность, ясность, ответственность, точность, достоинство, живость*?
7. Прочитайте внимательно раздел о написании писем. Насколько универсальны советы А.Ф. Мерзлякова к написанию писем?
8. Какие виды словесности называет А.Ф. Мерзляков?
9. Каким типам современной словесности соответствуют описания «учебных или догматических» сочинений у А.Ф. Мерзлякова?
10. Какие советы к написанию исторической прозы кажутся вам наиболее полезными?
11. Какие виды ораторских речей называет А.Ф. Мерзляков? Каковы цели каждого вида красноречия? Что из советов автора представляется вам наиболее полезным для формирования современного ритора?

Л.Г. ЯКОБ

**УМОЗРЕНИЕ
СЛОВЕСНЫХ НАУК
(1813)**

Людвиг Генрих (Людвиг Генрихович) *Якоб* (1759—1827) — немецкий философ, филолог, социолог, правовед, деятель Просвещения.

Молодость и становление Якоба как ученого и педагога связаны с г. Галле, где он закончил гимназию и университет, защитил диссертацию «Аллегии в творчестве Гомера» (1785 г.), стал профессором, а затем и проректором Галльского университета. В 1806 г. в связи с закрытием университета после прихода наполеоновских войск Якоб получил приглашение приехать на работу в Россию. С 1807 г. он читал лекции по разным дисциплинам в только что открытом Харьковском университете, в 1809 г. переехал в Петербург, где был назначен членом законодательной комиссии в Министерстве финансов и временным членом коллегии по подготовке русского уголовного кодекса. В 1826 г. вернулся в Галле, где получил дворянский титул, звание государственного советника и должность ординарного профессора политических наук в университете. В 1820 г. он снова стал проректором университета.

Деятельность Л.Г. Якоба в России ознаменована выходом энциклопедического «Курса философии для гимназий Российской империи (1811—1817 гг.) в 8-ми частях, содержащего «начертание» всеобщей логики, всеобщей грамматики, психологии, нравоучительной философии, эстетики, словесных наук, естественного и народного права, народного хозяйства.

Печатается по книге: Курс философий для гимназий Российской империи, сочиненный Лудвигом Гейнрихом Якобом, коллежским советником и кавалером, издан от Главного правления училищ. Часть шестая, содержащая умозрение словесных наук. — СПб., Имп. ак. наук. 1813. — 103 с.

ВВЕДЕНИЕ

ПОНЯТИЕ, РАЗДЕЛЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРА СЛОВЕСНЫХ ИСКУССТВ

§ 5. При употреблении слова мы имеем в виду или токмо простое в общежитии случающееся, или торжественное, нарочно обдуманное сообщение наших мыслей, либо действительное убеждение в какой-либо важной цели, или, наконец, сколько можно прекраснейшее изложение мыслей. Первое можно назвать *просторечием*, не требующим и не терпящим большой степени изящности; другой род слова составляют нарочно делаемые изустные или письменные речи и требуют уже большей степени изящного, именуемого *сладкоглаголением*; третий род состоит из собственно так называемых торжественных речей, в которых истощается вся эстетическая сила, совместная однако ж с целию убеждения — все *красноречие*; последний род метит на изящность выражения и избирает токмо такие мысли, которые допускают прекрасное изложение; он составляет *поэзию*.

§ 6. И для того умозрение словесных искусств обыкновенно разделяют на *риторику* и *пиитику*. Под первую разумеют умозрение изящного выражения для связных и торжественных речей, следственно для сладкоглаголения и красноречия, а под последнюю умозрение стихотворства, или поэзии; просторечие не требует никакого особенного умозрения изящности.

§ 7. Сего-то умозрения мы будем держаться, предложив однако ж наперед всеобщее умозрение изящных словесных искусств. За сим последует: 1) умозрение вообще изящного слова, 2) риторика, 3) пиитика.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

УМОЗРЕНИЕ ИЗЯЩНОГО СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА ВООБЩЕ

§ 8. В произведениях изящного словесного искусства многое может быть прекрасным в одно и то же время:

1) могут быть прекрасны самые мыслимые предметы, 2) мысли их представляющие, 3) язык, служащий к изображению мыслей. <...>

§ 10. Для того в следующем подотделении надобно будет рассуждать: 1) об эстетическом механизме языка; 2) об этическом совершенстве выражений мыслей; 3) о декламации.

ПЕРВОЕ ПОДОТДЕЛЕНИЕ

Об этическом совершенстве мыслей

§ 11. От логического совершенства мыслей требуется удовлетворение рассудка и разума, следственно, повсемственность, ясность, подлежательная истина и достоверность. Эстетическое совершенство имеет в виду вкус. Оно требует, чтобы мысли некоторым легким образом занимали равномерное воображение и рассудок.

Сие достигается:

I. Богатством и силою;

II. Ясностию и живостию;

III. Эстетическою истиною;

IV. Эстетическою достоверностью мыслей.

§ 13. Богатство мыслей состоит в том, когда в душе находится много мыслей, занимающих воображение и рассудок; к тому же когда многие мысли связаны между собою по законам познавательной силы, или когда во многообразии царствует единство.

§ 14. Начало сего обилия может скрываться или в мыслящем подлежащем, т.е. когда гений его при малейшем поводе родит тысячу представлений, находящихся в связи с предметом, внушившим оные, или в предмете, когда в нем самом таится уже обильная материя для прекрасных представлений. <...>

§ 36. Эстетическая ясность состоит в том, что мыслимое представляется и узнается в чувственных картинах. Следственно, она совсем различна от логической ясности. <...>

§ 37. Ясность облегчает игру познавательных сил и потому нравится; напротив, мрачность препятствует оной и потому не нравится. <...>

§ 39. Для пояснения мыслей можно употреблять другие, а именно:

- 1) *параллели*, или сравнение;
- 2) *антитезы*, или противоположности;
- 3) *сравнение*;
- 4) исчисление частей целого, или нижших, либо неделимых представлений под высшими;
- 5) разрисовка мысли;
- 6) вообще все то, что короче определяет и делает мысль ощутительнее. <...>

§ 56. Эстетическая достоверность мыслей состоит в том, когда мы с полным уверением принимаем предметы за такие, какими их представляют нам мысли наши.

§ 57. Она достигается:

- 1) Приведением многих подобных случаев или примеров;
- 2) Возбуждением таких душевных движений, которые заставляют желать, чтобы мысли были истинны, или иначе сообщают доводам такой вес, какового они сами по себе не имеют;
- 3) Свидетельствами, или знаменитостию других, почитавших мысли сии за истинные. <...>

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОВЕРШЕНСТВЕ ЯЗЫКА

I

Об эстетическом совершенстве языка по отношению к звуку

§ 62. Один язык уже вообще приятнее для слуха, нежели другой, и в сем уважении имеет перед сим последним более эстетической цены. Но при всем том каждый еще заключает в себе некоторые слоги, слова и речения, для слуха приятнейшие пред другими. Поелику же сие удовольствие от звука слов проистекает из той легкости, с каковою тон во всей чистоте перенимается слухом, то оно бывает эстетическое, и красота, сим языком доставляемая, называется *благозвучием* и составляет эстетическое совершенство языка, *эффониею* именуемое; противное тому качество называется какофониею (дурнозвучие).

§ 63. Благозвучие может быть достигаемо отчасти одними слогами и словами, отчасти соединением слов в целые такты (размеры), отчасти некоторою мерою слогов.

§ 64. Слова 1) назначены для выговора. Первая красота состоит в том, чтоб они произносились легко и без всякого принуждения. И для того *легкие, плавные* слова и речения эстетически совершеннее, нежели тяжелые и такие, которые произнести можно разве с трудом и заикаясь (отрывочно).

§ 65. Далее при произношении мы задерживаемся дыханием. Сие требует, чтоб части речи, которые должно произносить одну за другою одним духом, не слишком были велики и не затрудняли бы произношения.

§ 66. Но 2) и в качестве самих звуков и их соединений находится некоторая приятность. Следственно, к совершенству языка принадлежит и то, чтоб отчасти выбирать тоны, для слуха не при-

ятные, для чего особенно требуется *чистый* тон, отчасти *разнообразие* и *изменение слогов и слов*, приятно слух занимающие.

§ 67. Наконец 3) различные тоны соответствуют различным чувствованиям, так что они могут возбуждать сии чувствования и чрез игру представлений. И потому язык можно почтеть некоторою музыкою и он может уже производить эстетическое удовольствие, не принимая в рассуждение значимости слов, когда сии выговариваются прекрасным голосом.

§ 68. Благозвучие целых предложений и периодов называется *numerus*. Можно было бы его назвать *стройным благозвучием*. Оно бывает тогда, когда каждое предположение и каждый период со всеми их частями легко произносятся и приятно в слух ударяют, так что из словоизменения образуется некоторая ораторская музыка. Поколику сей *numerus* повторяется некоторым правильным образом, то именуется рифмом. <...>

II

Об эстетическом совершенстве языка, рассматриваемого в качестве знаков мыслей вообще

§ 71. Слова должны означать и возбуждать мысли. <...>

§ 76. Наиважнейшую цель языка составляет выражение мыслей. Поелику язык изобретается по нужде, несмотря ни на какие эстетические правила, то словесность употребляет оный так, как есть. Но словесность должна описывать эстетические преимущества языка, пользоваться и собирать оные в своих произведениях.

§ 77. К совершенству эстетического выражения требуется: 1) *исправность*, 2) *ясность* и *определенность*, 3) *живость*, 4) *пристойность*. <...>

§ 80. Исправность объемлет *правильность* и *чистоту* языка. Язык бывает правильным тогда, когда соображается с правилами словопроизводства и синтаксиса. Чистым, когда он не наполнен чужезобразными словами и словосочинениями. <...>

§ 82. Для *ясности* выражения требуется избирать токмо такие слова и словосочинения, коих знаменование уже всем известно и под коими всякий разумеет то же самое. Выражения, коих значение неизвестно, бывают темны, двусмысленны и непрочны, коль скоро почти каждый что-либо другое при сем думает и, следовательно, опровергает цель оратора.

§ 83. *Определенность* есть совершенство выражения. Где есть определенность, там только то и разумеется, что должно означать выражение. Некоторый вид определенности означает сокращенность (*praecisio*), не терпящая в выражении ничего излишнего. *Многоглаголанье* есть порок, противоположный краткости и ослабляющий внимание лишними словами.

§ 84. Живость языка состоит в том, чтоб мысли выразить (возможно, пропущено слово. — *A.B.*) и крепко. Сие бывает когда слова подстрекают внимание, представляют мысли картинами и возбуждают какую-то страсть, действием которой мы воображаем себе мысль живее.

§ 85. Главнейшие средства к достижению живости языка: 1) так называемые *ораторские фигуры*, состоящие в некотором особенном способе произносить, ставить и соединять слова и речения, дабы чрез то возбудить внимание и оживить мысли; 2) *тропы*, или цветные выражения, т.е. слова и речения, две мысли выражающие, из которых одна имеет *собственное*, а другая *несобственное* значение. <...>

IV

Об изустном произношении

§ 104. Слова получают свою полную силу и значение от голоса, оные выговаривающего, и от взглядов и телодвижений, коими они сопровождаются. Искусство прилично выражать речь голосом, тоном, телодвижениями составляет *телесное красноречие*.

§ 105. Тут надобно различать произношение от сопровождающих оное взглядов и телодвижений. Изменение, сообщаемое речи произношением, называется *декламациею*. Взгляды и телодвижения оные сопровождающие, будучи взяты вместе, составляют мимику.

§ 106. К прекрасной декламации вообще принадлежит: 1) *хороший голос*, который может производить чистые, приятные, многообразные (высокие и низкие, сильные и слабые) тоны; 2) *острый музыкальный слух* и искусство изменять тоны по произволу; 3) *ясное произношение*, каждый слог отдельно выговаривающее и ни одного ни поглощающее; 4) *живой выговор*, т.е. такой, который, как видно, родится от мыслей и чувствований; 5) выговор должен быть *естествен*, следственно, *не принужден*; 6) голос должен с мыслями переменяться, однако ж так, чтобы переходы от одного тона к другому были легки и плавны. <...>

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

О риторике в особенностях

§ 123. Риторика должна научить, каким образом можем мы сообщать речам нашим всевозможную красоту, с их природою совместною. <...>

§ 126. Речь (слова) разделяется на *прозу* и *стихи*. Последние суть слова, правильно расположенные по стопосложению; проза есть речь без стихов. <...>

§ 127. Прозаические речи имеют целию отчасти *наставление*, отчасти *побуждение* воли. Нередко обе сии цели в речи соединяются. Все сие может произойти частью *письменно*, частью *изустно*.

§ 128. К наставительным (поучительным) речам принадлежат:

- 1) *умозрительные сочинения* или *преподавания*, которые сообщают всеобщие истины отдельно или в связи;
- 2) *описания*;
- 3) *исторические повествования*;
- 4) большая часть *должностных* или *государственных сношений*. <...>

§ 129. Побудительные речи суть собственно так называемые торжественные речи, которых цель побуждать слушателей на что-либо решиться, смотря по намерению оратора. Они допускают высочайшую степень эстетического совершенства и могут разделяться на *нравственные*, *политические* и *судебные*. С поучительными речью может более или менее соединиться трогательное произношение. <...>

I

Об умозрительных письменных или изустных речах

§ 130. Главная цель таковых речей есть поучение; следственно, ясность, точность и определенность понятий, изложение доказательств во всей силе, убеждение и пр. Следственно, надо избегать всего того, что противно сей цели и даже жертвовать красотою, коль скоро она тому препятствует.

§ 131. При сем том они все допускают некоторую красоту не потому только, что все требуют исправности, ясности, вразумительности и надлежащей краткости, составляющих токмо отрицательные условия красоты, но многие из них способны даже к принятию эстетического изложения так, что цель поучения чрез то выигрывает.

§ 132. И потому всеобщие правила вкуса в рассуждении сих речей или сочинений состоят 1) в том, чтобы с отвлеченными мыслями, сколько то может быть, без вреда главной цели соединились чувственные соприкосновенные понятия; 2) чтобы язык и декламация имели совместную с содержанием красоту.

§ 133. Если речь имеет целию представить какую-либо науку всю кратко и в связи, то она именуется *руководством* (compendium); подробное же изложение всей науки или части оной называется *рассуждением* (Abhandlung).

§ 134. *Руководство* требует логического совершенства изложения и всякое эстетическое изукрашение вредит цели оною. Для того изложение руководства бывает *сухо*. Красноречие может украсить такое изложение токмо исправностию, чистотою и краткостию.

§ 135. *Рассуждения* бывают *учеными*, когда излагают сведения одним ученым людям свойственные, понятные; *всенародными* (populaire), когда они требуют токмо обыкновенных сведений и сил разума. Следственно, есть ученое и всенародное слово.

§ 136. *Ученое слово* преимущественно занимает разум и потому столько лишь терпит эстетического совершенства, сколько может быть совместно с наивеличайшим логическим совершенством слова.

§ 137. *Всенародное (простое) слово* старается посредством воображения действовать на разум; следовательно, требует уже больших прикрас в слоге. Но сии прикрасы, по крайней мере, не должны вредить истине, хотя несколько основательность и нарушают; величайшее эстетическое искусство состоит в соединении логического с эстетическим совершенством в ученых сочинениях так, чтобы при том не потерпело логическое совершенство. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Восстановите классификацию наук у Л.Г. Якоба. Каково значение слова «умозрение»? Найдите контексты употребления данного слова. Какое содержание вкладывает Л.Г. Якоб в термины *умозрение вообще, риторика, поэтика*?
2. Какие три типа употребления называет Л.Г. Якоб? Каким видам речи или сферам общения они соответствуют?
3. В чем состоит логическое и эстетическое совершенство мыслей?
4. В чем состоит эстетическое совершенство языка?
5. Поясните категории эстетического совершенства языка: правильность, чистоту, ясность, определенность, живость.
6. Какие требования предъявляет Л.Г. Якоб к изустному произношению?

Н.И. ГРЕЧ

УЧЕБНАЯ КНИГА
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
(1819—1822)

Николай Иванович *Греч* (1787—1867) — русский писатель, журналист, издатель, филолог и педагог. Предки Греча — выходцы из Богемии: дед — прусский дворянин, переселившийся в Россию в середине XVIII в., отец — обер-секретарь Сената. Греч учился в Юнкерской школе при Сенате и Педагогическом институте. С 1804 г. преподавал в частных школах, Петропавловском училище, Пажеском корпусе, будучи одновременно членом цензурного кабинета. Греч стал рано известен как издатель: с 1812 г. он издавал вместе с Ф. Булгариным журнал «Сын Отечества», с 1825 г. — газеты «Северная пчела», в 1829—1831 гг. редактировал «Журнал Министерства народного просвещения». В 20—30-х годах «известность Н.И. Греча не только литературная, но и просто личная, была почти всеобщей» (М.В. Лонгинов). В доме Греча на знаменитых «четвергах» собирались художники и литераторы (К.П. Брюллов, А.С. Пушкин, П.А. Плетнев и др.).

Греч был широко известен и как беллетрист: романы «Поездка в Германию» (1831) и «Черная женщина» (1834), «литературные путешествия» с идеей защиты российского социально-политического строя.

Как филолог Н.И. Греч знаменит своими грамматическими трудами: Практическая русская грамматика. — СПб., 1827; изд. 2-е, 1834; Пространная русская грамматика. — СПб., 1827. — Т. 1; изд. 2-е, 1830; Чтения о русском языке. — СПб., 1840. Ч. 1, 2 и др. В.В. Виноградов, отмечая богатство описаний и характеристик конкретного речевого употребления, в то же время называл его более «коллекционистом и формалистом-систематизатором», заимствовавшим готовые построения зарубежных и отечественных грамматиков.

Труды по теории и истории словесности — более ранние: Учебная книга российской словесности, или

избранные места из русских сочинений и пер. в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. Ч. 1—4 (СПб., 1819—1822). Сочинение Греча имело большое влияние на современников: так, в 1849 г. К.П. Зеленецкий заимствовал из его «Опыта краткой истории русской литературы» (отд. издание 1822) большинство писательских биографий и характеристик, а И.И. Давыдов включил эти характеристики в «Историю русской словесности», которая переиздавалась до 1860 г. О влиятельности «Учебной книги словесности» Н.И. Греча говорят ее неоднократные переиздания.

Греч был блистательным педагогом и методистом, умевшим отобрать, систематизировать и кратко описать литературный и грамматический материал. Этот талант вполне проявился в «Учебной книге словесности», где краткие и точные определения богато проиллюстрированы множеством литературных примеров. В части 1 даны «общие правила риторики» (главы: 1. О предмете или содержании сочинения. 2. О форме сочинения); в части 2 описаны «разные роды произведений прозаических»: 1) письма, 2) разговоры, 3) описания, 4) исторические сочинения, 5) деловые бумаги, 6) учебные сочинения, 7) речи.

Печатается по изданию: *Греч Н.И. Учебная книга русской словесности, или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы: Отделение первое. Проза. Часть 1-я. Краткие правила риторики.* — СПб., 1820. — С. 1—6, 11—13, 28—44, 48—50, 52—53.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Человек, употребляя дар слова, может иметь одну из следующих целей:

- 1) сообщать другим свои мысли,
- 2) управлять их волею или деяниями и
- 3) действовать на их чувство и воображение.

В первых двух случаях язык его есть *проза*, в последнем *поэзия*.

§ 2. Предметами существенными, истинными занимается проза; поэзия присовокупляет к тому вымыслы и картины воображения. Основанием прозе служат преимущественно мысли, а поэзия имеет надобность и в чувствованиях.

§ 3. Правила писать прозою заключаются в *риторике*. В *пиитике* излагаются правила поэзии или стихотворства. Риторика и пиитика разделяются каждая на две части: в первой части предлагаются общие правила сочинять прозою и стихами, а в последней рассматриваются свойства разных родов прозаических и пиитических произведений, с приложением к оным вышеприведенных общих правил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ ПРАВИЛА РИТОРИКИ

Предварительные понятия

§ 4. *Риторика* заключает в себе правила излагать изустно или на письме мысли свои, сообразно с предположенною целию. Цель сия, как видно из § 1, может быть двоякая, теоретическая и практическая: в первом случае имеем намерение действовать только на ум человека, в последнем и на волю его. От сего происходит разделение прозы на *низшую* и *высшую*. Первая служит только для сообщения другим наших мыслей; последняя, называемая иначе *языком красноречия*, составляет переход от собственной прозы к поэзии; ибо употребляет, для достижения цели своей, все средства, действуя на мысли, волю и воображение. В каком случае употребляется каждая, показано будет впоследствии.

§ 5. Во всяком сочинении должно различать *предмет* и *форму*, или наружный вид. Первая часть риторики разделяется по сей причине следующим образом:

I. О *предмете* сочинения, то есть:

- 1) об *изобретении* или выборе предмета и приискании для оного материалов и
- 2) о *расположении* материалов.

II. О *форме*, или наружном виде сочинения, то есть:

- 1) о выражении мыслей на бумаге или о *слове*, и
- 2) о выражении мыслей речью, или о *декламации* и *мимике*.

Глава первая О предмете или содержании сочинения

I. Об изобретении или выборе

§ 6. Предмет сочинения избирается самим пишущим или предлагается ему другим: в обоих случаях для приискания приличных к изображению его материалов потребно *собственное размышление*.

§ 7. Для успешного размышления о предложенном предмете полезно наблюдать следующие правила:

- 1) представить в уме своем предмет, о котором идет дело, сколь можно яснее и очевиднее;
- 2) заниматься сим предметом исключительно и обдумывать оный с терпением, всячески преодолевая слабость или упрямство своих способностей; впрочем, должно предаваться влечению мыслей своих с некоторою смелостию и не пугаться при первой неудаче;
- 3) приготовить к размышлению чтением, но с осторожностью, чтоб рабски не повторять чужих мыслей.

§ 8. Дальнейшие правила *размышлять* предлагаются в логике, но вообще в приискании материалов надлежит сообразоваться с предметом и целию сочинения. При сочинении прозою цель наша может быть четырех родов:

- 1) Мы рассказываем какое-либо происшествие: *повествование*.
- 2) Изображаем существующий предмет: *описание*.
- 3) Наставляем других, т.е. проясняем теоретическую истину или внушаем практическую: *поучение*.
- 4) Побуждаем других к деятельности: *убеждение*.

Посему и предметы размышления (или *темы*) бывают: *повествовательные, описательные, поучительные и убедительные*.

1. Повествовательные предметы

§ 9. Главною целию повествования есть сообщение читателю или слушателю сведения о происшествии, случившемся в физическом или нравственном мире. Происшествие сие может быть *простое* или *сложное*, т.е. состоящее из двух или более происшествий. В последнем случае нужно ясное разделение оных.

§ 10. Для успешного описания какого-либо происшествия, должно к тому приготовить собранием об оном сведений из достовернейших или ближайших источников, т.е. из показаний очевид-

ных свидетелей (если нельзя увериться в том собственным наблюдением), из творений современных, беспристрастных и сведущих писателей и др. В случае недостатка очевидных свидетелей можно заимствовать сведения у тех, которые могли получить оные от свидетелей, из суждений позднейших, но беспристрастных писателей и пр. Пояснению источников учит *историческая критика*.

§ 11. При собственном размышлении о простом или сложном происшествии в *нравственном* мире, должно принимать с суждение следующее:

- 1) *Происхождение и повод*. Время, место, лица (главные лица, посторонние, взаимные их сношения).
- 2) *Причины и побудительные силы* — истинные и ложные, внутренние и наружные.
- 3) *Цель и намерение* действующих лиц. Средства, употребленные ими. Препятствия и затруднения.
- 4) *Достоинство и важность* происшествия. Впечатление, произведенное оным вообще.
- 5) *Суждение* современников и потомства.
- 6) Самое *совершение* происшествия.
- 7) *Последствия* оногo и *влияние* на действовавших и на посторонних, на современников и потомство — ложные и истинные. <...>

2. *Описательные предметы*

§ 13. Цель описания есть изображение предстоящей вещи, для сообщения другим ясного о ней понятия или для отличия оной от подобных. Описывать предмет значит изображать его вид и сношения с другими предметами.

§ 14. Предметы описания могут быть *внешние* и *внутренние*. К первым принадлежат произведения природы, искусства или того и другого вместе, к последним различные состояния души человеческой. <...>

3. *Поучительные предметы*

§ 16. Цель наставления, или поучения, есть *пояснение истины теоретической* или *внушение истины практической*. Истина теоретическая относится к уму, *практическая* — к воле человека.

§ 17. К замыслению для пояснения какой-либо истины должно приготовиться воспоминанием о происшествиях и опытах,

имеющих с нею сношение, приисканием предметов подобных, повторением того, что успели мы заметить при преподавании или чтении, рассмотрением запаса собственных мыслей и живым представлением сей истины в воображении нашем.

§ 18. При размышлении надлежит принимать в рассуждение различную цель поучений, ибо в каждой, теоретической и практической, есть особенные средства для приискания материалов.

Глава вторая **О форме сочинения**

§ 55. Приискав и расположив материалы сочинения, приступаем к изложению оных, которое есть двоякое: *изложение на бумаге* и *изустное произношение*.

А. О выражении мыслей на бумаге

§ 56. Образ выражения мыслей на бумаге называется *слогом* или *стилем*.

§ 57. Цель каждого сочинения состоит в том, чтоб оно было понимаемо читателями. Из сего следует, что оно должно быть написано *правильно, ясно, определенно, в порядке и связи, и притом приятно*.

1. Правильность слога

§ 58. Правильность состоит в наблюдении общепринятых законов употребляемого нами языка. Для сего надлежит *знать* грамматику и *наблюдать* господствующее *употребление* в сочинениях лучших писателей. Правильность бывает:

- 1) собственная правильность, или наблюдение правил грамматики и употребления и
- 2) чистота языка.

А. *Собственная правильность*

§ 59. *Собственная правильность* требует наблюдения законов языка, в отношении к отдельным словам и к соединению оных в речениях и периодах. Должно, по сей причине:

- 1) употреблять слова правильно составленные и
- 2) соединять оные между собою по правилам и употреблению языка.

Ошибки против первого из сих правил называются *барбаризмами*, а против второго *солецизмами*.

§ 60. *Барбаризм* есть употребление новосоставленных или старых слов, которые образованы вопреки правилам словопроизводства; напр. *ихной*, *сожалетельно*.

К сему же относятся ошибки против изменения слов, напр. *созаждил*, *сочинениев*, *держут*, *он едит*.

§ 61. *Сolecизм* есть ошибка против словосочинения, или синтаксиса; напр. *вошедши в комнату, мне захотелось сесть*; *взяв в руки перо, у меня ноги подкосились*; *мне сказали, что будто он нездоров*; *если б вы решились бы ехать*; *сцена сия долго продолжалась*; *я возвратился назад* и т.п.

Б. Чистота языка

§ 62. *Чистота* требует, чтоб в язык не было вмешано ничего чуждого, из областных ли наречий или из иностранных языков. К сему принадлежат выражения обветшалые, провинциальные, и слова и обороты чужестранные.

§ 63. *Выражения обветшалые* (архаизмы) суть слова и обороты живого языка, которые при возрастающем его обогащении устарели и не употребляются хорошими писателями, хотя иногда встречаются в языке простонародном. Они суть:

- a) выражения, означающие низкие, телесные действия человека; напр. *жрать*, *рыгать*.
- b) слова испорченные: *оченно*, *некрут*, *гать*.
- c) слова низкие и подлые: *треснуть*, вм. *ударить*, *сварганить*, *буркалы*, *бахвалить*, *тарантить*.
- d) вышедшие из употребления: напр. *звычайный*, *коноб*, *говяда*.

Примечание. Некоторые из простонародных слов употребляются в сочинениях шуточных. Из числа обветшалых должно исключить сильные и выразительные слова языка славянского, употребляемые хорошими нашими писателями.

§ 64. *Провинциальные* слова суть те, которые употребляются в некоторых только областях России; напр. *понос*, т.е. попутный ветер; *чаевать*, вм. чай пить; *нишни*, вм. молчи; *квочка*, вм. наседка. Некоторые из них могут быть введены в общий язык, когда означают предмет, собственно в той области принадлежащий и не имеющий выражений в языке книжном, напр. *тундра*; или выразительностию своею достойны повсеместного употребления: *рекостав*.

§ 65. *Чужестранные слова* вошли в язык при введении в общее употребление вещей и понятий, заимствованных у иностранцев.

Из сих слов позволено употреблять в хорошем слоге слова технические, или относящиеся к наукам и искусствам; напр. *история, грамматика, эпопея, магнетизм* и т.п., также названия чинов: *генерал-майор, комиссар, ассессор*. Некоторые из технических слов переведены на русский язык весьма удачно и потому должны быть заменяемы русскими, напр. *география — землеописание, стиль — слог, пункт — точка*. В сем случае должно руководствоваться примером хороших писателей. Вообще слова технические иностранные имеют от повсеместного своего употребления то преимущество пред русскими, что выражают предмет точнее и определеннее и способны принимать формы прилагательных. По сей причине должны они употребляться в простом, разговорном и поучительном языке, в котором преимущественно требуются ясность и определенность. Русские же слова превосходнее иностранных своим благородством и важностию (напр. *полководец*, вм. генерал), и потому предпочитаются в слоге высоком и величественном. Впрочем, все иностранные слова, кроме помянутых технических, особенно те, которым есть равносильные русские (напр. *пандам, фантом, руины* и т.п.), должны быть изгнаны из языка.

§ 66. *Чужестранные обороты* суть те, которые противны русскому сочинению и порядку слов. По языкам, из которых они вкрались, называются они *латинизмами* (в острове), *германизмами* (я весь ухо), *галлицизмами* (он слышал меня петь) и т.п.

2. Ясность и определенность слога

§ 67. *Ясность* слога требует, чтоб смысл речи нашей был удобопонятен, а *определенность* состоит в том, чтобы речь наша выражала именно ту мысль, которую мы в виду имеем. Для удовлетворения сим двум важным требованиям, надлежит приучать себя ясно и определенно мыслить и выбирать приличные, исключительно нашей мысли соответствующие выражения. Впрочем, есть и другие причины *темноты* и *сбивчивости*, заключающиеся в языке или в самых мыслях.

§ 68. *Темнота* слога происходит:

- 1) От сбивчивости мыслей, т.е. когда не знаем с точностию, что хотим сказать.
- 2) От нравственных причин: когда не хотим прямо сказать, что истинно думаем.

- 3) От беспорядочного размещения знаков препинания и от ошибок против синтаксиса, особенно в расположении слов.
- 4) От ошибочного выражения, то есть
 - а) когда употребляем малоизвестные слова;
 - б) когда употребляем слова известные, но не в обыкновенном их смысле; напр.: он *нарочито* пришел.
 - в) когда употребляем слова, имеющие двойное значение, не определив сначала их смысла: напр.: *переводить* книгу, *переводить* мышей. <...>

3. Порядок мыслей

§ 70. Кроме вышеупомянутого логического порядка (§ 41 и след.) есть другой, *внутренний* порядок, которым иногда, согласно с особенною целию сочинения, нарушается порядок логический. Дело состоит в том, чтобы отделения главной мысли состояли там, где они удачнее всего могут произвести *общее* впечатление. В сем случае чувство решит лучше всяких правил.

§ 71. Вообще можно преподавать для сего следующие правила:

- 1) Должно размыслить, что именно хотим сказать, и с *каким* намерением.
- 2) Не переходить от одной мысли к другой, не сказав о первой всего, чего требует цель сочинения.
- 3) Не пропускать мыслей необходимых для связи целого, т.е. не делать скачков.
- 4) Располагать мысли в некотором порядке: сначала помещать самые сильные и общие, а за ними слабейшие и частные.
- 5) Предложения приводить в надлежащую связь и стараться, чтоб переход от одной части к другой не был приметен.

4. Единство

§ 72. Сочинение имеет единство, когда в нем нет ничего чуждого или такого, что могло бы ослабить действие, которое мы имеем в виду. Мысли и выражения должны соответствовать предмету сочинения и намерению сочинителя. Три главные цели всякой речи суть: *убедить, тронуть, возбудить страсть*. Каждая из оных требует особых средств в отношении к выражению; так, напр., если имеем целию тронуть, то не должны употреблять выражений и оборотов, производящих смех. Каждое сочинение имеет особенный свой *тон*.

5. Красота слога

§ 73. Можно с удовольствием читать сочинение, в котором соблюдены все вышеприведенные правила хорошего слога, между тем есть другие средства усугубить сие удовольствие, особенно когда сочинение наше не есть сухое, учебное и может быть написано со вкусом и приятностью воображения. Свойство слога, имеющее целию удовольствие читателей, называется *красотою*.

§ 74. Средства, для доставления слогу красоты, суть *внешние* и *внутренние*. К внешним принадлежит: *благозвучие*; к внутренним: *благородство*, *краткость*, *живость* и *естественность* или *непринужденность*.

1) *Благозвучие*

§ 75. *Благозвучие* требует, во-первых, чтоб при составлении слов в предложениях и периодах гласные и согласные буквы размещены были так, чтоб не производили дикого трудного выговора и чтоб течение речи вообще было легко и непринужденно.

§ 76. Для соблюдения благозвучия, должно помнить следующие правила:

- 1) Избегать стечения одних согласных букв; напр.: *из жерл стремится*.
- 2) Также и гласных, напр.: *она и я и у ея*.
- 3) Не ставить сряду многих односложных слов; напр.: *я был здесь, ты там, а он стал тут*.
- 4) Избегать стечения многосложных слов; напр.: *Французы называли его миродарователем и свободовосстановителем*.
- 5) Избегать стечения сходных звуков в словах, следующих одно за другим; напр.: *иго горести; женщина на нас глядит; или он надо мною насмежается, забавляется и издевается*.
- 6) Не повторять слишком часто одного и того же слова.
- 7) Не начинать многих периодов тем же словом.
- 8) Обращать внимание на окончание периода: не оканчивать оно односложным или оторванным словом; напр.: *я давно уже о том и настоятельно говорил ей; нет сомнения, что все пороки, происходящие от неосторожности и поспешности человека, вредны*.

§ 77. Для соблюдения легкого и непринужденного течения речи должно избегать сбивчивого и кудрявого словорасположения. Самый лучший и выразительный период есть тот, в котором господствуют свобода и непринужденность. Вообще трудно преподавать правила для соблюдения благозвучия, круглости и непринужден-

ности. Лучший в том наставник есть опытный слух, а средство — чтение хороших писателей. Из русских прозаиков советуем читать в сем отношении *Карамзина, Муравьева, Жуковского и Батюшкова*.

§ 78. Иногда изображается самыми звуками и движением речи ее *содержание*. Полные и круглые периоды *Ломоносова* возбуждают чувство торжественности и спокойного величия; язык разысканий, дружеской беседы, равно как и сильной страсти, требует слога свободного, легкого, отрывистого.

§ 79. Словами может изображаться следующее:

- 1) Звуки в природе, напр.: *трещать, свистать, хрпеть*.
- 2) Движение и медленность, напр.: *скок в лодку; протягивается*.
- 3) Ощущения: и в прозе гнев говорит скоро и кратко, веселость легко, уныние протяжно.

2) *Благородство слога*

§ 80. Под именем *благородства*, или *достоинства* слога разумеется то, чтоб слог не был противен благопристойности и добрым правам. На письме никогда не должно употреблять выражений, которых мы не смели бы произнести пред почтенными особами.

§ 81. Впрочем *благородство* есть понятие относительное: выражение, само по себе не подлое, может в связи с другими нарушить благородство; напр., слово *пожуришь* не заключает в себе никакого низкого смысла, но в следующей связи оно вовсе не у места: *он стал в ужасе на колена; уже готовился к смерти; уже засверкал меч над его главою; но вдруг раздалось слово: милость! и его только что — пожурили*.

3) *Краткость*

§ 82. Под словом *краткость* разумеется не то, чтоб сочинение вообще было *коротко*: ибо оно может занимать несколько страниц и быть кратким и, напротив, быть длинным, занимая *одну* страницу. *Краткость* есть понятие относительное. Все, что не нужно для изображения или пояснения предмета, есть излишне и противно правилам краткости.

§ 83. Ошибки против краткости суть следующие:

- 1) Излишняя длиннота слов, напр.: *усовершенствывается* вм. *усовершеншается*.
- 2) Частое повторение одной мысли или выражения, напр.: *весна прошла, отцвела, протекла*.
- 3) Лишние, для ясности не нужные слова, напр.: *Главнокомандующий перешел чрез реку с находящеюся под его главным начальством армиею, вм. с своею армиею*.

- 4) Остановка на любимой мысли.
- 5) Длинные вносные предложения.
- 6) Обременение главной мысли посторонними.
- 7) Ненужное употребление околичностей там, где собственное слово уже выразительно.

§ 84. Правила, для соблюдения краткости, суть следующие:

- 1) Не нужно стараться о соблюдении краткости насчет ясности.
- 2) Должно представлять себе каждую мысль как можно определеннее и соразмерять отношение оной к целому сочинению.
- 3) Надлежит избирать, смотря по цели (научить, позабавить или тронуть) и по читателям, для которых пишем, самый лучший способ выражения и опускать все, что не соответствует намерению нашему, и, не поясняя предмета, только его затмевает.
- 4) Должно стараться о выражении мыслей сильных и богатых немногими словами.

4) Живость

§ 85. *Живость* слога есть свойство, посредством которого он действует на воображение и чувство читателя и занимает таким образом все душевные его силы.

§ 86. Хотя на чувство и воображение должна собственно действовать поэзия, но красноречие в случаях важных, когда дело идет об убеждении читателя или о возбуждении страсти, должно употребить все могущие служить к тому средства, с надлежащею притом разборчивостью, не выпуская из виду главной цели и свойства прозы.

§ 87. Живость придается слогу преимущественно так называемыми *тропами* или *фигурами*.

§ 88. *Троп* есть перемена слога на другое, столь же понятное, но более выразительное. Тропов считается пять:

- 1) *Метафора* основана на подобии: в ней одно слово заменяется другим, живейшим и приятнейшим. Напр.: *весна жизни, подошва горы, свет наук, глава Церкви* и т.п. Несколько метафор, следующих одна за другою, составляют *аллегорю*; напр.: *меч брани пожинает лавры, посеянные во время мира*. В аллегории должно соблюдать единство. Напр. следующая аллегория не-правильна: *не терзай пламенем страсти краткого течения твоей жизни. Смягчи огонь гнева*. К аллегории принадлежат загадки и многие пословицы.

- 2) *Синекдоха* есть троп, в котором полагается:
- род вместо вида и напротив (напр.: *смертный* вм. *человек*);
 - целое вместо части и напротив (напр.: *Французы сожалели о смерти своего короля*);
 - нарицательное имя вместо собственного и напротив (напр.: *Российский Геркулес*);
 - множественное число вместо единственного и напротив (напр.: *Русский вошел в Париж*; *Нероны имеют льстецов*);
 - число известное вместо неизвестного (напр.: *миллионы вопиют о пощаде*).
- 3) *Метонимия* есть троп, в котором полагается:
- причина вместо действия (напр.: *вино говорит в нем*; *любит Виргилия*);
 - вещество вместо самой вещи (напр.: *мрамор Фидиаса*);
 - действие вместо причины (напр.: *потей над работою*);
 - содержание вместо содержимого (напр.: *выпей стакан*);
 - владелец вместо вещи, которою владеет (напр.: *мой брат прогорел*);
 - признак вместо самой вещи (напр.: *приобрести лавры*);
 - время вместо того, что бывает в оном и напротив (напр.: *ученый век*; *во время жатвы*);
 - свойства вместо лиц, которым они принадлежат (напр.: *старость недоверчива, добродетель любезна*).
- 4) *Ипербола* есть непомерное увеличение или уменьшение предмета (напр.: *ему море по колена, меньше нежели ничто*).
- 5) *Ирония* есть троп, в котором слова принимаются совершенно в противном смысле; напр.: *радуйся, злодей, своим делом!*
К Иронии принадлежат:
- сарказм*, или язвительная, оскорбительная насмешка;
 - харизмизм* — насмешка забавная и веселая.
- § 89. *Фигуры* суть особенные обороты языка, которыми при- даются слогу живость и выразительность. *Фигуры* разделяются на *фигуры речений* и на *фигуры предложений*.
- § 90. *Фигуры речений* состоят в особенном расположении слов и изменяются перестановкою оных. Они суть следующие:
- 1) *Удержанье* есть опущение одного или многих слов, которые дол- жны быть доразумеваемы, напр.: «я Бог, я червь, я царь, я раб».
 - 2) *Бессоюзие* есть опущение соединительных или условных со- юзов, напр.: «старцы, дети, жены — все гибли от меча»; «Когда скажу, явися».

- 3) *Многосоюзие* есть повторение союзов, напр.: «мы спасали и колыбели детей, и прах отцов, и троны, и алтари, и память минувших, и славу грядущих лет».
- 4) *Повторение* есть употребление одного слова несколько раз, для придания большей силы той мысли, которая им выражается, напр.: «бежит, бежит враг твой, Россия!» Если несколько предложений начинаются одним и тем же словом, то фигура сия называется *единоначатием*; когда же они оканчиваются оным, тогда именуются *единозаклчением*. *Возвращение* есть фигура, в которой последующее предложение начинается тем словом, которым кончилось предыдущее.
- 5) *Восхождение* есть повторение подобозначащих слов и выражений, из коих последующее всегда должно быть сильнее предыдущего, напр.: «идет, бежит, летит».
- 6) *Околичнословие* есть выражение во многих словах того, что можно было бы назвать одним словом. Сия фигура употребляется для придания речи живости и красоты, и для избежания выражений низких и неблагородных; напр.: *неумеренность в употреблении крепких напитков*, вместо *пьянство*.

§ 91. *Фигуры предложений*, или *фигуры мыслей*, суть те, которые заключаются в особенном выражении самых мыслей. Вот они:

- 1) *Вопрошение*: когда сочинитель предлагает себе или другим вопрос, и сам на оный отвечает: «Что се есть? До чего мы дожили россияне! что видим? что делаем? Петра Великого погребаем!»
- 2) *Уступление*: в сей фигуре признается справедливость какой-нибудь противной мысли, чтоб тем сильнее доказать справедливость другой, важнейшей, напр.: «Неоспоримо, что человек получил от Бога естественные силы отклонять всякое насилие и вред, а разум изобрел и пособствующие тому средства во всех случаях. Богу самому даже угодно, дабы человек не пренебрегал сих данных ему способов и не оставался в бездействии во время напастей. Сам он предписывал народу своему брани и осторожности в оных, сам ободрял к мужеству и храбрости; сам заповедовал иногда не шадить упорных врагов и миловать покорных; но от него же бывает на людей и на целые народы поущение таких напастей, под которыми изнемогает вся храбрость, все мужество и все искусство человеческое». <....>

5) *Естественность*

§ 92. Естественность довершает цену хорошего слога, ибо все то, что неестественно, изысканно, принужденно, не может возбудить удовольствия. Красоты должны быть сообразны с целию, для которой мы пишем, и сколько бы сочинение хорошо ни было, но оно не понравится человеку с *чистым вкусом*, когда не будет *естественно и непринужденно*. Особенно нужно избегать старания блистать новостию, необыкновенностью и набором мыслей, не относящихся к нашему предмету.

§ 93. Вообще нельзя научить человека *хорошо писать*: дело сие зависит от того, как он *мыслит*. Для сего надлежит образовать вкус наблюдением выражений тех писателей, которые, по общему мнению, правильнее других мыслят, а потому и пишут; но сие наблюдение не должно превращаться в слепое подражание, которое живет чужим добром. Кто научится правильно размышлять, приводить мысли свои в порядок, избирать выражения и обращать внимание на слог, тому выражения сии будут представляться сами собою и рождаться в одно время с мыслями. <...>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О РАЗНЫХ РОДАХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Предварительные понятия

§ 101. Письменное изображение мыслей, составляющих одно связанное целое, имеющее целию изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека, называется *прозаическим сочинением*.

§ 102. Выше всего (§ 8) сказано, что предметы, изображаемые прозою, могут быть *повествовательные, описательные, поучительные, убедительные*. По сему разделяются и сочинения; но того недовольно: сочинения прозаические бывают различны не только по предмету своему, но и по цели, сочинителем предположенной, и по другим отношениям.

§ 103. Вообще можно разделить прозаические сочинения на следующие семь классов:

- 1) Письма.
- 2) Разговоры.
- 3) Описания.

- 4) Исторические сочинения.
- 5) Деловые бумаги.
- 6) Учебные сочинения.
- 7) Речи.

Каждый из сих родов имеет свои особенные виды.

Примечание 1. Сии семь родов прозаических сочинений отличаются не столько в рассуждении содержания, которое в разных может быть одинаково, сколько в рассуждении расположения и выражения.

Примечание 2. Романы, или вымышленные повести, и писание прозою драматические сочинения по вымыслу и расположению принадлежит к поэзии, а по выражению — к прозе.

§ 104. *Во второй части риторики* преподаются правила располагать и писать сочинения прозаические сообразно с предположенную целию.

§ 105. Во всех прозаических сочинениях вообще должно наблюдать следующие правила, явствующие отчасти из первой части риторики:

- 1) правильность грамматическую,
- 2) правильность логическую,
- 3) красоту риторическую,
- 4) единство слога: для каждого сочинения должен быть избираем приличный ему слог, который может иногда изменяться по цели сочинителя, но вообще должен быть сохраняем с начала до конца. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое проза и поэзия, согласно теории Н.И. Греча? К каким наукам относятся правила прозы и поэзии?
2. Какие цели «дара слова» называет Н.И. Греч? Как они соотносятся с риторикой и поэзией?
3. Прочитайте советы к изобретению мыслей в учебнике Н.И. Греча. Какие из них представляются вам наиболее эффективными и полезными?
4. Какие требования к «изложению мыслей» на бумаге выдвигает автор? Что такое в его толковании *правильность, чистота, ясность, живость*? Сопоставьте эти термины с соответствующими терминами у предыдущих авторов.

5. Какие роды прозаических произведений выделяет Н.И. Греч? Чем они отличаются от соответствующей классификации А.Ф. Мерзлякова?
6. Есть ли своеобразие в классификации тропов и фигур Н.И. Греча? Что такое *фигуры речений (слов)* и *фигуры предложений (мыслей)*? Почему они так названы?

Я.В. ТОЛМАЧЕВ

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ (1815—1825)

Яков Васильевич *Толмачев* (1779—1873) — профессор Санкт-Петербургского университета, теоретик словесности. Будучи сыном священника Харьковской губернии, первоначальное образование получил в Харьковском коллегиуме. В воспоминаниях Толмачев рассказывал, что ученики бурсы ходили зимой и летом в одном одеянии, на обед получали всегда «постные щи, ржаной хлеб и сухари», в коллегиуме не было печей и чернила замерзали от холода. Как лучший ученик, в 1799 г. он был направлен в Киевскую академию, где был поражен благородством обхождения и образованностью наставников, учившихся в Московском университете и за границей. Здесь он много читал философские сочинения, «основанные на естественном здравом смысле», занимался древними языками. По окончании курса в академии в 1803 г. был определен в Харьковский коллегиум преподавателем самых разных предметов: пиитики, математики, греческого, латинского и французского языков.

В январе 1809 г. Толмачев был вызван в Санкт-Петербург и назначен преподавателем русского языка в семинарии, а затем — академии, помещавшейся в Александро-Невском монастыре. Перейдя на службу в Министерство народного просвещения (1814 г.), Я.В. Толмачев впоследствии был назначен ординарным профессором Главного педагогического института, а по преобразовании в 1819 г. института в Петербургский

университет сохранил за собой кафедру; в 1826 г. он был выбран деканом историко-филологического факультета. Как профессор института Я.В. Толмачев пользовался успехом; его вечерние лекции на дому посещались слушателями, среди которых были «многие даровитейшие и образованнейшие офицеры гвардии».

В университете Я.В. Толмачев читал курсы «Критической истории произведений русской словесности», «Теорию слога и разных родов прозаических сочинений», «Об изящном», а в 1830 г. — «Науку языковедения». В 1823—1829 гг. состоял преподавателем военного слога в школе гвардейских прапорщиков — для этой школы он составил учебник «Военное красноречие» (1825). Впрочем, в основу первой части учебника легло предыдущее сочинение «Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия» (1815; 2-е изд. — 1822). При преобразовании университета министром Уваровым в 1832 г. Толмачев был уволен в числе нескольких профессоров, которых посчитали «отсталыми».

Для нашей публикации извлечены с сокращениями следующие отрывки: из «Правил словесности» — часть 4-я — О причинах, побудивших заниматься словесностью; из «Военного красноречия» — часть 1, глава I «Определение словесности в разных отношениях и риторики», глава II «Предмет риторики и науки, необходимые для занимающихся красноречием»; часть 2, содержащая «частные правила» военного красноречия: введение, глава I «О разделении правил, содержащихся в сей части»; глава II «О качествах военного витии»; глава III «Нравственные качества подвластных воинов»; глава IV «Качества военного слога».

Публикуется по изданиям: *Толмачев Я.В.* Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия, в четырех частях. — СПб. — Ч. 4. — С. 1—3; *Толмачев Я.В.* Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного. СПб, 1825. — Ч. 1. — С. 1—4; Ч. 2. С. 1—5, 9—11, 13—22, 26, 43—45.

ПРАВИЛА СЛОВЕСНОСТИ (1815)

О ПРИЧИНАХ, ПОБУЖДАЮЩИХ ЗАНИМАТЬСЯ СЛОВЕСНОСТИЮ

Одно из существенных отличий человека есть дар слова. Самый разум приобретает силы и совершенство единственно помощью оного.

Сие доказывает, что наука словесности необходима человеку. Гордиться словом — сим отличием, одному разумному существу дарованным природою, употреблять сей дар в течение всей своей жизни орудием душевных действий, но не знать ни свойств оного, ни совершенств, ни недостатков есть весьма предосудительное невежество. Благовоспитанный человек должен, по крайней мере, приобрести такое познание в словесности, чтобы мог надлежащим образом судить о том, что он говорит, и то ли говорит, что мыслит.

Но кроме сего побуждения, внушаемого достоинством самой природы нашей, многие еще другие причины убеждают нас особенно посвящать труды свои сей науке. Некоторые из сих причин здесь показать я намерен.

а. Действия души нашей, принимая чувственный и осязаемый, так сказать, образ в звуках слова, претворяясь из духовного в нечто телесное, нигде столько не могут быть примечены, как в слове: следовательно все недостатки и совершенства душевных способностей нигде не могут быть столько видимы, как в слове, нигде не могут лучше и удобнее быть исправлены и усовершенствованы, как в слове и чрез слово. Слово есть воплощенная мысль: по сему объясняя, украшая, усовершая выражения придаем чрез то самое и мыслям ясность, красоту и совершенство. Следовательно, наука словесности непосредственно содействует образованию всех душевных способностей, особливо ума, воображения и чувствований.

б. Круг слова объемлет свою обширностию все познания человеческие. Все, что разум постигает в природе или творит собственною силою, человек старается изобразить с помощью слова. По сей причине занимающиеся словесностью удобнее, нежели посвятившие себя другим наукам, могут приобрести разные познания о вещах, касающихся до бытия нашего. Словесность отли-

чается еще и тем совершенством, что излагает все истины ясно и приятно, между тем как другие науки представляют оные по большей части сухо, кратко и отвлеченно. Наука словесности, занимающая ум, никогда не утомляет оного. Путь ее можно уподобить проложенной между цветами тропинке, которая, непрестанно завлекая идущего своею приятностию далее и далее, не дает ему заметить собственной усталости.

с. Сия-то приятность, соединенная с пользою, и польза с приятностию, влекут попеременно любителя словесности во время трудов как к некоторому душевному отдыху, во время отдыха — как к честному и приятному занятию к упражнению оной. В сей науке может и утомленный трудами найти самое приятное прибежище для своего отдохновения и скукою обремененный удобно обретет полезное и невинное удовольствие занимаясь чтением. <...>

ВОЕННОЕ КРАСНОРЕЧИЕ (1825)

ЧАСТЬ I ОБЩИЕ НАЧАЛА СЛОВЕСНОСТИ

Глава I Определения словесности в разных отношениях и риторики

Природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом членораздельным называется *словесностию*.

Человек, изъясняя мысли и чувствования, или подчиняет речь свою единообразным законам музыкального лада, или, выражая оные, следует свободному и разнообразному звукотечению слова: по сим двум свойствам некоторые писатели разделяют произведения словесности на *стихотворные* и *прозаические*.

Обыкновенная способность, не имеющая никаких отличительных качеств, выражать свободною речью мысли и чувствования может называться в обширном смысле *словесностию*; но способность, показывающая отличительное искусство выражать оные ясно и красиво, именуется *красноречием*; выражать сильно и убедительно — *витийством*.

Способность изъяснять просто и обыкновенно мысли и чувствования получается человеком от природы; но искусство выра-

жать оные с отличною ясностию и красотою, с силою и убедительностью, приобретается наукою: сию науку называют *риторикою*. И так, риторика есть наука, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству; есть та наука, помощью которой можно приобрести искусство выражаться ясно и красиво, сильно и убедительно. Но если бы под именем *красоты* будем понимать все совершенства слова, то можем кратче определить риторику наукою красноречия.

Глава II

Предмет риторики и науки, необходимые для занимающихся красноречием

Каждая наука имеет содержанием своим определенный круг предметов естественных или умозрительных. Предметом риторики можно почесть *систему правил*, касающихся до красноречия.

Красноречие проистекает от совершенства ума и сердца, от обилия чувствований и познаний: следовательно, тот только может быть красноречивым, кто *добродетелен и сведущ* в разных науках. Все науки, обогащающие ум познаниями, особливо науки *умозрительные*, полезны для занимающихся словесностию, но существенно необходима для них *наука слова*. Главные предметы, составляющие сию науку, суть: *мысли, слова и соглашение* одних с другими, соответственное с целью и другими обстоятельствами речи. Правильному действию мыслей учит *логика*; правильному употреблению слов *грамматика*; правильному соглашению мыслей со словами, показывающему известную степень искусства в употреблении речи, научает *риторика*. Следовательно, логика и грамматика могут почесться *предварительными* науками в отношении к риторике, существенно необходимыми для учащихся красноречию. <...>

ЧАСТЬ 2

ВОЕННОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Введение

Благоустроенное войско составляет защиту государств, ограду священных алтарей и царских престолов, составляет главную силу народа, охраняющую его от внешних врагов и внутреннее благо-

состояние его утверждающую. Но сия сила страшна для врагов, надежна для правительства и граждан только тогда, когда нравственный дух оживляет воинов и соединяет их чувствованием любви к отечественной стране, к ее вере и законам. Войско, одушевленное сею нравственною силою, есть слабая опора государств, есть чуждая и самая тягостная часть в общественном здании; оно, как видим из истории, лишась сей внутренней жизни, превращается в буйную толпу преторианцев, янычар и стрельцов.

Нравственный дух, оживлявший войска всех благоустроенных государств, различался по различию причин, воспламенявших оный. Страна, вера, правительство, законы — вот обыкновенные и общие причины чувствований и деяний всякого народа, движимого нравственными побуждениями! Сие-то различие стран, вер, законов, правительств было причиной различия нравственных чувствований, одушевлявших сердца воинов. Спартанцы умирают под тучею стрел персидских, повинувшись строгим законам Спарты; римляне жертвуют жизнью, упоенные мечтой народного величия и всемирного владычества. В наше время французы-революционисты, увлеченные ложными понятиями равенства, явили удивительный пример мужества и доказали свыше сколь опасна нравственная сила народа, когда она не основана на вечных законах того, *кем цари царствуют и сильные ищут правду*. Нравственное чувствование, всегда одушевлявшее россиян, была пламенная *любовь к Отечественной стране и ее государям*. «*Не посрамям земли Русской!*» — говорит Святослав своим малочисленным воинам пред сражением с многочисленными воинами пред сражением с многочисленными греками. — *Ляжем здесь костями, ибо для мертвых нет срама, естли ж победим, посрамям себя. Станем крепко, а я пойду пред вами. Когда глава моя ляжет, тогда делайте, что хотите*». Воины отвечают ему: «*Где слава твоя ляжет, там и мы головы свои положим*». Вот истинный язык любви к отечеству и государю, одушевлявший сердца русских воинов еще во времена возникающего Отечества нашего, во времена *языческой* России!

С распространением христианской веры в Отечестве нашем и с ускорением спасительных ее правил новое чувство одушевило сердца русских воинов. *Ревность* к вере слилась с любовью к Отечеству и Государю и увеличила нравственную силу русского геро-

изма. Бедствия, постигшие Россию, служили новой пищею благочестивой ревности к вере. Притеснения врагов: печенегов, половцев, татар, немцев, поляков, шведов, возбуждая ненависть, отдаляли сердца Россиян от всего иноземного и сосредоточили, так сказать, чувствования их в отечественной вере. Ревность к благочестию особенно возрастает и укрепляется гонениями и бедами; подобно как высокий кедр простирает тем далее в глубину корни, чем сильнее колеблется и потрясается бурями.

Счастливые успехи оружия, непрерывные победы в течение двухсот лет возродили в сердцах россиян новое, или лучше сказать, прежнее чувство, *чувство народного достоинства*. Оно воодушевляло российских воинов еще в первые счастливые времена монархии, когда они, победив окрестные народы, простерли страх своего оружия в недра греческой империи, но сие чувство скоро было подавлено тягостию бедствий Отечества нашего. Междоусобие князей распространило всеобщее уныние, а иго татар унизило дух народа. С зарею славы возродилось, говорю, вновь чувство народного достоинства, и последняя брань, доказавшая свету доблести россиян, оставила бессмертные воспоминания, услаждающие сердце и возвышающие душу. Вот четыре нравственные свойства, отличающие русских воинов: *ревность к вере, любовь к Отечеству, преданность к государям и высокое чувство народного достоинства!*

Знаменитые полководцы, постигая всю важность нравственных сил человека, старались узнать наклонности войска, предводительствуемого ими, дабы в нужных случаях, пользуясь сими сердечными пружинами, побудить его к исполнению своих предприятий. Они всегда старались говорить со своими воинами языком сердца. От героев Гомера до витязей последней брани народов, все полководцы воспламеняли своих сподвижников убеждениями, основанными на их нравственных склонностях. Голос военного красноречия всегда потрясал те струны сердца, которые самую природою были, так сказать, напряжены для ударе-ния.

По различию времени военное красноречие было различно. Оно имело особливо три отличительные свойства в древние времена, средние и новые.

Отличительными и постоянными чувствованиями российских воинов всегда были ревность к вере, любовь к государю, привя-

занность к отечеству и народное честолюбие¹. Сии чувствования возбудить желал российский герой Петр Великий пред Полтавским сражением в предводительствуемом от него войске; он говорил: «Воины! се пришел час, который должен решить судьбу Отечества; и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Отечество, за православную нашу веру и церковь! Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас; на того единого, яко всесильного во бранях, уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь его недорога: только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ея». <...>

Глава I

О разделении правил, содержащихся в сей части

Человек помощью слова объясняет другим внутренние действия души своей: *понятия и чувствования*; объясняет предметы вещественные или умозрительные. Следовательно, речь есть *собеседование одного лица с другим о чем-либо третьем*. Итак, правила, касающиеся до сочинений, употребляемых в общежитии, могут относиться или к *писателю* как лицу говорящему; или к *слушате-*

¹ Французы, присвоивающие себе славу военного красноречия, отдают преимущества русским пред воинами других народов. Они говорят: «Русские генералы живо чувствовали в последние военные времена, сколько нужно возбуждать в воинах чувствования стыда и чести. Прекрасные мысли и полезные изобретения весьма скоро распространяются в России. Не успеют науки и искусства сделать шагу во Франции, — и россияне спешат воспользоваться ими. Они собрали многие полезные уроки на наших полях битв. В русских полках, подвизавшихся в последние кровавые войны, подобно как и в наших рядах, слышны были имена отечества, чести, славы и народной независимости. Военное красноречие имело многих знаменитых ораторов в России. Его первые звуки раздались в стане Дрисском, где император Александр I, называя своих солдат именем русских воинов, открывает им тайную причину военных движений и напоминает знаменитую Полтавскую битву. Таким образом изъясняется военное красноречие! Оно открывает иногда простым воинам намерение полководца, дабы удобнее побудить их к исполнению оного; и воспоминания знаменитых подвигов, приводимых в пример, составляют новые побуждения для воинов, питающих в сердце благородные чувствования».

лю как лицу, составляющему *цель речи*; или к самому *слову*, рассматриваемому по сущности его *содержания*. На сем разделении основан порядок следующих правил военного красноречия.

Глава II О качествах военного витии

Речь можно назвать выражением внутренних совершенств говорящего или пишущего, *отголоском его ума и сердца*. Чем совершеннее душевные способности писателя, тем речь его может быть красивее.

Душевные совершенства суть двоякие: *врожденные и приобретенные*.

Врожденные совершенства суть те способности, коими природа одарила некоторых людей преимущественно перед другими. Люди получают от природы различные дарования и в различной степени, отсель одни бывают способнее к одному званию, другие к другому. Рожденные к военному званию должны преимущественно перед другими отличаться многими душевными доблестями. Особливо необходимы для военного человека *основательность* и *быстрота* ума, *твердость* и *благородство* духа.

Природная *основательность ума* нужна военному человеку, во-первых, для приобретения сведений в науках, необходимых его званию и требующих глубокого размышления; во-вторых, для благоразумного устройства и управления тех частей, которые вверяются ему высшею властью во время войны или мира. <...>

Быстрота ума особливо нужна в решительные минуты военных действий. Основательность ума требует времени для размышления; быстрота не терпит медления. Нужен один взгляд, нужна одна минута, дабы человеку с быстрым умом решить действие и увенчаться успехом. Истории великих полководцев исполнены подобными примерами. Иногда одно их острое слово, остроумный и нечаянный оборот решали судьбу сражений. <...>

Твердость духа есть внутренняя сила человека, противостоящая великим и по-видимому непреодолимым препятствиям. Она часто возрастает с невозможности победить трудности и к удивлению нашему нередко побеждает оные. Трудное поприще воина, исполненное опасных подвигов, требует, так сказать, на каждом шаге сей доблести душевной; и в ком нет твердости духа, тот по форме только, а не по душе воин.

Одно из отличительных свойств твердого духа есть *постоянное терпение*. Сие качество нужно воину не только во время трудных походов, во время продолжительных осад и в других несчастных случаях, но и в мирное время. Войско, теряющее навык терпения, теряет постепенно и другие воинские доблести: примером сему может служить войско Аннибала, вкусившее сладости покоя в Капуе. Девизом военного человека должно быть самоотвержение.

Второе отличие твердости военного духа есть *безусловное повиновение*. Великодушный воин возвышается свободой доброй воли своей выше всякого принуждения, коего рабами делаются одни только малодушные и строптивые. <...>

Благородные чувства возвышают истинного воина над людьми других состояний. Люди прочих состояний, по свойству и кругу действий своих, имеют более или менее случаев предаваться себялюбию. Сей порок, сосредоточивающий нравственные деяния человека в круге личности, обыкновенно стесняет мысли и чувства наши: напротив того, истинный воин, решившийся жертвовать жизнью Отечеству, расширяет свое сердце любовью ко всему отечественному, переносится мыслию бессмертия в позднее (так у автора. — *А.В.*) потомство; и, таким образом, с пространством и наличием предмета возвышается и мыслям и чувствами.

Благородное и высокое чувство, которым многие военные люди особенно отличаются, есть *храбрость*. Сия доблесть, без которой воин должен стыдиться своего имени, часто не привлекает к себе должного уважения и удивления. Причиною сего равнодушия может быть, во-первых, то, что храбрость есть общая добродетель всех честных воинов; во-вторых, то, что она истекает иногда не от нравственных побуждений, но от физической пылкости характера; в-третьих, то, что она бывает нередко нуждою.

Мужество почитается доблестию, высшею храбрости. Храбрость бывает иногда, как сказано, действием воспламенения; но мужество требует основательности ума, твердости духа и высоты чувствований. Храбрость похвальна в подчиненном воине, но мужество необходимо для полководца. Храбрость пользуется настоящею минутою для победы, но мужество часто прибегает к терпению, ожидает удобного и верного времени для успеха.

К благородным чувствам, отличающим истинного воина, можно отнести *прямодушие* и *бескорыстие*.

Прямодушием воина я называю ту откровенность сердца, которая ничего не таит, не имея никакой постыдной причины скрывать мысли и чувствования. Кто решается жертвовать отечеству жизнью, благом, превышающим всю цену благ земных, тот не должен и не может желать другой награды за сию великую жертву, кроме бессмертной славы. <...>

Корыстолюбие совершенно *противно* нравственному назначению воина. Не собирать добычи, не обогащаться цель его. Защищать отечество, охранять личную безопасность и собственность граждан, блюсти права человечества, ополчаясь против нарушающих оные, быть совершенно бескорыстным исполнителем своего долга — вот обязанности воина! Но естли, пользуясь правом победы или силою оружия, он нарушает святость личности или собственности, то он унижается до хищника и грабителя. Военное звание святится одною чистотою намерений.

К *приобретенным* совершенствам, украшающим воина, можно отнести *науки* и *опытность*.

Словесность, способствующая более других наук к образованию ума и сердца, необходима для военного человека. Она доставит ему многие сведения, полезные в разных обстоятельствах жизни, откроет многие пути к употреблению своих познаний на общую пользу, облегчит средства действовать на умы подчиненных благоразумным советом слова. Но должно признаться, что словесность нужна воину не в таком обширном круге, в каком она необходима для ученого человека или для гражданского оратора. *Правильность, ясность, краткость, сила* — вот качества слога, удовлетворяющие цели военных сочинений. <...>

Глава III

Нравственные качества подвластных воинов

Военачальник действует на подчиненных силою *власти* и силою *слова*. В сем отношении подчиненные, как *цель* его действий, соответствуют иногда более, иногда менее намерениям его, смотря по свойству душевных побуждений: так, художник действует с большим или меньшим успехом, смотря по доброте вещества и совершенству своих орудий.

Нравственный дух войска есть та могущественная сила, кою полководец совершает невероятные подвиги. Одно слово, сказанное им соответственно сему духу, воспламеняет сердце вои-

нов, как искра пороха. Силою сего слова полководец собирает войско, приводит его в движение, преодолевает трудности, делает простых воинов *чудо-богатырями*, изумляет врагов и торжествует над ними. <...>

Глава IV Качества военного слога

Военачальник более действует, нежели говорит; речь его есть, так сказать, только дополнение действия. Но каким образом *быстрота* и *сила* составляют существенные качества военного действия; так и слог всех речей военных отличается сими совершенствами.

Быстрота в речи происходит от *пламенного стремления страсти*. Чувствование, одушевляющее военачальника, переносит воображение его с неизъяснимою быстротою от предмета к предмету и часто, где хладнокровный оратор составляет несколько периодов, он употребляет одно выражение, и чего не договорил дополняет действием. Переходя от одной мысли к другой, он не соблюдает строгой связи между ними; но, не успев объяснить предмета, нечаянно обращается к другому; от угроз вдруг переходит к ласкам, от наказаний к награждениям; обещая спокойствие, в то же время убеждает к трудным подвигам. <...>

Второе качество военного слога, проистекающее от быстроты мыслей, есть *краткость*. Пламенное воображение в своем стремлении касается обыкновенно только главных предметов, опуская маловажные обстоятельства, которые подразумевать можно. Военный писатель иногда одним взглядом обнимает множество предметов, довольствуется немногими словами для выражений самых богатых мыслей; объясняет кратко действия, решившие судьбу государств; выражается с быстротою, подобною быстроте победы: таким образом Цезарь, донеся Римскому Сенату о победе над Фарнаком, употребил только три слова: (я) *пришел, увидел, победил* (veni, vidi, vici).

Третье качество военного слога есть *живость*. Военачальник, увлекаемый сильным желанием передать свои мысли и чувствования подчиненным, пламенеет нетерпением убедить и склонить их на свое мнение. Он вопрошает их и, не дожидая ответа, спешит сам отвечать вместо них. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем, по мысли Я.В. Толмачева, назначение *словесности*?
2. Какое значение принимают в теории Я.В. Толмачева термины *словесность*, *риторика*, *красноречие*, *витийство*?
3. Как *риторика* соотносится с *логикой* и *грамматикой*?
4. От чего «проистекает» красноречие?
5. Какие нравственные качества русских воинов называет Я.В. Толмачев? На чем основываются их нравственные побуждения?
6. Выпишите качества военного витии (оратора). Дайте собственные определения этим качествам в развитие мысли автора.
7. Прокомментируйте качества военного слога, которые называет Я.В. Толмачев. Какие качества вы могли бы добавить от себя? Как качества, названные Я.В. Толмачевым, проецируются на других профессиональных ораторов?

Н.Ф. КОШАНСКИЙ

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Николай Федорович *Кошанский* (1784 или 1785—1831) — филолог, педагог, литератор, переводчик. Учился одновременно с В.А. Жуковским в Московском университетском пансионе, окончил Московский университет в 1802 г. по двум факультетам: философскому (с золотой медалью) и юридическому. Затем преподавал латинский и греческий языки в университетской гимназии, российскую риторику в Московском университетском пансионе, с января 1805 г. — магистр философии и свободных наук; в 1807 г. защитил диссертацию «Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства» (на лат. яз.), получив степень доктора философии.

С 1811 по 1828 г. Кошанский — профессор русской и латинской словесности Царскосельского лицея. Его лекцией «О преимуществах русского слова» открылись занятия в лицее; как педагог он поощрял поэтические занятия лицеистов, приобщая их к античной поэзии. Правда, литературная позиция Кошанского

представлялась Пушкину и другим лицеистам несколько архаичной.

Кошанский был известен как литератор и как переводчик множества романов и эстетических трактатов. Наибольшую славу и влияние принесли ему, несомненно, педагогические труды — школьные учебники, по которым обучались многие поколения российских учащихся. Учебник латинской грамматики выдержал 11 изданий (СПб., 1811—1844), русской грамматики — 9 изданий (СПб., 1807—1843). Образцами учебной книги являются «реторики» Кошанского: «Общая риторика» (10 изданий: 1829—1849) и «Частная риторика» (7 изданий: 1832—1849).

По этим учебникам учились несколько поколений российских учащихся. Живость изложения, множество дополнительных сведений по логике и эстетике, иллюстрация риторических указаний многочисленными примерами из древней и новой литературы снискали Кошанскому славу замечательного писателя-педагога. Если общая риторика излагала общие правила составления сочинений, то частная риторика предлагала правила к отдельным видам: как писать письма, как вести разговоры, как строить учебные и ученые сочинения, каковы разновидности ораторского красноречия, наконец, как пишется художественная (или изящная) проза.

Для публикации избраны следующие отрывки: 1) из «Общей ретирики» — отделение I с описанием словесных наук (грамматика, риторика, поэзия), цели и содержания разделов общей ретирики; полностью воспроизведена глава об изобретении с разработкой источников мысли — 24 общих места; 2) из «Частной ретирики» — берутся отрывки с описанием основной терминологии: словесность и литература, поэзия и проза, частная риторика и пиитика, истинное красноречие и мнимое, виды словесности (письмо, разговоры, повествование, описание, ораторство, ученость). В конце «Частной ретирики» Кошанский делал примечания к начальным статьям книги. Эти примечания настолько ценны, что мы публикуем их в тексте сочинения как

непосредственно относящиеся к объяснению основных терминов. Чтобы выделить эти примечания, публикуем их в квадратных скобках. Сохраняем также в публикуемом тексте авторские разрядку и курсив.

Н.Ф. Кошанский сделал правку 1-го издания «Общей ретирики» для 2-го издания 1830 г. (с 1830 г. — издания стереотипные). Издания «Частной ретирики» выходили уже по смерти автора. Наша публикация осуществляется по кн.: Общая ретирика Н.Ф. Кошанского. — Изд. 3-е. — СПб., 1834. — С. 1—9; Частная ретирика. — СПб., 1832. — С. 1—3, 10—13, 18—21, 26—27, 38—39, 52—54, 76—79, 92—95, 125—128, I—IV.

ОБЩАЯ РЕТОРИКА (1829)

I ИЗОБРЕТЕНИЕ

Отделение I

Источники изобретения

I

Вступление. — Словесные науки. — Реторика

1) Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой небом ему указанной цели.

2) Сила ума открывается в *понятиях*, *суждениях* и *умозаключениях*: вот предмет *логики*. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать *чувствования* и *мысли*: вот предмет *словесности*.

3) *Словесные науки* (*studia literarum*) делятся на три главные части: грамматику, ретирику, поэзию и граничат с эстетикой. Все они рассматривают *дар слова*, *силы его* и *действия*, но каждая имеет *свой* предмет, *свою* цель, *свои* пределы. Каждая, как наука, имеет свою *теорию*, и, как искусство, свою *практику*.

Теория необходима для успехов практики, а практика еще нужнее теории. Учащийся *непрерывно* должен соединять одно с другим, т.е. правила с чтением образцов и собственными упражнениями.

4) Грамматика занимается только *словами*; риторика преимущественно *мыслями*; поэзия преимущественно *чувствованиями*; в эстетике хранятся начала не только словесных наук, но и всех искусств изящных.

Грамматика, занимаясь словами, рассматривает их: 1. порознь (*этимология*); 2. в связи (*синтаксис*); 3. в начертании (*орфография*); 4. в произношении (*просодия*). *Поэзия*, как преимущественный орган чувствований, выражает их: 1. в лице самого поэта (*лирическая*); 2. в других лицах, поэтом созданных (*драматическая*). *Риторика*, имея предметом мысли, показывает: 1. откуда они почерпаются (*изобретение*); 2. как приводятся в порядок (*расположение*); 3. как излагаются (*выражение мыслей*). И так...

5) Риторика (вообще) есть наука *изобретать, располагать и выражать* мысли, и (в особенности) руководство к познанию всех прозаических сочинений. В первом случае называется *общей*, во втором *частною*.

6) Общая риторика содержит начальные, главные, общие правила всех прозаических сочинений. Частная риторика, основываясь на правилах *общей*, рассматривает каждое прозаическое сочинение порознь, показывая *содержание* его, *цель*, удобное *расположение*, главнейшие *достоинства* и *недостатки*.

Прежде, нежели приступить к риторике, должно увериться, твердо ли мы знаем правила грамматики, ибо правильность риторическая основывается на правильности грамматической.

7) *Общая риторика* заключается в трех частях и в шести отделениях. Первая часть говорит о изобретении (*de Inventione*) и в *первом* отделении показывает *источники изобретения*, во втором — первое соединение мыслей (*периоды, начала прозы*). Она дает способы думать, и, думая, соединять одну мысль с другой.

8) Вторая часть рассуждает о расположении (*de Dispositione*). Она показывает здравый, основательный и правильный ход мыслей, *сперва в описаниях, потом в рассуждениях*. То есть образует рассудок и нравственное чувство.

9) Третья часть риторики предлагает о *выражении мыслей* (*de Elocutione*), и в *первом* отделении рассматривает слог и его достоинства, во *втором* — все роды украшений. Она учит любить и выражать изящное.

Вот все *шесть* отделений риторики! Отнимите одно из них — и вы нарушите полноту науки; переставьте их — расстроится связь, постепенность и внутреннее согласие. (Прошу вспомнить, что наука

бесконечна, но преподавание ее должно иметь приличные пределы).

10) И мне кажется, что *цель* общей ретирики состоит в том, чтобы, *раскрывая источники изобретения*, раскрыть все способности ума; — чтобы, *показывая здоровое расположение мыслей*, дать рассудку и нравственному чувству надлежащее направление; — чтобы, *уча выражать изящное*, возбудить и усилить в душе учащих живую любовь ко всему благородному, великому и прекрасному. Но для достижения сей цели еще нужны три средства: 1. *чтение*, 2. *размышление*, 3. *собственные упражнения*.

Чтение образцов должно быть согласно с каждой частью ретирики. Изобретение требует чтения *аналитического*, т.е. с замечанием лучших слов, идей, выражений, прекрасных мыслей, подобий, примеров, контрастов и пр. Потом с показанием распространения периодов, разных частей и разных родов их. Расположение требует чтения *наблюдательного*, с рассматриванием плана, хода, расположения и всех частей *сперва* описаний, *потом* рассуждений. Выражение мыслей требует чтения *эстетического*, т.е. с показанием разных родов слога, разных его достоинств, разных реторических украшений, и с изъяснением, почему что хорошо, изящно, прекрасно; почему благородно, велико, высоко; почему ново, необыкновенно, оригинально; почему приятно, пленительно, очаровательно; или сильно, трогательно, разительно и пр. и пр.

2. Размышление полезно не потому только, что, прибавляя к читанному свое, присваивает себе чужое — ибо и свои и чужие мысли могут быть забыты — но потому что образует *способность рассуждать*, которая при первой нужде, *знакомым уже путем*, находит не только все прежнее, свое и чужое, но часто новое и даже оригинальное...

3. *Собственные упражнения* необходимы. Кто не упражнялся постоянно в составлении периодов и учебных сочинений, тот всегда будет *не тверд* в слоге, можно знать лучшим образом правила и не уметь написать десять строк связно. Правила и образцы нечувствительно влекут к собственным опытам — и это так легко!.. Особенно, когда сии опыты не охлаждаются порицанием, но согреваются участием друга-наставника, который всегда говорит *прежде*, что хорошо и почему, а *после* показывает то, что должно быть *иначе* и *каким образом*. Уныние от неудачи есть малодушие. Должно вооружиться терпением, твердостью, постоянством... Должно любить труд, любить занятия. Где нет любви, там нет успеха.

II Главный источник мыслей

Любезные друзья! Первый и главный источник всякого сочинения есть *предмет*, или *предложение*. *Предметом сочинения* называют одно понятие, идею, одно слово. Например: *Провидение — Весна — Буря*. Сия идея рождает новые понятия, соединенные с нею, и производит какое-нибудь *чувствование*. Например:

Провидение дает понятия: о Боге, о благодати его, о природе, о человеке, и рождает в сердце *благоговение* и *благодарность*. *Весна* представляет вам: цветы, ручьи, запах розы, пение птиц, и вы чувствуете *радость*. *Буря* напоминает: ветер, гром, дождь, град, опустошение, и приводит в *уныние*...

2) *Предложение* заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо *ясно* уму и *тайно* сердцу, (т.е. содержит мысль и чувствование) и на которой основывается все сочинение. Например:

Провидение руководствует человека. *Весна* дышит радостью. *Буря* влечет опустошение.

3) Когда дано или избранно предложение, то прежде всего старайтесь *хорошо* понять его и, понимая, покажите, что можете сами сказать ту же мысль несколько раз, другими оборотами, другими выражениями, и — если можно — *лучше, красивее, сильнее*...

Например, *предложение*: Провидение руководствует человека. *Другие обороты грамматические*: Человек руководствуется провидением. — Провидение служит вождем человеку. — Человек идет по пути провидения. *Другие выражения риторические*: Перст Божий указывает путь человеку. — Благодать вечного заботится о смертном. — Отец Небесный печется о бранных чадах земли. (*Это делается изустно, и для начинающих — как игра — приятно и полезно: ибо всякому хочется сказать лучше... а между тем действует и ум, и воображение, и чувство — раскрываются способности.*)

4) Предложение всегда заключается в немногих словах и требует приличного распространения. *Распространять* предложение — значит находить другие приличные слова и выражения или новые мысли, новые предложения или открывать доказательства и опровержения.

Сие действие ума называется в риторике *изобретением*, а указания, откуда почерпаются новые слова — мысли — и доказательства, *источниками изобретения*.

5) Есть три рода источников изобретения: *первый* дает способы распространять одно только предложение. *Другой* род их учит из одного предложения выводить другие. *Третий* род источников показывает, откуда почерпаются доказательства, согласные с целью писателя.

Первые два принадлежат *общей реторике*, последний — *частной*; первые два необходимы для начинающих, последним пользуется писатель или оратор, согласно с предложенной целью.

6) Всякое предложение распространяется до *известных* только пределов, назначаемых умом и вкусом. И вот способы к его распространению: первый род источников изобретения — *азбука реторики*. Их *десять*.

Первые три: *синонимы*, *эпитеты* и *противные* служат к приисканию слов; последние *семь известных вопросов* — к прибавлению выражений и кратких обстоятельств.

I. С и н о н и м ы. Так называются *слова подобнозначащие*; они прибавляются к существительным и глаголам, и отделяются запятыми. Например (*предложение тоже*) к существительному провидение *синонимы*: *промышление, промысл, попечение*; или двумя словами: *хранитель человека, небесный вождь, блюститель его* и пр. — К глаголу руководствует: *ведет, служит вождем, указывает путь, хранит, блюдет* и пр. — к слову человек *синонимы*: *смертного, создание брненное, существо слабое* и пр.

II. Э п и т е т ы. Так называются *приличные прилагательные* к существительным, *наречия* к глаголам и даже *наречия* к прилагательным. Например, к слову провидение *эпитеты*: *дивное, непостижимое, тайное, небесное, святое* и пр. К глаголу руководствует: *невидимо, нечувствительно, неприметно* и пр. Наречия к прилагательным: *непостижимо тайное, неизъяснимо благое* провидение и пр.

III. П р о т и в н ы е. Так называются *слова, значащие противное* именам и глаголам. Например: *Не случай, не собственные силы, не слабый разум*, но провидение. К глаголу: *не оставляет, не забывает*, но руководствует. И пр.

7) Вот семь известных вопросов: Кто? Что? Где? При чей помощи? Для чего? Каким образом? Когда? На вопрос *кто?* всегда отвечают *подлежащим*; На вопрос *что?* всегда *сказуемым*; а на прочие вопросы приискиваются приличные, краткие ответы. Например:

Кто? Провидение. *Что?* Руководствует человека. *Где?*... На пути жизни — в минуты счастья и бедствий — наверху славы и в униженной доле. *При чьей помощи?* При твердом уповании — По благодати Всевышнего. *Для чего?* Для достижения предназначенной цели. *Каким образом?* Тайными, непостижимыми для нас путями. *Когда?* Во все течение жизни. (*Не должно скучать или пренебрегать сими началами: они раскрывают ум и полагают твердое основание мыслям и слогу.*)

8) Видите, сколько слов, сколько выражений для одного предложения. Где ж остановиться? Какие из них выбрать?... *Выбрать* те, какие вам больше нравятся. *Остановиться* там, где кончится мысль предложения *удовлетворительным образом*, сохранив ясность, приличие, соразмерность. Например:

Можно выбрать следующие: «Небесное провидение, сей тайный вождь на пути жизни, сей незримый блюститель в минуты счастья и бедствий, наверху славы и в униженной доле, невидимо *руководствует человека* к предназначенной ему цели тайными, непостижимыми для нас путями».

9) Таким образом, распространенное предложение называется *периодом* простым: *простой период есть полное гармоническое соединение приличных слов, выражений и кратких обстоятельств в одном только предложении.*

Период простой есть *первое* риторическое упражнение, первый шаг к искусству писать, первая *чистая жертва* красноречию.

10) Но «*что в знаниях*, — говорит М.Н. Муравьев, — *когда не приводит их в действие чувствительность сердца?*» Вы знаете, как составляется простой период? этого мало — покажите на самом деле ваше знание; сделайте два-три опыта. Вот предложения:

Солнце освещает землю. Весна живет природу. Человек искушается бедствиями. Труд полезен. Праздность вредна. Время невозвратно. Лучший наставник есть опыт. Верный путь к счастью добродетель. Первый друг на земле — вера в провидение.

Примечание. Скажут: гению правил не нужно: «*Он, не учась, учен, как придет в восхищение.*» *Дмитр.* — Не спорю... Но — сочтите гениев... И при том не забудьте, что и кедр *сначала* растет наравне с травой, и греется тем же солнушком, и питается той же росой.

III

Причина. Сравнение. Подobie. Пример. Свидетельство

1) Всякая мысль рождает другую. В каждом предложении таится другое, в другом третье и так далее...

Например, мысль: «*Все изменяет на земле*» невольно напоминает другую: «*А небо неизменно*». Или в предложении: *Умереть за Отечество прекрасно*, таится другое: *Отечество надшим героям обязано благодарностью*; в другом третье: *Россия благословляет память: Багратионов, Кульневых, Милорадовичей*. В третьем четвертое: *Могила храброго Отечества священна. Озер...*

2) Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых, значить мыслить. Нельзя тому сочинять, кто не умеет и не хочет учиться думать: *хорошо писать, значит хорошо думать*. Для сего-то общая риторика начинается и с т о ч н и к а м и и з о б р е т е н и я, ибо в них заключается для вас, любезные друзья, начальная практическая логика.

Примечание. Не спешите писать... Научитесь прежде *мыслить* и *чувствовать* — полнота мыслей и чувствований найдет способ выразаться, и, может быть, — лучше, нежели вы думаете...

3) Источники изобретения раскрывают ум, развивают мысли. Они укажут вам, с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль; вы взглянете, и в юном уме вашем пробудятся новые мысли, согласные с вашей, близкие к ней, соединенные, знакомые, дружественные, родные...

4) Не в каждом источнике вы найдете новые мысли для вашего предложения, но в разных источниках вы найдете непременно для вашей мысли что-либо новое, изящное, прекрасное. Вот сии источники: риторика полагает их двадцать четыре.

5) **И. П р и ч и н а.** Чтобы найти причину, стоит спросить самого себя, почему предложение справедливо? *Ибо ничто без причины не бывает*; и ответ доставит вам другую мысль, соединенную с вашей. Например:

Учащийся не должен резвиться. *Почему?*.. потому что резвость мешает учиться. — Прилежание полезно. *Почему?* потому что служит средством к приобретению успехов. — Вера утешает человека. *Почему?* потому что обещает жизнь лучшую, беспечальную, небесную. — Должно почитать родителей. *Почему?* (скажите сами). — Чтение книг полезно. *Почему?* <...>

(Далее перечисляем общие места. — *А.В.*)

II. Сравнение	XIII. Качества
III. Подобие	XIV. Принадлежности
IV. Пример	XV. Свойства лиц
V. Свидетельство	XVI. Свойства бездушного предмета
VI. Обстоятельства	XVII. Действие и страдание
VII. Уступление	XVIII. Имя
VIII. Условие	XIX. Целое
IX. Противное	XX. Части
X. Время	XXI. Род
XI. Место	XXII. Вид
XII. Признаки	XXIII. Определение
	XIV. Следствие

ЧАСТНАЯ РЕТОРИКА (1832)

Отделение I

Словесность

I

Словесность и ее отрасли

1. Язык, или *дар слова* (*vox articulata*), есть дар *свыше*, которым Творец отличил любимое создание свое от всех бессловесных, и благоволил, чтобы человек сам образовал сию способность, руководствуясь нуждами, разумом, природой.

[*Примеч.* Язык, сей чудесный *дар Неба*, соединяясь и никогда не разлучаясь с другим божественным *даром разума*, созвал людей в общества, основал грады, составил науки и служит орудием чистейших, благороднейших, высших наслаждений ума и сердца. «Словесность есть главный орган гения и чувствительности». *Карамз.*]

2) *Словесность*, или *литература* вообще (*literae*), есть наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения писателей.

[<...> В наше время язык и литература заключают два разных понятия. *Язык* — значит *ныне* изустное употребление дара слова или хотя и письменное, но писанное для удовлетворения *первой нужды* человека сообщать мысли и чувствования другому.

Область языка ограничивают ныне знанием *грамоты* и, может быть, *грамматики* и употреблением *безыскусственной прозы* — первым, необходимым образованием человека. Литература — значит *ныне* произведения языка, утвержденные *письменами* и, может быть, печатанием, как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие *второй потребности* человека — просвещению ума, наслаждению вкуса.

Литература обнимает все словесные науки с их произведением и писателей с отличительными их достоинствами.] (*Историю писателей называют иногда особенно историей литературы, а литературой какой-либо науки или искусства называют собрание сочинений и писателей по той части.*) Народы дикие имеют язык, но не имеют литературы, а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа.

3) *Словесность* разделяют на разные отрасли — по *странам*: на восточную, северную европейскую, азиатскую, американскую; — по *народам*: на еврейскую, греческую, римскую, российскую и пр.; — по *временам*: на древнюю, среднюю, новую и текущую.

4) И люди, и народы в юности больше действуют воображением, говорят чувствами, движутся удовольствием — в зрелом возрасте больше убеждаются опытом, следуют разуму, ищут пользы; от сего словесность разделяется на две главные существенные отрасли: на *поэзию* и *прозу*.

Поэзия в некотором смысле есть юность словесности, а *ораторское красноречие*, особенно *изящная проза*, — зрелый ее возраст.

5) Пределы сих двух отраслей словесности так темны и слиты между собою, что часто поэзия входит в прозу, проза в поэзию; но их разность состоит в *цели, характере, в средствах и действии* на читателя.

Цель поэзии — *удовольствие*: пленить, очаровать, возвысить душу ко всему великому и прекрасному, рождая в ней идеи о бесконечности. *Цель прозы* — польза: научить, убедить и понравиться. — *Характер поэзии*: вымыслы, идеальные создания фантазии. *Характер прозы*: истинное, полезное, благородное. — *Средства поэзии*: гармония, известные меры, в наше время рифмы, и язык новый, живописный, необыкновенный. *Средства прозы*: убедительность, жар, сила и приятное течение речи. — *Поэзия действует* на воображение и чувства, *прозаическое красноречие* на разум и волю.

6) Поэзия *больше дар*, нежели искусство. *Дар* вымышляет *свое*, идеальное по законам природы или стремлению духа, согласно с здравым умом и вкусом. *Искусство* оживляет вымысел гармониею слова. Она всегда составляет *первую* и *младшую* отрасль словесности.

Не должно полагать *поэзии* в мере, в рифмах, в отборных и смелых выражениях, в жару чувств и языке страстей: сии качеств служат ей только украшением и не всегда для *истинной* поэзии необходимы. Часто в прозе бывает *поэзия*, а в стихах еще чаще *проза*. Теория *поэзии* имеет свои правила, которые увидим после.

7) Изящная проза *больше искусство*, нежели *дар*. *Искусство* силою *образованного* ума и даром *опытного* слова действовать на разум, волю и страсти людей. *Дар* собственным чувством воспаляет страсти и увлекает других за собою. Проза составляет собою *вторую* важнейшую и *полезнейшую* отрасль словесности.

Теория прозы содержится в частной риторике.

8) Частная риторика (*видели в общей*) есть руководство к познанию всех родов и видов прозы. Она изъясняет *содержание*, *цель*, *удобнейшее расположение*, главнейшие *достоинства* и *недостатки* каждого сочинения, показывая притом лучшие, образцовые творения важнейших писателей в каждом роде.

Частная риторика основывается на правилах *общей* и обнимает словесность одного или многих народов. Как *общая*, так и *частная риторика* составляют науку, постоянную для всех языков, но каждый народ имеет *свои особые* произведения, *своих* писателей. <...>

IV

Истинное красноречие и мнимое

29) Будущий писатель должен иметь верное понятие о красноречии; следственно, должен знать, что красноречие бывает *истинное* и *мнимое*.

Скажут: быть красноречивым — значит *уметь* доказывать, *уметь* действовать на разум, волю и страсти, *уметь* достигать своей цели. Согласимся на время, но спросим: что значит *уметь*?.. и достаточно ли для *истинного* красноречия достигать *только* цели? какова бы впрочем она ни была?..

30) Есть люди, кои полагают красноречие в громких словах и выражениях и думают, что быть красноречивым — значит блистать *реторическими украшениями* и чем высокопарнее, тем, ка-

жется им, красноречивее. Они мало заботятся о мыслях и их расположении и хотят действовать на разум, волю и страсти *тропами* и *фигурами*. Они ошибаются.

Это называется *декламация*. Она не заслуживает имени красноречия, ибо холодна для слушателей и тягостна для самого *декламатора*; но часто поддерживается мыслию будущих успехов, а иногда мечтою жалкого самолюбия.

31) Иные думают: быть красноречивым — значит уметь выражать мысли *необыкновенным образом*, и чем *темнее*, тем, кажется им, *глубокомысленнее* и, следственно, *красноречивее*. — Они мучат себя — *жаль видеть!* — усиливаясь сказать так, как никто не говорит, то, что почти все знают.

Ничто столько не унижает писателя, как сие заблуждение. Оно показывает ложный вкус и превратное понятие о красноречии и случается с немногими *мнимофилософствующими* писателями. Но ни *декламация*, ни сей *странный способ* писать не достигают цели и не могут называться красноречием.

32) <...> Красноречие всегда имеет *три* признака: *силу чувств, убедительность и желание общего блага*. Первые два могут быть и в красноречии мнимом, последний *существенно* отличает истинное красноречие.

С каждым из сих признаков красноречие больше или меньше достигает цели. *Сила чувств* и *убедительность* предполагают и все достоинства слога, но *желание общего блага* должно быть всегда их целью. Если ж не оно движет пером писателя, ... а под *видом его* страсти... ужасно!.. «Отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую дар слова». Бессмертные слова Александра I в речи 15 марта 1818 г.

33) *Сила чувств* — *красноречие сердца* — есть такое живое ощущение истины, такое сильное участие оратора в предлагаемом деле, что он, сам увлекаясь, увлекает и слушателей за собою.

Феофан, после первых слов над гробом Петра, не мог удержать слез — и все в храме зарыдало. *Цесарь* слушает Цицерона и роняет из рук смертный приговор Лигария. *Антоний*, требуя мщения, открывает окровавленную одежду Цесаря, и римляне содрогаются. *Марфа* (в повести Карамзина), возбуждая ужас к рабству, бросает цепи, и народ терзает их... Сила чувств всегда производит *ораторские движения*.

34) *Убедительность* — *красноречие ума* — есть такая неотразимая сила и приятность убеждений, что мы против чаяний,

против воли, совсем неожиданно соглашаемся с мыслями автора. Если красноречие *ума* соединится с красноречием *сердца*, то нет почти сил им противиться.

Древние софисты и философы XVIII в. вводили в заблуждение *силою чувств и убедительностию* и, может быть, никто столько не соединил красноречие ума с красноречием сердца, как Ж. Ж. Руссо. Были ли они красноречивы? *без сомнения*. Но их красноречие есть *мнимое*, а не истинное, и тем опаснейшее, чем труднее видеть землю под цветами.

Желание общего блага — *красноречие добродетели* — есть тот *существенный* признак, по которому узнается *истинное красноречие* и отличается от *мнимого*. Пламенное *желание добра*, стремление к сей цели — вот благородный предмет *истинного* красноречия, достойный добродетели!

Красноречие *ума и сердца* могут заблуждаться, но красноречие *добродетели* — как самая добродетель, как прекрасное (*само по себе*), остается *истинным*, неизменным для всех веков и народов. Кто умножил хотя одною полезною истинною счастьем людей, приблизил их хотя на один шаг к добродетели, тот *истинно красноречив*. Заметим, что мнимое красноречие желает казаться истинным, и, представляя *вредное*, хочет доказать, *будто оно полезно*. Так порок иногда принимает на себя вид добродетели.

35) *Истинное* красноречие равно может быть в прозе и в стихах. *Демосфен* в разительных речах против *Филиппа*, *Жуковский* в незабвенном *Певце* в стане русских воинов, равно красноречивы, равно достигают цели, спасительной для Отечества.

Мы еще помним Москву в плену и в пламени, помним как юные защитники, рыдая при виде горящей столицы, взывали с певцом: «*Внимай нам, вечный мститель! За гибель — гибель, брань за брань и казнь тебе губитель!..*» Кричали: «*И жизнь и смерть, все пополам!*» и утешались приветами: «*О други! смерть не все возьмет. Есть жизнь и за могилой!..*» Вот истинное красноречие, оживлявшее воинов в 1812 г.

Можно ли назвать истинным красноречием то, которое предлагает мысли, полезные для блага людей, но не имеет ни силы чувств, ни убедительности? *Не знаю...* но чувствую, что в нем есть *основание* истинного красноречия.

Много есть сочинений, уважаемых современниками и потомством *единственно за добрую цель* их, за прекрасное желание блага Отечеству или всем людям.

Истинно красноречивым может назваться тот, кто соединил красноречие *ума и сердца* с красноречием *добродетели*.

Вкус. Гений. Талант. Способности писателя

36) «Вкус (*sensus recti pulchrique*, Quint.) неизъясним для ума», — сказал Карамзин. «Есть знание приличий», — говорит Лагарп. Есть какое-то легкое, эфирное, неприкосновенное для нас чувство приятности или неприятности, при виде красот или безобразий в натуре и в искусствах. <...>

37) Не определяя вкуса, взглянем на его свойства и действия: 1) Вкус врожден всем людям, хотя в разных степенях. 2) Он различен до бесконечности, как самые физиогномии. 3) Здравый вкус, как здравый разум, один у всех людей. 4) Он беспрестанно стремится к совершенству и требует пищи. 5) Вкус раскрывается прежде разума, еще в детстве и 6) Имеет сильное влияние на образ мыслей, жизни и поступков. <...>

38) Вкус должен быть освещаем разумом, как природа лучами солнца. В союзе с разумом вкус становится верным, здоровым и достигает *утончения* и *разборчивости*.

Утончение вкуса состоит в легкости замечать такие красоты и недостатки, которые для обыкновенных глаз не приметны, и зависит от утончения способности чувствовать. (*Но излишнее утончение здравому вкусу противно.*) *Разборчивость* есть счастливое соединение разума со вкусом. Разборчивый вкус не обманывается мнимыми красотою, определяет истинную цену каждой, различает их степени свойства, действия — показывает, откуда каждая заимствует свою волшебную силу, и сам чувствует впечатление сих красот живо, сильно, но не больше и не меньше надлежащего.

39) **Гений**. Под сим словом разумеют счастливое соединение всех способностей и сил души в возможном совершенстве. *Гений* замечен по необыкновенному воображению, пронизательности ума, твердости рассудка и непреодолимому стремлению к деятельности. Все силы его сосредотачиваются к *изобретательности*, которою отличается он от умов обыкновенных. Вкус без гения бывает, но гений без вкуса быть не может — или будет чудовище. Бывают гении наук, искусства, войны и проч., но всеобъемлющий гений чрезвычайно редок, напр. Петр I.

40) **Талантом**, *дарованием*, *даром* называют сильное и счастливое воображение, соединенное с здоровым умом и вкусом. — «*Прекрасный союз дарования с искусством заключен в колыбели человечества; они братья, хотя и не близнецы*». Кар. <...>

ОТДЕЛЕНИЕ II

Письма

VII

О письмах вообще

55) Письмо (*Litterae datae*) есть сообщение мыслей одного отсутствующего другому. *Переписка* есть разговор двух лиц, разделенных пространством и лишенных способа видеть и слышать друг друга.

Самый употребительный и обыкновенный род прозы — *письма*. Может быть, сотая часть их пишется для публики: прочие остаются *собственностью*, а некоторые даже *тайною* частных лиц. *Письмо* и *разговор* имеют ту разность между собою, что разговор живет от выражений голоса и телодвижений, но он исчезает; а письмо прочнее, ибо остается и всегда может быть перечитываемо с новым удовольствием.

56) Писем *два* главнейшие рода: *письма по предметам общезжития*, кои пишутся не для печати; и *письма литературные*, коих цель — быть известными публике.

Письма по предметам общезжития, удовлетворяя первой потребности человека, допускают и безыскусственную прозу. (Напр. *письма между низшим классом народа*); следственно, не всегда составляют изящное; но *литературные письма*, стремясь удовлетворять *второй* потребности — просвещению ума и наслаждению вкуса — всегда относятся к произведениям *изящной* словесности. <...>

X

Деловые письма и бумаги

84) Деловые письма заключают в себе не изъяснение чувств, но *изложение дел* и разные *сношения* по делам собственным, гражданским и государственным.

Таковые сношения бывают между присутственными местами, начальниками областей, заведения и вообще между чиновниками по делам службы и между частными людьми по делам собственным.

85) *Содержанием* таких писем бывает изложение, изъяснение дела. *Цель* их — исполнение обязанности собственной или по службе. *Расположение* деловых писем, по свойству дел, бывает различно. Большею частию располагаются так: а) изложение дела; б) следствие, мнение, желание, прошение; в) краткое заключение.

Таковые письма часто бывают без *приступа* с самым кратким и обыкновенным заключением. Но человек с умом и вкусом может и в малой записке показать ум и чувство.

86) Главное *достоинство* деловых писем — *простота, естественность и краткость*. Слог их почти всегда средний. В деловых письмах всякое излишество слов, выражений и учтивостей считается *недостатком*. <...>

Отделение III

Разговоры

XIII

Диалектика и разговоры

114) Разговор, *диалог* в натуре — взаимное изъяснение разумных существ — необходимость в обществах. В подражании разговор есть такое прозаическое сочинение, в коем собеседуют вводимые лица.

Разговор имеет то преимущество пред обыкновенною прозою, что в нем больше живости, убеждений и разнообразия, нежели в повествовании или рассуждении. <...>

XIV

Философские разговоры

123) Философский разговор есть исследование истины, в котором участвуют два или многие лица. <...>

126) *Содержанием* философского разговора бывает *истина*, большею частию новая, подверженная сомнению, требующая раскрытия — объяснения: сия истина может быть *философская, богословская, историческая, литературная* и вообще всякая ученая, *которой* исследование может принести пользу уму, сердцу или науке.

Предмет и цель сих разговоров одинаковы с учеными сочинениями. Разность в одной *форме*. <...>

XV

Драматические разговоры

130) Драматический разговор представляет в *действии* происшествия и лица. Он получил бытие и название от *драматической поэзии*.

131) *Содержанием* драматического разговора бывает не истина, а *происшествие* занимательное само по себе или по лицам.

132) *Цель* драматического разговора двоякая: а) Если *действие* занимательно, то оживить его и сделать еще занимательнее; б) Если занимательны *лица*, то привести их в такое положение, чтобы каждое слово их возбуждало интерес и любопытство. <...>

Отделение IV

Повествование

XIX

Повествования и описания

165) Повествование говорит о том, что *было*. Оно не есть рассуждение, ибо не почерпается не из заключений ума, а из событий.

166) Описание представляет то, что *есть*. Оно также почерпается не из умствований, а из природы, но не есть повествование, хотя очень легко с ним соединяется и украшает его.

167) *Повествование* прилично воспоминанию прошедшего, *описание* чувствованию настоящего. Первое, кажется, издает звуки вдали, второе рисует предмет пред очами...

168) *Философы* утверждают: «Повествование изображает происшествия *во времени* (собственно, в прошедшем), а описание представляет перемены в *пространстве*, которые оно, по противоположности повествованию, являет в настоящем виде».

174) Повествование с описанием есть *род*. *Виды* их: 1) *характеры*, 2) *некрологи*, 3) *анекдоты*, 4) *летописи*, 5) *жизнеописания*, 6) *повести*, 7) *романы*, 8) и, наконец, *история* и все ее отрасли. <...>

Отделение V

Ораторство

XXV

Ораторство у древних и новых

225) Ораторство, *витийство* (ars oratoria) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других.

226) *Ораторство* в кругу всех родов прозы занимает высшее место; оно составляет особое изящное искусство и не довольству-

ется изобретением, расположением и выражением мыслей, как все роды прозы, но требует еще *произношения* — языка действий.

227) Оратор действует на *разум* красноречием ума, силою доказательств, убеждений, движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души.

Все древние реторики и реторы от Аристотеля до Квинтилиана селятся создать оратора. У римлян и греков оратор был вместе и государственный человек.

228) *Содержание* ораторства — *ораторская речь*, в которой предлагаются: *похвалы* героям, монархам, любви к отечеству, к добродетели, ко благу людей; или высокие *истины* нравственные, политические, ученые, или *обвинения* и *оправдания*.

Ораторская речь почти столько же подобна *рассуждению*, сколько описание повествованию — предметы речи и рассуждения почти равны. Но *диссертатор* не является сам, не говорит, а пишет и хладнокровно убеждает разум, не заботясь ни о воле, ни о страстях. *Оратор* сам действует, и не только на разум, но и на страсти и на волю других, и не довольствуется одним словом, но заимствует и *язык действий*.

229) *Цель* ораторства — благотворная для людей — состоит в том, чтоб согласить различные мнения в *одну* мысль, различные страсти в *одно* направление, различные желания в *единую* волю.

У древних *ораторство* составляло некоторым образом правительственную науку. Ибо в мятежных народных державах достижение столь важной цели есть необходимость. Оно сливалось у них со всеми родами знаний и достигало такой высокой энергии, какой едва ли достигает ныне. <...>

XXVI

Ораторское изобретение

235) Оратор имеет *тему* или предмет речи, о коем должен говорить, и *цель*, коей должен достигнуть. *Тема* есть повод к ораторству, а *цель* — то, к чему ведет оратор, в чем хочет убедить разум, какие хочет возбудить чувства, или к чему хочет подвинуть нашу волю.

236) Прежде всего оратор *соображает тему с целью*: а) Достаточна ли тема его к достижению желаемой цели? б) Достаточны ли силы его к раскрытию темы для достижения цели? с) Кто слушатели и прилична ли им тема и цель его? d) Наконец, может спросить сам себя тайно, во глубине души, уверен ли он сам в

предлагаемой истине или только хочет уверить других? — Это важная *тайна*, которая *невидимо* будет иметь влияние на действие его речи. <...>

Отделение VI

Ученость

XXXI

Понятие об ученых сочинениях

285) Словесность, расширяя круг свой, неприметно сближается со всеми родами *учености*. Она срывает плоды наук и искусств и щедрою рукою сыплет их в народе.

Все открытия наук и искусств распространяются посредством словесности и становятся приобретением целого народа. «Науки, — *говорит Карамзин*, — составляют собственность немногочисленного класса людей, а словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу».

286) Ученость (*doctrina, ars*) заключает в понятии своем все *ученые сочинения*. Частная риторика рассматривает их столько, сколько они относятся к словесности, т.е. к способу расположения и выражения мыслей.

287) Содержание ученых сочинений: науки и искусства. Ученость составляет обширный род прозы и обнимает все древо человеческих знаний.

Примеч. Все знания наши имеют одно *общее основание*. Утверждаясь на опытах и наблюдениях, как на бесчисленных корнях, Древо знаний (*его начертить можно*) едва возвысилось и разделилось на две части: на науки — нишу ума, и искусства — пищу воображения и сердца. *Искусства* выросли на две главные ветви: на *механические*, удовлетворяющие нуждам, и на *изящные*, пленяющие сердце. От изящных вновь идут три ветви: искусства *образовательные, представительные* и *тонические* (*оставим искусства до другого случая*). Науки — по трем способностям души — разделились на три главные отрасли: на науки ума — догматические; науки рассудка — точные; и науки памяти — исторические. От догматических выходят ветви: науки *богословские, философские, юридические* (или *нравственные*) и *медицинские*. От точных рождаются ветви наук: *математических* и *физических*. От исторических происходят: *географические, статистические, хронологические* и собственно *исторические*. Каждая ветвь наук имеет свои отпрыски, или *особые*

науки... и все многочисленные ветви сего дерева, растут... и дают содержание ученым сочинениям.

288) *Цель* ученых сочинений, благотворная для людей: распространение знаний — возвышение нравственности — усовершенствование способностей — показание полезных истин, опытов, наблюдений, открытий и пр., и пр.

293) Все *ученые сочинения* — в отношении к словесности — делятся на два главные рода: на *систематические* и *отдельные*. *Систематическое* сочинение объемлет науку или искусство во всей полноте или связи частей ее между собою. *Отдельное* берет один только предмет из науки и рассматривает его с большим вниманием или с новой точки зрения.

294) К *систематическим* сочинениям относятся *книги*, как ученые, так и учебные; — к *отдельным*: 1. *Рассуждения*. 2. *Диссертации*. 3. *Мнения*. 4. *Голоса* и смесь ученых сочинений. 5. *Энциклопедические* сочинения. 6. *Записки* Академий и частных людей. 7. *Акты* университетов. 8. *Труды* разных обществ. 9. *Повременные издания* и 10. *Критика*.

XXXII

Систематические ученые сочинения

295) *Цель* систематических сочинений двоякая: одни пишутся для чтения знающих науку и в ней усовершенствующихся; — другая для преподавания науки незнающим. Первые называются *учеными*, вторые — *учебными*.

Ученые книги называются полными именами наук. Напр. история, физика, математика. *Учебные* чаще ограничиваются условиями. Напр. *Руководство* к истории, *Сокращение* истории, *Физика для детей* и пр.

296) *Достоинство* ученой систематической книги состоит в основательности начал, в постепенной связи и полноте частей — словом, в системе ее и в ясном, приличном слого.

Системою называют связь и полноту всех частей, относящихся к одному целому, все, что необходимо для составления полного целого, полной науки.

297) *Достоинство* учебной книги, удерживая систему науки, требует еще известной *методы*, а для больших успехов ищет *симметрии* и *пропорции*. Слог учебной книги, сверх ясности и приличия, предполагает *краткость*.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как Н.Ф. Кошанский определяет природу человека в соответствии с его словесным даром?
2. Какие словесные науки входят в систему наук Н.Ф. Кошанского? Какова динамика толкования словесных наук у основных риториков конца XVIII—начала XIX в. (А.С. Никольский, И.С. Рижский, А.Ф. Мерзляков, Н.И. Греч, Н.Ф. Кошанский)?
3. Что такое общая и частная риторика?
4. Каковы, по Н.Ф. Кошанскому, *средства* достижения *цели* «общей ретирики»?
5. Назовите три основных способа изобретения мыслей. Как вы думаете, может ли современный человек воспользоваться источниками мыслей, описанными Кошанским? Что при этом надо учитывать?
6. Каково отношение различных риториков к проблеме изобретения мыслей? Кто из них настаивает на введении и обучении общим местам, а кто отказывается от раздела «Изобретение мыслей»?
7. Как объясняются Н.Ф. Кошанским понятия *язык*, *словесность*, *литература*, *поэзия*, *проза*? Насколько эволюционировали значения этих терминов в наше время?
8. Что такое *красноречие истинное и мнимое*? Каковы три признака истинного красноречия по Н.Ф. Кошанскому?
9. Что такое *вкус*, *гений*, *талант*? Насколько вы согласны с суждениями автора? Могут ли они быть проецированы на современную реальность?
10. Прочитайте внимательно интересующие вас профессионально разделы частной ретирики. Выберите те советы, которые могут быть полезны и сейчас, например описания деловых писем и бумаг. Кажутся ли они вам устаревшими и в чем этими советами можно воспользоваться?
11. Как Н.Ф. Кошанский оценивает назначение ораторства и оратора?
12. Прочитайте главу об ученых сочинениях. Рассмотрите жанры ученых сочинений, указанных Н.Ф. Кошанским. Каким современным жанрам соответствуют жанры, указанные Н.Ф. Кошанским?

А.И. ГАЛИЧ
ТЕОРИЯ КРАСНОРЕЧИЯ
(1830)

Александр Иванович *Галич* (1783—1848) — преподаватель Императорского Царскосельского лицея, один из первых представителей философской кафедры в Петербургском университете. В 1818—1819 гг. издал в двух томах «Историю философских систем», за что был обвинен в безбожии и революционных замыслах. В 1837 г., лишившись оклада профессора и казенной квартиры, Галич получил место начальника архива при провиантском департаменте. Несмотря на постигшие его невзгоды, Галич продолжал работать и издал несколько книг. Больше всего его занимали два труда: «Всеобщее право» и «Философия истории человечества», но едва он успел закончить их, как в его отсутствие пожар бесследно уничтожил рукописи.

«Теория красноречия» Галича, хотя и не пользовалась такой популярностью, как сочинения Мерзлякова или Кошанского, представляет фундаментальный труд. При несколько тяжеловатом стиле изложения А.И. Галич философичен и включает в рассмотрение риторики психологические, логические и эстетические начала.

Для настоящей публикации отобраны главы: Введение (определение «науки красноречия» и сущности последнего); Глава первая. Об ораторском языке или выражении. I. Об общих свойствах ораторского языка; IV. О свойстве и родах слога.

Публикуется по изданию: *Галич А.И.* Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений. — СПб., 1830. — С. 1—14, 55—64, 73—75.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. *Теория красноречия, риторика* научает систематически обрабатывать сочинения на письме и предлагать изустно так, чтобы они и со стороны *материи* и со стороны *формы*, т.е. и по содержа-

нию, и по отделке нравились читателю или слушателю, производя в его душе убеждение, растроганность и решимость удачным выбором и размещением мыслей, и равно и приличным выражением мыслей с помощью слов и движений телесных.

§ 2. Почему наука красноречия основывается на *четырёх* главных пунктах:

- a) На счастливом *изобретении* мыслей, приличных предмету. Это — задача собственно *гения*.
- b) На благоразумном *расположении* мыслей занимательных и на умении переливать их в душу слушателя или читателя так, чтобы сей без дальнего труда мог обнимать воображением идею целого сочинения и отдельные части оною. Здесь решит эстетический ум, т.е. *вкус*.
- c) На изложении или *выражении* мыслей словами, речениями, оборотами, долженствующими иметь столько чувственного совершенства для приятной игры воображения, сколько то может быть совместно с легким и ясным обозрением.
- d) На *провозглашении*, действующем весьма сильно при изустном предложении собственно речи ораторской. Сия часть витийства, равно как и предыдущая, заведывается в особенностях *чувством изящного*.

§ 3. Итак, красноречие есть искусство *мыслить* и *говорить*, в котором должно столько же прилагать старания о выражении, сколько и об умственном запасе. Но поелику для сообщения мыслей оратор имеет с одной стороны *слова*, с другой *телодвижения*, то и витийство мы разделяем на *словесное* и *телесное*.

§ 4. Рассмотрение первых трех пунктов составит *чистую* или *общую* часть словесного витийства, а приложение правил ее к разным родам прозаического слога — *особенную* или *прикладную*; в состав же красноречия телесного войдут *декламация* и *мимика*.

§ 5. *Грамматик*, *оратор* и *стихотворец* — три разные лица. Первый передает — в разговоре — свои мысли и чувствования, так как они продолжаемы бывают в его душе, с одной стороны, случаем, с другой, потребностью быть только понятным. *Второй* имеет *определенную целью убеждать* других в важной *истине* непосредственно *рассудком*; а *третий* — *только нравиться чувству* и *воображению приятными вымыслами*.

§ 6. В ораторе предполагаются:

- a) со стороны *умственной* или *теоретической*; а) проницательный ум, дабы не руководствоваться темным чувством, а правильно познавать истинное и важное во всем том, что челове-

ка наиболее занимает; b) богатая, живая и смелая фантазия, которая не только чувственные предметы представляла бы пред глаза, но и отвлеченные мысли облекала в светлые образы; c) обширные сведения в науках, особенно в истории, политике, философии, снабжающих опытами, примерами, доказательствами); d) образование со стороны искусств, преимущественно же опытность и навык в своем собственном; e) изучение языков, грамматическое и философическое, которые должны быть тесно связаны между собой, дабы правильные и ясные мысли находили для всех своих оттенков приличное выражение;

- b) со стороны *нравственной* или *практической* — живое чувство священного сана человеческого, пламенная ревность к честному, особенно же к общему благу и крепкая, непоколебимая воля.
- c) со стороны *физической* — приличная наружность, звучный орган голоса, крепкая грудь.

§ 7. Что красноречие не прихоть, это доказывается:

- a) естественной склонностью человека облагораживать, совершенствовать и украшать все свои произведения, а тем более произведения слова, в котором изливается все богатство души;
- b) потребностью ясных и живых созерцаний, которым преимущественно и способствуют все риторические украшения, разительные картины, приятные обороты, оригинальные сравнения, хитрые намеки, а не менее и самые доводы;
- c) необходимостью вразумлять человека в сомнительных и запутанных положениях жизни;
- d) властью победительного слова над движениями страстей, которые содержат нашу душу в неослабной деятельности и влекут к новым идеям, к смелым предприятиям.

§ 8. *Область* сего искусства самая обширная. Оно исходит от престола самодержца к подданным — в воззваниях и манифестах; оно торжествует в устах дипломата, который словом производит в действие то, чего нельзя достигнуть принуждением; господствует на поле брани, одушевляя воинов мужеством; господствует на народных собраниях, на которых происходят совещания о выгодах Отечества; пред судилищами, где защищает права граждан; в нравоучительных речах, обличая порок и оживляя благородные помыслы; наконец, во всех тех случаях, где требуется наставление.

§ 9. Но, хотя главная цель витийства есть *убеждение*, однако же оно может соединять с нею и другие подчиненные, близкие, а именно: оно может *пояснять* — в предложениях *определяющих*; может *трогать*, возбуждать или утешать страсти — предложениями *повелевающими* или *увещающими*; *раскрывать* — в восклицаниях — собственные *ощущения* оратора и тем побуждать подобные же чувствования в других. Наконец, оно может иметь целью только доставить приятное занятие или *забаву* образованному слушателю или читателю новыми взглядами на ход явлений.

СЛОВЕСНОЕ ВИТИЙСТВО

ЧАСТЬ ОБЩАЯ ИЛИ ЧИСТАЯ

Глава первая

Об ораторском языке или выражении

§ 10. Составные части всякой речи суть *слова*, из связи которых между собою, по значению подлежащих и сказуемых, образуются *предложения*, а из сочетания этих последних — *периоды*. Почему *слова*, *предложения* и *периоды*, соответствующие *понятиям*, *суждениям* и *умствованиям* в логике составляют начальный запас языка, обрабатываемый витией для высших его целей.

I

Об общих свойствах ораторского языка

§ 11. Общие свойства совершенного или, что все одно, ораторского языка, суть его: а) чистота, б) правильность, в) ясность, г) определительность и точность, д) единство, е) сила и выразительность и г) благозвучие.

§ 12. *Чистота* — употребление слов и речений, только сообразных со свойством нашего, для всех понятного языка или таких, которые до получения в нем прав гражданства, очищены от всякой примеси чуждых ему форм и звуков, то есть, *барбаризмов*. <...>

§ 14. *Правильность* — соблюдение форм, допущенных: а) *употреблением*, т.е. тайным согласием лучших писателей по нынешнему ходу образующегося языка, б) *аналогией*, предписывающей во всех сходных случаях поступать одинаково, как при образовании отдельных слов, так и при размещении и соединении не-

скольких частей речи, с) *особенным свойством языка, идиотизмом*, как отблеском духа национального, не доступным ни иноземцу, ни переводчику. <...>

§ 18. *Ясность* — выбор вразумительнейших слов и речений в таком порядке, чтобы значение предмета само собою представлялось слушателю или читателю, всегда почти сторонними мыслями развлекаемому, и не могло не быть им *схвачено* (видение без дальнего напряжения глаз). Она а) требует слов определенного и принятого значения, а не переносных или технических, б) не переставляет слов слишком часто, с) соблюдает в периодах известную меру и тем поддерживает внимание до конца речи, d) не *загромождает* главного предложения придаточными, разрывающими смысл, а тем менее разнородными, е) избегает слишком многословных описаний, произвола в составлении новых слов, принужденной краткости, которая отнимает у речи необходимейшую связь и при которой писатель понимает только сам себя; избегает грамматических ошибок и излишних украшений; наконец, она-то облегчает обозрение целого заметным обозначением *отличительных признаков* в отдельных частях сочинения так, что мы видим, где оканчивается одна и начинается другая. Противоположная ей темнота не *оправдывается* ничем, не даже трудностью предмета. Ибо чего не понимаешь, того и не можешь выразить ясно, а чего не можешь выразить, о том и писать не следует. Впрочем, *извиняем* темноту там, где она происходит от технических, нововведенных и новосоставленных слов для выражения новых понятий.

§ 19. *Точность* — устранение всего излишнего или предложение только того, что нужно для обозначения мысли, следовательно, состоит: а) в *определительности* и б) *краткости*. Первая, *бережливая*, выбирает самые правильные или приличные слова и выражения для оттенения мыслей, чувствований и предметов; вторая, *отчетливая*, действующая по закону достаточных причин, для обозначения вещи употребляет выражения только *существенные*, которые не могут отсутствовать, не причиняя темноты. *Точность языка зависит от точности мыслей*. Мы погрешаем против нее, когда слова наши или не выражают того, что имеем в мыслях (а нечто похожее) или выражают более либо вдвойне то, что сказать хотели. Точности противно многословие, или велеречие, — обыкновенная погрешность *слабоумных* писателей, которые несовершенно овладев своим предметом и потому не находя

для него приличных выражений, думают *изворотиться* разными другими *гадательными фразами* и *двусмысленными описаниями*.

§ 20. *Единство* — гармоническая связь предложения в одно целое а) не переменяет слишком часто *точки зрения и тона речи*, б) не скопляет в предложении и в простых периодах таких вещей, которые принадлежат нескольким, с) связывает предыдущее и последующее в одном понятии, d) избегает, сколько можно, *скобок*.

§ 21. *Сила выражения* — достигается тогда, когда: а) не *порабощаем* своей речи периодическим формам, б) избегаем всех в каком-либо отношении излишних слов и одинаковых речений, частого повторения союза *и* (разве в особенной фигуре), с) когда члены предложения ставим постепенно один за другим в возвышающейся важности, d) когда заключаем всякое предложение словами значащими и притом удовлетворительно, не допуская в конце периода фраз *запоздалых*. <...>

IV

О свойстве и родах слога

§ 92. Во всяком литературном произведении мы различаем:

- 1) *Материю*, мысли писателя и
- 2) *Способ* изображать мысли свои на письме, или собственно *слог*, изменяющийся по национальному духу писателей. Так, слог *восточный* высокопарен, *греческий* правилен и мил, слог *немцев* важен и глубокомыслен, слог *англичан* необыкновенно прост и стремится к нравственной цели, слог *французов* жив и имеет целью удовольствие. Но сии две части также трудно отделить друг от друга, как и в живописи трудно отделить рисунок и *колорит* от вымысла.

§ 93. Стиль состоит из двух главных родов: из *чистого* и *прикладного*.

Первый основывается на соблюдении общих всем сочинениям правил, второй изменяет сии общие начала по требованиям каждого рода сочинений в особенности.

§ 94. Общие начала стиля суть:

- а) *грамматические*, основывающиеся на выборе, размещении и связи слов (о чем уже было говорено);
- б) *психологические*, происходящие от влияния духовных сил человека на его слог;

- с) *логические*, основывающиеся на общих законах мышления;
- д) *эстетические*, имеющие в виду красоту формы.

А. Психологические начала

§ 95. Духовные способности, имеющие влияние на способ изложения, суть; *память, фантазия, смысл, рассудок, разум, остроумие*, способность ощущений и способность хотения или воля.

§ 96. *Память* сберегает для нас сокровища впечатлений, опытов, понятий, образов или картин. Она отнюдь необходима для историка, нарочито участвует при соображениях и параллелях, даже в деловом слого, там, где сей нуждается в опытах или событиях и переходит в историческое изложение или приводит доказательства. Математика и умозрительная философия подлежат тем менее влиянию памяти, чем более они суть дело смысла и занимаются отвлеченностями. Но дееписатель при недостатке или слабости памяти идет прямым путем к плоскостям и заблуждениям. По беспамятству также писатели часто дозволяют себе повторения или выдают чужие мысли за свои.

§ 97. *Фантазия*, способность вымыслов, конечно, не касается деловых и поучительных сочинений, но тем с большею силою обращается к историческим — к роману и повести, к речи ораторской и нравственной, к чувствительному письму, оживляя своими картинами выражение и посыпая цветы на предметы самые сухие, неблагодарные.

§ 98. *Смысл* возвышает впечатления до понятий и приводит последние в порядок, соединяя и разлучая оные. От смысла собственно зависит определительность, порядок и ясность не только поучительных и деловых сочинений, но и всех прочих.

§ 99. *Рассудок* сравнивает понятия между собою, обсуживает и оценивает их относительно к цели, для которой они назначены и действует тремя способами: образуя *чувство истины*, когда в связи со смыслом определяет отношение понятий; образуя *чувство красоты*, когда в связи с разумом и фантазией, определяет отношение формы посредством вкуса; образуя *нравственное чувство*, когда в соединении со внутренним ощущением и совестью определяет отношение свободных поступков к закону; — *рассудок логический, эстетический и практический*, из которых первый, преимущественно, действует в поучительных и деловых сочинениях, а два последние в повествовательных и описательных.

§ 100. *Разум* постановляет верховные и необходимые начала для действий ума, сердца и воли. Писатель, одушевляемый идеями, для науки, искусства и жизни решительными, будет обнимать и представлять свой предмет в полноте его отношений.

§ 101. *Остроумие* сближает между собою такие вещи, которые ускользают от обыкновенного наблюдателя и находит в них известные точки соприкосновения. Потому оно предполагает богатство сведений и опытов, и либо со стороны *материи* снабжает *ученого* новыми *мыслями*, а *художника* новыми *образами*, либо стороною *формы* или выражения замысловато резвится и шутит. Избирайте любое.

§ 102. *Способность ощущений*, или жизнь сердца, относит не представления к предметам (как бывает то в производстве познания), а предметы к своему лицу, причиняя в нем приятные, либо грустные, либо смешанные движения. Сию-то сторону жизни, до которой не достигает интерес ума и его произведений, преимущественно возбуждает и потрясает писатель, в себе и других — повествованиями, чувствительными письмами, нравственными картинами.

§ 103. Литературное влияние *способности хотений* или *воли*, склоняющей нас естественными побуждениями или здравыми мыслями к поступкам, явствует уже из того, что *слог писателя всегда принимает физиономию души его*.

В. Логические начала

§ 104. Чтобы правильно *писать*, надобно наперед правильно *мыслить*. Последнему научает *логика*, которую, по сей причине. Древние и соединяли с наставлениями в ораторском искусстве; ибо всякое литературное произведение имеет своим основанием *логическую мысль*, которую можно отделить везде от покровов.

С. Начала эстетические

§ 105. Цель сих начал есть *изящество формы*, основывающейся не на отдельных словах и фразах, а на целом способе изображения; ибо эстетические законы научают отливать в приятную форму то, что есть правильного и в мыслях, и в языке. Сии свойства стиля основываются либо а) на способности представлений, либо б) на способности ощущений, либо с) на способности воли.

§ 106. *Первые* сливаются с вышеозначенными уже общими свойствами языка и мышления и суть единство в характере и тоне, логическая и грамматическая исправность, определительность и

ясность, соответствие и полнота, наконец, натуральность, противоположенная всему принужденному. Разница в том только, что здесь мы непосредственно метим на *красоту выражения*, невозможную без чистоты и правильности языка. Соблюдение сих свойств доставляет читателю удовольствие легкого обзора и ясного разумения.

§ 107. Ко *вторым* принадлежат:

- a) *прелесть* или *грация*. Она нравится уже сама по себе, исключает все умышленное, все очевидно производимое по правилам и состоит в непосредственной связи с *легкостью* форм и движений;
- b) *разнообразие*. Одни и те же слова, одни и те же картины утомительны. Разнообразие отнюдь не уничтожает единства, требуемого мыслящей силой, и не противоречит ему по той причине, что единство, исчезающее в частности, тем прекраснее восстанавливается *гармонической связью* частей и в *целом впечатлении*. Следовательно, оно и там, где употребляет даже *контрасты*, может нарушать единство в характере и тоне изображения разве тогда, когда не наблюдает гармонии, когда не умеет благоразумно размещать свет и тени, — обыкновенный недостаток слога, *обремененного* неровностями;
- c) *живость*, противоположенная всем вялым выражениям, всякому скучному многословию и поддерживающая интерес в непрерывном напряжении;
- d) *благородная простота*. Как простое сердечное пение наиболее пленяет слух, так и незатейливая речь сильно действует на сердце читателя. От того все движения *детей природы* имеют неизъяснимую прелесть. Простосердечие, худо понимаемое или искажаемое, есть жалкое скудоумие, грубость и жеманство;
- e) *плавность* оказывается в расстановке предложений, в строевании и в связи периодов; она ведет читателя, так сказать, по гладкой дороге;
- f) *сила и полнота* предохраняют всякое сочинение от вялого и тощего тона и на высшей степени обнаруживаются в смелых картинах и выражениях;
- g) *соответствие*. Цель литературного произведения может быть или убеждение, или растроганность, или забава. В первом случае сочинитель преимущественно действует на ум, во втором — на сердце, в третьем — на фантазию и остроумие. Сообразуйте свой слог с этими целями;

h) *оригинальность*, радующая читателя особенным, новым взглядом на предметы.

§ 108. *Третье* свойство есть нравственно-эстетическое, а именно *приличие* или *нравственная* грация слога, употребляющая только такие речения или картины, которые щадят слух и девственное чувство. <...>

§ 122. *Средства для образования себя в хорошем слоге* суть:

1) *чтение*, 2) *участие собственной своей деятельности* при чтении, и 3) *упражнение в письме*.

§ 123. Касательно выбора, порядка и пользы *чтения* наблюдаются следующие правила: а) читайте сперва авторов, которые особенно пишут чистою прозою (и при том во всех трех главных родах слога), потом уже и стихотворцев; б) подчиняйте чтение приятное назидательному; в) остерегайтесь чтения *чопорных* или принужденных писателей; г) читайте мало, но внимательно, с размышлением и испытанием; е) наблюдая постепенный ход от легкого к трудному и ф) остерегаясь непонятого; г) старайтесь всегда отличать выражение от самой мысли; h) принимайтесь за писателей с блестящими недостатками и обольстительными красотою только тогда, когда созрел уже ваш рассудок; и) замечайте тщательно особенные свойства каждого писателя и начертывайте себе литературный его характер.

§ 124. Собственная деятельность при чтении есть: 1) *разбор и толкование* отдельных выражений, мест, небольших сочинений относительно к языку, мыслям и способу изложения; 2) *выписка* отдельных фраз, исторических достопамятностей или же целого плана и главных мыслей книги в логическом их порядке, для доставления ясного обзора.

§ 125. *Собственная попытка в сочинении*. Здесь требуется от начинающего, чтобы он:

- а) вразумляя наперед в том, о чем писать хочет; чтобы
- б) рассматривал свой предмет со всех сторон; чтобы
- в) не пренебрегал мыслями, гоняясь за красотой выражений; чтобы
- г) везде понимал сам себя и мог дать отчет в правильности каждого слова; чтобы
- е) всегда имел перед глазами цель, для которой пишет; чтобы
- ф) избирал достойный, важный предмет для сочинения; чтобы
- г) пытал себя во всех слогах, пока не найдет того, который наиболее соответствует его склонностям; чтобы

- h) непрерывно упражнял себя;
- i) не пугаясь трудностей, на первом шаге встречающихся, ибо с каждым днем приобретает более навыка; чтобы
- k) не спешил отделкою; чтобы
- l) был в подражании осторожен. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расскажите о творческих и педагогических биографиях Н.Ф. Кошанского и Н.И. Галича, учителей А.С. Пушкина.
2. Различает ли А.И. Галич понятия *красноречие* и *риторика*? На чем основывается красноречие?
3. Какие требования к оратору выдвигает А.И. Галич?
4. Для чего требуется красноречие? Насколько своеобразен автор в доказывании традиционных для его времени положений? Где используется красноречие? В чем его главная цель?
5. Каковы общие свойства ораторского языка? Что такое чистота, ясность, правильность, определительность, единство, сила, выражения? Добавляет ли А.И. Галич новое содержание в «старые» термины?
6. Современные ученые описывают среди качеств речи примерно этот же состав терминов. Насколько новые учения о речи развили идеи «старушки» риторики?
7. Что такое стиль? Каковы общие начала хорошего стиля (по А.И. Галичу)?
8. Какие психологические начала влияют на формирование оратора?
9. Каковы средства для формирования в ораторе или писателе хорошего слога (стиля)?
10. Прочитайте внимательно советы А.И. Галича к написанию сочинений. Насколько они полезны современному ротору?

А.Г. ГЛАГОЛЕВ

УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ И ОПЫТНЫЕ
ОСНОВАНИЯ СЛОВЕСНОСТИ
(1834)

Андрей Гаврилович *Глаголев* (? — 1844) — доктор словесности, писатель. В 1814 г. поступил на словесное отделение Московского университета, который окончил в 1816 г. Затем приобрел ученые степени магистра в 1821 г. за «Рассуждение о греческой трагедии» и доктора словесности в 1823 г. за риторическое сочинение «*De methodo inveniendi, disponendi et enuntiandi*» («О способе нахождения, расположения и выражения»). Затем отправился за границу и результатом поездки по землям Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Англии стал большой труд «Записки русского путешественника с 1823 по 1827 г.» в 4-х частях. Горячий приверженец всего русского, Глаголев указывал на множество недостатков и неудобств европейской общественной жизни по сравнению с Россией. Вернувшись в Россию, служил в Департаменте иностранных исповеданий, где ему пришлось пройти «через мытарства», а в 1830—1833 гг. занимал должность начальника отделения по делам римско-католического и армянского исповеданий.

Глаголев был избран в члены-сотрудники (1818 г.), а затем в действительные члены (1821 г.) Общества любителей российской словесности при Московском университете. Когда в 1831 г. Московский университет обнародовал программу конкурса для занятия кафедры красноречия, стихотворства и языка русского, освободившейся после смерти А.Ф. Мерзлякова, А.Г. Глаголев принял за систематический учебник «Умозрительные и опытные основания словесности» (СПб., 1834, в 4-х частях). Несмотря на то что кафедра была предложена С.П. Шевереву, труд А.Г. Глаголева был отмечен Демидовской премией.

Курс словесности А.Г. Глаголева интересен своей психологической концепцией. Рассматривая словес-

ность как «выражение тайн души», А.Г. Глаголев сопрягает душевные способности с истиной (познаниями), изяществом (чувствами) и добром (нравственностью, волей), исследует природу искусства, эстетические категории. Его исследование словесности не содержит принципиально новых идей, тем не менее интересен подход автора «выводящего» общие понятия о словесности из психологии. Для публикации избраны начальные главы учебника А.Г. Глаголева, где прокомментированы основные термины психологии, красноречия, словесности.

Публикуется по изданию: *Глаголев А.Г. Умозрительные и опытные основания словесности.* — СПб., 1834. — С. 1—7, 57—62, 71—74.

ВСТУПЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О СЛОВЕСНОСТИ, ВЫВОДИМЫЕ ИЗ ПСИХОЛОГИИ

§ 1. Словесность может быть рассматриваема в двух отношениях: или как дар выражать свои мысли в постепенном и последовательном порядке слов или самое произведение сего дара, выражение различных действий души в формах языка. В сем смысле она объемлет собою целый мир понятий, ощущений и желаний; его сферы суть разные роды сочинений.

Чтобы постигнуть тайные явления сего мира, прежде всего надлежит раскрыть законы, по которым действует его художник и распорядитель — душа человека.

§ 2. Разнообразные способности души, полученные ею от природы, в сущности своей не что иное суть, как различные образы, под которыми является одна и та же сила мышления (ума), равно как и все непрерывные изменения ее действий суть беспрестанное повторение одного лишь первоначального действия, называемого в психологии *самопознанием*. Сие самопознание начинается только с того мгновения, когда душа, покоряясь влечению собственной природы, стремится в беспредельное, встречает первый внешний предмет и вещественную его форму соединяет в себе с своим внутреннем или умственным оного представлением.

§ 3. Самая первая способность, посредством которой наша душа входит в сообщение с предметами внешними и, так сказать, переносит оные внутрь себя, называется *силою впечатления*; за нею следуют *внутреннее воззрение* и *воображение*. В строгом смысле сии три силы суть только три мгновения одного и того же действия. Ибо посредством впечатления ум обозревает отдельно и порознь каждую часть встретившегося ему предмета; посредством внутреннего воззрения он избирает только части однородные или имеющие взаимное между собою соотношение; а посредством воображения сии избранные части приводит к единству или определенному образу, называемому идеей или вообще понятием. Впечатление формы предмета, по свойству самой души, всегда сопровождается представлением его качества и принадлежностей. Способ выражать словами соединение сих внутренних понятий с внешними именуется *языком*.

§ 4. Если душа в дальнейших своих действиях обращается преимущественно к стороне внешней и занимается в особенности созерцанием тех предметов, которые поражают чувства совершенством форм и доброю качеств, то три силы первого ее действия заменяются соответствующими им тремя высшими талантами: *воображением* живым, *вкусом* и *фантазиею*. Ибо живое воображение, переходя от одних предметов к другим, представляет оные без цели и плана; вкус из сей области представлений выбирает только черты прекрасные и совершенные, а фантазия сии избранные части приводит к одному целому, известному под именем идеала. В идеале отражаются число, мера и гармония частей в высшей степени. Искусство выражать оные соответствующим им языком называется *поэзиею*.

§ 5. Если, напротив, душа стремится перенести чувственное внутрь себя для того, чтобы представления вещей преходящих и изменяемых упрочить понятиями отвлеченными и общими, то в ней открывается действие высшей ее силы *ума* (*ratio*). В нем сосредоточиваются и воображение, и смысл (*intellectus*); ибо ум по своему естеству или от понятия особого восходит посредством частного к общему или от рода нисходит посредством вида к неделимому (*individuum*). Сие восхождение и нисхождение есть то же, что и умозаключение логическое. Если верховная сила души, *ум*, восходя и проявляясь постепенно в действии, сопровождается в то же время полным раскрытием подчиненных ему способностей воображения и разума, то искусство приводить сии разно-

образные его движения в одно целое стройное и облекать оные в соответствующем им формы слова (фигуры, периоды, силлогизмы) называется *красноречием*.

§ 6. Итак, наука о словесности, в обширном смысле принятая, заключает в себе правила 1) языка, 2) поэзии и 3) красноречия. В науке о языке или рассматриваются общие законы, по коим он составился и был употребляем людьми первобытными, или излагаются происхождение и постепенный ход языка у одного известного народа. *Поэзия* и *красноречие* также могут быть предметом или общих исследований, или частных. В первом случае общие законы сих искусств, по началам фантазии и ума, составляют теорию общей словесности; в последнем проявление и их и изменение законов, служащих им основанием, определяются нравами, внешнею жизнью и судьбами одного какого-либо народа.

§ 7. На сем основании в состав предлагаемого здесь начертания теории словесности войдут: 1) учение о языке вообще, или философская грамматика, 2) учение о языке отечественном, или система русского языка, 3) психологические основания теории словесности и 4) план истории русской литературы. <...>

Глава VII

О различных степенях словесности

§ 77. Душа наша вмещает в себе весь мир видимый, то есть представляет все предметы, их формы, качества и отношения. Способ выражать сии представления словами называется *языком*. Сей способ есть один из самых важных даров, ниспосланных человеку премудрым провидением. Язык есть сокровище сведений целого народа и многих веков, стяжание предков, наследство и достояние потомства; хранилища его — словарь, памятники литературы.

§ 78. Разные способности души были основанием различных родов литературы. Писатель, который руководствуется преимущественно чувственными органами, есть историк; согласие его представлений или идей с самыми предметами составляет *истину историческую*. Гений стихотворца занимается не действительным, а возможным; полет его устремлен к изящному, а посему и *истина питическая* состоит в согласии идеала с правдоподобием и вероятностию.

§ 79. Что касается до точных наук, они все основываются на действии *разума*. Обращая предметы особые в понятия отвлеченные и общие, разум стремится, так сказать, соединить непостоянное с прочным, ибо вещи преходят и изменяются, между тем как их виды и роды остаются вечно неизменяемыми. Отсюда произошли науки *умозрительные*, в которых человек ищет всегда истин прочных. Но тот же разум, разлагая общие понятия на частные и особые, заключает умственное развитие в границы вещественные и поверяет отвлеченное опытами — отсюда получили начало науки *опытные*.

§ 80. Отвлечение общих качеств от особых предметов и разложение общих понятий на особые послужили основанием *методы синтетической* и *методы аналитической*, употребляемых в науках, доказательств умозрительных (*a priori*) и опытных (*a posteriori*), и, наконец, самих определений, составляющих существенную часть наук. Ибо в определении предмета мы восходим от вида к роду и нисходим от рода к качествам отличительным.

§ 81. Три главные действия души, облеченные в форму словесного выражения, называются: идея *словом*, суждение *предложением*, умозаключение *периодом*. Посему правила о различных родах слов, предложений и периодов должны быть основаны на логике.

§ 82. Действия ума скрываются во всех действиях души, следовательно, и имеют место во всех родах литературы, но в собственном смысле на умозаключениях основываются только философские рассуждения, имеющие предметом раскрыть и доказать какую-нибудь истину отдельно взятую.

§ 83. Мы заметили выше, что каждая созерцательная или мыслящая сила души сопровождается чувствительностью и волею. Несмотря на тесную связь тех трех способностей, есть случаи, в которых чувства остаются совсем неприметными. Сие бывает особенно в то время, когда мы встречаем предметы обыкновенные или когда смотрим на высокие или изящные предметы с хладнокровием и равнодушием, словом, когда душа занимается одними представлениями и умозрением; вот границы литературы вообще рассматриваемой.

§ 84. В обширном смысле под *литературою* разумеются все вообще сочинения, рассматриваемые в отношении одного языка, и притом в отношении только тех свойств, кои он получил от природы: напротив того, все качества и совершенства, заимствован-

ные им от вкуса и образованности, принадлежат собственно *словесности* как искусству или дару, приобретаемому учением и опытом выражать мысли словами.

§ 85. Занимаясь искусным выражением, а вместе и распространением мыслей, словесность не простирает далее своих требований. Если же нравственность, красота или совершенство предметов пробуждают в сочинителе чувствительность, и если в его слоге видна вся душа, объемлющая мысли и чувства, то словесность называется *изящною*. Ибо во всем случае словесность, подобно всем изящным искусствам, соединяет в себе вещественное с умственным или представления внешних предметов с ощущениями.

§ 86. Из сего следует, что в словесности, вообще рассматриваемой, заключаются одни только силы эстетические, неизменяемые — как главные условия действия разума или как способы искусного выражения, состоящие в ясности, порядке, единстве, точности и проч. Напротив того, изящной словесности принадлежат ровно и неизменяемые, и случайные силы, ибо она занимается не одною изящностию языка, но вместе и выбором предметов высоких, прекрасных, трогательных и пр. <...>

Глава X

Об основании ораторского искусства

§ 97. Из предыдущих замечаний явствует, что различные роды и степени словесности проистекают от различных действий души. Красноречие есть высший талант, объемлющий все тоны слова, начиная от простой прозы до поэзии: следовательно, и источником своим должно иметь высшую способность умственную, в которой сосредоточиваются все дары душевные. Так думали Аристотель, Цицерон и прочие древние риторы, приписывая всю силу убеждения ораторского одним умозаключениям. <...>

§ 98. Самый план и ход мыслей оратора в те минуты, когда он готовится говорить пред судиями и народом, служат доказательством, на чем основывается будущее торжество его. Сперва произносит он втайне свое мнение, потом требует отчета от самого себя, почему он так думает. Если первые ответы его неудовлетворительны, он, согласно учению Цицерона, приводит их к вопросам постоянным и вечным, т.е. к истинам общим. Таким образом, оратор, отвечая на собственные вопросы и разрешая самим им предложенные возражения, неприметно из простого предложе-

ния составляет полный трехчленный силлогизм, из силлогизма пятичленный довод (*quinque-partita argumentatio*), о котором предлагали правила Аристотель и Феофраст и который вообще был весьма уважаем древними. Цицерон также употреблял его не без цели, ибо он сам доказывал его важность в своем сочинении об *изобретении*. Сей отзыв его повторен и в приписываемой ему Риторике к Гереннию.

§ 99. Выше замечено, что суждение или предложение в собственном смысле не что иное есть, как скрытое умозаключение или следствие скрытого силлогизма; следовательно, при рассмотрении частей пятичленного довода могут возникнуть новые вопросы, из решения коих должны составиться новые умозаключения. Таков ход мыслей оратора: он не прежде останавливается, как по открытии доводов очевидных, кои не требуют уже никаких новых пояснений.

§ 100. Но все сии подчиненные доводы суть лишь одного главного умозаключения или различные способы проявления одного и того же ума; следовательно, и самая ораторская речь (*oratio*) не что иное есть, как ум в действии, — *ум, постепенно раскрывающийся и облакаемый в слово* (*ore expressa ratio*). Вот из каких стихий составлялись грозные тучи Периклова красноречия, раздражавшиеся над Грецию молнией и громами! Ими Демосфен разрушал замыслы Филипповы и вития римский торжествовал столь долгое время на торжищах, в сонмах народных и в Сенате. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На каком основании А.Г. Глаголев выводит представление о словесности из психологии?
2. А.Г. Глаголев последовательно определяет термины *язык, поэзия, красноречие*. С какими внутренними понятиями соединяет их автор? Какую роль играют сила впечатления, воображение, вкус, фантазия, сила ума в формировании словесного дара?
3. Что включает в себя *наука словесности*? Какие законы рассматривают наука о языке, поэзия и красноречие? Какие учения входят в теорию словесности?
4. Как А.Г. Глаголев определяет *язык*?
5. Как определяются основания ораторского искусства? Как вы понимаете выражение «ум в действии»?

И.И. ДАВИДОВ
ЧТЕНИЯ О СЛОВЕСНОСТИ
(1837)

Иван Иванович *Давыдов* (1794—1863) — филолог, философ, логик, математик, деятель просвещения, заслуженный профессор русской словесности в Московском университете, директор главного педагогического института в Санкт-Петербурге (1847—1858). Первоначальное образование получил в Тверском дворянском училище, с 1808 по 1812 г. — на философском факультете Московского университета. В 1810 г. написал диссертацию на латинском языке «О различии греческого и римского образования», за которую получил Золотую медаль; в 1814 г. удостоен степени магистра за рассуждение «О критике в древней филологии», а в следующем году — степени доктора словесности за диссертацию «О преобразовании в науках, произведенном Беконом».

Всю жизнь Давыдов соединял напряженную педагогическую, ученую и административную деятельность. В 1814 г. Давыдов поступил преподавателем русской словесности, а потом и чистой математики в Университетский благородный пансион, а со следующего года стал инспектором классов. Некоторое время был секретарем университетской библиотеки, чтобы познакомиться с библиографией. В ранний период деятельности издал ряд учебников по греческой и русской грамматике, логике, «учебные книги» русского и латинского языков, перевод математических трудов. В 1826 г. при занятии кафедры философии прочел вступительную лекцию «О возможности философии как науки по Шеллингу», показав себя сторонником математической точности и чисто немецкой систематизации. Несмотря на влияние идей то Бекона, то Локка, то Кондильяка, то Шеллинга, Давыдов как представитель крайней официальной народности писал в 1841 г.: «Германская философия невозможна у нас по противоречию ее нашей народной жизни... Святая вера наша,

мудрые законы, из исторической жизни нашей развившиеся в органическую систему, прекрасный язык, дивная история славы нашей — вот из чего должна развиваться наша философия».

За свои многочисленные труды Давыдов неоднократно удостоивался монаршего благоволения, получал чины и ордена. В 1831 г. занял кафедру русской словесности, освободившуюся после кончины А.Ф. Мерзлякова, на которой оставался до 1847 г. В 1841 г. по учреждении при Академии наук отделения русского языка и словесности был удостоен звания ординарного академика, избран в почетные члены Московского (1847), Казанского (1849), Дерптского (1852) университетов. В 1847 г. был назначен директором Главного педагогического института в Санкт-Петербурге, а в 1851 г. председательствующим ОРЯС Академии наук.

Противоречивы сведения о Давыдове как о человеке и о педагоге: с одной стороны, отмечают его талант педагога, когда он вел литературные собрания воспитанников университетского пансиона, его блистательное красноречие на лекциях, которые читаны были наизусть, с другой стороны, «недобрую память» как о человеке, у которого личные счета были всегда на первом месте, а лекторское красноречие — «обо всем и ни о чем» (историк С.М. Соловьев).

И.И. Давыдов необыкновенно плодовит как филолог-писатель: исправляя должность директора Главного педагогического института и председательствующего в ОРЯС Академии наук, он написал два больших труда: «Грамматика русского языка» (СПб., 1849) и «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1852; 2-е изд. — 1853; 3-е изд. — 1854). В них впервые после Ломоносова дано довольно полное описание грамматических форм русского литературного языка. Опираясь на господствовавшие тогда воззрения в филологии Беккера, В. Гумбольдта, Я. Гримма, Давыдов впервые заговорил об общесравнительном изучении языков. Очевидны были и недостатки теории автора, стремившегося подогнать факты русского языка под принципы всеобщей, универсальной грамматики.

Впрочем, языковые воззрения Давыдова вполне проявились уже в главном его труде «Чтения о словесности» в 4-х частях (М., 1837—1838), представлявшем собой запись лекций профессора, осуществленную его учениками (среди них, кстати, были Ф.И. Буслаев, М.Н. Катков и другие известные в будущем ученые и педагоги). Словесность, понимаемая как наука («постижение») и искусство («творчество»), делится на объективную («общие законы слова») и субъективную («словесность данного народа»). Объективная словесность, или философия словесности, включала 3 раздела: язык (теория происхождения языка, универсальная грамматика с частями речи); речь (принципы изящного построения речи в предложении и периоде, украшение языка через тропы и фигуры); слог (качества и разновидности изящного слога). Субъективная словесность состояла в разборе разных видов красноречия (= прозы) и поэзии.

Из «Чтений о словесности» И.И. Давыдова выбраны для публикации следующие отрывки: 1) Введение — о значении словесности как науки и искусства, о философии словесности, истории словесности и критике, о поэзии и красноречии; 2) Чтение 1 — о даре слова, предмете и цели философии словесности; 3) Чтение 2 — о слове как основной «стихии» красноречия»; 4) Чтение 21 — о совещательном красноречии.

Публикуется по изданию: *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. — М., 1837. — С. XIII—XXV, 1—8, 14—15, 86—92, 96—98.

ВВЕДЕНИЕ

Значение словесности. Предмет и разделение философии словесности. Вспомогательные науки словесности.

Приступая к изучению словесности, почитаю необходимым посвятить первую беседу обозрению всех частей и вспомогательных наук словесности. Такое обозрение покажет нам, какое место занимает каждая часть науки, назначение каждой части и способы изучения. <...>

Умственная деятельность человека проявляется в двух видах: в *постижении* Творца и его творения, или духа, человека и природы, и в его *творчестве*, посредством которого невидимый мир мыслей и чувствований, сокрытый в человеке, переходит в мир явлений. Постижение рождает *науку*, произведение творчества есть *искусство*. Наука, или постижение, открывает в природе идею истины, в человеке — идею блага. В искусстве, или в создании нового, особого мира, является идея изящного. <...>

Наука, следствие постижения, образует мысли из явлений действительных, а искусство, наоборот, претворяет мысли в явления действительные. Там все выводы постижения приближают нас к идеям истины и блага, здесь все творения искусства суть приблизительные выражения идеи изящного. Поэтому всякое словесное изображение изящного есть творчество, а *словесность*, врожденный дар человечества, народов и человека, дар претворять идеи в словесные образы есть *искусство*.

Но всякое искусство, или лучше сказать, все творения искусства, переходя в мир явлений, из идей преобразовавшись в действительность, становятся предметом постижения наравне с прочими предметами мира видимого. Постижение законов творящего духа, подобно постижению законов других явлений в себе самих и явлений природы, также сводит явления в идеи, действительное превращает в возможное и образует науку. Следовательно, к наукам об идеях блага присоединяется наука об идее изящного. В этом значении рассматриваемая *словесность* как постижение законов изящного в слове есть *наука*.

Явствует, что словесность может быть рассматриваема только в двояком значении: *искусства* и *науки*. В первом смысле это *творчество в изящном слове*; во втором — *постижение изящного в слове*. Что ж значит учиться словесности? Словесность как наука может показать постигнутые законы творящего духа в искусстве и все формы, в которых этот творящий дух является посредством слова; но сила творящая не дается наукою — она дар врожденный. <...>

Словесность, в значении науки рассматриваемая, имеет свою *философию* и *историю*. Там, где ум остается только зрителем, нет философии; но где, желая открыть причины явлений, он спрашивает, почему это возможно — тут рождается философия. И в словесности цель философии — усмотреть творящий дух в его производимости, как бы застигнуть его в творчестве словесных созданий. История словесности показывает явления изящного в твор-

ческих созданиях словесных того или другого народа. Одна, т.е. *история* словесности, представляет *действительное* в мире словесного искусства; другая, т.е. *философия* словесности, излагает *возможность* творческих словесных произведений при известных условиях изящного. Одна, *аналитически* объясняя творения писателей, доводит до идеи изящного; другая, *синтетически* начиная исследования свои с идеи изящного, доходит до его явления в творениях писателей. <...>

Из совокупных исследований философических и исторических образуется *критика*, или развитие или облагородствование чувства изящного, преобразование его в способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам. Критика не есть особая наука: это приложение философии и истории словесности к изящным произведениям. <...>

Значение и цель философии словесности, как *прикладной* эстетики, или науки об изящном как части теории изящных искусств, определяют содержание ее и форму. Искусство, становясь предметом постижения, или науки, представляет наблюдателю две стороны, как природа и самый человек: внешнюю, или материальную, и внутреннюю, или идеальную. Словесность как наука также представляет рассмотрению нашему две стороны, а потому в ее философии явственно отделяются две части: *объективная* и *субъективная*.

При воззрении на творческое словесное произведение со стороны внешней мы изучаем слово как вещество мысли, в нем тающей: сперва мы знакомимся с буквою, чтоб потом понять ее смысл. Здесь вы видите первое торжество человека над природою, развитие мысли его в членораздельных звуках и запечатление сил, явлений и произведений природы этими звуками. Наименовать предмет — значит уже познать его столько, чтоб отличить от других. Таким образом, самопознание человека выразилось первобытным *языком*, которого разветвление ныне составляет более пяти тысяч языков производных и наречий, при всем внешнем разнообразии представляющих дивное и поразительное единство и сродство. Как из понятий ум образует суждения, так из речений, составляющих язык, образуется *речь*. В речи, как в первом выражении мысли, заключаются начала всех явлений духа в слове. Тут повторяется прежде замеченное нами двойственное действие ума: анализис и синтезис. Далее полный акт мышления совершается в умозаключении, и полное выражение мысли со все-

ми отливами чувства и воображения отражается в *слоге*. Следовательно, объективная часть философии словесности состоит из *теории языка, изящной речи и слога*. Но как всякое явление в человеке, природе и искусстве есть повторение общего в частном и особом, или состав этих двух элементов, то и эта часть словесности представляет общую теорию и частную, или особую: общие законы языка, речи и слова повторяются в языке, речи и слоге отечественном. <...>

А как человек, главный предмет поэзии, есть представитель двух миров — духовного и вещественного, то словесное искусство, как выражение идеального и действительного, разлагается на *поэзию, собственно называемую, и красноречие*. Это две полярные противоположности: одна касается мира возможности, свободная и неопределенная, другая касается мира действительного, ограниченная и определенная. Тут, как и в объективной части словесности, общее повторяется в частном или особенном: общие законы творящего духа в поэзии и красноречии отечественном.

Мир идеальный и действительный, изображаемый в поэзии и красноречии, также представляет преимущественное выражение или внешней стороны, или внутренней, или слияние той и другой в действии. Отсюда в поэзии и красноречии происходят соответственные роды творческих словесных созданий: *эпос и история, лира и философия, драма и ораторская речь, или витийство*. Таким образом, предмет *субъективной части* философии словесности заключается в теории поэзии и красноречия. <...>

ЧТЕНИЯ О СЛОВЕСНОСТИ

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ

Необходимость дара слова для развития ума и его совершенствования. Врожденное стремление человека к раскрытию идеи изящного в слове. Предмет и цель философии словесности. Содержание ее и форма. Польза словесности в отношении к уму, воле и чувству изящного.

Дар словесного сообщения другим своих мыслей есть один из тех высоких даров, которыми провидение наградило человека. Ум без этой дивной способности не проливался бы благотворным светом. Слово составляет важнейшее орудие, посредством кото-

рого человек содействует счастью ближнего. Успехи мышления зависят от выражения и сообщения мысли в слове. Усилия одного человека, без помощи других, недостаточны для совершенствования способностей. То, что мы называем разумом человеческим, не есть достояние или плод деятельности и врожденных дарований человека, но разум человечества, сокровище знаний, взаимно от одного другому передаваемых в слове и письме.

Поэтому слово и письмо требуют глубокого изучения. Предположим ли мы целью словесности ораторское убеждение или только занимательность чтения, пользу или одно удовольствие, в том и другом случае изучение искусства выражать мысли, красноречиво производить в слушателе или читателе желаемое действие составляет один из важнейших предметов образования. Все народы, выразив на языке своем нужнейшие понятия, стремятся к совершенствованию речи. Посмотрите на простолюдинов: и в них заметно старание выражаться сильно и приятно, когда они хотят убедить или тронуть. Человек начал еще тогда украшать речь свою, придавать ей свойственное изящество по врожденной идее красоты, когда не существовала наука о изящном. Но у народов просвещенных более всех искусств изучается искусство слова. Внимание, какое обращают на этот предмет, всегда служит свидетельством успехов образованности. Лишь только получают благоустройство общества, являются умы, которые могущественным словом превосходят других, с распространением и усилением влияния своего; они убеждаются в потребности возвышать дар слова, искусство красноречия. Так в наше время изучение искусства словесности почитается необходимым в воспитании юношества.

Многие предубеждены против искусства красноречиво говорить и писать; называют его суетным средством преклонять других на свою сторону и ослеплять; видят в нем только мелочное изучение слов, изысканной речи, витийственных оборотов, украшения, вместо сущности дела. Такие обвинения можно слышать даже от людей мыслящих — и они восстают против красноречия и поэзии. Действительно, риторика и пиитика иногда вредили успехам слова и вкуса, нимало не содействуя их совершенствованию. Несмотря, однако, на злоупотребление, нельзя не согласиться, что искусство словесное, как и всякое другое, имеет основанием законы разума и чувства изящного. Приложить эти законы к словесности, показать отличие истинного красноречия от ложных украшений, объяснить, что от сущности сочинения

зависит его форма, и мысль служит основанием всякому художественному произведению, простота составляет все украшение — вот предмет и цель науки о словесности.

Словесность, рассматриваемая как особый предмет ведения человеческого, имеет свою *философию* и *историю*. Цель философии словесности — открыть непреложные законы мысли в слове. В этом отношении законы словесности тождественны с законами логики и эстетики. История словесности показывает явления этих законов в творческих созданиях словесных того или другого народа. Эти явления, как выражения умственной жизни, согласны с историею религии, нравов и всего быта общественного. Философия и история словесности взаимно одна другой помогают; одна указывает единство начал в разнообразии явлений другой. Из совокупных исследований философических и исторических образуется *критика*, развитие и облагораживание вкуса, или чувства изящного, до способности наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам.

Предмет и цель философии словесности определяют содержание ее и форму. Словесность в этом отношении представляет две стороны: внешнюю, или материальную, и внутреннюю, или идеальную. С одной стороны, она изображает мир понятий в слове как веществе мысли со всеми его формами; с другой, она показывает творчество духа человеческого, проникнутого идеей изящного, как выражение мира действительного и возможного. Из этого естественно следует разделение философии словесности на две части: *материальную*, или *объективную*, и *идеальную*, или *субъективную*. В первой содержатся основные законы слова, во второй — законы красноречия и поэзии.

Предпринимая изложение законов словесности, почитаем нужным исследовать важность и необходимость ее изучения. Мы не намерены превозносить одного предмета за счет других; напротив, думаем, что изучение словесности предполагает, даже требует познания прочих наук и изящных искусств; оно объемлет их в себе и всем им придает новое достоинство. Кто желает преуспевать в искусстве красноречиво говорить и писать, тот должен обогатить себя разнообразными и полезными знаниями, приобрести запас мыслей о предметах, какие могут встретиться в жизни. Древние почитали необходимым условием для витии иметь полное понятие о всех науках и не быть чуждым ни одного знания. Невозможно и бесполезно украшать выражениями сочинения,

скудные мыслями, блестящие по наружности и ничтожные по содержанию. Эти самые попытки вредили иногда красноречию и унижали его достоинство. Многие стараются заменить мысли приятностию изложения, предпочитают скоропреходящие рукоплекания необразованной и непостоянной толпы прочному одобрению людей образованных и рассудительных. Такое заблуждение непродолжительно. Истинно изящное сочинение должно быть проникнуто ученостью и познаниями — они составляют его сущность; наука о красноречии придает ему только изящество, но кому неизвестно, что одни твердые тела способны принимать изящные формы?

Иные, может быть, должны будут писать или произносить речи, другие пожелают только образовать вкус к изящному в слове, узнать его законы, быть в состоянии судить о словесных произведениях. Что касается до тех, которые обязаны произносить речи, самое призвание их требует глубокого изучения словесности. Говорить и писать ясно и приятно, правильно и благородно, изящно и сильно — этот талант имеет нужду в образовании; неопытный в слове не в состоянии выразить мыслей своих с сохранением их достоинства. Сколько бы кто ни был богат приобретенными знаниями, сколь ни основательны были бы суждения, тот не успеет в убеждении наравне с другим, кто при меньших преимуществах во всем этом, владеет даром слова. Не должно однако думать, что для красноречия достаточно иметь врожденные способности. Правда, природа более иным благоприятствует, но в развитии этого таланта, равно как и в других искусствах, природа представляет науке усовершенствование и возвышение своих даров трудом и упражнением. Никто не сомневается в том, что только дарования, развитые и усовершенствованные учением, раскрываются в слове ораторов и других отличных писателей.

В рассуждении способа изучения искусства для достижения известной степени превосходства существуют различные мнения. Не станем утверждать, что одних правил, как бы они хороши ни были, достаточно для образования оратора: врожденные способности собственным упражнением более успевают, нежели одни упражнения и наставления в искусстве слова без дарований. Но если одни правила и учения недостаточны для успехов в красноречии, то не должно заключать об их бесполезности: они не могут заменить гения, но способствуют к его развитию; они не во состоянии восполнить скудности дарования, но предупреждают

погрешности дарований врожденных, руководствуют в подражании образцам, открывают красоты, достойные нашего изучения, и ошибки, которых должны мы избегать; споспешествуют очищению вкуса, выводят гения на истинный путь, когда он уклоняется, и указывают должное направление; наконец, если они не могут произвести блистательных качеств, по крайней мере, предостерегают нас от опаснейших погрешностей. Сверх того, изучение словесности имеет влияние на образование ума, и в этом-то отношении заслуживает особенное внимание. Образовать дар слова — значит образовать разум. Логика и риторика взаимно соприкасаются: учиться точности в выражении — значит учиться правильно мыслить. Облекая в слово мысли наши, мы приводим их в ясность. Каждый, сколько-нибудь упражнявшийся в словесности, знает, что неточность выражения, вялость слога — все эти недостатки происходят от сбивчивости в мыслях. Столь тесна связь между словом и мыслью!

Изучение словесности, во все века столь уважаемое, в наше время представляет еще более важности и необходимости. Мы живем в таком веке, когда с необыкновенным усилием обрабатываются все науки, когда вполне предаются изучению изящного слова во всех родах сочинений. Писатель, не соединяющий изящества в выражении с достоинством мыслей, не может ожидать долговечности своим сочинениям. Может быть, мы стали слишком разборчивыми в этом отношении, может быть, мы преувеличиваем требования касательно изящества и украшений слога; даже иные впадают в крайность, занимаясь более словом, нежели мыслью: но это самое заставляет нас тем более заниматься искусством писать. Если необходимо уметь выражаться изящно и это уменье в наше время столько уважается, то еще более необходимо образовать вкус, для отличения ложных прикрас от красот истинных. <...>

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ

Первым предметом исследований наших будет слово как основная стихия красноречия. Мы войдем в некоторые подробности этой основной стихии: в области словесности мало предметов, заслуживающих более внимательного исследования.

Сознание бытия нашего собственного и существование предметов посторонних, нас окружающих, включает в себе всю сис-

тому выражения мысли или слова. Поэтому при воззрении на слово как на вещество мысли представляются рассмотрению нашему два предмета: возможность образования и развития *словесной стихии* и проявления ее в различных *формах*. С одной стороны, мы должны показать *стихии слова и законы их соединения*. Сверх того, представление мыслей письменами есть особая способность — память человечества, а потому исследовать должно различные системы знаков, соответствующие, равно как и слово, развитию разума. С другой стороны, рассматриваемое слово со стороны форм, какие принимает оно от проявления в нем мысли, как совокупность образов и звуков, представляет *изобразительность речи* и ее *благозвучность*. В этих общих условиях совершенной речи открываются особенные свойства творящей мысли — *слог*, или различные способы выражения. Все эти исследования составляют предмет собственно *философии слова*, или *объективной части словесности*.

Слово вообще есть выражение мыслей наших посредством членораздельных звуков наших. Под членораздельными звуками мы разумеем изменения голоса или простой, исходящий из груди звук, ограничиваемый различными органами, каковы: зубы, язык, губы, поднебье, нос, гортань. В наше время этот способ сообщения мыслей находится в высочайшей степени совершенства. Посредством слова мы быстро объясняем друг другу тончайшие оттенки мысли и нежнейшие ощущения сердца. Не только окружающие нас чувственные предметы имеют свои названия, указывающие нам на самые предметы, но все их взаимные отношения и малейшие отличия обозначены в слове со всею точностью; внутренние чувствования также выражены особыми знаками; понятия отвлеченные, все идеи, составляющие богатство наук, и все создания воображения, облекаясь в слово, переходят в явления, для нас осязательные. Слово, разделившееся на разные ветви, образовало разные языки, собственность того или другого народа. Этот способ выражения мысли нашей, по удовлетворении первых потребностей общественной жизни, обращается в орудие художественной роскоши. Недовольные простою ясностью выражений, мы требуем от них известного убранства. Для нас недостаточно, чтобы другие просто сообщали нам мысли свои; мы хотим, чтобы это сообщение было изящно. В этом состоянии за несколько тысячелетий уже находим мы слово у многих народов. Привычка до того сроднила нас с этим явлением, что мызира-

ем на него без удивления, равно как взираем на твердь небесную и на другие величественные предметы природы, к которым привыкло наше зрение. Мы любимся различными произведениями искусств, гордимся новейшими открытиями в науках, способствующими удобству и приятностям жизни, поставляем в них славу человечества, но что более слова имеет право на наше удивление? <...>

ЧТЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

<...> Древние разделяли речи на три рода: на *повествовательный*, *совещательный* и *судебный*. Цель *повествовательного* рода — похвала или порицание; *совещательного* — убеждение или просветление разума, а *судебного* — обвинение или защищение. Главные предметы первого рода речей: панегирики, надгробные и поздравительные слова; речи совещательные занимались прениями и общественными делами в сенате или в народных собраниях; судебное витийство относилось к судиям, когда требовалось прощение или обвинение какого-либо лица. Такое разделение служит основанием всем древним сочинениям риторическим; новые писатели подражали в этом древним. В этих родах содержится почти все, что только может быть предметом ораторской речи. Но согласно с настоящим состоянием красноречия приличнее принять разделение речей на *совещательные*, или народные, *судебные* и *духовные*. Каждый из этих родов речей имеет отличительный и свойственный ему характер. Разделение это не вполне согласуется с разделением древних. Судебное наше красноречие совершенно соответствует красноречию судебному древних. Красноречие народное хотя и принадлежит более к речам совещательным, однако отчасти оно относится и к роду повествовательному. Красноречие духовное имеет совершенно особый характер, по тону же оно одинаково с родом повествовательным древних.

Правила, относящиеся к изящному построению речи ораторской, принадлежат вообще ко всем родам красноречия: духовному, судебному и совещательному. Но каждый из трех родов имеет отличительный характер, свойственный ему дух и тон: знание этих особенностей необходимо нужно для вывода частных правил об изящном в каждом роде. Красноречие судебного оратора, без сомнения, отлично от красноречия проповедника, и верное знание характера каждого рода речей служит основанием изящному вку-

су при разборе таких произведений и правилом для творящего гения. Начнем с того рода, который может прояснить и другие, именно с красноречия народного, или совещательного. Оно может развиваться во всех тех случаях, когда совещаются о пользах общественных под различными формами, каковы всенародные объявления и другие бумаги государственные.

Цель этого рода речей — убеждение. Они должны иметь предмет раскрытие какого-либо мнения, относящегося ко мнению общественному и в пользу которого оратор желает склонить своих слушателей. В убеждении надобно действовать на разум, от того речи народные допускают слог сильный и витиеватый; но главная сущность их — основательное суждение. Без твердого основания в отношении к мышлению речи могут блистать всеми красотою внешними и при всем том не производить желаемого действия. Блеск этот прельстит слушателей поверхностных, но люди рассудительные скоро скучают пустым витийством. К какому бы званию ни принадлежали слушатели, оратор никогда не должен думать, что язык напыщенный, но без мыслей и строгого суждения, может на них действовать или его прославить. Опасно испытывать подобное средство: такое витийство торжествует случайно, но в сущности оно ничтожно. Общее мнение — лучший судия в отношении к здравому смыслу и верности суждения. Простой повествователь в суждениях своих прямо идущий к цели дела, всегда берет верх над оратором, исполненным искусственности и учености, но заменяющим здравый смысл цветами риторическими. Тем более требуется осторожности, когда оратор говорит в собрании людей просвещенных.

Не забудем, что основанием всякого рода красноречия служит основательность мысли. Несмотря на то, что Демосфен говорил толпе афинских граждан, речи его построены на строгих умствованиях. Он почитал необходимым убеждение ума слушателей, чтобы после преклонить волю и располагать всеми качествами душевными. В этом заключалась сила и могущество речей его для слушателей; в этом тайна и удивление, какое они доселе возбуждают в читателях. Вот образцы, которыми должны бы руководствоваться ораторы, а не следовать тщеславным декламаторам, унижающим красноречие. Кто готовится к речам советательным, тот должен прежде всего овладеть предметом, о котором намерен говорить, приобрести все относящиеся к этому предмету сведения, убедительность доказательств — это главное основание

речи. От такого приготовления речь становится сильною и мужественною; украшения явятся сами собою, и они не должны озабочивать оратора: «*cura sit verborum, sollicitudo rerum*» — о словах надобно стараться, о мыслях заботиться. Изучающие искусство красноречия должны помнить эти слова Квинтилиана.

Но может ли слово того быть могущественно, кто сам не убежден, в чем хочет убедить других? Истинный оратор никогда не будет основываться на таких доказательствах или мнениях, справедливостью которых сам не проникнут. Никто не бывает красноречивым, говоря противно мыслям своим, выражая не собственные свои чувствования. Одна только речь откровенная, один язык сердца нас убеждают. Высокое красноречие должно быть словом страсти или чувства самого живого. В них источники убеждения; они сообщают гению человека силу, которой не имеет он во всякое другое время. Напротив, сколь затруднительно положение оратора, когда он не чувствует того, что выражается словами, когда он высказывает чувства, которых не имеет.

Занимающиеся красноречием для приобретения навыка говорить, при рассматривании какого-либо предмета, иногда с намерением поддерживают сторону менее основательную; они испытывают силы свои в преодолении трудностей. Но подобное упражнение не послужит к усовершенствованию оратора; можно даже опасаться, что оно причит к пустым и ничтожным противоречиям. Это еще допускается в обществе, где не говорится ни о каком важном предмете и где обращают внимание на блестящий разговор. Гораздо лучше защищать мнение, в котором мы сами убеждены, и для доказательства справедливости его употреблять доводы истинные, которыми мы сами проникнуты. Таким только способом можно привыкнуть к размышлению основательному, к сильному и пламенному изложению мыслей. Там, где рассуждают о делах государственных, навык говорить не по убеждению может подать невыгодное понятие о характере; иногда игра ума покажет совершенное его отсутствие.

Предмет речей совещательных редко позволяет оратору заранее изготовлять их со всею подробностью; большею частию доказательства должны родиться во время состязаний. Невозможно предугадать направление стороны противной, и тот, кто надеется на речь, прежде обдуманную, нередко отвлекается от избранных им положений. Главные мысли часто изменяются, а вместе с тем уничтожаются и доводы. Не без основания все предубеждены про-

тив обыкновения приносить в совещательные собрания наперед заготовленные речи. Они бывают полезны при наличии прения, потому что оратор вправе избирать и ограничивать свой предмет. Но по мере усиления прений и опровержений с противной стороны подобные речи теряют силу, обращаются в декламацию, имеющую целию блистать внешними красотами, а не сущностью дела; и могут ли они убеждать наравне с речами, изливающимися прямо из уст оратора, хотя и несовершенно обработанными?

Из этого, однако, не следует, что не нужно обдумывать предмет и готовить то, о чем надобно говорить перед собранием. Напротив, кто пренебрегает этою предосторожностью или полагается на свою готовность, тот непременно привыкает говорить слабо и не в порядке. Размышление или приготовление полезно, когда объемлет целый предмет, а не какую-либо часть предмета. Что касается до основания самого предмета, то надобно совершенно им овладеть и знать все, что к нему относится. Излишняя заботливость о словах и выражениях придает речи изысканность и искусственность. Оратор, неуверенный в присутствии духа, еще не повелевающий своим словом, что приобретает одним только навыком, пусть выучивает наизусть всю речь, которую произнести желает. С большею уверенностью в слове он придет в состояние говорить без приготовления. Тогда пусть письменно изготовляет вступление, чтобы начинать без замешательства; для остального исследования может довольствоваться главными положениями, на которых намерен останавливаться, не заботясь о словах — они родятся в пылу произношения. Такие указания, содержащие все основание речи в малом объеме, полезны для начинающих и в том отношении, что приучают к точности, которую оратор скоро утрачивает, будучи обязан говорить часто; они заставляют внимательнее рассматривать предмет и располагать мысли методически, в строгом порядке.

Во всех родах совещательного красноречия всего важнее ясный метод, соответствующий предмету. Под методом мы не разумеем правильных подразделений, как то бывает в проповеди: в совещательном собрании излишняя дробность разделения тягостна для слушающих, разве только в том случае, когда оратор пользуется особенною доверенностью или когда предмет, по своей важности, этого требует. Одно исчисление главных и подчиненных предложений пугает слушателей, предвещая длинную речь. Притом главное разделение не должно быть обнаружено, но ему

необходимо следовать в развитии речи. Оратору нужно наперед распределить свои мысли и усвоить их прежде произношения; это вспомоществование памяти дает возможность говорить последовательно и без замешательства, которого не избегнет тот, кто не составил себе никакого начертания. Порядок необходим и в отношении к самым слушателям, если только хотим произвести на них желаемое впечатление. Он придает словам нашим силу и ясность, способствует нам следить ход речи и вполне обнимать доказательства оратора. Самое изящество речи требует порядка в ней, как и во всяком художественном произведении; без него оратор не достигает цели своей, и часто самое блистательное красноречие нимало не убеждает. <...>

Что касается до слога, то он должен быть обилён и естествен; здесь изысканность неуместна — она препятствует убеждению. Этому роду красноречия приличествует слог сильный и мужественный, украшенный язык — все это производит поразительные впечатления. В метафорах блестящих, одушевленных, образительных слушатели оставляют без внимания некоторые неправильности, заметные в других сочинениях. В быстром разговоре блеск украшений поражает нас — тут не замечается и самая неточность.

Прилична ли совещательному красноречию более сжатость или обилие? В этом трудно определить границы. Обыкновенно предпочитают развитие предмета обильное. Но крайность и тут опасна: оратор часто теряет более в силе речи, нежели сколько выигрывает в ясности. Без сомнения, обращаясь к собранию, не говорят отрывистыми предложениями и краткими изречениями; необходимо развивать свои мысли, чтобы передать их другим. Часто это намерение употребляют во зло. Не забудем, что как бы приятно мы не передавали другим мысли свои, внимание слушателей утомляется, а как скоро слушатели почувствовали утомление, тогда бессильно красноречие. Речь слабая и многословная не может нравиться: лучше недосказать, нежели говорить слишком много; лучше мысль свою показать с одной какой-либо стороны в самом ярком свете и при этом оставить слушателей, нежели представить ее во всех возможных видах, обилием слов утомить внимание слушателей и оставить их тогда, как они уже пресыщены и утомлены. Произношению пред собранием людей различного звания и различных характеров речь твердая и смелая наиболее приличествует. Надменность и самонадеянность отвращают от себя;

не должно подавать даже мысли о подобных чувствованиях. Но убеждение имеет свой особенный тон, свойственный человеку самому скромному, уверенному в излагаемом деле: это более всего действует на убеждение других. Напротив, кто произносит слабо и с сомнением, обнаруживая, что и сам не вполне убежден в своем мнении, тот в состоянии ли передать его другим?

Вот условия изящества совещательного красноречия, основанные на началах психологических и наблюдениями над произведениями ораторов. Цель этого рода ораторской деятельности — убеждение, рождающееся от познания истины. Доказательства и развитие дела служат здесь основанием. Надобно быть проникнуту справедливостью мнения своего, выражать истинные чувствования, а не притворные. Философский элемент речи, или рассуждение, должно основываться на деле, а не на словах. Порядок и ясное расположение необходимы. Выражение требуется сильное и одушевленное, однако среди самого пламени речи не надобно забывать приличий в отношении к слушателям. Слог пусть будет лучше свободный и легкий, сильный и изобразительный, нежели слишком обильный; в произношении нужна твердость и определенность. Наконец, оратор должен помнить, что впечатление, производимое речью щеголеватую и искусственную, кратковременно; напротив, действие ума точного и основательного сильно продолжительно. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое словесность как наука? Как понимает И.И. Давыдов разницу между наукой и искусством?
2. Философия словесности состоит из теории языка, изящной речи и слога. Что является предметом каждой науки?
3. Как понимаются И.И. Давыдовым поэзия и красноречие?
4. Что требуется, по мысли автора, для «преуспевания» в искусстве красноречия?
5. Как объясняет И.И. Давыдов термин *слово* (см. чтение второе)?
6. Какие советы дает И.И. Давыдов к построению убедительной речи? Можно ли после этих советов предполагать, что он был «напыщенным» человеком?
7. Как И.И. Давыдов рекомендует готовить ораторскую речь? Каким должен быть *слог* оратора?

В.Т. ПЛАКСИН
УЧЕБНЫЙ КУРС СЛОВЕСНОСТИ
(1843—1844)

Василий Тимофеевич *Плаксин* (1795—1869) — преподаватель и теоретик, писатель. Сын сельского священника, окончил Рязанскую духовную семинарию в 1816 г., затем поступил в Главный педагогический институт в Санкт-Петербурге (1819 г.), откуда в 1822 г. был уволен «по неблагонадежности к учительскому званию». На следующий год Плаксин был принят в Департамент народного просвещения канцеляристом. Начав педагогическую деятельность в 1827 г. в Морском кадетском корпусе по приглашению И.Ф. Крузенштерна, Плаксин продолжал оставаться преподавателем русской словесности более 40 лет. Он «получил лекции» русской словесности и истории русской литературы в Артиллерийском училище (1828—1847), во 2-м Кадетском корпусе (1829—1832), в Технологическом институте (1829—1838), в Академии художеств (1830—1839), в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (1830—1839, 1855—1860), в 1-м Кадетском корпусе (1835—1864 — «наставник-наблюдатель русской словесности») и в разных пансионах и частных домах.

Сохранились многочисленные отклики о Плаксине как о преподавателе, умевшем заинтересовать учеников своим предметом, строго преследовавшим «долбню», обращавшем особое внимание на сочинения, по поводу которых он часто устраивал в классе диспуты учеников. Плаксин был интересным собеседником; на вечерах у него собирались многочисленные ученики и ученые, например И.И. Срезневский, М.П. Погодин и др.

В.Т. Плаксин известен рядом трудов по словесности: «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям» (СПб., 1832; 2-е изд. 1835); «Руководство к познанию истории литературы» (СПб., 1833; 2-е изд. 1846). В 1843—1844 гг. вышли два тома его «Учебного курса словесности». Для публикации из

этого курса избраны: Вступление; Введение в риторику; Глава V. Ораторские сочинения и несколько примеров ораторских речей. Названия отдельных параграфов вынесены у В.В. Плаксина на поля, фиксируя основное содержание текста.

Печатается по изданию: *Плаксин В.Т.* Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. Книга первая. СПб., 1843. — С. 1—2, 64—69, 222—224, 228—233, 235—238, 252—255.

ВСТУПЛЕНИЕ

Определение словесности в разных значениях

§ 1. Для чего человеку даны любовь, сострадание, соревнование? Почему он от детства и до старости не может преодолеть влечения узнавать то, что другие думают, и передавать то, что сам думает? Потому что Творец для отличия от других животных дал ему стремление к общежитию, желание быть в связи, в сношениях с подобными существами. Но сия потребность духа человеческого была бы нам в тягость, если бы природа не снабдила нас средствами для удовлетворения оной. Вот для чего мы имеем простое, но чудное преимущество пред другими животными: способность вполне выражать внутренние движения души *звукораздельным голосом*. Эта способность называется *словесностию*, *даром слова*.

§ 2. Другое, столь же существенное, отличие человека состоит в стремлении к совершенствованию самого себя, к улучшению своих способностей и действий, к распространению познаний, посредством которых он употребляет в свою пользу и силы самой природы. Следуя этой наклонности духа, человек с помощью наблюдательности собирает общие правила и, связывая их в непрерывный последовательный порядок, составляет науки, из коих каждая определяет известный род истин. Таким образом составила наука *словесность*, которая, объясняя законы дара слова,

имеет целию усовершенствие дара сего или *учит выразить внутреннее движения души его словами, согласно желанию*. Вот два разные значения словесности; но есть еще третье, — совокупность словесных произведений, в которых соблюдены правила науки, или, лучше сказать, которые могут быть *образцами для правил науки — литература*.

Предмет и разделение науки

§ 3. Хотя разность этих значений очень велика, однако в них есть много и общего, а именно: *выражение мыслей и чувствований словами сообразно с целию*. Следовательно, наука словесность должна говорить о мыслях и чувствованиях, о слове и сообразности речи с целию. Но как мысли и чувствования входят в состав других наук: логики и психологии, то здесь мы будем говорить об них в качестве предварительных познаний столько, сколько нужно для понимания нашей науки. Грамматика, излагая законы языка и употребления слов, должна составлять низший курс словесности; и потому здесь будут изложены только начала ее. Собственно высший курс словесности составляют *риторика и пиитика*: первая излагает законы применять речь к житейским целям и соображать ее с свойствами знаний; вторая определяет свойства и условия изящной речи, следовательно, она входит в курс другой науки: *теории изящного, или эстетики*.

Цель и предмет сей науки

§ 4. Словесность, как наука, имеет целию усовершенствование речи, то есть: устроить речь так, чтобы она имела в душе читателя или слушателя то же самое, что думает и чувствует сам говорящий или пишущий. А как сие действие на душу другого совершается посредством слова, т.е. сочетания мыслей с звуками, то предварительно нужно знать происхождение мыслей, те силы, которые производят оную, свойства слов, сочетание их в речи, потом уже силу или власть слова над человеком и превосходство оною пред прочими способностями выражения мыслей. — Ибо человек, кроме слова, употребляет для сего и другие средства: *телодвижение, живопись* и проч. <...>

ВВЕДЕНИЕ В РИТОРИКУ

Сила слова

§ 131. Таким образом, дар слова, будучи выражением внутренних движений души и связью общежития, составляет почти единственное средство нравственного и умственного усовершенствования человечества, ибо посредством слова мудрец сообщает нам свои глубокие размышления; в слове доходят до нас действия и знания веков минувших, и слово сохраняет нашу жизнь, усилия наших умов в памяти позднейшего потомства. Оно вливает в душу возвышенные, смелые помыслы, воспламеняет и укрощает бурные порывы сердца, рождает нежные и благородные чувства и склоняет к отважным подвигам.

§ 132. Итак, дар слова, разливая просвещение, умудряет человека и, облагораживая чувствования, образует его. Первое в особенности есть дело науки, которая облекает в слово вековые опыты и наблюдения, в систематический порядок приведенные. Впрочем, и отдельное отрывчатое выражение знаний нередко достигает той же цели, как и наука, как мы увидим это после, при рассмотрении каждого рода сочинений, проистекающих как из различных свойств знаний, так и из потребности общества. А второе выполняется произведениями так называемой изящной словесности, законы которой будут объяснены на своем месте.

Различие прозы и поэзии

§ 133. Дар слова имеет два назначения: необходимое удовлетворение общежитию, житейским надобностям и свободное, бескорыстное удовлетворение чувству изящного; отсюда происходят две отрасли словесности: *проза* и *поэзия*, коих различие состоит в том, что первая, проистекая из рассудка и разума, говорит сим мыслящим способностям о мире действительном, о мыслях существенных, для пользы житейской или нравственной; а вторая, происходя из фантазии и чувств, действует на воображение и чувства посредством вымыслов, облеченных в изящные формы. Прозаик, понимая природу, списывает ее; поэт, находя мир непонятным или несоответствующим его идеям, творит из него идеальный, чувственно-совершенный. Следовательно, проза есть выражение познаний; поэзия — выражение идей, спор с природою, творчество и свободное, изящное искусство.

§ 134. Каждую из сих отраслей словесности можно рассматривать как простое действие врожденной способности и как искусство: первое бывает безотчетно, *неопределенно*; а второе есть плод наблюдений, соображений, поправок и выводов, сличаемых и повторяемых с удачными действиями людей гениальных и талантливых. Систематический свод таких наблюдений и выводов, подведенных под одно общее начало, называется наукою. Следовательно, всякое искусство требует *особенной* теории — науки; по сему высшая словесность, как наука, разделяется на *риторику* и *пиитику*. Первая показывает способы излагать и располагать речь прозаическую, сообразно намерению писателя; а вторая — облекать вымыслы в прекрасные формы.

§ 135. Хотя сущность речи как выражения мыслей и чувствований была одинакова во всех веках и у всех народов, но значение ее относительно общественной деятельности повременно изменялось не только у различных народов, но даже у одного и того же народа в различные периоды его жизни; и эти разности и изменения происходили и зависели от характеров обществ. А по мере изменения значения речи как средства общественной деятельности изменялось и понятие о словесном искусстве, потому что многие законы этого искусства изменялись. Оттого не должно удивляться, что определения риторики в разные времена были столь разнообразны, что нередко одно другому сильно противоречили.

Изменение понятия о риторике

§ 136. Греки, называя грамматикою все части нашей словесности, подчиняли ей знания всех свойств и видоизменений языка, всех форм речи; она излагала общие начала нравственной философии и психологии, подробные наставления красноречия и определяла формы поэзии. Риторика составляла важнейшую часть ее; она определяла и преподавала правила красноречия. Греки имели только две отрасли словесного искусства: ораторство и поэзию; первое было средством политики и общественной деятельности; вторая — делом религии; потому ораторство и поэзия, а следовательно, риторика и пиитика, почитались у них чрезмерно высоко. Но самая эта важность риторики давала ей много условного и частного; так что она не могла иметь общего начала и характера науки; отсюда входили в нее то частные или случай-

ные, то произвольные толкования, а это в свою очередь дало возможность софистам превратить риторику в особое искусство составлять хитросплетенные речи, которые, запутывая слушателя, играли вниманием его и волею.

§ 137. Римляне учились всему у греков в то время, когда риторика их смешалась с софистикой, потому они никогда не имели истинной риторики; так что величайший оратор и учитель красноречия Цицерон, живший в цветущее время ораторства, определял риторику, по нашим понятиям, очень странно, говоря, что «риторика есть *искусство* говорить хорошо, красиво (украшенно), обильно и мудро». Так как у римлян ораторство составляло единственную отрасль прозаического искусства и так как Цицерон увлекал своими речами гениально-софистическими, то учение его о красноречии или риторические правила остались неизменны и перешли к народам нового мира.

§ 138. Новоевропейские народы заимствовали свое учение от римлян и греков, то и риторика древняя оставалась во всей своей силе дотоле, пока она составляла достояние школ. Но когда ученость слилась с народною жизнью, когда ее сделали средством общественных и общежитных удобств, тогда между прочим стали думать и об изменении риторики; только, с одной стороны, по общему закону всех преобразований, с другой, по недостатку определенного направления ума, одни совсем отвергают ее существование, другие, допуская пользу и необходимость ее, не хотят признать ее наукой; третьи думают, что риторика есть особого рода сочетание логики с психологиюю; иные почитают ее приложением эстетики к прозаическому искусству и т.п. Сообразно этим мнениям дают риторике различные определения, называя ее то наукою, то искусством.

Обилие речи или многословие в наше время только тот почитает достоинством речи, у кого душа пуста. В XVIII столетии, когда мы едва только научились говорить связно, когда только образовался чистый и выразительный язык, шегольство многословием и обширным блестящим выражением было весьма естественно.

Отличие риторики от других наук

§ 139. Ежели допустим, что риторика учит выражать мысли ясно, правильно, красиво, приятно, хорошо, то смешаем сию науку с логикой, грамматикой и эстетикой. Сверх того, красота и при-

ятность суть следствия согласия и других свойств речи; да и может ли проза иметь эти свойства конечною причиною? Это только средства, в некоторых случаях ведущие к цели, предполагаемой сочинителем. Конечно, *риторика* имеет много общего с *логикой*, *грамматикой*, *пиитикой* и *эстетикой*; но от всех сих наук отличается тем, что или касаясь их предмета, или употребляя одинаковые с ними средства, или приводя к той же цели, она всегда и везде говорит только о том и для того, чтоб изложение и расположение речи совершенно соответствовало *намерению* говорящего, о чем ни одна из сих наук не говорит непосредственно. Слово же *хорошо* не имеет определенного значения, следовательно, не может ничего определять.

Красноречие

§ 140. Нельзя также допустить и того мнения, что риторика учит только *красноречию*. Нет сомнения, что красноречие, принимаемое в значении искусства, составляет предмет ее; однако же можно писать как должно, выполнять все требования речи относительно назначения оной, и вместе с тем *некрасноречиво*, ибо это не всегда нужно писать; и притом для красноречия недостаточно только одной науки — для этого нужно иметь дар природы, который достается в удел немногим. Следовательно, красноречие относится к риторике как отрасль искусства к общей науке и отличается от словесности вообще как часть от целого; оно посредством слова управляет волею читателя или слушателя. Красноречию можно противоположить *просторечие*, которое состоит в простом выражении мыслей или знаний, не только не имеющем, да и не предполагающем никакого отношения к воле и решимости читателя. Оно, сообщая мысль, не хочет ни увлекать, ни убеждать.

Разделение риторики

§ 141. Всякая наука имеет две главных части: *теоретическую* и *практическую*; следовательно, и риторика, ежели примем ее за отдельную науку, также разделяется на две части: первая — *теоретическая* или *общая* риторика — по общему закону всякой теории излагает общие свойства и законы речи прозаической, отношения составных ее стихий, т.е. мысли и слова, главные роды ее,

проистекающие из разности самых значений, выражаемых прозою; впрочем, это рассмотрение речи и законов ее во многом может быть приложено и к самой поэзии. *Практическая* риторика, или *частная*, рассматривает употребление речи прозаической, приложения ее к общественным потребностям и житейским отношениям и частные видоизменения каждого рода ее. <...>

ЧАСТНАЯ РИТОРИКА

ГЛАВА V ОРАТОРСКИЕ СОЧИНЕНИЯ, ИЛИ РЕЧИ

Определение речи

§ 252. *Ораторская речь* всегда пишется для убеждения, следовательно, в ней соблюдаются все правила убедательной прозы. Убеждение тогда только может быть совершенно и решительно, когда все способности души согласно увлекают волю; посему речь есть такое сочинение, которое при изустном произношении, научая ум, возбуждая чувства, воспаляя воображение и фантазию, склоняет волю слушателя согласно с желанием сочинителя. Следовательно успех убеждения зависит от применения речи к образу мыслей, вкусу, наклонностям, страстям, характеру и образованности слушателя. От того ораторское искусство подчинено многим условиям временным и местным: каждая страна давала ему свой характер, потому что ораторство не составляет особенной потребности духа человеческого или естественного стремления его наружу и не изображает неизменной внешней природы; оно всегда было и будет средством общественных видов и почерпает материал из того же нравственно-гражданского мира, а этот мир бесконечно изменчив. Вот почему ораторство имеет два рода законов: одни — в природе человека, другие — в характере общества; первые всегда одинаковы, вторые зависят от духа времени и от общества.

Разность древнего и нового ораторства

§ 253. В древнейших государствах Азии, по духу организации их, нельзя искать ораторского искусства; оно там принадлежало

лицам, а не обществу; общественное ораторство родилось в Греции и в Афинах взшло на высочайшую степень. Там ораторство было главною причиною общественной деятельности; все правительственные должности достигались и поддерживались красноречием, даже полководцы управляли войсками посредством красноречия, и потому оно имело у них характер чисто политический. Это политическое направление послужило причиною изобретения нового ложного искусства *софистики*, которую часто употребляли вместо истинного красноречия люди, не имевшие высокого ума и сильной воли, необходимых для оратора; они многословным хитросплетением обольщали слушателей. Такое злоупотребление высокого, благороднейшего искусства послужило поводом положить началом ораторского учения правило нравственно прекрасное, но в искусстве ложное: *только муж испытанной добродетели может быть красноречив*. То же самое повторилось в Риме. По понятиям древних народов о добродетели у них это правило имело вид истины, потому что сила характера и мужество составляли главнейшую их добродетель (*virtus*). Без чего, конечно нельзя быть оратором, особенно народным. С падением древнего мира, все изменилось, изменилось и ораторство. И мы можем сказать: *только добродетельных людей надобно допускать до ораторства*.

§ 254. Софистика была источником и другого правила: *Поэтом надобно родиться, а оратором можно сделаться* (*poetae nascuntur, oratores vero fiunt*). Первая половина этого правила, безусловно, справедлива; а вторая более нежели сомнительна. Конечно, где можно было невежественную толпу взволновать и увлечь *хитросплетенным многословием*, там можно было научиться ораторству. Но истинное ораторство — искусство владеть и располагать умом, волею и страстями слушателей — требует столько же даров, сколько и учения. В самом деле, что может сделать словом своим человек холодный, вялый, нерешительный, равнодушный, без творческого ума, без страстей и воображения, неспособный приходить в поэтический восторг, при защите истины и добродетели?

Свойства речи и оратора

§ 255. В речи точно так же, как и в рассуждении, сначала истина объясняется и доказывается, но рассуждение, объясняя и дока-

зывая истину, выводит из мрака неведения и утверждает известность ее; оно, не ограничиваясь ни лицом, ни временем, говорит для всех и навсегда, а речь соглашает разум с чувствами известных слушателей, в определенное время, для решительного склонения воли их, не столько ясностью доводов, сколько силою красноречия, т.е. верным приспособлением речи как вообще к свойствам сердца человеческого, так в особенности к духу и наклонностям слушателей, показывая им предмет убеждения тою стороною, которая им нравится. От философа и вообще рассуждающего требуется только совершенное знание предмета и спокойствие в размышлениях, строгая связность и благородство в выражении мыслей. Оратор, сверх знания предмета, должен быть сам убежден в истине, или по крайней мере, казаться таким и чувствовать всю необходимость и важность убеждения; сверх быстроты и важности ума, должен иметь сильные и высокие чувствования, пламенное воображение; сверх телесных совершенств: *наружного благородства, живости, гибкого и выразительного голоса* и проч. — должен иметь сильный, решительный характер, непоколебимую волю; должен иметь свободу и силу располагать направлением чувствований, должен владеть даром слова как орудием своего дела. <...>

Разность речей

§ 264. Некоторые писатели находят существенное различие красноречий *духовного* или *церковного*, *военного*, *академического* и *судебного*, но, допустив отдельное существование сих родов красноречия мы должны будем по необходимости допустить многие нелепые заключения о подразделениях и науках этих красноречий. Посему мы удовольствуемся допущением только некоторой разности речей, как например: речи *духовные*, *политические*, *академические*, *воинские*, *судебные*, *похвальные*, *приветственные* и т.д. Все они разделяются между собою частью по целям, частью по слогу и по некоторым условным и случайным свойствам, которые наука не может определить.

Духовное ораторство

§ 265. Духовное ораторство есть принадлежность собственно мира нового, христианского. Религиозность древнего мира обна-

руживалась в поэзии; область христианского благочестия несравненно обширнее: она разливается на всю жизнь и потому объемлет все роды выражения словесного и вещественного, но ораторство как высшее развитие слова есть преимущественное средство распространения веры нашей, ибо источник и предмет ее — высочайшая истина, источник вселенной. Потому целый мир проповедует нам сию высокую веру в Высочайшее Существо: бури, громы и разрушительные землетрясения внятно говорят нам о Его грозном могуществе; стройный ход планет и тончайшая организация малейших насекомых ясно говорят нам о бесконечной и всеблаготворительности Его: *Небеса поведут славу Божию*.

Оратору остается только раскрыть пред нами и объяснить эту книгу, которую человечество читает в продолжении многих веков и будет вечно читать. Первое толкование этой книги и первая проповедь веры — непосредственное откровение Творца человеку; потом Он говорил устами пророков избранному народу — это учение было грозно, оно относилось к юному человечеству. Настало время благодати: люди, примиренные с разгневанным Божеством, слышали слово небесной любви и благодати сначала от самого Богочеловека, а потом из уст его учеников и апостолов и, наконец, от Боговдохновенных учителей церкви.

Обязанности проповедника

§ 266. Итак, духовный оратор, кроме общих свойств, средств и пособий, имеет много частных и особенных, которые, с одной стороны, облегчают его дело и призвание, а с другой, затрудняют его. Проповедуя славу и благодать Божию, он в каждом явлении, в каждом действии и произведении природы находит истинные доказательства, незыблемые основания своих мыслей, и все это подкрепляется силою слова Христа Спасителя и Его апостолов. Ежели он имеет хотя слабую способность воодушевляться и приходить в восторг, то один взгляд на прекрасную, стройную природу приведет его в благоговейнейший восторг; но для этого он должен изучить внешнюю, физическую природу и внутреннюю природу человека, изучить взаимное их соотношение и систематически изучить не только книги Св. Писания и догматы веры, но и сказания и правила св. отцов. Главное искусство его состоит в том, чтоб словом своим действовать на разум, сердце и воображение человека, гражданина и христианина.

Предмет духовных речений

§ 267. Круг деятельности духовного оратора чрезвычайно обширен. Хотя главная и прямая обязанность его есть борьба с маловерием и утверждение истинного благочестия, однако, как блюститель духовного достоинства человеческого, он нередко должен бывает сражаться и с другими пороками своего общества; требования веры не только не возбраняют, но даже обязывают его возбуждать любовь к Отечеству, стремление к чести, к правосудию, прямодушию, мужеству, миролюбию и к другим гражданским нравственным добродетелям. Каждая из этих целей требует особых частных средств, которые предполагают знания природы, человека физического, нравственного и гражданского и умение владеть и пользоваться сими знаниями и обстоятельствами; так, например, хотя природа человека всегда и везде одинакова, но развитие его и образование различно; потому-то проповедь или поучение для простолюдина и для образованного человека должны далеко между собою различаться. Притом, ежели проповедник имеет дело с человеком сильно верующим, то он прямо говорит ему именем оскорбленной или торжествующей церкви; а ежели слушатели проповедника слабы в вере, то прежде всего нужно действовать на смысл и сердце для утверждения веры, для воспламенения сего божественного чувствования; потом уже силою веры, сего источника всех благ он возбуждает любовь к той или другой добродетели. Итак, *духовные речи и проповеди* пишутся по большей части слогом сильным и высоким; ибо предмет и цель оных суть: высокие понятия о вере, о делах Бога и его святой церкви; часто слова и выражения заимствуются из языка богослужебного. Впрочем, если проповедник поучает паству свою делам общежитийским, исправляя их нравы, то может и обязан доходить до языка простого, но никогда до грубого и низкого; он должен быть образцом всего благородного и высокого. <...>

Светские речи

§ 269. Слог речей *светских* вообще должен соответствовать предмету и цели: *политические* речи излагают дела управления государственного; посему слог оных должен быть краток, силен, благороден. В речах *академических* или *ученых*, ежели в них излагается определенная какая-либо истина, употребляется слог и вообще

способ изложения тот же самый, как и в рассуждениях, кроме приступа и заключения, в которых требуется та же сила и возвышенность слога, как и вообще в речах; а ежели речь касается общих каких-либо истин, то слог ее бывает возвышеннее, нежели в частных случаях.

Похвальное слово

§ 270. *Панегирики* или *похвальные речи* и *слова* требуют самого возвышенного, самого торжественного красноречия. Но возвышенность выражений есть слишком бедная дань для великих душ, которая заслуживает похвальное слово; ибо только тот достоин панегирика, кто жизнью и делами может возбудить в нас высокие помыслы. Средство изображать величие героя заимствуются не из одного размышления, но и преимущественно из истории; подвиги и труды, подъятые им на пользу человечества, изображаются живо и сильно; здесь является сила красноречия во всем своем могуществе, дабы расположить в пользу героя не только слушателей, но и отдаленное потомство. Панегирик сходствует с биографией и с характеристикой, и тем только отличается от них, что имеет цель определеннее, теснее — возбудить удивление, уважение, а иногда и умиление к герою; а посему он изображает только одни заслуги, добродетели. И притом предметом характеристики может быть человек с великим духом, хотя бы он ничего особенного не сделал; а похвальное слово требует от лица, изображаемого в нем, не только обыкновенных заслуг, которыми довольствуется жизнеописание, но дел великих, оставляющих по себе глубокие следы улучшения человечества в каком-либо отношении.

Судебные речи

§ 271. *Речи судебные* в изложении требуют точности и ясности, а в заключении — живописного изложения картин, потрясающих сердца слушателей или чувством негодования, или чувством сожаления к подсудимому.

Воинские речи

§ 272. *Речи воинские* более всего нуждаются в быстроте воображения, в силе, отважности мыслей и чувствований; слог в них

должен быть жив, быстр, краток и силен. Оратор-воин должен пользоваться всеми обстоятельствами и случаем так, чтобы слова только указывали на предметы, которые близки к сердцам воинов и которые говорят красноречивее всякого ораторства, воспламеняя дух. Предметы речей воинских: отечество, вера и церковь, прах предков и слава их, счастье и радость или ужас семейств, доверенность к полководцу, прежние победы, слава победителей, стыд быть побежденным и многие частные обстоятельства, для памятования которых необходимо присутствие духа; для успешного действия нужны простота и внезапность, а личный пример храбрости есть лучшее заключение. Впрочем, иногда воинский оратор убеждает иметь великодушие к побежденным — тогда напоминает он о любви христианской, о сладости прощать. Все прочие краткие речи во многом сходствуют с сими, кроме того, что уступают им в быстроте живости; в обращениях к воину часто бывает нужно в одну минуту ему напомнить в сильных словах все, что может довести его до самоотвержения. Краткая речь вообще, а следовательно, и воинская, всегда состоит из двух частей: в первой излагается причина речи, т.е. то, что заставляет говорить; а во второй — желание оратора. <...>

ПРИМЕРЫ ОРАТОРСКИХ РЕЧЕЙ

ДУХОВНЫЕ РЕЧИ

1. Слово при совершении годовичного поминовения по воинах, на брани Бородинской живот свой положивших

Смерть есть общий всех человеков жребий. Но умереть за веру и царя, за отечество есть подвиг, исполненный бессмертия и славы. Герой, вооружающийся для защищения святыни, им почитаемой, ради спасения соплеменных своих, любезен и велик пред очами Божиими и человеческими, и память его во благословениях.

Какая брань может сравниться с тою ужасною бранию, которая в сей день российских воинов покрыла славою на полях Бородинских? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый меч свой внес уже во внутренность отечества нашего, уже разрушил древнюю твердыню, уже достиг пределов той счастливой области, где

возносит златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица Российской державы. Восхищенный успехами, он воскликнул: «Еще шаг — и Москва падет к ногам нашим». Но что ж? Поседевший во бранях вождь противопоставляет ему твердыню крепче меди и мрамора; противопоставляет ему собственную опытность, благоразумие и мужество; противопоставляет верность и храбрость воинов, им предводительствуемых. Засверкали мечи, загремели громы, восколебался воздух, потряслися сердца гор, крепкая Моавля приять трепет. Самый враг, который заставлял все трепетать пред собою, вострепетал, и неустрашимый утрашился, и непобедимый отчаялся в победе. Вселенная, взирая на сие кровавое позорище, познало могущество и храбрость россос; гадая, она рекла в сердце своем: рано ли, поздно ли кроткий Давид победит гордого Голиафа. Поля Бородинские! Откуда бесчисленные холмы сии, которые досель не покрывали вас? Не могилы ли избивенных врагов, стремившихся разрушить Российское царство и под развалинами оных погребсти блаженство наше? Чем наполнены пространные недра ваши? Не костями ли злодеев нечестивых, хотевших истребить веру отцов наших? Тьмы тем падоша иноплеменных и сокрушися оружия бранныя.

Но ах! В сем, толь славном для воинства нашего сражении, сколь великие потери претерпели мы сами? Сколько погибло опытных и мощных воинов? Сколько благородного дворянства еще в цвете юности, подобно нежной розе, увяло от громов сея кровопролитной брани? Сколько пало или уязвлено искусных и мужественных вождей? Храбрый Багратион! и твои геройские подвиги кончились на полях Бородинских!

Православные воины, положившие живот свой за веру, за царя, за отечество! киими похвальными венцы увязем вас? Какие почести воздадим бессмертным подвигам вашим? какую жертву благодарения и признательности принесем? Защитники церкви и отечества, возлюбленные и прекрасные, неразлучны в вере и верности, благолепны в животе своем, и в смерти не разлучистесь паче орлов легцы, и паче львов крепцы. Так, пали они от ударов врага, по глас крови их, яко глас крови Авелевой, возопиял от земли, умаляя Господа сил о отомщении. Так, их пламенное рвение и мужество не увенчались желанным успехом, и сын нечестия пленил столицу; с мечом и пламенником вошел в достояние Господне и осквернил храм святой Его; но силы его уже были

ослаблены, лук преломлен, щит сокрушен. Пораженные врагом положили начало того ужасного поражения, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожирившего град сей, смущаемый страхом, терзаемый злобою, он, яко Каин, трясся и трепетал. Наконец, гонимый свыше, предался постыдному бегству, — и, воя его, колесницы, тристаты его, погрязли в пучинах снежных. Кто Бог велий яко Бог наш? Ты еси Бог творяй чудеса!

Итак, много потеряло отечество во брани сей, но можно ли ценить то, что оно приобрело? Сею жестокою битвою спасена целость государства, сохранены величие и слава народа, возвращены безопасность и тишина, и гордый фараон познал, что россияне суть язык избранный, людие Божии, и Россия есть страна, покровительствуемая Небом.

Сколь убо ни велики потери наши, утешимся, прекратим стенания, отрем слезы! Но ах, нежная супруга! где отец милых детей твоих? Он не возвращался еще с полей Бородинских. Он там — и дети твои сироты. Прижми, прижми их к сердцу своему, ороси слезами. Он там — да почиет с миром почтенный прах его! Ты разлучилась с ним навеки, но любовь его к тебе и к детям прешла с ним в вечность. Небесный Отец будет отцом сирот твоих и утешителем тебе самой. Отец отечества, помазанник Господень, призрит на вас оком своей всеобъемлющей благодати и милостями своими усладить горести ваши. Сердобольные родители! и ваш сын пал среди кровавой брани; оплачьте его, но вместе и утешьтесь тою верою, в которой вы сами наставляли и утверждали его и словом, и примером. Он убит еще в цвете юности, но он довольно жил для отечества, довольно для чести своей и вашей. Он не достиг высших и знаменитых почестей, но венец страдальческий уготован ему в небеси. Он не наследует достояния вашего, но получит наследие Иисус Христово. Святая церковь не перестанет молить Господа как о нем, так и о всех сподвижниках его; да воздаст им за временные труды и язвы живот вечный и блага вечные; да пролиет им источники блаженства небесного, и увенчает славою у себя самого.

Земля отечественная! храни в недрах своих любезные останки поборников и спасителей отечества; не отяготи собою праха их; вместо росы и дождя, окропят тебя благодарные слезы сынов Российских. Зеленой и цветы до того великого и просвещенного дня, когда воссияет заря вечности, когда солнце правды оживотворит вся сушая во гробах. Аминь.

**2. Высочайший манифест императора Александра I
по случаю окончания войны с Наполеоном**

Буря брани, врагом общего спокойствия, врагом России непримиримым подъятая, недавно свирепствовавшая в сердце отечества нашего, ныне в страну неприятелей перенесшаяся, на ней отяготилась. Исполнилась мера терпения Бога, защитника правых! Всемогущий ополчил Россию, да ею возвратит свободу народам и царствам, да воздвигнет падшие!

Тысяча восемьсот двенадцатый год, тяжкий ранами, приятыми в грудь Отечества нашего для низложения коварных замыслов властолюбивого врага, вознес Россию на верх славы, явил пред лицом вселенной величие ее, положил основание свободы народов. С прискорбием души и истощив все средства к отвращению беззаконной войны, прибегли мы к средствам силы. Горестная необходимость извлекла меч наш. Достоинство народа, промыслом Всевышнего, попечению нашему вверенного, воспретило опустить его во влагилище, доколе неприятель на земле нашей. Торжественно дали мы сие обещание. Дали его не обольщенные блеском славы, не упоенные властолюбием, не во времена счастья. С сердцем чистым изливав у алтаря превечного моления наши, в твердом уповании на правосудие его, исполнены чувств правоты нашей, призвали его на помощь. Мы предпрियाли дело великое. Во благости Божией снискали конец его. Единодушие любезных нам верноподданных, известная любовь их к Отечеству утвердила надежды наши. Российское дворянство, сильная надежда престола, на коей всегда возлежало величие его, служители алтарей все-сильного Бога, их же благочестием утверждаемое на пути веры, знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никаких пожертвований. Кроткий поселянин, незнакомый дотоль со звуком оружия, оружием защищал веру, отечество и государя, жизнь казалась ему малою жертвою. Чувство рабства незнаемо сердцу россиянина. Никогда не преклонял он главы пред властью чуждою. Дерзал ли кто налагать иго? Не коснело наказание! Вносил ли кто оружие в отечество его? Указует он гробы их! Тако возносит Бог уповающего на него! Враги побегли от лица нашего. Не многие остались, да возвестят о гибели. Тако гордого наказует Бог! Новые между тем преуготовлялись врагов ополчения. Еще противоборствующие России народы поставляли безопасность в

соединении сил. Дабы оградить отечество от вторжения неприятелей, надлежало вынести войну вне пределов его, и победоносные воинства наши явились на Висле. Настал тысяча восемьсот тринадцатый год! Народы склонили слух свой к внушению истины. Утомленная бедствиями бодрость воспрянула. Души их слились во единую. Ополчения составили единое ополчение. Противящиеся покорены оружием. Быстрое прехождение от торжества к торжеству привело на берега Рейна. Неприятель пребыл непреклонным к миру. Но едва протек год, узрел он нас при вратах Парижа! Французский народ, никогда не возбуждавший в нас чувств враждебных, удержал гром наш, готовый низринуться. Франция открыла глаза на окружающую бездну, расторгла узы оболыщения, устыдилась быть орудием властолюбца. Глас отечества пробудился в душе народа. Возник новый вещей порядок: призван на престол законный государь. Франция возжелала мира. Ей дарован он, великодушный и прочный. Мир, сей залог частной каждого народа безопасности, всеобщего и продолжительного спокойствия, ограждающий независимость, утверждающий свободу, обещевает благоденствие Европы, приуготовляет возмездие, достойное принесенных трудов и преодоленных опасностей. Всемогущий положил предел бедствиям, прославил любезное наше Отечество в роде родов, воздал нам по сердцу и желаниям. Мы, благоговев пред Господом, подателем всех благ, воссылая благодарственное моление из души нашей, повелеваем, да во всем пространстве империи нашей принесется торжественное молебствие милосердному Богу. Уверены мы, что Россия падет на колена и прольет слезы радости у престола Всещедрого.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие значения имеет термин *словесность*? Какую цель имеет словесность? Как она соотносится с грамматикой, риторикой и пиитикой?
2. Как В.В. Плаксин объясняет дар слова: его действие, роль в жизни общества?
3. В чем состоит различие двух отраслей словесности: поэзии и прозы?
4. Как риторика соотносится с логикой, грамматикой, эстетикой? Каково отношение риторики к красноречию? В чем состоят теоретическая и практическая стороны риторики?

5. Что такое ораторская речь и когда она достигает успеха? Каковы свойства речи оратора и чем оратор отличается от философа?
6. Какие виды ораторства выделяет В.В. Плаксин и в чем своеобразии каждого из них?
7. В чем состоит духовное ораторство и каковы требования к речи проповедника?
8. Проанализируйте примеры ораторских речей, приводимых В.В. Плаксиным.

К.П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Константин Петрович *Зеленецкий* (1812—1857) — профессор Ришельевского лицея в Одессе, автор книг по риторике, теории словесности, общей филологии. Выпускник Ришельевского лицея, в 1833 г. был отправлен за счет лицея в Московский университет, где через год выдержал экзамен на кандидата словесных наук, а спустя два года получил степень магистра. Вернувшись в Одессу, Зеленецкий писал своему наставнику, историку М.П. Погодину о своем «сильнейшем желании» «когда-либо поселиться жить в виду Кремлевских башен» (Риторика. — 1996, № 3). В Москве же были опубликованы первые ученые труды Зеленецкого «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (4 кн. — М., 1835—1836), «Исследование значения, построения и развития слова человеческого» (М., 1837).

Став профессором Одесского Ришельевского лицея, Зеленецкий сформировался в своеобразного, самостоятельно мыслящего ученого, что, как кажется, не вполне было оценено его современниками. Ко второй половине 40-х годов XIX в. относятся фундаментальные работы Зеленецкого, ставшие одновременно серьезными учебными руководствами для гимназий и университетов: «Исследование о реторике...» (1846), а затем «I. Общая риторика», «II. Частная риторика», «III. Пи-

итика» и «История русской литературы для учащихся» (все опубликованы в 1849 г.). Кроме фундаментального разбора истории риторики, Зеленецкий представил новую классификацию филологических дисциплин; именно риторическое исследование давало систематику всех наук в целом, формировавшую будущую классификацию академической науки в России. В начале 50-х годов по заказу Министерства народного просвещения председательствующий Отделения языка и словесности Императорской Академии наук И.И. Давыдов отредактировал четыре курса словесности К.П. Зеленецкого, и они в анонимном издании «Теории словесности» (1851—1860) стали основным «курсом гимназическим» для учебных заведений России. (Риторика. — 1996, № 3. — С. 107—122).

В 1853 г. в Одессе было издано «Введение в общую филологию» К.П. Зеленецкого. Неоднократными были выступления Зеленецкого с речами на торжественных актах Ришельевского лицея, статьи по вопросам церковно-славянского языка, русского и «его отношении к языкам западно-европейским», собственные литературные опыты и теоретические статьи о литературе в столичных и одесских журналах.

Для представления риторической концепции Зеленецкого избраны следующие тематические отрывки из сочинений: обоснование «новой» науки о слове, предмет риторики; введение в общую риторику, логические основания мышления, роды прозаических сочинений; предмет частной риторики, описательная проза, повествовательная проза, ораторское красноречие. Заметим, что в публикации воспроизводится точное написание вариантов «реторика» и «риторика».

Печатается по изданиям: Исследование о реторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. — Одесса, 1846. — С. 53—55, 77—81; Общая риторика. — Одесса, 1849. — С. 3—13, 58—61, 128—132; Частная риторика. — Одесса, 1849. — С. 3—8, 43—45, 88—96.

ИССЛЕДОВАНИЕ О РЕТОРИКЕ В ЕЕ НАУКООБРАЗНОМ СОДЕРЖАНИИ И В ОТНОШЕНИЯХ, КАКИЕ ИМЕЕТ ОНА К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СЛОВА И К ЛОГИКЕ (1846)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ НАУКА О СЛОВЕ, А С НЕЮ И РЕТОРИКА, В СВОИХ ОСНОВАНИЯХ И ОБЩИХ ОТНОШЕНИЯХ К ЛОГИКЕ

Под отношением между двумя науками мы разумеем их соглашение и сближение в некоторых частях, их различие и взаимное отдаление в других, или, говоря вообще, их связь между собою. Для настоящей цели нам необходимо прежде показать значение и части как науки о слове, так и логики. Начнем с первой из них.

1. Части науки о слове и между ними риторика

Заметим предварительно, что реторику будем мы рассматривать здесь, как часть науки о слове. В возможности и даже необходимости этого рода рассматривания сомневаться нельзя. Риторика всегда предметом своим имела расположение и выражение мыслей, именно с целью их письменного изложения. Следовательно, речь, как полное выражение мысли со всех ее сторон, составляла постоянный, исконный предмет нашей науки. Этого пока для нас очень довольно, чтоб, со всею справедливостью, признать реторику частью одной обширной науки, и именно науки о слове, которая в своем самостоятельном виде возникла только в недавнее время и которая не имеет своего технического названия. Одни называют ее филологией, другие — философской грамматикой, третьи — словесностью и т.д.

Сколько же форм представляет нам собою слово человеческое? представляя другому случаю логический вывод числа и построения сих форм, мы удовольствуемся теперь простым их исчислением, тем более, что по своей общеизвестности число это несомненно. Необходимые формы слова суть: *речение*, *предложение*, *период* и *речь*, сия последняя — в смысле полного, устного или письменного изложения. Само собою разумеется, что сии формы находятся в органической зависимости между собою и составляют одно здание науки о слове. Таким образом из частей сей последней *лексикология* объемлет собою значение, образование и свой-

ства речений; *грамматика* — значение, состав и изменения предложений; *синтаксис* — периоды, в их значении, составе, разделении и проч.; наконец *реторика* имеет предметом своим речь в ее грамматическом построении предложений, в логическом расположении ее частей, словом, в ее образовании и составе и, наконец, в ее особых чисто-реторических условиях и свойствах. <...>

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕДМЕТ РЕТОРИКИ, ИЗ НЕГО ВЫВЕДЕННЫЙ, НАУКООБРАЗНЫЙ СОСТАВ ЕЕ И БЛИЖАЙШЕЕ ОТНОШЕНИЕ ЕЕ К ЛОГИКЕ

В предыдущей статье мы показали то место, которое реторика занимает в общей системе науки о слове. Заметим теперь предварительно, что как речь может быть рассматриваема или в своих общих условиях и свойствах, приличным разным родам ее в частности так и реторика в общем смысле, разделяется на общую, частную и пиитику. Первая из них излагает условия, общие всякой прозаической и стихотворной речи, вторая — частные условия различных родов прозы в отдельности; третья условия речи стихотворной в разных родах поэзии. Теперь ближайшим образом следует нам рассмотреть предмет этих частей реторики, логическим выводом определить их систему и содержание и проследить связь общей и частной реторики и пиитики с теорией дальнейшего развития нашей духовной деятельности, в ее направлениях к изящному, истинному и благому. Припомним еще, что полное для себя соответствие логика находит во всей науке о слове, а не в одной какой-либо из частей ее, как например в реторике. Сей последней, следовательно, достается в удел только одна из частей логики.

1. Предмет и система общей реторики

Общая реторика, как показано было выше, имеет один исключительный и самостоятельный предмет. Это — исследование построения, свойств и условий речи вообще как окончательной, органической формы слова человеческого. Спрашивается, сколько сторон являет собою речь для ее научнообразно-педагогического изложения?

Заметим предварительно, что речь по сущности своей призвана к тому, чтобы служить полной и окончательной формой для

выражения всех сторон и всех оборотов нашей мысли. Заметим еще, что в этом отношении она превосходит и предложение и период, которые или только определяют, обозначают главную мысль в ее общем содержании и в этом отношении существуют самостоятельно или же, содержа в себе понятия и мысли второстепенные, подчиненные главной идее и объясняющие ее, входят в состав речи, сплавливают ее. Предложение выражает одно какое-либо суждение и ничего более. Форма периода устанавливается тем или другим силлогическим оборотом мысли и определяется им вполне. В образовании речи, напротив, гораздо более произвола: здесь, при многостороннем развитии и изложении мысли, можно дать течению сей последней тот или другой оборот, другими словами, так или иначе разместить частные отделы речи, относящиеся к главной идее. Следовательно, разнообразие состава и сторон гораздо очевиднее в речи, нежели в предложении и периоде, где тесный предел и развития, и выражения не позволяет ни мысли, ни слову проявиться во всей полноте своих разнообразных особенностей.

Рассматривая общее устройство речи, мы находим в ней, во-первых, сторону ее внутреннего образования, т.е. чисто логическое развитие основной мысли и распределение частей изложения в отношении к этой главной идее; во-вторых, сторону внешнего ее образования, т.е. логические ее условия и грамматическое сплетение из периодов и предложений; в-третьих, в каждой речи находим мы новые условия, проистекающие от того, что мысль и ее выражение в этой окончательной форме слова представляются в своем полном и всестороннем развитии и, следовательно, обнаруживают такие свойства, которые в сжатой форме периода и предложения, взятых отдельно, хотя и заметны, но не обнаруживаются во всей полноте своей. Таковы именно условия изящества и особой убедительности, которые проявляются в предложениях и периодах преимущественно вследствие того, что сии последние сливаются в одну ткань речи или же, в противном случае (т.е. не в речи, а в самостоятельном виде сих предложений и периодов), неполно и только отдельными лучами. Вот почему грамматика и синтаксис не упоминают ни о тропах, ни о фигурах, ни о других эстетических свойствах слова. Это дело ретирики.

Из вышесказанного естественным образом проистекают следующие главные отделы общей ретирики. В первом из них содержится теория *логического построения речи*, определение ее основ-

ных начал, с их сторонами и условиями, и вывод и определение разных родов речи, служащей основанием частной риторике. Тут должны быть показаны и те общие точки зрения, с которых предметы мира физического и нравственного могут быть рассматриваемы и которые суть те же старинные двадцать четыре источника изобретения, но приведенные в необходимую и очевидную связь с логическими формами мышления. Во втором отделе общей риторике заключается *теория лексико-грамматического образования речи*. Сюда-то относятся, во-первых, учения о синонимике речений, о ясности и чистоте языка, о его эвфонических условиях, и т.д., а во-вторых, — о составе речи в грамматическом отношении, об идиотизмах или особенностях языка, ему одному свойственных и так далее. В третьей части общей риторике излагаются высшие, *собственно-реторические условия речи*, в отношении к ее изяществу, одушевленности и силе и другим свойствам, обуславливаемым участием высших деятелей духа нашего в речи. Наконец, к этим трем частям присоединяется еще четвертая. В сей части нашей науки рассматривается *речь в своем общем составе*, как нечто полное. Здесь мы определим наиболее естественную норму для распределения ее частей, причем укажем истинное значение и место, так называемой, хрии, покажем различный характер речи по способу ее изложения и, наконец, изложим учения о составе речи из предложений и периодов, о слоге по его отношению к языку собственно, к сплетению речи из периодов и предложений и к другим условиям. Первую из сих частей общей риторики мы назовем *теорией логического построения речи*; вторую — *теорией лексико-грамматического ее образования*; третью — *теорией полного состава речи*. Таким образом, система общей риторики выведена нами из существенных сторон самой речи. <...>

ОБЩАЯ РИТОРИКА (1849)

ВВЕДЕНИЕ

Предмет риторики составляет вообще речь. Речь есть полное, устное или письменное, прозаическое или стихотворное, выражение наших мыслей. Общая риторика показывает те условия и правила, которые приличны всем родам письменной речи. Частная риторика имеет предметом особенные, частные условия от-

дельных родов речи прозаической; Пиитика же — показание условий и правил речи стихотворной.

В составе каждой речи мы находим три главные стороны. На этом основании и общая риторика разделяется на три отделения.

Первую, внутреннюю сторону речи составляют законы мышления, которые утверждают логическую основу каждой речи. Они будут изложены нами в первом отделении общей риторики, в учении о логических основаниях мышления. Здесь рассмотрим мы главнейшие законы, формы и действия мысли нашей и укажем на формы ее словесного выражения. Заметим, что полное учение о законах, формах и действиях мышления излагается в науке, называемой логикой.

Вторую, внешнюю сторону каждой речи составляют состав и построение сей последней, во многом зависящие, как легко понять, от внутренних, логических ее условий. Это собственно риторическая сторона нашего предмета. Ее изложим мы в учении о риторическом образовании речи. Здесь покажем мы, во-первых, условия, по которым речь строится и которые прямо зависят от законов мышления, рассматриваемых в первой части, а во-вторых, различный состав речи.

В-третьих, в каждой речи находим мы условия языка, на котором она излагается. Условия эти могут быть названы лингвистическими и предполагают ближайшее ознакомление со словарем языка и духом его грамматики. Мы изложим их в приложении к языку русскому. Потому третье отделение нашей Общей риторики составят лингвистические условия речи в приложении к языку русскому. Здесь сперва будем мы говорить об отношении языка русского к церковно-славянскому, затем рассмотрим лексическую сторону языка нашего и его главнейшие особенности и, наконец, в главе о грамматической его чистоте покажем погрешности, которые от небрежности или незнания вкрадываются в него и вредят этой чистоте.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ

Предварительные понятия о мышлении

1. Первое действие разума нашего состоит в сознании, т.е. в том, что мы отличаем не только самих себя, но и мысль свою от предметов внешних, к которым она относится. Эта сознательная деятельность духа нашего называется *мышлением*. Посредством ее

он представляет себе предметы мира внешнего, отдает себе отчет в них и постигает их значение.

2. Основной силой мышления служит *разум*. Это есть способность духа нашего, посредством которой он наблюдает явления мира внешнего и, отдавая себе отчет в них, понимает их. Ум и рассудок — не что иное, как различные стороны того же разума. Ум есть высшая сторона, с помощью которой он познает законы природы и жизни человеческой; *рассудок* есть тот же разум, но обращающийся к обстоятельствам обыкновенной жизни. Верховную цель ума составляет *истина*. <...>

О понятиях

1. Мысль наша объемлет явления природы с большей или меньшей раздельностью, т.е. отличает в них более или менее признаков. На этом основании происходят различные формы мысли. Этим форм три: понятие, суждение и умозаключение.

2. Когда разум наш, сознавая какой-либо предмет, обнимает мыслью своей все признаки его в одном цельном представлении, тогда происходит понятие. Таким образом, обнимая мыслью признаки: разумный дух, животное тело, дар слова, мы составляем понятие о человеке. Таковы далее понятия о звере, дубе, трости, камне, железе и проч. Понятие по сему есть совокупность признаков какого-либо предмета, обнятая мыслью нашей в одном представлении. Понятия выражаются *речениями*.

3. Каждое понятие, как мы видим, состоит из известного числа признаков. Совокупность этих признаков называется его *содержанием*. Таким образом, признаки: корень, ствол, ветви и листья составляют содержание понятия о растении. С другой стороны, видим мы, что каждое понятие наше относится к известному кругу предметов мира внешнего. Таким образом, понятие дерева относится ко всем деревьям, существующим на земле. В уме нашем, однако, обретаются только представления предметов, а не сами они. Поэтому мы можем сказать, что каждое понятие ума нашего относится к известному числу представлений о предметах внешних и как бы объемлет их собою. Эта совокупность представлений, подходящих под какое-либо понятие и как бы объемлемых им, называется его *объемом*. В объем понятия персиянин входят представления обо всех иранцах, кабулистанцах, афганистанцах и ширванцах, составляющих персидский народ.

4. Объем и содержание находятся между собою в обратном отношении, т.е. чем больше какое-либо понятие объемлет под собою представлений, тем меньше в нем признаков, и наоборот: чем больше в известном понятии признаков, тем к меньшему числу представлений оно относится. Возьмем для примера два понятия: человек и москвитянин. Объем первого из них велик, потому что содержит в себе около 1 000 000 000 людей, живущих на свете. Содержание же его состоит из немногих признаков, отличающих человека от бессловесных животных и показанных выше. Напротив, в объеме понятия москвитянин заключаются только представления о коренных жителях Москвы. Содержание же сего понятия гораздо больше, нежели содержание понятия человек, ибо в москвитянине, кроме общих признаков человека, есть еще признаки христианина, европейца, русского, великороссиянина и, наконец, свои особенные признаки московского наречия, места жительства и пр. Если далее от понятия человек мы отделим несколько признаков и оставим только органическое тело и произвольное движение, то понятие это будет уже относиться не к одним людям, а ко всем животным. Объем его, следовательно, увеличится, содержание же уменьшится, потому что, с одной стороны, оно сделалось прилично большему кругу предметов, а, с другой, число его признаков уменьшилось. Если, напротив того, к признакам понятия москвитянин мы прибавим новый признак, например жительство в Кремле, Китай-городе, Белгороде или Земляном городе (части, на которые делится Москва), то содержание нашего понятия увеличится, а объем уменьшится, ибо по большему числу признаков оно делается прилично только некоторым москвитянам. Итак, чем больше объем понятия, тем содержание его меньше и чем содержание больше, тем меньше объем. Заметим, что объем понятия показывает его *количественную* сторону, а содержание *качественную*.

5. На большем или меньшем объеме понятий основывается различие общих, или *родовых*, частных, или *видовых*; и единичных, или *неделимых* понятий. Понятие о предмете особном, единичном, например о знаменитом полководце Александре Васильевиче Суворове, имеет в объеме своем одно только представление, а поэтому не может быть разложено ни на какие другие отделы. Потому мы называем его понятием *неделимым*, или индивидуальным. При этом не должно смешивать неделимости логической с неделимостью вещественной. Таким образом, дерево можно раз-

рубить на части, но понятие о нем останется неделимо в уме нашем. Если, сличив какие-либо неделимые понятия и найдя в них несколько признаков общих, мы совокупим эти признаки в одно целое, новое понятие, то последнее будет, очевидно, относиться ко всем этим предметам и сделается общим в отношении к ним. Это понятие *видовое*, или просто *вид*. Так, например, представление о жителях Китай-города, вместе взятых, составляет нечто общее в отношении к каждому из них. Это новое понятие будет видовое, или вид. Если затем сличим мы несколько видов и, найдя в них признаки общие, совокупим последние опять в целое понятие, то оно, лишившись признаков, отличающих эти виды один от другого, упростится в своем составе, обобщится и будет обнимать в своей целостности все виды, из которых оно составилось. Это понятие *родовое*, или *род*. Таким образом, из видовых понятий о жителях Кремля, Китай-города, Белгорода и других частей Москвы, мы составим одно родовое понятие о москвитянине.

6. Этим, однако, мы не ограничиваемся: понятия родовые мысль наша совокупляет в новые роды, в отношении к которым первые делаются уже видами; эти новые роды, в свою очередь, совокупляясь между собой, образуют дальнейшие роды, а сами становятся в отношении к последним опять видами, и так далее. Таким образом, от понятия москвитянин мы постепенно возвышаемся к понятиям великороссиянина, русского, европейца, человека и т.д., причем каждое из этих понятий служит вместе и видом, и родом, смотря потому, как мы рассматриваем его: в отношении ли к высшему, под которым оно находится, или к низшему, которое заключено в его объеме. Восходя таким образом по этой лестнице видов и родов, мы достигаем до понятия обо всем сотворенном, которое есть *высший род*, ибо не может служить видом никакому другому понятию. Напротив, тот вид, под которым непосредственно находятся понятия неделимые, называется *низшим видом*. Все прочие, между ними находящиеся, роды и виды чередуются между собою. Понятие европеец будет род в отношении к понятиям: англичанин, француз, немец, русский, и вид в отношении к понятию человек. <...>

Различные роды речи по способу ее изложения

1. Есть три главных способа излагать последовательный ход мыслей наших в письменной речи. Первый из этих способов состоит в

непрерывном изложении их и притом без обращения сочинителя к какому-либо отдельному лицу. Этот способ изложения мыслей называется *монологическим*. Второй способ этого изложения состоит в том, что сочинитель собственные свои мысли влагает в уста двух или более выводимых им перед читателем лиц, причем они как бы беседуют между собою. Способ этот называется *диалогическим*. Наконец, в-третьих, может быть еще тот случай, когда сочинитель, излагая мысли свои, хотя имеет в виду публику, но обращается к какому-либо отдельному лицу и как будто пишет для него, так что сочинение его принимает вид письма. Это *эпистолярный* способ изложения мыслей. Каждый из них имеет свои особенности и выгоды.

2. *Монологический* способ проще двух остальных. В нем сочинитель прямо приступает к изложению своей темы и руководствуется весьма часто тем общим, нормальным видом речи, который мы изложили в предыдущей главе. Способ этот приличен всему, о чем бы мы ни писали, а потому употребляется с равным удобством для сочинений всякого рода, т.е. для описания различных предметов, каковы характеры людей, местности и т.д., для повествований о событиях того или другого рода, и, наконец, для рассуждений, имеющих целью изыскание истины. Изложение в этом случае отличается, по большей части, *непрерывной продолженностью*, потому что сочинитель редко имеет повод уклоняться сколько-нибудь от своего предмета и обращаться к тем или другим случайностям и лицам. Этот способ изложения наиболее распространен в наше время. Он употребляется и в ораторских речах, когда сочинитель, обращаясь к слушателям, непрерывно излагает ткань своих мыслей.

3. *Диалогический* способ изложения мыслей, содержащихся в сочинении, почти совсем не приличен повествованиям и описаниям. В них самый предмет требует непрерывной последовательности изображаемых картин или действий. Напротив, способ этот употребляется наиболее в рассуждениях о каких-либо истинах и положениях или отвлеченных, или практических и житейских. В этом случае главная выгода этого способа заключается в том, что сочинитель, имея в виду *рассмотреть предмет свой с различных точек зрения*, может каждую из них отнести к особым лицам своего диалога и говорить как бы их устами. Эти обособленные точки зрения производят то, что мысль одного рождает возражения другого. Таким образом, стороны излагаемого предмета и

разности мнений о нем выставляются в осязательной противоположности между собою, а от этого сам он мало-помалу проясняется. Заметим, что участвующие в диалоге лица начинают обыкновенно беседу свою какими-либо случайными обстоятельствами и потом незаметно переходят к главному предмету. Это сообщает некоторую живость изложению, особенно, если обстоятельства эти находятся в связи с главным предметом. Захождение солнца, например, аналогически близко к мысли о смерти. Диалогический способ развития основной темы употребителен был в особенности у философов и реторов древности. Платон, величайший философ древней Греции, изложил им почти все свое учение. Чем диалог проще, безыскусственнее и естественнее, с одной стороны, и чем более соответствия и соразмерности в его частях, тем выше его достоинство. Притом он оживляется и получает более занимательности, если мнения и слова беседующих лиц обрисовывают их нравственный характер.

4. *Эпистолярный* способ изложения мыслей состоит, как мы сказали, в том, что сочинитель, излагая свои мысли об избранном предмете, обращается к какому-либо действительному или вымышленному лицу, хотя назначает сочинение свое для публики. От этого обращения, предполагающего некоторую искренность сочинителя, через посредство лица, к которому он обращается — и к самой публике, для которой собственно назначается его сочинение, зависит характер этого способа. Характер этот предполагает два условия, суть которых, во-первых, простота и некоторая свобода в размещении мыслей, а во-вторых, легкость изложения, которое должно быть доступно каждому. Потому-то предметами писем, назначенных для публики, кроме описаний и рассказов о событиях и случаях жизни, каковы например путешествия, бывают еще рассуждения о разных предметах из области науки и знаний, но таких, преимущественно, которые должны познакомить с предметами этого рода и людей, не посвященных в тайны науки. Некоторого рода искренность, в которую сочинитель подобного письма входит с читателем, позволяет ему упрощать строгие истины науки до очевидности и употреблять для этого не только доказательства, примеры и сравнения, но и обороты речи, вообще позволительные в кругу близких между собою образованных людей. Общие правила этого способа изложения суть следующие. Сочинитель должен ясно и живо представить себе — кому, о чем и в каком положении он пишет. При всей легкости

изложения, он не должен упускать ничего существенного. Течение его мыслей должно быть естественно, увлекательно и оставлять в читателе предположенное впечатление. Сближаясь с читателем, сочинитель должен помнить, что это все-таки не отдельное, частное лицо, а публика. Остальные свойства письма, и всего более тон и язык его, зависят от того класса народа, для которого оно назначено. <...>

О практических занятиях языком русским

1. Главнейшая цель практического упражнения учащихся в письменных трудах состоит, во-первых, в развитии в них самодеятельного и притом правильного и основательного мышления, а во-вторых, в приучении их владеть пером, т.е. непринужденно и легко переносить свои мысли на бумагу. Для достижения обеих этих целей надежнейшими средствами служат сначала строгое последование указаниям наставника, а потом внимательное изучение образцовых писателей и руководство их примерами.

2. Практические упражнения могут состоять в следующем. Во-первых, к ним относятся *переложения*, т.е. замещение одних оборотов речи другими. Переложения делаются или из стихов в прозу, или из прозы в прозу. Упражнения этого рода полагают начало к искусству писать легко и выражать мысли без затруднений. Вот пример: «Вчерашний день поутру, сидя у окна моего с Винкельманом (писатель, знаменитый своими сочинениями по предмету истории искусства) в руке, я предался сладостному мечтанию, в котором тебе не могу дать совершенного отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянув на Неву, покрытую судами, взглянув на великолепную набережную, на которую, благодаря привычке, жители Петербургские смотрят холодным оком, любясь бесчисленным народом, который волновался под моими окнами, сим чудесным смешением всех наций, в котором отличал англичан и азиатцев, французов и калмыков, русских и финнов, я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга?» *Батюшков*.

«Вчера поутру я сидел у окна и читал Винкельмана. Незаметно погрузился я в мечтания. Не могу дать тебе полного отчета в них, но они были сладостны. Я забыл и книгу, и все, что читал. Помню только, что пред глазами моими была Нева со множеством судов, тянулась гранитная набережная, к которой, несмот-

ря на ее великолепие, жители Петербурга привыкли так, что равнодушно смотрят на нее, и — двигались толпы народа, волновавшегося предо мной и пестревшего чудною смесью наций. Тут были англичане и азиатцы, французы и калмыки, русские и финны. Все это привело меня к вопросу: что было на этом месте до того времени, когда построен был Петербург?»

3. Второй род практических упражнений состоит в *определении содержания сочинения*, т.е. в показании логического развития, которое принимают в нем мысли сочинителя. Для этого учащийся прочитывает какое-либо сочинение, сначала небольшого, а потом более значительного объема, не только замечает в нем главное и существенное, но и следит за ходом всех его мыслей и усваивает, таким образом, все содержание прочитанного. Тут, устранив от себя книгу, излагает все, что осталось в его памяти. Сочинения: Муравьева, Карамзина, Батюшкова, Жуковского представляют многочисленные для этого материалы. С этой целью можно взять одну из басен Крылова и, руководствуясь указанием наставника, стараться показать каким образом под иносказательным покровом высказывается в ней та или другая истина.

4. В связи с этим родом практических упражнений находятся сокращения и *извлечения*. Прочитав какое-либо сочинение значительного объема, учащийся усваивает одно только существенное, не обращая внимания на подробности, и переносит на бумагу одни только основные мысли сочинения, как бы его остов. Извлечения можно делать из разных сочинений с целью совокупить все прочитанное в них в одно целое и привести к своей собственной идее.

5. Наконец, уже следуют *сочинения* на заданные и на произвольно выбранные темы. Тут пишущий углубляется в собственную свою мысль, обдумывает ее основательно и со всех сторон, а затем приступает к ее изложению, памятуя все то, чего требуют от него необходимые условия каждого сочинения, которые прежде преподаны были ему теоретически. На этой степени, пишущий, обогащенный, с одной стороны, сознанием логических законов и риторических правил, а с другой, начитанностью и наблюдательностью, пытается сочинять по внушениям собственного ума, фантазии и чувства. Разумеется, самостоятельное действие этих способностей приходит только со временем, с большей их зрелостью. Учащийся обращает строгое внимание на разборы своих сочинений и на замечания, делаемые по поводу их наставником.

6. *Переводы* разных и преимущественно образцовых сочинений с одного языка на другой предполагают достаточное ознакомление с грамматическими формами и оборотами обоих языков. Поэтому этого рода практические упражнения должны иметь место не ранее того, как это условие будет соблюдено. От переводов вообще требуется возможно большая близость к подлиннику, но под одним условием: формы языка, на который мы переводим, не должны нисколько терпеть от этой близости. Поэтому в переводах необходимо следовать ближайшим образом следующим правилам. Где формы обоих языков совершенно согласны, там просто можно переводить слово в слово, хотя и переставлять слова эти в том порядке, который наиболее свойственен течению речи того языка, на который переводим. В местах, где грамматические формы и обороты разнятся в двух языках и где, следовательно, перевод слово в слово изменил бы достоинству и чистоте самого перевода, там необходимо приискивать обороты соответственные, близкие к подлинным выражениям переводимого сочинения. Наконец, высшее искусство переводов, каковы у нас переводы В.А. Жуковского и М.П. Вронченко, состоит в том, чтобы передать все особенности и как бы колорит самого стиля переводимого автора. Для этого необходимо усвоить взгляд сего последнего на жизнь и природу, слиться духовно с его мыслью и как бы воспроизвести в себе и повторить его творческую деятельность. Очевидно, подобные переводы требуют особого дарования.

7. Середину между собственным сочинением, с одной стороны, и переводом из иностранного языка или приведением текста отечественного писателя, с другой, занимают, так называемые *изложения*. В них автор имеет в виду сообщить читателю в сокращенном виде полное понятие о каком-либо произведении, отличающемся оригинальностью стиля. В этом случае он усваивает ход и характер мыслей и точку зрения сочинителя, его наиболее резкие и отличительные выражения, и то собственными, то заимствованными от него словами излагает ткань его сочинения. Изложения эти встречаются всего чаще в критических разборах и рецензиях произведений известнейших писателей и требуют особенного искусства. Для учащихся упражнения этого рода могут быть назначаемы только тогда, когда они достаточно приучатся владеть пером. Тогда подобные упражнения могут не только познакомить с избранным писателем, но и образовать собственную мысль и письменный дар слова. Они приучают к критицизму.

ЧАСТНАЯ РИТОРИКА (1849)

Введение

Предмет частной ретирики

Общее обозрение различных видов прозы

1. Частная ретирика содержит в себе теорию отдельных родов прозы. Поэтому предмет ее составляет показание правил и условий, приличных особенностям, частным родам прозаических сочинений. Общие их условия изложены в общей ретирике. Понятно, что между общей и частной ретирикой существует тесная связь и что положения второй из них суть только дальнейшее развитие начал и правил, содержащихся в первой.

2. Спрашивается, на чем основываются различные роды прозаических сочинений? В прозе вообще выражается наблюдательная и размышляющая деятельность ума, подобно тому, как в поэзии творческая деятельность изящного чувства и фантазии. Наблюдение и размышление тесно связаны между собою, потому что, размышляя о явлениях внешних, т.е. углубляясь в их внутреннее значение, мы необходимо прежде наблюдаем их. Очевидно, наблюдение предшествует размышлению и служит в известной мере его основанием.

3. С этой точки отправления деятельность ума нашего имеет следующие главные направления и на основании их выражается в следующих родах прозаических сочинений. Во-первых, мы можем обращаться к явлениям природы и жизни человеческой, наблюдать их и излагать свои наблюдения, не переходя к размышлению. Здесь начало *описаний*. Заметим, мы можем обращаться к последовательному ходу или к развитию жизни и действий человеческих и таким же образом ограничиваться простым их наблюдением и изложением. В этом случае получают начало *повествования*. В-третьих, сознав какую-нибудь истину, мы можем стремиться мыслью и словом к тому, чтобы убедить других в этой истине. Здесь начало *ораторства*. В-четвертых, ум наш может углубляться во внутреннее значение явлений природы и жизни, изыскивать это значение и размышлять о нем. Здесь начало *догматической прозы*. Слово «догматика» обширнее по значению и потому предпочтительнее в этом случае, нежели слово «рассуждение», которое не выражает всей полноты умственной деятельности нашей в

этой сфере и особенно в отношении к слововыражению, не может заменить его собою. Жизнь гражданская и частная, которых основанием служит также умственная деятельность наша, дает начало двум новым родам прозаических сочинений: *деловым бумагам* и *частной переписке*. Таковы главные роды прозаических сочинений.

Прибавим, что слова *описание*, *повествование*, *догматика* и *ораторство* принимаем мы в обширном смысле и как главные отделы более новых, частных родов прозы. Они-то составляют ближайший предмет частной ретирики. Для основательного изучения их недостаточно одних правил. Напротив, только обширное чтение образцовых писателей может познакомить с условиями разных родов прозы и сообщить навык и умение писать в них.

Отделение первое

Описательная проза

Внутренние и внешние условия описаний и разные роды сих последних

1. *Внутренние условия описаний*. Описание, говоря вообще, есть изложение одного какого-либо момента из нравственной жизни человека или из бытия природы вещественной. Из числа различных искусств изящных в наибольшем согласии с описаниями находится живопись. Как и сия последняя, описание должно оставлять в уме читателя одно господствующее впечатление, согласное с избранным моментом жизни или бытия, от которых и живопись заимствует все свои образы и цвета. Потому-то лучшими наставниками в изложении описаний служат жизнь и природа. Подобно им описание должно представлять каждый предмет в отдельности, несложности и всегда производить одно ясное и полное впечатление. От этого каждое описание должно отличаться единством предмета, простотою или несложностью частей и вообще содержания, и, наконец, живой изобразительностью. Прибавим, что единство и простота, приведенные в общей ретирике как необходимые условия всякого сочинения, получают здесь особое применение.

2. *Единство* описания требует, чтобы мы ни в какой мере не смешивали главного, изображаемого нами предмета, с другими, к нему близкими, а в переходах от одних частей к другим соблю-

дали надлежащую последовательность. Того и другого требует начало ума, наблюдающего природу и жизнь и излагающего свои наблюдения в письменной речи. Заметим, что несоблюдение единства главного предмета приводит к запутанности.

3. *Простота* содержания требует, чтобы мы не вдавались в исчисление излишних подробностей, не останавливались на мелочах, не заслуживающих внимания, и особенно не придавали бы им важности. Этого требует чистый, образованный или, как обыкновенно говорят, изящный вкус. От несоблюдения этого условия происходит *вычурность*, вследствие чего описание испещряется и ослабляет силу своего впечатления. Сюда же относятся изысканность и принужденность выражения. Чем описание проще, тем оно разительнее.

4. Наконец, полная, живая *изобразительность* описания бывает в то время, когда оно передает читателю то же впечатление, какое самый предмет со своими резкими особенностями и свежестью оставляет в наблюдателе. Поэтому утонченная наблюдательность и умение уловить характеристические черты предмета или явления суть в этом случае главные оружия писателя. Изобразительность, сохраняющая полный отпечаток жизни, условливает собою высшую *занимательность* описания.

Отделение второе

Повествовательная проза

Общие свойства, условия и разные роды повествования

1. *Свойства повествований*. Повествование вообще есть изложение какого-либо ряда действий и событий из жизни человеческой, в их начале, последовательном продолжении и окончании. Этим последовательным изложением разных периодов развивающейся жизни, т.е. рассказом, оно существенно отличается от описания, которое обрисовывает один только ее момент. Всякое повествование должно иметь те же три свойства, как и описание, т.е. единство в выборе действия или события, простоту в составе частей и в изложении и, наконец, верную изобразительность. Свойства эти имеют в этом случае, как и в описаниях, свой частный характер. Таким образом, *единство действия* требует, чтобы

одно главное действие не было смешиваемо с другими побочными, в кругу которых оно совершается. *Простота изложения* состоит в отсутствии всего излишнего, испещряющего и обременяющего речь, в ясности, естественности и непрерывной последовательности рассказа. *Изобразительность* состоит в живом и увлекательном представлении выводимых лиц, их действий, поступков и положений. Все это сообщает повествованию высшую занимательность.

2. Способ изложения повествований.

- a. Повествования, подобно описаниям, начинаются иногда обстоятельствами времени, места или разными случайностями. Иногда повествователь схватывает один момент той жизни, которую намерен изложить, и с него начинает повествование, предоставляя себе впоследствии рассказать повод и начало ее событий и происшествий. Начинать повествования нравственной мыслью или какой-либо общей истиной ныне вышло из употребления. Это нравоучение и общая истина должны заключаться в самом повествовании и сами собою истекать из него, как истекают они из самой жизни.
- b. В изложении самого хода событий сочинитель должен следовать порядку времени, т.е. естественному ходу происшествия.
- c. Эпизоды в повествовании должны находиться в тесной связи с главным событием и быть приведены как можно более у места.
- d. Занимательность повествования, т.е. сплетение событий и действий, увлекающих внимание читателя, должна быть поддержана с начала, приведена к концу и здесь сосредоточена в одном поступке.
- e. Нравственные мысли, практические истины и излияния чувств, если непременно хотят их внести, более уместны в конце повествований, из которых они истекают, нежели в начале, где ничто еще не предполагает их собою.

3. Слог и характер изложения повествований должен быть такой же мере, как и в описаниях, далек от принужденности, неестественности и вычурности. Близость к жизни и деятельности во всех подробностях, очертаниях и эпитетах — вот главное условие повествовательного слога. Само собою разумеется, что в рассказах о событиях ежедневной, и тем более уличной, жизни должен быть соблюдаем благородный тон и склонность более к эстетической, нежели к грубой и материальной стороне этой жизни.

4. Главным родом повествования, как бы его органом, служит история. Она так же, как и естествоописание, имеет наукообразное значение, но, представляя свои изложения в параллели с развитием жизни человечества, не имеет, как оно, той систематической членораздельности, того теоретического состава и, что не менее важно, отличается своими собственными особенностями слововыражения. Потому в частной риторике история занимает отдельное место и прямым образом служит главным органом всей повествовательной прозы. Далее, к сей последней относятся жизнеописания, биографии, некрологи, летописи, исторические записки и анекдоты. Заметим еще, что к этого же рода прозе относятся романы, повести и сказки. В основе своей они имеют повествование, соединенное с описанием, и пишутся прозой, но по сущности своей они относятся к изящным произведениям духа, выражаемым в слове, т.е. к поэзии, а потому и говорить о них будем мы в теории сей последней. <...>

Отделение третье

Ораторское красноречие

Глава первая

Определение ораторства.

Условия и общий состав ораторской речи

1. Ораторское красноречие состоит в искусстве действовать даром слова на разум и волю других и побуждать их к известным, но всегда высоким и нравственным целям. Оратор достигает этого двумя средствами: силою и очевидностью доказательств он склоняет на свою сторону умы слушателей, а жаром чувства и красноречием, исходящим от душевного убеждения, побуждает их сочувствовать себе. Задача оратора состоит в том, чтобы согласить различные мнения в одну мысль и различные желания в одну волю.

2. Настоящей основой ораторского красноречия может служить только стремление ко благу человечества. Это единственный источник всякого одушевления со стороны оратора. Цели корыстные, порочные не могут иметь такого нравственного основания и потому лишают оратора глубины собственных убеждений, а это не позволяет слушателям сочувствовать его основным мыслям и чувствам. Бывают случаи, когда оратор потворствует страстям и тем или другим неправым видам слушателей, или когда он ув-

лекает их софистическими оборотами доказательств. В это время оратор изменяет своему призванию и красноречие в устах его бывает мнимое. Справедливо сказал Цицерон, что оратором может быть только человек, желающий добра. *Nemo potest esse orator, nisi vir bonus.*

3. Ораторская речь (*oratio*, т.е. по выражению древних, *ore expressa ratio*, устами высказанный разум) в основании своем имеет всегда силлогизм и служит не чем иным, как только его полным развитием. Причина этому в том, что только эта форма мысли нашей, излагая последовательный ход умозаключения, приводит в сознание все данные, на которых основывается убеждение. Поэтому весь состав и части ораторской речи условливаются составом и частями силлогизма. Меньшая посылка дает начало изложению обстоятельств главного предмета, т.е. как разделению их, так и описанию их или повествованию о них; большая посылка — общей, философской части речи, в которой находятся истины несомненные и очевидные. Здесь приводятся основанные на них доказательства в пользу предлагаемой истины и опровержения того, что ей противно. Наконец, заключению силлогизма соответствует конец ораторской речи, в котором главная истина, приведенная в сознание предшествовавшими доводами, повторяется и поставляется как бы на вид и благоусмотрение слушателей. Конец речи называется также заключением. К этим частям ораторской речи, непосредственно проистекающим из силлогизма, присоединяются еще две. Они условливаются отношением, в котором оратор находится к своим слушателям. Он должен, во-первых, предупредить и предупредить их к предмету своей речи, а во-вторых, представить этот предмет так, как он всегда имеет отношение к жизни, со стороны, близкой к их нравственному чувству. Это приступ ораторской речи, помещаемый в ее начале, и часть патетическая, находящаяся перед заключением, в том месте, где оратором уже истощены все доказательства ума. Таким образом, речь ораторская состоит из пяти частей, суть которых приступ и предложение, разделение и изложение обстоятельств предмета, доводы и опровержения, часть патетическая и заключение.

4. Этот основной вид ораторской речи в различных родах ораторства, в различных случаях и у различных ораторов имеет множество видоизменений. Потому не всякая ораторская речь содержит все вышеозначенные пять частей или не в том же порядке. Иногда оратор начинает прямо с объяснения предмета, без приступа; иногда, оставив разделение, т.е. не предупредив слушателя

о различных видах обстоятельств, прямо повествует и излагает эти обстоятельства; иногда, наконец, он оставляет без полного развития общие истины, на которых основываются его доказательства, как мысли всем известные и не подлежащие сомнению. Вообще форма речи изменяется по свойствам главной мысли, которая числом своих сторон определяет и число частей самой речи. Вышеозначенные части ораторской речи, по общности своего значения и потому, что основанием своим имеют процесс умственного убеждения, могут, однако, быть названы нормальными. Рассмотрим их в большей подробности.

5. *Приступ* целью своею имеет, во-первых, объяснить причину, по которой оратор начинает говорить об известном предмете, равно как и обстоятельства, в которых он находится, во-вторых — расположить слушателей к убеждению и привлечь внимание и благосклонность их к себе. Древние выражали это словами *reddere auditores benevoles, attentos et dolices* (сделать слушателей благосклонными, внимательными и послушными). Они различали два рода приступа: естественный и искусственный. В приступе *естественном* (*principiū*) оратор прямо, без всяких околичностей, начинает свой предмет и объясняет дело. В *искусственном* (*insinuatio*), как бы не доверяя самому себе и не надеясь на успех речи, мало-помалу склоняет слушателей на свою сторону, побуждает внимание и приготавливает их к убеждению. В примере этого рода приступа можно привести приступ во второй речи Цицерона против Рулла, народного трибуна, предложившего закон о разделении полей (*lex agraria*). Наконец, третий род приступа бывает в тех случаях, когда самый предмет живо трогает оратора и слушателей. Это приступ *внезапный* (*ex abrupto*). Таков известный приступ Цицерона в речи против Катилины, в присутствии которого оратор как бы вышел из себя: «Доколе, наконец, Катилина, будешь ты злоупотреблять терпением нашим?...» Непосредственно за приступом следует *главное предложение*, как бы примыкающее к нему. В предложении кратко, но ясно излагается главное содержание речи: это зерно, из которого развивается вся она. При всей полноте предложение должно быть возможно кратко и понятно.

6. Изложив главный предмет свой, оратор разделяет на части его содержание. Тут начинается вторая часть речи — *разделение ее содержания*. В речах небольшого объема, в которых легко обнять умом последовательность всех частей, разделение опускается. Условия и правила ораторского разделения заключаются в общих

законах логического деления понятий. Заметим только, что речь должна сама собою разлагаться на составные части, а не разрываться. *Divisa, non fracta debet esse oratio.* (Речь должна быть разделена, а не разорвана.) Из деления прямым образом проистекает *изложение обстоятельств предмета*, к которому по сущности деление это и относится. Изложение обстоятельств, смотря по свойству предмета, принимает характер повествования или описания. Условия хорошего ораторского изложения заключаются в очевидной ясности и краткости так, чтобы слушатель легко мог удержать в памяти все излагаемое, и в правдивости, чтобы он впоследствии не уверился в противном и не переменял решения, к которому побудил его оратор. Образцы ораторского изложения находим мы, между прочим, в речах Цицерона, в похвальном слове Карамзина Императрице Екатерине II и пр.

7. В теории *доказательств* или доводов представляются обыкновенно два главных предмета: их *изобретение* и *расположение*. Древние риторы, учителя красноречия, думали, что с помощью искусства можно доставить оратору возможность находить доказательства на все предметы и на все случаи. Отсюда произошли так называемые *топики* или *общие места* (*loci topici, loci communes, sedes argumentorum*). Эти топики состояли в известных, общих мыслях, которые можно было приложить почти ко всем случаям и на которых оратор, основывал свои доказательства. Притом одни из этих топиков относились ко всем родам речей, другие — к одному только отдельному, какому-либо роду. Кроме того, в этих топиках различали «места лиц» и «места предметов» (*loci personarum et loci rerum*). Такое учение производило, однако, только блестящих декламаторов, которых и в Греции, и в Риме было такое множество. Напротив, все изобретение доказательств или доводов состоит в развитии понятий, служащих основанием тому умозаключению, на котором зиждется целая речь. Если оратор хочет словом своим побудить слушателей к известной цели, он должен для этого углубиться в предмет свой и одушевиться им. Тогда только достигнет он желаемого. Вот в чем истинный источник ораторского изобретения.

8. Условия, которым должно следовать в *расположении* доводов, отчасти показаны были выше. Они заключаются в общих правилах развития основной мысли сочинения, правилах, которые показаны были в общей реторике. Но следует применить их к настоящему случаю.

- a. Не должно *смешивать* доводов разнородных.
- b. В последовательном порядке своем они должны *возрастать* и *усиливаться* (ut augeatur semper et increseat oratio — чтобы речь усиливалась и возрастала).
- c. Доводы более убедительные и сильные могут быть излагаемы в виде *особых рассуждений*.
- d. Не должно слишком *распространяться* в доказательствах и увеличивать их число. В противном случае они теряют силу и убедительность.
- e. Вместо прямых доказательств можно употреблять и *косвенные* или опровержения, особенно в тех случаях, когда противное мнение слишком укоренено в умах слушателей.

9. *Часть патетическая* имеет целью по изложению всего предмета речи и всех доказательств в его пользу тронуть сердце, возбудить и воспламенить страсти. В этой части окончательное торжество оратора. Древние и эту часть речи старались привести в правильную систему. Они подробно исследовали характер каждой страсти, проникали в ее причины и наблюдали действия и обстоятельства, при которых страсти особенно раскрываются. Отсюда правила о возбуждении и утолении страстей, правила, которые Аристотель, а за ним римские теоретики изложили глубокомысленно и в подробности. Общие правила патетической части состоят в следующем:

- a. Часть эта не должна переступать за пределы, приличные предмету речи.
- b. Она должна основываться на истинном убеждении и не иметь принужденности.
- c. Она должна быть чужда всех излишних распространений и риторических украшений. Все это ослабляет впечатление речи на слушателей.

10. Наконец, в *заклучении* (peroratio) своей речи оратор или выводит следствия из доказанной истины, или вкратце приводит основные мысли всего доказанного, или возбуждает сочувствие слушателей к истине, которую старался раскрыть. Христианские витии почти всегда оканчивают речи свои молитвою. Заметим, что многие из речей Демосфена, Эсхина и Цицерона служат прекрасными образцами в расположении вышеозначенных частей речи.

11. Кроме знания, как сочинять речи, оратор должен быть сведущ и опытен в искусстве *произношения* и *декламации*. Ораторская

декламация требует, чтобы каждое слово в устах оратора было одушевлено, чтобы одушевление это выражалось во взгляде и в движениях тела, которые, при всей скромности и приличии своем, должны соответствовать тону речи и различным его изменениям. Много содействует в этом отношении гибкий и приятный орган голоса, выразительность и одушевление взгляда, благородство движений и приемов и, наконец, достоинство в осанке.

12. Что касается ораторского слововыражения, то первым условием речи служит совершенная стройность его. Она состоит не только в чистоте языка, но и в его благозвучии (*numerus oratorius, rithmus*), в округленности периодов и в строгой разборчивости выражений, сравнений и уподоблений. Ораторское красноречие принадлежит поэтому к высшим родам прозаического изложения и имеет, хотя чисто практическую, но тем не менее высокую цель — вселить убеждение, тронуть сердце и побудить волю. Поэтому сила и теплота чувства для оратора столь же необходимы, как и совершенное углубление всеми умственными силами в предмет своей речи. Притом он должен знать людей и общество, чтобы согласовать свою речь с положением, отношениями и личными особенностями слушателей. Все это требует с его стороны высокого искусства в равновесном построении составных частей речи и не позволяет ему ограничиваться в ее тоне одними поучениями и назиданиями.

13. В старину ораторское искусство ставили в близкой связи с поэзией, но они существенно различны между собою. Основанием поэзии служит чувство, зарождающее фантастические помыслы. Основанием ораторского красноречия служит ум, управляющий всеми движениями чувства и далекий от вымыслов фантазии, прелестных и очаровательных в поэзии, но нисколько не согласных с практической целью оратора. <...>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К.П. Зеленецкий произвел реформу в нашей филологии. Что такое наука о слове, каковы ее синонимические названия? Какие другие части (науки) входят в науку о слове?
2. В каких формах выражается слово человеческое? Дайте определения терминам: речение, предложение, период, речь.
3. Каков предмет риторики? Какие отделы составляют общую риторику?

4. В чем отличие системы К.П. Зеленецкого от всех предыдущих построений? Почему он заменяет логикой учение об изобретении? На каком основании он отказывается от системы общих мест?
5. Какие роды речей имеются в классификации К.П. Зеленецкого?
6. Какие приемы советует применять К.П. Зеленецкий к занятиям практическим русским языком?
7. Какими видами прозы заменяет К.П. Зеленецкий классификацию родов и видов словесности?
8. Каковы основные цели ораторского красноречия? Что является его основой? Каковы требования к композиции ораторского выступления?
9. Как создается изобретение доказательств? Против каких ошибок в построении доводов и доказательств предупреждает К.П. Зеленецкий?

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ РУКОВОДСТВ ПО РИТОРИКЕ И СЛОВЕСНОСТИ (1743—1860)

1743

Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике. — Впервые: Сочинения М.В. Ломоносова. — СПб., Акад. наук, 1895. — Т. III. — С. 13—77; см. также: ПСС. — М.; Л., АН СССР, 1952. — Т. 7. — С. 19—79.

1745

[*Тредиаковский В.К.*] Слово о богатом, различном и несхотственном витийстве. Говорено почт. благор. учейш. профессором в императорской Академии наук Санктпетербургской чрез Василия Тредиаковского. — СПб., Акад. наук, 1745. — 115 с. (латинский текст с русским переводом автора).

1747

Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике. — ПСС. — М.; Л., АН СССР, 1952. — Т. 7. — С. 89—318.

1761

Барсов А.А. О пользе красноречия в Российской империи. — СПб., 1761.

1769

Курганов Н.Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. — СПб., 1769. (11 изданий до 1837 года).

1770-е годы

Сумароков А.П. О русском духовном красноречии. — Полное собрание сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы Николаем Новиковым. — М., 1787. — Т. 6. — С. 275—284.

Курганов Н.Г. Книга письмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями... СПб., 1777.

1778

Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. — М., в Университетской типографии. — 1778. — 168 с.; 2-е изд., стереотип. — 1791.

1780

(Касторий) Надежный способ достичь совершенства в красноречии и прочих свободных науках / Пер. с лат. языка Касторием. — СПб., 1780.

1785

Галлиен-де Салморан К. Краснословие, или риторика в кратких правилах для всеобщего употребления / Пер. с французского. — 1785. — 58 с.

Моисей (Гумилевский М.) Рассуждение о вычищении, удобрении и обогащении российского языка. — М., 1786.

1787

Детская риторика, или Благоразумный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная. — М., в Унив. типографии у Н.И. Новикова, 1787. — 50 с.

1790

(Никольский А.С. — аноним.) Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные, изъясненные и в пользу юношества изданные. А.Н. — СПб., 1790. — 92 с.

1791

Блер Г. Опыт риторики, составленный большей частью из наставлений доктора Блера, с английского языка на российский переложенный А.К. и В.С. — СПб., 1791. (Составители неизвестны). — IV, 305 с.

(Озерецковский Н.Я.) Речь господина надворного советника и академика Озерецковского при вступлении его в императорский Шляхетный Сухопутный Кадетский корпус обучать красноречию февраля 3 дня 1791 года. — СПб., печатано при оном же корпусе. — 7 с.

1792

Сперанский М.М. Правила высшего красноречия (рукописный курс). — СПб., 1844. — 216 с.

1793

Трюбле Н., Жозеф Ш. Размышления о красноречии и особенно о проповедническом красноречии / Под редакцией Евгения (Болховитинова). — М., 1793. — 2, 157 с.

1796

Рижский И.С. Опыт русской риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. — СПб., 1796, VIII, 396, XVI с.; 2-е изд. — М., 1805; 3-е изд. — М., 1809, 381 с.; 4-е изд. — М., 1822.

Скворцов А. Сокращенный курс российского слога. — М., 1796. — 140 с.

1797

Гальяр Г.Г. Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесные науки. — СПб., 1797. — VIII, 2, 358 с.

1798

Мейнерс К. Способ читать, замечать и сочинять в пользу молодых людей, предложенный Мейнерсом / Пер. с нем. И. Леонтовича. М., 1798. — 479 с.

1799

Куапель Т.А. Сравнение красноречия с живописью / Пер. с фр. М.Г. — М., 1799. — 72 с.

1800

Блер, Гуг. Опыт о красноречии проповедников. Сочинение г. английского доктора Блера. Переведен на российский язык находящимся при Копенгагенской миссии греко-латинским священником Иваном Павинским. — СПб., в тип. Святейшего Синода, 1800. — (2) 98 с.

1801

Краткая риторика в пользу любящего российский слог юношества / Пер. с лат. Н. Богоявленского. — СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1801. — 83 с.

1802

Горожанский П. Рассуждения о словесности. — Смоленск. 1802. — 22 с.

1803

Никольский А.С. Краткая логика и риторика: Для учащихся в российских духовных училищах. — М., 1803. (4 издания до 1817 г.). Издана под инициалами А.Н.

1804

Ювеналий. Начальное учение риторическое. — М., 1804.

1805

Автоний (Афтоний). Предуготовление к красноречию. Сочинение древнего софиста Автония / Пер. с лат. — М., 1805. — 538 с.

Каченовский М.Т. Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия. Диссертация. Напеч.: Труды Общества любителей российской словесности.

1806

Рижский И.С. Введение в круг словесности, сочиненное в Харьковском университете и служившее руководством бывших в оном 1805 года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия. — Харьков, 1806.

1807

Никольский А.С. Основания российской словесности. Ч. 1—2. — СПб., 1807; 2-е изд., вновь пересм. и испр. — 1809; 3-е изд. — 1814; 4-е изд. — 1822; 5-е изд. — 1823; 6-е изд. — (?); 7-е изд. — 1830.

1808

Борн И. Краткое руководство к российской словесности. — СПб., 1808. — XII, 162 с.

1809

Грамматин Н.Ф. Рассуждение о древней русской словесности. — М., 1809. — 32 с.

Мерзляков А.Ф. Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. В пользу благородных воспитанников университетского пансиона. — М., 1809. — 113 с.; 2-е изд., 1817; 3-е изд., 1821; 4-е изд., 1828. (Все издания стереотипные).

1810

(Язвицкий Н.И.) Рассуждение о словесности вообще, изданное Николаем Язвицким. — СПб., при Имп. Ак. наук, 1810. — (2) 47 с.

1811

Шишков А.С. Разговоры о словесности. — СПб., 1811. — 59 с.

Шишков А.С. Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила русского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно. — СПб., 1811; 2-е изд. — 1825.

1812

Левитский И.М. Курс русской словесности для девиц. — СПб., 1812. Новый и легкий способ приготовить себя к выдержанию испытания в науках... или Полный курс словесности исторических, математических и юридических наук, в простой и, сколько возможно, краткой форме предложенных // Риторика и поэзия. — М., 1812. — Ч. 2.

1813

Яков Л.Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом, изданный от Главного правления училищ. — СПб., 1811—1817. — Ч. 1—8. Ч. 6-я, содержащая умозрение словесных наук. — 1813. — (6) 105 с.

1814

Антоновский С.И. Избранные вопросы с ответами из русской риторики г. Рижского. С доп. в некоторых местах из риторики г. Ломоносова. — Харьков. Унив. тип., 1814. — 12, 101 с.

1815

Малиновский Ф. Основания красноречия. — СПб., 1815.

Толмачев Я.В. Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия, в четырех частях. — СПб., в Морской типографии, 1815. Ч. 1. — 3, XV, 233 с.

1816

Малиновский Ф. Правила красноречия, в систематический порядок науки приведенные и сократовым способом расположенные. — СПб., 1816.

Оратор, или о трех главных совершенствах красноречия: о ясности, важности и приятности. — М., тип. Селиванского, 1816. — 208 с.

Танеев С.И. Рассуждение о влиянии красноречия на счастье гражданских обществ. — (Б. м.), 1816.

1817

Могилевский А. Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов. — Харьков, 1817. — 2, IV, 270; 2-е изд. — 1824. — 2, IV, 2, 263 с.

Талызин М.Н. Начальные основания риторики и поэзии, с предварительным объяснением логических правил, собранные для первого кадетского корпуса. — СПб., 1818.

1820

Греч Н.И. Учебная книга русской словесности, или избранные места из разных сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы. — СПб., 1819—1822. Ч. I. 1819. — 400 с.; Ч. II. 1820. — 442 с.; Ч. III. 1820. — 336 с.; Ч. IV. 1822. — 272 с.

1821

Городчанинов Г. Рассуждение о превосходстве библейского и св. отцов красноречия над витийством языческих писателей // Казанский вестник, 1821. — Кн. 1. — С. 45—69.

Собрание образцов русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданные Обществом любителей российской словесности... содержащее историю словесности вообще и каждого рода красноречия и поэзии в особенности. — СПб., 1821.

1824

(Василевский Д.Е.) Речь о том, что нужно негоцианту для приобретения искусства вести переговоры и совещаться о делах государственных. — М., 1824.

Томас А.Х. Опыт о похвальных словах, или история их словесности и красноречия / Пер. с фр. Д. Воронов. — СПб., 1824. — Ч. 1 — 336 с.; Ч. 2 — 319 с.

1825

Мещерский А.В. Рассуждение о духе, характере и силах древних стихотворцев, ораторов и историков или о главных отличительных чертах греческого и римского красноречия, о средствах и способах, которыми оно воспитывало, созревало и действовало. — М., Унив. тип., 1825. — 72 с.

Толмачев Я.В. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного. — СПб., в типогр. мед. департамента мин. внутр. дел, 1825. — Ч. 1. Общие начала словесности. — 170 с.; Ч. 2. Военное красноречие. — 120 с. — Непрономерованное прибавление 24 л.; Ч. 3, содержащая примеры в разных родах оного. — 162 с.

Фукс Е.Б. О военном красноречии. — СПб., 1825.

1826

Лонгин Д.К. О высоком, или величественном / Пер. с греч. И. Мартынов. — СПб., 1826. — 295 с.

1828

Эрнести И.А. Начала риторики, на российский переложенное проф. С. Ивашковским. — М., Унив. тип., 1828. — XVI, 222 с.

1829

- Глинка С.Н.* О библейском и духовном красноречии по отношению нашей нравственности и словесности. — М., 1829. — Ч. 1. — 147 с.; Ч. 2. — (8), 180 с.
- Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. — СПб., 1829; 2-е изд. — 1830, испр. и доп., 3-е изд. — 1834, стереотип., как и все последующие. — 131 с.; 4-е изд. — 1836. — 130 с.; 5-е изд. — 1838. — 130 с.; 6-е изд. — 1839; 7-е изд. — 1840; 8-е изд. — 1842; 9-е изд. — 1844. — 106 с.; 10-е изд. — 1849. — 120 с.

1830

- Галич А.И.* Теория красноречия для всех видов прозаических сочинений. — СПб., 1830.
- Некоторые упражнения в пользу обучающихся словесности. — СПб., 1830.
- Плаксин В.Т.* Замечания на книгу Общая Риторика Н.Ф. Кошанского // Сын Отечества, 1830. — Т. СXXXI. — С. 359—371; Т. СXXXII. — С. 47—55, 104—124.

1831

- Опыт литературного словаря. — М., 1831. (Книга издана под инициалами Д.М., автор неизвестен.)
- Победоносцев П.* О существенных обязанностях витии и о способах к приобретению успеха в красноречии // Речь и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 3 июня 1831 г. М., 1831. — С. 3—36.

1832

- Вопросы по российской словесности. — М., 1832.
- Давыдов И.И.* Система российской словесности. — М., 1832.
- Кошанский Н.Ф.* Частная риторика. — СПб., 1832; 2-е изд. — 1835; 3-е изд. — 1836; 4-е изд. — 1837; 5-е изд. — 1840; 6-е изд. — 1845; 7-е изд. — 1849. — 151, XI с.
- Медведев А.* Программа общей риторики. — СПб., 1832.
- Опыт теории словесных наук, почерпнутый из лучших ее источников. — СПб., тип. Байковой, 1832. — 167 с.
- Плаксин В.Т.* Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям. — СПб., тип. Х. Гинце, 1832. — (4), VIII, (2), 197 с.; 2-е изд., испр. — СПб., бр. М. и М. Заикины, 1835. — VIII, 143.
- Тимаев М.М.* Начертание курса изящной словесности для употребления в высших классах Общества благородных девиц и училища ордена св. Екатерины. — СПб., 1832.

1834

- Глаголев А.Д.* Умозрительные и опытные основания словесности в 4-х частях. — СПб., 1834; 2-е изд. — 1845. (Ч. 1. — Общая, философская

грамматика; ч. 2. Система русского языка; ч. 3. Теория словесности, выводимая из психологии; ч. 4. План истории русской литературы — 96 с.)

Якимов В.А. Слово о красноречии. — (Б. м.), 1834.

1835

Георгиевский П.Е. Руководство к изучению русской словесности, содержащей языкоучение, общую риторiku и теорию слога прозаических и стихотворных сочинений. — СПб., 1835.

Давыдов И.И. О совещательных речах древних // Ученые записки императорского Московского университета. — 1835. — Ч. 9. — С. 433—451.

1836

Зиновьев А.З. Основания риторики по новой и простой системе Ауэрбаха. — М., 1836. Ч. 1. — II, XII, 54 с.; Ч. 2. Основы пиитики. — 82, II с.

Георгиевский П.Е. Руководство к изучению русской словесности, содержащее общие понятия об изящных искусствах, теорию красноречия и пиитику и краткую историю литературы. — СПб., 1836. — Ч. 1—4.

1837

Давыдов И.И. Чтения о словесности. — 1838; 2-е изд. — 1843. Курс 1-й. Введение. Язык. Речь. Слог. — М., 1837. 2-е изд., испр. 2, XXX, 259 с.; — Курс 2-й. Ораторская речь. Философские сочинения. Исторические сочинения. — М., 1838. — 2, IV, 327 с.; Курс 3. Поэзия лирическая. Поэзия эпическая. — М., 1839. — 2, III, 2, 352 с.; Курс 4. Поэзия драматическая. — М., 1843. — 2, III, 292 с.

[*Евсевий (Ильинский А.А.)*] Лекции по классу церковного красноречия, читанные бакалавром С.-Петербургской Духовной академии иеромонахом Евсевием. — СПб., 1837.

1838

Шевырев С.П. Общее обозрение развития русской словесности. — М., 1838. — 47 с.

Якимов В.А. О красноречии в России до Ломоносова. — Харьков. — 1838. — 221 с.

1839

Розберг М.П. О развитии изящного в искусствах и особенно словесности. — Дерпт, 1839. — 65 с.

1842

Чистяков М. Практическое руководство к постепенному упражнению в сочинении. — СПб., 1842; 2-е изд. — 1847.

1843

- Донской А.А.* Руководство к изучению русской словесности, приспособленное к прозаическим сочинениям. — М., 1843. — IV, VI, 239 с.
- Плаксин В.Т.* Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей, краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. — Кн. 1-я. — СПб., М.Д. Ольхин, 1843. — X, 312 с.; Кн. 2, 1844. — (4), 357 с.

1844

- Готтес А.О.* Основание всеобщей словесности и происхождение русского языка. — СПб., 1844. — 199 с.
- Студницкий А.* Общие понятия о словесности и теории прозы. — М., 1844.
- Теория словесности: Тетрадь первая. — М., 1844.

1845

- Тванев И.* Практическое изложение необходимых познаний из первоначальных наук: грамматики, реторики и пиитики. — СПб., 1845.

1846

- Амфитеатров Я.К.* Чтения о церковной словесности, или гомилетика. — Киев, 1846. Ч. 1. — XV, 276, XLVIII, (11) с.; Ч. 2. — 302, XXXVI, XVI с.
- Горегляд-Виланский К.* О даре слова или словоизъяснительность. — СПб., 1846.
- Киров Н.П.* Замечания на словесные науки. — М., 1846. — 59 с.
- Зеленецкий К.П.* Исследование о реторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. — Одесса, 1846. — 137 с.

1847

- Лебедев П.* Несколько слов о военном красноречии. — СПб., 1847.
- Чистяков М.* Курс теории словесности. — СПб., 1847.

1848

- Зеленецкий К.П.* Теория поэзии. — Одесса, 1848. — 34 с.
- Зеленецкий К.П.* Об особенностях языка русского и об отношении его к языкам западно-европейским // Годишный акт в Ришельевском лицее 21 июня 1848 года. — Одесса, 1848. — С. 31—46.

1849

- Зеленецкий К.П.* Лекции о главнейших этапах в истории поэзии по Вахлеру, Шевыреву, Вольфу, Ав. Шлегелю, Низару, Сизмонде, Женгене, Сен-Беву и другим. — Одесса, 1849. — 252 с.

- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся: I. Общая риторика. — Одесса, 1849. — 132 с.
- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся: II. Частная риторика. — Одесса, 1849. — 173 с.
- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся: III. Пиитика. — Одесса, 1849. — 190 с.
- Зеленецкий К.П.* История русской литературы для учащихся. — Одесса, 1849.
- Охотин А.А.* Учебник русской словесности. Ч. 1—2. — СПб., тип. воен. учеб. заведений. Ч. 1. Теория для средних учебных заведений. (С примерами из лучших отечественных авторов.) 1849. — [2] VIII, 228 с.; Ч. 2. История. Для кондукторских классов 1-го Штурманского полу-экипажа. — Кронштадт; СПб., X, 225 с.

1850

- Метлинский А.* Взгляд на историческое развитие теории прозы и поэзии. — Харьков. 1850. — 79 с.
- [*Зеленецкий К.П.*, *Кошанский Н.Ф.*] Теория словесности. Курс гимназический (издание анонимное). Составитель-редактор И.И. Давыдов. — СПб., 1851—1860 гг., издания 1—5 стереотипные. Год 1-й. Риторика. Авт. К.П. Зеленецкий (главы I—III, V, IX, XII, приложение), Н.Ф. Кошанский (главы IV, VI—VIII, X, XI), образцы слогов подобраны И.И. Давыдовым. Год 2-й. Теория прозы. Авт. К.П. Зеленецкий. Год 3-й. Пиитика. Авт. К.П. Зеленецкий. История словесности. Авт. К.П. Зеленецкий.

1856

- Фойгт К.К.* Мысли об истинном значении и содержании риторики. — СПб., 1856. — 58 с. (отд. изд.). Также: ЖМНП, 1856, март. — С. 241—298.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

А

абие — тут же, одновременно

аггел — ангел

аз — я

аще — если

Б

безсредственно — без посредника

белец — человек, живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество

благоключимый — подходящий, годный

бо — ибо, поскольку

В

велелепный — очень красивый

велеречие — многословие

велми — весьма, очень

вервь — веревка

вертоград — плодовый сад, виноградник

весть — 3 л. ед. ч. от *ведати* — знать

вещество — содержание, предмет

вина — причина

внеиду — снаружи, за пределами

во еже — чтобы

вознепщевати — придумать, предположить

воследование — обязанность (ритора), то, чему должно следовать

восто — стократно
вотще — напрасно
выя (вия) — шея
выображение — фигура речи
вящий — от великий, большой, наибольший по силе,
величине, власти

Г

глагол — речь
глаголати — говорить
гласомерное слово — произношение
глум — шумное веселье, забава
грълист — громогласный
грътань — гортань, голос

Д

деяти — делать
детелный — практический, плотский
дикол — двойной колон
дондеже — до тех пор, пока
достизающий — достигающий

Е

егда — когда
еже — которое
елижды — сколько
емше — взявши
естество — природа
естьли — если

Ж

живот — жизнь
за еже — чтобы
задание — силлогизм, доказательство
заматорелый — закоснелый, состарившийся
зане — поскольку
звецати — звенеть
зело — очень
знаменовати — означать
зрителный — умозрительный, теоретический

И

иде — где
иже — который
изволити — выражать волю, намерение
изявити — показать
има́м — имею
имение — имущество
ираклейстеи — гераклов
ирои — герои
ироический — героический
искушение — пример, проба
исполнятися — совершаться
источати — вытекать
истоцание — оскудение
истязание — требование, обязанность
истязатися — спорить, рассуждать

К

ко еже — чтобы
коемуждо — каждому
колон — часть фразы или стиха
конец — цель
крамотикия — грамматика

Л

лепота — красота
леть — подобает, должно быть; возможно
ловственный — служащий для уловления

М

мудрорачителие — любители, приверженцы, поклонники мудрости

Н

наказати — наставлять, научать
начертание — фигура речи
неблазнено — прочно, надежно
негли — может быть
неиздреченный — невыразимый
некако — кажется, видится, должно быть, по-видимому

немизающий — немигающий
непщевати — думать, полагать
ниже... ниже... — ни... ни...

О

обаче — однако, но
обдержати — содержать, включать в родовое понятие
облишний — напрасный
образец — 1) вид; 2) способ; 3) фигура речи
обстоимь — окружен
обстояние — обстоятельство, окружение
ов, овый — этот, тот
ознаменованье — определение, значение
окружение — обстоятельство
описание — определение, дефиниция
оратай — пахарь, землепашец

П

паки — опять
паче — больше
персь — грудь
писмя — буква
пияху — пили
плотный — плотский
подвизати — приобщать, побуждать
подвизаемый — движимый, побуждаемый
подлежащее — субъект
подлог — 1) расположение; 2) подлежащее
показующий — хвалебный, торжественный (род речи)
ползовати — приносить пользу, обучать
понеже — поскольку
понудиться — постараться
портище — платье
последование — подражание, имитация
постановление — статус
потщатися — постараться, поусердствовать
поущати — убеждать, настраивать
поятельный — взятый
предательство — ходатайство, заступничество
прещение — запрещение

прободати — пронзить
произволяти — соизволить, дать согласие

Р

разлучати — разделять
размножение — распространение речи, амплификация
разрешати язык — дать безгласному речь
ректи — сказать
речение — слово
речиточник — источник речи, источающий речь
рещи — сказать
род дела — 1) род речи; 2) стиль речи
рыстание — бег, движение

С

свойствовати — делать своим
сей, сие, сия, сии — этот, это, эта, эти
сииречь — то есть
скуделный — глиняный, или взятый от земли; непрочный, слабый, хрупкий; тленный, бренный, преходящий
славий — соловей
слагание — слог, стиль, сочинение
способство — способность
стръи, строп — устройство, правила
суд — суждение, рассуждение
схимата — фигура речи
сый — являющийся, будучи кем-либо

Т

тать — вор
тоезде — то же самое
токмо — только
точию — только
трикол — тройной колон
трость — перо
тыя — те

У

убо — ибо

уведети — познать, узнать
уд (удица) — член, часть тела
углие — улей
укрепление — доказательство
улучати — воспринимать
урядство — порядок
утверждение — доказательство

Х

хитрость — искусство, наука, мудрость
хрисостом (*греч.*) — златоуст
художество — искусство, наука, мудрость

Ч

червленица — красильное растение
чин — порядок

Ю

ю — ее
юже — которую

Я

яве — ясно
яже — то, что; которая, которые
язык — народ
яко — как, что

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии наук
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Учебное издание

Владимир Иванович Аннушкин
ИСТОРИЯ РУССКОЙ РИТОРИКИ

Хрестоматия

Учебное пособие

Подписано в печать 30.06.2016.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ОО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru